Р. МАКДОНАЛЬД

5

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

РОСС МАКДОНАЛЬД

ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ

ДЕТЕКТИВЫ

РОСС МАКДОНАЛЬД

ТОМ 5

Баку
Концерн «Олимп»
1993

ББК 84.7

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРОВ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят полки вашей библиотеки.

М $\frac{4703040100-138}{93}$ без объявл.

ISBN 5-87860-004-8

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

ПОЛОСАТЫЙ КАТАФАЛК

Глава 1

Когда, напившись кофе, я возвращался к себе, оказалось, что у дверей меня ждут. В темном коридоре второго этажа я часто наталкивался на девиц, надеющихся, что им улыбнется удача в агентстве по найму манекенщиц, расположенном рядом с моей конторой. Но эта женщина не имела с ними ничего общего. Ее манера держаться плохо сочеталась с ее гримом, и она была примерно моей ровесницей. Когда вы стареете, ваши женщины, если вы понимаете толк в жизни, тоже стареют. К сожалению, большинство из них — мужние жены.

— Я миссис Блекуэлл,— представилась она.— А вы, наверное, мистер Арчер?

Пришлось признаться, что это так.

— Примерно через полчаса у вас должен быть мой муж.— Она взглянула на ручные часы, засверкавшие крошечными бриллиантиками.— Точнее, через тридцать пять минут. Я вас уже давно жду.

— Извините, но я не знал, что меня ожидает такая приятная встреча. На сегодняшнее утро у меня запланирован только полковник Блекуэлл.

— Отлично. Значит, мы сможем поговорить.

Она не пыталась очаровать меня. Она просто была очаровательна. Я отпер входную дверь, провел ее через приемную в свой офис и подал ей стул.

Она села прямо, зажав под мышкой кожаную сумочку, стараясь занимать на стуле как можно меньше места. Ее взгляд заскользил по фотографиям уголовников на стенах — лица, что являются обычно в кошмарных снах. Снимки, похоже, сразу вернули ее на нашу грешную землю,

напомнив, что это за контора, кто ее хозяин и чем он зарабатывает на жизнь.

Мне понравилось ее лицо. Темные глаза, умные и способные на сочувствие. В уголках рта печаль. Лицо это уже было знакомо со страданием и, кажется, отражало страдание вновь.

— Оставь надежду всяк сюда входящий,— сказал я наугад.

Она слегка покраснела.

— Вы наблюдательны — или всем это говорите?

— Мне приходилось пользоваться этой формулой.

— Не без помощи Данте.— Она помолчала, потом снова заговорила, уже с другими интонациями: — Придя к вам, я поставила себя в странное положение. Не подумайте, что у нас с мужем плохие отношения. В общем, у нас все в порядке. Но то, что он задумал, может привести к непредсказуемым последствиям.

— По телефону он был предельно краток. Речь не идет о разводе?

— Слава Богу, нет. В этом смысле все нормально.— Протест получился подозрительно категоричным. Меня очень беспокоит дочь моего мужа. Беспокоит нас обоих...

— Вы имеете в виду вашу падчерицу?

— Да, хотя мне не нравится это слово. Я пыталась быть лучше и добрее, чем мачеха из сказки. Но Гарриет в моей жизни появилась слишком поздно. Она лишилась матери еще ребенком.

— Ее мать умерла?

— Нет, Полина вполне жива. Но она развелась с Марком давным-давно, когда Гарриет было всего двенадцать. Развод родителей — тяжкое испытание для девочки, особенно в период созревания. Я мало чем могла помочь Гарриет. Она уже взрослая женщина и, естественно, относится ко мне настороженно.

— Почему «естественно»?

— Потому что ее отец женился второй раз. Она была очень близка с отцом. Пока мы с Марком не поженились, у меня с ней были куда более теплые отношения.— Она замялась и решила перенести внимание со своей особы на меня.— У вас есть дети, мистер Арчер?

— Нет.

— Вы были когда-нибудь женаты?

— Да, но не вижу тут никакой связи... Вы ведь пришли сюда не для того, чтобы обсуждать мою частную жизнь.

Вы, впрочем, так и не объяснили, зачем пришли, а ведь с минуты на минуту может появиться ваш муж.

Она взглянула на часы и встала, как мне показалось, совершенно неосознанно, словно ее подняло то напряжение, в котором она пребывала.

Я предложил ей сигарету и, когда она отказалась, закурил сам.

— У меня такое впечатление, что вы его побаиваетесь.

— Вы абсолютно не правы,— уверенно возразила она, но после этого замолчала, словно решимость оставила ее.— Я боюсь его подвести. Марк должен рассчитывать на мою поддержку. Я не хочу ничего делать за его спиной.

— И все-таки вы пришли ко мне.

— Пришла.— Она снова опустилась на стул.

— Что возвращает нас к вопросу: зачем?

— Буду с вами откровенна, мистер Арчер. Мне не нравится план кампании, разработанный Марком.— Она постаралась вложить в слова побольше иронии.— Я прямо сказала ему об этом. Я работала в сфере социального обеспечения и знаю, каково живется молодым женщинам в современном мире. Я считаю, что лучше полагаться на естественный ход событий. Если Гарриет влюблена — пусть выходит за этого человека замуж. Но Марк не в силах этого понять. Он решительно настроен и готов на самые крутые меры.

— Я и есть «крутые меры»?

— По крайней мере, это один из вариантов. В запасе есть еще пистолет и хлыст. Впрочем,— поспешила добавить она,— я не склонна относиться ко всему, что он говорит, серьезно.

— Когда речь заходит о пистолете, я привык относиться к этому всерьез. Чем же я могу вам помочь?

Ее взгляд снова скользнул по фотографиям на стене. Убийцы, растратчики, двоеженцы, мошенники смотрели на нее без тени смущения. Она положила сумочку на колени.

— Я вряд ли могу просить вас отказать ему. Это ни к чему не приведет. Он просто обратится к другому частному детективу и напустит его на Гарриет и ее друга. Я всего лишь хотела... немного подготовить вас. Потому что мнение Марка, вероятно, будет весьма предвзятым.

— Пока я не услышал от вас ничего, кроме намеков.

— Попробую исправиться,— сказала она с натянутой улыбкой.— Месяц с лишним назад Гарриет поехала в Мексику. Сказала, что собирается навестить свою мать — Полина живет на озере Чапала — и немного порисовать.

Но вообще-то с матерью у нее натянутые отношения, да и художница из нее так себе. Насколько я понимаю, она поехала туда, чтобы найти себе мужчину. Кого угодно. Если это покажется вам циничным, добавлю, что я в подобных обстоятельствах поступила бы точно так же.

— В каких обстоятельствах?

— Я имею в виду второй брак ее отца. Совершенно ясно, что Гарриет трудно живется с нами. К счастью для нее и для всех нас, ее мексиканская экспедиция оказалась удачной. Она нашла мужчину и привезла его домой в целости и сохранности.

— У ее добычи есть имя?

— Его зовут Берк Дэмис. Молодой художник. С точки зрения положения в обществе, он ничего собой не представляет. К сожалению, мой муж очень об этом печется. Но он недурен собой. У него нет денег — еще один повод для неудовольствия Марка. Зато у него есть талант — в отличие от Гарриет, о чем она прекрасно знает. Но у нее будут деньги — хватит с лихвой на двоих. С его талантом и внешностью и с ее деньгами и преданностью они имеют все шансы на счастливый брак.

— Говорите, у нее будут деньги?

— И немалые. Одна из ее теток оставила ей неплохое состояние. Когда Гарриет исполнится двадцать пять лет, она получит наследство.

— Сколько ей сейчас?

— Двадцать четыре. Достаточно, чтобы знать, чего она хочет, жить своей жизнью и не терпеть деспотию Марка.

— Деспотия — серьезное слово,— заметил я.

— Простите, обмолвилась. Я не хочу чернить мужа за его спиной. Он достойнейший человек, но, как и многие мужчины, порой проявляет эмоциональную глухоту. Он не впервые пытается поломать роман Гарриет. Раньше ему это удавалось. Если он и сейчас в этом преуспеет, мы получим очень и очень несчастную дочь...

— Вы действительно так беспокоитесь из-за Гарриет?

— Я беспокоюсь из-за всех нас. Плохо, если она так и будет прозябать в тени отца, а я молча смотреть на это. Я не из тех, кто будет сидеть и помалкивать. Если так будет продолжаться, жди беды. Гарриет очень ранима, а Марк обожает командовать.

Словно в подтверждение этих слов в приемной загремел мужской голос:

— Изобел, это ты?

Она дернулась, словно от удара молнии, и как-то съежилась.

— Отсюда нет другого выхода? — прошептала она.

— К сожалению, нет. Спровадить его?

— Лучше не надо. Это приведет к новым осложнениям.

Ее муж стоял у самой двери за матовым стеклом угадывались очертания его фигуры.

— Изобел! Я сразу понял, что ты здесь, когда увидел твою машину!

Она промолчала. Подойдя к окну, она глянула сквозь полоски жалюзи на бульвар Сансет. В полосатом освещении она показалась хрупкой и беззащитной, вызвав во мне желание как-то ей помочь. Слегка приоткрыв дверь, я протиснулся в приемную, притворив за собой дверь.

Полковника я видел впервые. До этого мы только однажды, накануне, поговорили по телефону. Загорелое лицо лишь подчеркивало преждевременность седины. Потом я узнал из справочника, что он служил в армии, но сразу после войны вышел в отставку, никак себя не проявив.

Крупный мужчина, с возрастом он стал явно сдавать. Держался он прямо, но тело утратило былую упругость. Шетландский свитер обвис на плечах, воротничок рубашки казался великоват для жилистой шеи.

На лице выделялись брови, придававшие ему сходство с императором раннего перисда римской истории. Черные на фоне седой шевелюры, они срослись в дугу, окаймлявшую лоб словно стальная скоба. Тем более неожиданными казались робкие глаза. Он попытался скрыть смущение под громкими интонациями.

— Я хочу знать, что тут происходит. Моя жена у вас, не так ли?

Я удивленно уставился на него.

— Ваша жена? Мы разве знакомы?

— Я полковник Блекуэлл. Мы с вами вчера говорили по телефону.

— Ясно. У вас случайно нет при себе какого-нибудь удостоверения?

— Мне не нужны документы, удостоверяющие личность. Я сам себя удостоверяю.

Он говорил так, словно в него вселился дух старшего сержанта. Его коричневое лицо сначала побагровело, затем полиловело. Я спросил багрового Блекуэлла:

— Вы действительно полковник Блекуэлл? По тому как

вы сюда ворвались, можно подумать, что вы псих. У нас часто здесь бывают психи.

В приемную из коридора заглянула женщина с розовыми волосами, теребящая в руках нитку искусственного жемчуга. Это была мисс Дитмар из агентства, ведающего манекенщицами.

— У вас все в порядке?

— Ситуация под контролем,— успокоил я ее.— Просто мы устроили состязание, кто кого перекричит. Этот джентльмен победил.

Полковник Блекуэлл не мог вынести, чтобы о нем так говорили в его присутствии. Он повернулся ко мне спиной и уставился в стену. Мисс Дитмар понимающе махнула рукой, мотнула розовой гривой и удалилась, оставив в кабинете облачко парфюмерного смога.

Дверь внутреннего кабинета отворилась. Миссис Блекуэлл явно пришла в себя, что, собственно, и требовалось.

— Это был мираж? — спросила она.

— Не мираж, а мисс Дитмар. Ее контора рядом. Явилась на шум. Она очень боится, чтобы меня не обидели.

— Я хочу извиниться за нас обоих,— сказала миссис Блекуэлл, выразительно посмотрев на мужа.— Я не должна была сюда приходить. Я поставила вас в сложное положение.

— Я часто оказываюсь в сложных положениях. Мне это даже нравится.

— Вы очень любезны.

Блекуэлл обернулся так, словно его вращало специальное устройство, и мы увидели новое лицо. Его перестал искажать гнев, оно приняло нормальное выражение. Лишь в глазах была горькая обида, словно его жена только что заявила, что разводится с ним и выходит за меня. Обиду он скрывал под широкой и смущенной улыбкой.

— Может, начнем все сначала, без повышенных интонаций?

— Меня это вполне устраивает, полковник.

— Вот и отлично.

Услышав от меня обращение «полковник», он и вовсе успокоился. Он коротко повел рукой в знак того, что вполне владеет собой. Он окинул мою комнату таким взглядом, словно подумывал, не сделать ли в ней ремонт. Затем, посмотрев примерно так же и на меня самого, сказал:

— Я сейчас вернусь. Только провожу до машины миссис Блекуэлл.

— Это вовсе ни к чему, Марк. Я сама...

— Я провожу!

Он выставил локоть, она взяла его под руку, и они покинули мою контору. Хотя он говорил громко и был выше ее, у меня сложилось впечатление, что она помогала ему идти.

Сквозь жалюзи я наблюдал, как они вышли на улицу и зашагали по тротуару чинно, как на похоронах.

Мне понравилась Изобел Блекуэлл. И мне очень не хотелось, чтобы ее муж вернулся.

Глава 2

Но он все-таки вернулся. Он выглядел так, словно ему удалось избавиться от ноши, но от какой именно, я не мог понять. Я пожал его руку, протянутую через стол, продолжая испытывать к нему неприязнь.

Как ни странно для человека его рода деятельности и темперамента, он это почувствовал и попытался косвенно объясниться:

— Вы не представляете, в каком я живу напряжении. Мои женщины общими усилиями...— Он замолчал и счел за благо не развивать мысль.

— Миссис Блекуэлл кое-что разъяснила мне насчет постоянного напряжения.

— В самом деле? Она пришла сюда из лучших побуждений. Но, черт побери, женщины в таких ситуациях теряют голову!

— Насколько я понял, вы не сходитесь в оценке вашего без пяти минут зятя?

— Берк Дэмис не является моим будущим зятем. Я не допущу этот брак!

— Почему?

Он замолчал, шевеля языком так, словно нащупывал какие-то посторонние предметы во рту.

— Моя жена придерживается традиционного заблуждения, что все браки совершаются на небесах. Похоже, она заразила этим и вас.

— Я задал ей конкретный вопрос, касающийся этого брака. Может, вы присядете, полковник?

Он уселся на тот самый стул, где раньше сидела его жена.

— Этот тип — охотник за приданым, а то и похуже.

По-моему, он из тех прохвостов, что делают карьеру, женясь на дурочках.

— У вас есть доказательства?

— Доказательства в его физиономии, его манерах, в том, как он обращается с моей дочерью. Он не сумеет дать ей ничего хорошего. И это еще мягко сказано.

В его голосе звучала обеспокоенность, недавняя самоуверенность исчезла. Это уже был не манекен, за который я его вначале принял. По крайней мере, это был оживший манекен.

— Что же вам не нравится в их отношениях?

Он пододвинул стул вперед.

— Они напоминают улицу с односторонним движением. Гарриет дает все: деньги, любовь, привлекательную наружность. Дэмис — ровным счетом ничего. Он и сам «ничего», человек ниоткуда, инопланетянин. Он считает себя большим художником, но я кое-что смыслю в живописи и не позвал бы его даже покрасить сарай. О нем никто никогда не слышал — я наводил справки.

— Насколько подробные?

— Я обратился к одному человеку из картинной галереи. Он специалист по современной американской живописи. Имя Берка Дэмиса ему ничего не сказало.

— Но в наши дни кинешь палку — попадешь в современного американского художника...

— Да, причем большинство из них мошенники и самозванцы. Берк Дэмис один из них. Уверен, что это ненастоящее его имя. Он им прикрывается.

— Почему вы в этом уверены?

— Потому что он не дает повод заподозрить обратное. Я пытался разузнать его биографию. Ответы получил очень невнятные. Когда я спросил его, откуда он, то услышал — из Гвадалахары. Но Дэмис не мексиканец и сам сказал, что родился в Штатах. Он и словом не обмолвился ни кто его отец, ни как он зарабатывал на жизнь, ни есть ли у него какие-то родственники. Когда я стал проявлять настойчивость, Дэмис сказал, что он сирота.

— Может, так оно и есть? Для бедного юноши перекрестный допрос может оказаться тяжким испытанием.

— Он не бедный юноша и раним не более, чем боров.

— Значит, я попал пальцем в небо.

Полковник, откинулся на спинку стула, не улыбнувшись, и провел рукой по волосам. Сделал он это осторожно, не нарушая аккуратного пробора в тщательно причесанных волосах.

— Вы не пытаетесь скрыть своего отрицательного отношения к моей точке зрения. Уверяю вас, напрасно! Не знаю, что успела наговорить вам моя жена и насколько это соответствует действительности, но факт остается фактом — моя горячо любимая дочь совершенно не разбирается в мужчинах.

— Миссис Блекуэлл упомянула,— сказал я,— что похожие ситуации бывали и прежде.

— Да, и не раз. Гарриет очень хочется замуж. К несчастью, у нее удивительный талант выбирать не того человека. Поймите меня правильно, я не против ее замужества. Я очень хочу, чтобы моя дочь вышла замуж — в подходящий момент, за хорошего человека. Но самая мысль о том, что она возьмет и выскочит замуж за этого...

— Как давно она знает Дэмиса?

— Меньше месяца. Она познакомилась с ним в Ахихике, на озере Чапала. Я и сам бывал в Мексике, знаю, на кого там можно напороться, если не проявлять осторожность. Мексика не самая подходящая страна для одинокой молодой женщины. Теперь я понимаю, что не должен был допускать этой поездки.

— Вы могли ей воспрепятствовать?

Его взор затуманился.

— Беда в том, что даже не попытался. У Гарриет была трудная зима, и я видел, что ей нужна перемена. Мне показалось, что она решила пожить у матери, моей бывшей жены, проживающей в Ахихике. Я оказался слишком наивным — разве можно полагаться на Полину. Я предполагал, что она окружит Гарриет заботой. Но она бросила ее на произвол судьбы одну в незнакомом месте.

— Простите мою тупость, но у меня складывается впечатление, что ваша дочь не может отвечать за свои поступки. Она что, умственно отсталая?

— Боже упаси! Гарриет нормальная девушка с неплохо развитым интеллектом. Я сам занимался ее образованием,— добавил он в качестве пояснения.— После того как Полина бросила нас, я стал для Гарриет отцом и матерью одновременно. Она все поставила на эту карту, и мне горько говорить: нет. Но их брак не продержится и полугода. Точнее, именно полгода он и продержится, ровно столько, сколько потребуется ее муженьку, чтобы прикарманить ее деньги.— Блекуэлл уронил голову, щекой опершись о кулак, отчего один глаз его полузакрылся.— Моя жена успела сообщить вам, что тут замешаны деньги?

— Она не уточняла сумму.

— Моя покойная сестра Ада оставила Гарриет полмиллиона. Когда Гарриет исполнится двадцать пять, деньги поступят в ее полное распоряжение. Примерно столько же она получит, когда... когда не станет и меня.

Мысль о собственной смерти опечалила полковника. Но печаль быстро уступила место гневу. Он вдруг подался вперед и так стукнул кулаком по столу, что чернильный прибор подскочил.— И эти деньги не достанутся проходимцу!

— Вы уверены, что Берк Дэмис проходимец?

— Я знаю жизнь, мистер Арчер.

— Расскажите мне о других мужчинах, за которых Гарриет собиралась замуж. Это поможет обнаружить в ее поведении последовательность. А также последовательность в отношении к этому ее отца.

— Мне это больно вспоминать. Но раз вы настаиваете... Одному было за сорок, в прошлом две неудачные женитьбы и куча детей. Затем появился тип, именовавший себя исполнителем народных песен. Бородатое ничтожество. Третий — декоратор из Беверли-Хиллз. Редкий слюнтяй. Всех интересовали только ее деньги. Когда я сообщал им, что мне понятны их мотивы, они вежливо раскланивались и исчезли навсегда.

— А что Гарриет?

— Она понимала меня. Теперь она относится к этим людям так, как я с самого начала. Главное, удержать ее сейчас от необдуманных действий. Потом она раскусит и Берка Дэмиса.

— У вас рентгеновский луч, а не глаз.

Он злобно посмотрел на меня из-под черных бровей:

— Мне не нравится эта реплика. Вы не только оскорбляете меня, но и проявляете равнодушие к моим проблемам. Моя жена неплохо поработала...

— Ваша жена очаровательна и умна.

— Возможно. Иногда. Но Берк Дэмис загипнотизировал ее. Что ж, она в конце концов всего-навсего женщина. Странно, что мне вас так рекомендовали. Мне сказали, что вы лучший детектив в Лос-Анджелесе.

— Кто же сказал такое?

— Питер Колтон из окружной прокуратуры. Уверял меня, что лучше вас мне все равно никого не найти. Но я не вижу в вас темперамента ищейки.

— Зато у вас его хватает на двоих.

— Как вас прикажете понимать?

— Вы уже все решили за меня, не дав мне возможности сделать и шага. Но вы не сообщили никаких фактов.

— Собрать факты — ваша обязанность.

— Если они существуют в природе. Я не собираюсь их фабриковать или так компоновать, чтобы укрепить ваши подозрения. Я готов разобраться с Дэмисом, но игральные кости должны выпасть так, как того хочет случай.

Полковник окинул мою контору взглядом римского императора. Взгляд оторвался от зеленого ящика-картотеки, скользнул по жалюзи и, упав на фотографии преступников, осудил их без снисхождения.

— Вы можете позволить себе диктовать условия вашим клиентам?

— Есть вещи сами по себе очевидные. Но порой приходится и в них тыкать пальцем. Я ведь рискую не только лицензией, но и репутацией.

Его лицо снова стало менять оттенки. Только сначала он порозовел.

— Если во мне вы видите угрозу вашей репутации...

— Этого я не говорил. Просто я напомнил, что имею определенную репутацию, которую хотел бы сохранить.

Он пытался меня переглядеть. Он пользовался мимикой по-актерски: то грозно хмурился, то метал молнии из-под полуприкрытых век. Но он быстро устал от игры. Ему нужна была моя помощь.

— Я хочу только честного, непредвзятого расследования,— примирительно сказал он.— Если у вас возникло иное впечатление, вы меня неправильно поняли. Мне очень дорога моя дочь.

— Мне бы не помешала еще кое-какая информация о ней. Давно ли она вернулась из Мексики?

— С неделю.

— Сегодня семнадцатое июня. Значит, она вернулась десятого?

— Минуточку. Это было в понедельник. Да, она прилетела десятого в понедельник. Я встретил их в аэропорту днем.

— Дэмис был с ней?

— Увы! В этом-то и беда.

— Почему беда? Что-то произошло?

— Ничего такого не было, если не считать... споров, Гарриет заупрямилась, а Изобел взяла сторону влюбленных голубков.

— Вы говорили с Дэмисом?

— Раза два. Во-первых, в понедельник мы перекусили

в аэропорту. Дэмис не закрывал рта. Рассуждал об искусстве и подобных материях. Гарриет слушала его разинув рот. Я не был в восторге. Но по-настоящему я заподозрил неладное в субботу вечером, когда он пришел к нам обедать. Гарриет уже успела признаться, что они подумывают о женитьбе, и я улучил момент, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. Тогда-то я и услышал все эти уклончивые ответы. Только в одном вопросе он был прям. Сказал, что у него нет ни цента. В то же время он оглядывал мой дом так, словно являлся уже его полноправным хозяином. Но я сказал, что это случится только через мой труп.

— Так прямо и сказали?

— Другими словами, но суть та же,— ответил Блекуэлл.— Это случилось после обеда. Он вел себя за столом прескверно. Я сказал, что род Блекуэллов — это триста лет традиций, уходящих корнями к основанию Массачусетской колонии. Дэмису это показалось забавным. Он отпустил колкость насчет колониальных дам — к которым принадлежит, кстати, моя мать — и сказал, что все это наводит на него смертную скуку. Я сказал, что если он станет моим зятем, то ему придется сильно скучать, и он согласился.

Позже я застал этого молодца в моей спальне. Он буквально обыскивал мой гардероб. Я возмутился и спросил, что он, собственно, тут делает. В ответ услышал, что он, дескать, пытается понять, как живет другая половина человечества. Я уверил его, что ему это выяснить не удастся — ни за мой счет, ни за счет моих близких. Я попросил его покинуть мой дом, а заодно и тот, где он поселился, тоже принадлежащий мне. Но тут влетела Гарриет и заставила меня отменить... взять назад слова.

— Он живет в вашем доме?

— Временно. В первый же день Гарриет уговорила меня пойти на это. Ему, видите ли, требовалось место для работы, и я позволил ему пожить в нашем летнем доме на побережье.

— Он сейчас там?

— Наверное. Они еще не поженились, но он использует нас вовсю. Говорю вам, это мошенник!

— Если это и так, то не самого крупного калибра. Я встречал художников. Молодые непризнанные дарования охотно живут на чужой счет. Но только для того, чтобы иметь возможность творить. Большинству из них нужно очень мало: хорошее освещение и деньги на краски и еду.

— Кстати о деньгах,— перебил меня полковник.— Гар-

риет ему их дала. Позвонив вам, я посмотрел ее чековую книжку.— Он заколебался.— Вообще-то я не вмешиваюсь в чужие дела, но поскольку речь идет о защите ее...

— От кого вы хотите ее защищать?

— От беды.— Он перешел на зловещий шепот.— От ужасной беды в личной жизни. У меня есть кое-какой жизненный опыт, и я знаю, что случается, когда люди неудачно выходят замуж или женятся...

Я ждал, что он пояснит сказанное, рассказав о своем первом браке. Но этого не случилось. Он сказал:

— Молодежь не учится на ошибках взрослых. В этом их трагедия. Я твердил об этом Гарриет до посинения. Но этот тип вертит ею, как хочет. В тот вечер она сказала, что если придется выбирать между мной и Дэмисом, она предпочтет его, даже если я лишу ее наследства.

— Тема лишения наследства возникала?

— Да, я сам коснулся ее. Увы, я не распоряжаюсь суммой, оставленной ей теткой. Аде следовало сделать меня опекуном.

Мне это показалось весьма спорным. Запутавшийся в проблемах Блекуэлл мало годился на роль Всевышнего. Но чем труднее складывается жизнь у некоторых людей, тем сильней они жаждут власти. Даже самые несчастные убеждены, что обладают ею.

— Кстати о деньгах...— произнес я.

Мы обсудили мой гонорар. Полковник вручил мне двести долларов аванса, сообщив адреса его домов в Бель-Эр и Малибу. И еще я получил от него то, о чем не догадался попросить,— ключ от дома на побережье, который он снял со связки и протянул мне.

Глава 3

Дом был в маленьком поселке к северу от Малибу. Шоссе шло поверху, а внизу, под нависавшими бурыми утесами, сгрудилось полтора десятка домов, словно надеясь скопом отбить наступление океана. Утро выдалось тихое, был отлив; но небо затянуло облаками, и вид у поселка был мрачноватый.

Я свернул с шоссе налево и покатил по разбитой асфальтовой дороге, упиравшейся в тупик. У белой перекладины, отмечавшей конец пути, стояли машины, среди которых я приметил новенький зеленый «бьюик» Гарриет Блекуэлл.

От стоянки вдоль домов тянулась дощатая дорожка-настил. В узких просветах между строениями серо поблескивал океан. Наконец я отыскал нужный дом — серое сборное сооружение с остроконечной крышей — и постучал в тяжелую, повидавшую виды дверь.

В доме что-то невнятно прокричал мужчина. Я еще раз постучал и по легкому скрину доск понял, что кто-то неохотно побрел к двери.

— Кто там? — услышал я через дверь.

— Моя фамилия Арчер. Я приехал посмотреть дом.

Он открыл дверь:

— А что стряслось с домом?

— Надеюсь, ничего. Просто я хочу снять его.

— Старик небось подослал?

— Старик?

— Полковник Блекуэлл.— Он произнес фамилию так отчетливо, словно это было бранное слово, которое я непременно должен был запомнить.

— На этот счет мне ничего не известно. Дом мне порекомендовали в агенстве по продаже и аренде недвижимости в Малибу. Они не сказали, что в доме кто-то живет.

— Еще бы! Они следят за мной.

В дверном проеме стоял молодой брюнет с плоским животом и широкой грудью. Из-за спадавших прядей то ли мокрых, то ли засаленных волос лоб его казался узким. Глаза были синие, выразительные и слегка угрюмые. В его взгляде чувствовалась сдержанная сила, которую он не хотел применять. Он напоминал подростка, пытавшегося забыть о том, что он хорош собой. Впрочем, это был отнюдь не подросток. Ему было лет тридцать, и он повидал виды.

Руки его были в свежей краске. В краске было и лицо, и босые ноги. На нем были перепачканные и задубевшие от высохшей краски джинсы.

— Если честно, так он, конечно, в своем праве. Я все равно на днях съезжаю.— Он посмотрел на свои руки и пошевелил разноцветными пальцами.— Кончу работу, и поминай как звали!

— Вы красите дом?

Он взглянул на меня с легким презрением:

— Пишу картину, amigo [1].

— Ясно. Вы художник?

---

[1] Друг *(исп.)*.

— В известном смысле. Раз уж приехали, посмотрите дом. Как вас, простите, звать-то?

— Арчер. Вы очень любезны.

— Нищие не выбирают,— сообщил он не столько мне, сколько сам себе. Отойдя в сторону, он пропустил меня в большую комнату. Если не считать кухни за перегородкой слева, комната занимала весь этаж. Просторная, с высоким потолком и дубовым паркетом, недавно натертым. Мебель плетеная, с обивкой из бежевой кожи. Справа лестница вниз, устланная ковровой дорожкой, с чугунными перилами. Напротив камин из красного кирпича.

В дальнем конце комнаты, выходившем на океан, по эту сторону от раздвижной стеклянной двери, на запачканном краской брезенте — мольберт с холстом.

— Неплохой дом,— подал голос молодой человек.— Сколько они хотят с вас слупить?

— Пятьсот — за август.

Он присвистнул.

— Вы платите меньше?

— Я не плачу ни цента. Nada [1]. Я гость хозяина.— Его ухмылка незаметно перешла в гримасу боли.— С вашего разрешения, я немного поработаю. А вы не торопитесь, вы мне не мешаете.

Он двинулся через комнату с грацией хищника, выслеживающего добычу, и расположился перед мольбертом. Его небрежное радушие меня слегка сбило с толку. Я ожидал другого: криков, может, даже применения силы. Он был в напряжении, но умело это скрывал. Он смотрел на холст так, словно был готов разорвать его на куски. Быстрым движением он схватил похожую на поднос палитру, повозил кистью в пятне краски, а потом стал водить ею по холсту с такой силой, что напряглись мускулы на плече.

Через вращающиеся двери я прошел на кухню. Газовая плита, холодильник, мойка из нержавеющей стали — все невероятной чистоты. Я заглянул в кухонные шкафы. Масса консервных банок — от консервированных бобов до трюфелей. Гарриет явно увлеченно играла в домохозяйку.

Я подошел к лестнице. Человек у мольберта крикнул: «А-а!», но не мне, а холсту. Мягко ступая, я спустился вниз. Там была узкая дверь, за которой начинались ступеньки, что вели на пляж.

Внизу было две спальни, ближняя побольше, дальняя поменьше, а между ними ванная. Во второй спальне не

---

[1] Ничего *(исп.)*.

было ничего, кроме двухспальной кровати с голым матрасом и подушками без наволочек. В ванной — розовый умывальник и ванна с занавеской. На умывальнике бритвенный прибор в потертом кожаном футляре с тисненными золотом инициалами Б. К. Я расстегнул «молнию». Бритвой недавно пользовались.

В большой спальне, как и верхней комнате, были раздвижные стеклянные двери, что вели на балкон. Большая кровать с желтым покрывалом, на ней аккуратно сложена женская одежда: шерстяная клетчатая юбка, кашемировый свитер, нижнее белье. На комоде сумочка из змеиной кожи, с золотой застежкой, похоже, сделанная в Мексике. Я открыл ее, обнаружив внутри красный кожаный бумажник, а в нем несколько крупных и мелких купюр и водительские права Гарриет Блекуэлл.

Я заглянул в стенной шкаф. В нем не было женской одежды и очень мало мужской. Одиноко висел костюм из светлой шерсти с ярлыком портного Калле Хуареса из Гвадалахары. Брюки и пиджак, висевшие рядом, были куплены в обычном универмаге Лос-Анджелеса, равно как и новые туфли на полочке внизу. В самом углу стоял потертый коричневый чемодан с биркой мексиканской авиакомпании на ручке.

Чемодан был заперт. Я приподнял его. Похоже, он был пуст. За моей спиной отворилась дверь с улицы. Появилась блондинка в белом купальнике и больших темных очках. Меня она заметила, только войдя в комнату.

— Кто вы такой? — встревоженно спросила она.

Я и сам слегка заволновался. Это была крупная девица. На ней были плоские пляжные сандалии, но она была одного роста со мной. Улыбнувшись темным очкам, я повторил свою легенду и принес извинения.

— Отец никогда не сдавал этот дом.

— Значит, он изменил своим привычкам.

— Я понимаю почему.— Для такой крупной девицы голос был высокий, даже тонкий.

— Почему же?

— Вас это не касается.

Она смахнула с лица очки, открыв миру сердитый взгляд и еще кое-что. Я понял, почему отец был убежден, что ни один мужчина не способен любить ее до гробовой доски. Больно уж она была на него похожа.

Кажется, она знала об этом. Не исключено, что она постоянно об этом думала. Она провела по лицу пальцами с серебряными ноготками и стерла с него злобное выраже-

ние. Но ей не под силу было стереть уродливый костистый выступ над переносицей.

Я еще раз извинился за вторжение, а также — мысленно — за то, что она была нехороша собой, и прошел наверх. Ее жених, если это был он, мастихином накладывал на холст кобальт. Он был в испарине и полностью погружен в себя. Я остановился у него за спиной и стал смотреть. Это была одна из тех картин, про которую только автор знает, окончена она или нет. Я в жизни не видел ничего подобного, клубящаяся тучей темная масса была по краям окаймлена чем-то ярким — воплощение страха или надежды. Картина была либо гениальной, либо прескверной,— так или иначе у меня она вызывала озноб.

Автор отбросил мастихин и отступил назад, натолкнувшись на меня. Он пропах потом и краской. Обернувшись он окинул меня угрюмым сосредоточенным взглядом. Глаза, впрочем, бысто потухли.

— Извините, не заметил вас. Все посмотрели?

— В общем, да.

— Понравилось?

— Очень. Когда вы съезжаете?

— Не знаю. Это не от меня зависит.— Вместо недавней сосредоточенности во взгляде снова появилось напряжение.

— Вы хотите съехать в августе?

— Может, и раньше.

Снизу донесся голос девушки:

— Мистер Дэмис уедет до конца недели.

Он повернулся в ее сторону с насмешливой улыбкой.

— Это приказ, госпожа полковничья дочь?

— Что ты, что ты, милый! Разве я когда-нибудь приказывала? Но ты же знаешь, какие у нас планы.

— Я знаю, какие у нас были планы.

Она ринулась к нему так, как ребенок бежит к обожаемому взрослому. Ее юбка развевалась как флаг.

— Ты что, передумал?

Он опустил голову и помотал ею. Тревога перекочевала из глаз к уголкам губ.

— Прости, детка, но я с трудом принимаю решения, особенно когда работаю. Но у нас все остается в силе.

— Прекрасно. Теперь я счастлива.

— Тебя нетрудно осчастливить.

— Ты же знаешь, как я тебя люблю.

Она забыла о моем присутствии, а может, это ее не

волновало. Она попыталась его обнять. Он легонько оттолкнул ее ребрами ладоней, расставив пальцы, чтобы не запачкать ее свитер.

— Не прикасайся ко мне, я грязный.

— Я обожаю, когда ты грязный.

— Дурочка,— сказала он не особенно ласково.

— Люблю тебя, обожаю, готова съесть тебя грязным!

Она наклонилась — на каблуках она была выше, чем он,— и поцеловала его в губы. Он стоял и не сопротивлялся ее порыву, расставив руки. Он смотрел в сторону, на меня. Его глаза были широко раскрыты и печальны.

Глава 4

Когда наконец она его отпустила, он сказал:

— Вам что-то еще угодно, мистер Арчер?

— Вас зовут Арчер? — удивленно спросила Гарриет.

Я подтвердил, что это так. Она повернулась ко мне спиной, очень напомнив отца. Демис вернулся к мольберту.

Я двинулся из дома, размышляя, не свалял ли дурака, заявившись к ним собственной персоной. Через минуту я понял, что нет. Не успев дойти до машины, я услышал цокот каблучков по деревянному настилу. Меня нагнала Гарриет.

— Приехали шпионить, да?

Она схватила меня за руку и стала трясти. Ее сумочка из змеиной кожи упала на землю между нами. Я поднял ее и миролюбивым жестом протянул хозяйке. Она резко выхватила ее у меня из рук.

— Что вы хотите? Что я вам сделала?

— Ничего, мисс Блекуэлл. И я вам ничего не сделаю плохого.

— Ложь! Отец наняло вас, чтобы вы отвадили Берка. Я слышала вчера, как он говорил с вами по телефону.

— В вашем доме принято следить друг за другом?

— Я имею право защищаться, когда против меня интригуют.

— Ваш отец считает, что это он вас защищает.

— Тем, что пытается разрушить мое счастье? — В ее голосе зазвучали истерические нотки.— Отец притворяется, что любит меня, но в глубине души хочет мне зла. Он хочет, чтобы я была несчастна и одинока.

— Вы говорите необдуманно.

— Зато вы поступаете обдуманно.— Она чуть изменила

интонации.— Шляетесь по чужим домам, прикидываетесь бог знает кем...

— Неловко получилось, согласен.

— Ага, значит, вы со мной согласны!

— Мне надо было придумать что-то другое.

— Вы циник.— Она скривила губы совсем по-детски.— Как вы только сами себя терпите?

— Я пытался выполнить задание. Потерпел неудачу. Придется все начинать сначала.

— Мне вам больше нечего сказать.

— Зато у меня кое-что для вас есть. Не хотите сесть в машину и послушать?

— Говорите здесь.

— Не хочу, чтобы нам помешали.— Я оглянулся на дом.

— Можете не опасаться Берка. Я ему не сказала, кто вы. Я стараюсь не огорчать его, когда он работает.

Она говорила, как жена или без пяти минут жена. Я поделился с ней своими наблюдениями. Ей это явно понравилось.

— Я люблю его. Это не секрет. Запишите это в вашу черную книжечку и доложите отцу. Я люблю Берка и хочу выйти за него замуж.

— Когда же?

— Очень скоро.— Она укрыла свои слова завесой таинственности. Возможно, она подумывала, не разгласить ли его.— Я не скажу вам ни даты, ни места. Иначе отец вызовет национальную гвардию.

— Вы выходите замуж, потому что вам этого хочется или назло отцу?

Она непонимающе уставилась на меня. Вопрос я задал правильный, просто у нее не было готового ответа.

— Хорошо, забудем о вашем отце,— предложил я.

— Разве это возможно? Он сделает все, чтобы расстроить наши планы. Он сам мне это сказал.

— Я здесь не для того, чтобы расстроить ваш брак, мисс Блекуэлл.

— Тогда зачем же?

— Чтобы выяснить, что собой представляет ваш жених.

— Чтобы отец использовал против него добытую вами информацию?

— Вы полагаете, кое-что может быть использовано?

— Это вы полагаете!

— Нет, я сразу заявил полковнику, что не намерен

обливать никого грязью и не стану собирать факты для шантажа. Хочу, чтобы вы мне поверили.

— Думаете, я вам поверю?

— Почему бы нет? Я ведь ничего не имею против вас или вашего друга. Если вы готовы мне помочь...

— Разбежалась! — Она взглянула на меня так, словно я предложил что-то непристойное.— Вы ловкач, как я погляжу!

— Просто я пытаюсь исправить совершенные ошибки. С вашей помощью можно было бы все быстро закончить. Мне и самому не больно нравится это поручение.

— Кто заставлял вас соглашаться? Вы просто хотели заработать деньги.— В ее голосе послышалось высокомерие человека, которому никогда не приходилось ничего делать ради денег.— Сколько же платит вам отец?

— Сто долларов в день.

— Я дам вам пятьсот, ваш заработок за пять дней, если вы забудете о своем поручении и оставите нас в покое.

Она вынула красный бумажник и помахала им в воздухе.

— Это невозможно, мисс Блекуэлл. Да и вам от этого не будет выгоды. Отец наймет другого детектива. Если вы считаете, что я назойлив, советую вам познакомиться с моими коллегами.

Облокотившись на белую перекладину, она молча изучала меня. За ее спиной начинался прилив, прибой усилился, и над волнами зашныряли песчаники. Гарриет спросила невидимого собеседника, расположившегося где-то между мною и птицами:

— Остались ли еще честные люди?

— Думаю,— отозвался я,— честных больше не делают.

Ни тени улыбки. Похоже, она вообще никогда не улыбалась.

— Не знаю, что сказать. Разве вы не видите, что сложилась нелепая ситуация.

— Что тут нелепого? Разве вас не интересует биография вашего жениха?

— Все, что мне нужно, я уже знаю.

— Что именно?

— То, что он обаятелен, талантлив и много испытал. Теперь, когда он получил возможность спокойно заниматься живописью, он многого добьется. Я хочу помочь ему самоосуществиться в творческом плане.

— Где он учился живописи?

— Я не спрашивала.

— Давно вы знакомы?

— Достаточно.

— А конкретней?

— Недели три-четыре.

— Этого хватило, чтобы принять решение о замужестве?

— Я имею право выйти за того, за кого хочу. Я не ребенок, и Берк тоже.

— Насчет Берка согласен.

— Мне двадцать четыре,— запальчиво возразила она.— А в декабре исполнится двадцать пять.

— И тогда вы получите наследство?

— Отец хорошо вас информировал. Жаль только, кое о чем еще он не удосужился сообщить. Берк равнодушен к деньгам. Он их презирает. Мы поедем в Европу или в Южную Америку и будем жить скромно и просто. Он станет писать картины, а я вести хозяйство. Вот так мы будем жить.— В ее глазах появился блеск далеких звезд.— Если бы деньги помешали мне выйти за любимого человека, я бы сама от них отказалась.

— Одобрил бы вас Берк?

— Он был бы счастлив.

— Вы обсуждали с ним такой вариант?

— Мы обсуждали с ним все! Мы очень откровенны друг с другом.

Снова наступила пауза. Гарриет переминалась у перекладины так, словно я загнал ее в угол. Далекие звезды вдруг угасли. Несмотря на все сказанное, она была чем-то обеспокоена. Она жила в той самой эйфории, что может оказаться хуже любого наркотика.

— Берк не любит говорить о прошлом. Оно его тяготит.

— Потому что он сирота?

— Отчасти.

— Ему около тридцати. Мужчина перестает быть сиротой в двадцать один год. Что он делал с тех пор?

— Он всегда занимался одним и тем же — живописью.

— И в Мексике?

— И в Мексике.

— Долго он жил в Мексике?

— Не знаю. Наверное, долго.

— Зачем он туда приехал?

— Чтобы заниматься живописью.

Мы двигались по кругу. Описывали круги, внутри которых пустата. Я сказал:

— Мы беседуем уже долго, но вы не сказали пока ничего конкретного о вашем друге.

— Ну и что? Я не сую нос в чужие дела. Я не сыщик.

— Зато я сыщик. Но вы заставляете меня чувствовать себя слюнтяем.

— Наверное, потому что так оно и есть. Иначе вы плюнули бы на ваше поручение. Возвращайтесь и скажите отцу, что вас постигла неудача.

Ее слова не то чтобы задели за живое, но я счел необходимым ответить:

— Послушайте, мисс Блекуэлл. Я понимаю ваше желание освободиться от семейных оков, начать самостоятельную жизнь. Но стоит ли впадать в крайность, нестись опрометью наугад?

— Вы говорите точь-в-точь как мой отец. Мне надоело, когда меня учат, чего делать, а чего нет. Так ему и передайте.

Она волновалась все сильней. Я чувствовал, что еще немного, и разговор оборвется. Ее внутренняя растерянность словно воплотилась в ее позе: она полусидела на перекладине, нервно покачивая ногой. У нее было красивое сильное тело, не предназначенное для старой девы. Но я не мог избавиться от ощущения, что Гарриет со своим красивым телом и хорошим наследством не была предназначена и для Берка Дэмиса. Та маленькая любовная сцена, свидетелем которой я стал, действительно походила на улицу с односторонним движением. Ее лицо омрачилось. Она отвернулась.

— Почему вы так странно на меня смотрите?

— Пытаюсь понять.

— Зря стараетесь. Все и так ясно. Я очень простой человек.

— Мне тоже так показалось.

— Это оскорбление?

— Боже упаси, хотя ваш друг Берк Дэмис вовсе не прост. Но это тоже не оскорбление.

— А что же?

— Скорее предупреждение. Будь вы моей дочерью — а по возрасту это вполне возможно,— я бы очень огорчился, видя, что вы очертя голову делаете что-то лишь потому, что этого не одобряет отец.

— Не в этом дело. Все гораздо серьезнее.

— Так или иначе, вы можете угодить в омут.

Она взглянула в морские дали, где в пучине водились страшные акулы, и процитировала: «Платье повесь на

ореховый куст, но не приближайся к воде». Так, что ли? Я уже это слышала.

— Можете даже не раздеваться...

Она снова окинула меня фирменным мрачным взглядом семейства Блекуэлл.

— Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне?

— Слово не воробей... Простите.

— Вы несносны.

— Раз я несносен, то, может, вы объясните одно несоответствие. На футляре бритвенного прибора я заметил инициалы Б. К. Это не совпадает с именем Берк Дэмис.

— Я не обратила на это внимания.

— Вам не кажется это любопытным?

— Нет.— Она вдруг побледнела.— Наверное, это футляр того, кто гостил здесь раньше. Здесь бывали многие.

— Назовите кого-нибудь с инициалами Б. К.

— Билл Кемпбелл,— сказала она.

— Тогда там скорее было бы У. К.— Уильям Кемпбелл. А кто такой Билл Кемпбелл?

— Приятель отца. Не знаю, бывал он здесь или нет.

— И вообще, существует ли он в природе?

Я переусердствовал — и потерял ее. Она сползла с перекладины, оправила юбку и двинулась назад к дому. Я смотрел ей вслед. Почему-то вспомнилось — простота хуже воровства...

Глава 5

Я подъехал по разбитому асфальту к автомагистрали. Через перекресток на стене закусочной большой и полинявший плакат рекламировал «Креветки Джимбо». Я вышел из машины, и в ноздри ударил запах чего-то горелого.

Полная женщина за стойкой держалась так, словно всю жизнь прождала кого-то, только не меня. Я устроился в будочке у окна, отчасти заслоненного неработавшей неоновой рекламой пива. Женщина положила передо мной нож, вилку, бумажную салфетку и поставила стакан с водой. Других посетителей не было.

— Креветки Джимбо? — осведомилась она.

— Нет, спасибо, я выпью кофе.

— Двадцать центов, если не заказываете еды,— сухо обронила она и забрала нож, вилку и салфетку. Я сидел,

неторопливо попивая кофе и поглядывая на дорогу, ведущую от берега.

Серое небо стало потихоньку проясняться. В облаках показалось солнце, больше похожее на маленькую водянистую луну, очистился горизонт, море из серого сделалось серо-голубым. Прибой так усилился, что его было слышно даже здесь.

Со стороны поселка проехало несколько машин, но зеленого «бьюика» не было. Чтобы скоротать время, я заказал еще кофе. Добавка обошлась мне в десять центов.

Черно-белый, похожий на зебру катафалк подъехал к закусочной. Из кабины и кузова появились четверо парней и две девицы, выглядевшие на удивление похоже. Волосы, выцветшие от солнца и перекиси водорода, были длинными у ребят и короткими у девиц. Поверх купальников и плавок у них были голубые свитера. Это все напоминало форму. Лица были загорелыми и неприветливыми.

Они вошли в закусочную, уселись вокруг одного из столов, заказали шесть кружек пива и стали попивать его, закусывая большими сандвичами, которые девицы понаделали из длинных французских батонов и припасов, что они захватили с собой в бумажных пакетах. Ели они размеренно, но с большим аппетитом. Время от времени высокий, державшийся с уверенностью вожака, отпускал реплики насчет прибоя. Складывалось впечатление, что речь шла о верховном божестве их племени.

Затем, как по команде, они встали и всем взводом двинулись к катафалку. Двое ребят уселись впереди, остальные сзади, где у них лежали доски для серфинга. Одна из девиц, хорошенькая, глянула в окошко и высунула язык. Сам не знаю почему, я ответил тем же. Катафалк выехал на дорогу, ведущую в поселок.

— Береговая шпана! — фыркнула женщина за стойкой. Она говорила сама с собой. Тот, кто заказывает два кофе за час, вполне может быть отнесен к упомянутой категории. То ли выпитый кофе, то ли ожидание взвинтили мои нервы. Для успокоения я заказал пива и снова уставился в окно.

Женщина продолжала бубнить себе под нос:

— Подумаешь, раскрасили катафалк, как зебру. Ну и что с того? Неужели они думают, что к ним будут лучше относиться? Им наплевать и на живых и на мертвых. Как мне, интересно, сводить концы с концами, если все начнут приносить жратву с собой? Куда катится мир?

Из-за крутого поворота на склоне показалась машина

Гарриет. Когда «бьюик» выехал на шоссе, я заметил, что за рулем была Гарриет, а ее приятель сидел рядом. На нем был серый костюм и рубашка с галстуком, и он сильно смахивал на манекен в витрине магазина мужской одежды. Зеленый «бьюик» повернул на юг, в сторону Лос-Анджелеса.

Я поехал за ними. В Малибу им пришлось сбросить скорость, и я оказался у них на хвосте, когда они въезжали в Лос-Анджелес. Затем они свернули налево, к бульвару Сансет. Когда я собирался сделать то же самое, загорелся красный свет. Пока я ждал зеленого, «бьюик» скрылся из вида. Я пытался его нагнать, но на извилистой трассе было трудно разогнаться.

Я помнил, что Блекуэллы жили где-то на горе недалеко от Сансета. Вдруг Гарриет едет к родителям, подумал я, и свернул в роскошные ворота Бель-Эра. Но дом полковника мне отыскать самому не удалось, и пришлось заехать в отель навести справки.

Дом был виден из бара отеля. Бармен в белой куртке показал его мне — красивый особняк в испанском стиле на самой верхотуре. Вручив бармену доллар из денег полковника, я спросил его, не знает ли он, что за человек Блекуэлл.

— В общем-то нет. Он не из тех, кто любит поболтать за рюмкой.

— Как же он пьет?

— Молча.

Я снова сел в машину и поехал в гору по извилистой дороге. Перед домом за живой изгородью розовый сад. На полукруглой аллее стоял зеленый «бьюик».

Над крышей «бьюика» возвышалась седая голова полковника. Он что-то громко говорил. Мне с улицы были слышны отдельные слова, в том числе: «мерзавец и нахлебник».

Я подошел ближе и увидел, что в руках у Блекуэлла была двустволка. Берк Дэмис вылез из машины и что-то ему сказал. Что именно, я не слышал, но после этого двустволка уперлась ему в грудь. Берк Дэмис попытался ухватиться за стволы. Полковник сделал шаг назад, прижимая приклад к плечу. Дэмис сделал шаг вперед, как бы вызывая огонь на себя.

— Давайте, стреляйте. По крайней мере, тогда-то они выведут вас на чистую воду.

— Предупреждаю, что мое терпение может лопнуть.

Дэмис рассмеялся:

— Это еще только цветочки, приятель!

После этого обмена любезностями, я вылез из машины и медленно двинулся к ним. Мне хотелось сохранить крайне неустойчивое равновесие. Было очень тихо. Тишину нарушало только их тяжелое дыхание, шум гравия под моими ногами и курлыканье горлицы на телевизионной антенне.

Я поравнялся с Берком Дэмисом и Блекуэллом, но они даже не взглянули на меня. Они не касались друг друга, но на их лицах было такое выражение, словно они сошлись в смертельной схватке. Дуло двустволки взирало на происходящее, словно пустые безумные глаза маньяка.

— На крыше горлица,— миролюбиво заметил я.— Если у вас руки чешутся кого-нибудь подстрелить, почему бы не выстрелить в птицу. Или в ваших краях это запрещено законом? Я помню, что у вас есть какой-то такой закон...

Полковник повернул ко мне искаженное злобой лицо. Ружье тоже повернулось в мою сторону. Я ухватил рукой ружье и направил его в мирное небо. Затем я вынул двустволку из рук полковника и открыл затвор. В каждом стволе было по патрону. Разряжая двустволку, я сломал ноготь.

— Верните ружье,— потребовал полковник.

Я вернул ему разряженную двустволку.

— Стрельбой еще никто ничего не решил. Разве на войне вы этого не поняли?

— Этот тип нанес мне оскорбление.

— По-моему, оскорбления были взаимные.

— Но вы не слышали, что он мне сказал. Он сделал грязный намек...

— Значит, вы предпочитаете большие грязные заголовки в газетах и длинный грязный процесс в Верховном суде?

— Чем грязнее, тем лучше,— вставил Берк Дэмис.

Я обернулся к нему:

— Помолчите!

Его взгляд был пристален и мрачен.

— Вы не можете заставить меня молчать. И он тоже.

— Ему это почти удалось. Один-два выстрела с такого расстояния успокоили бы вас надолго.

— Это вы ему скажите. Мне наплевать.

У него был вид человека, которому действительно наплевать. И на себя, и на всех остальных. Но под моим взглядом он чуть поостыл. Он сел в машину рядом с Гарриет и захлопнул дверь. В его действиях смелость сочеталась с какой-то таинственностью..

Блекуэлл зашагал к дому, я двинулся следом. Веранда была вся в фуксиях, которые цвели в подвесных красных кадках мамонтового дерева. Мне померещилось, что в кадках переливается кровь и течет через край.

— Вы чуть было не убили человека, полковник. Ружье следует держать разряженным и под замком.

— Я обычно так и поступаю.

— Вам следовало бы выбросить ключ в окно.

Он посмотрел на двустволку, словно не понимая, как она могла оказаться у него в руках. Под глазами полковника набрякли мешки.

— Как это получилось? — спросил я.

— Предысторию вы знаете. Он вторгся в мой дом, пытаясь завладеть самым дорогим моим достоянием.

— Дочь все-таки не достояние.

— Я должен ее защищать. Если не я, то кто? Несколько минут назад она сообщила, что собирается обручиться с этим типом. Я попробовал ее урезонить. Она назвала меня маленьким Гитлером, учредившим частное гестапо. Такое обвинение из уст родной дочери причиняет боль, но этот,— он злобно посмотрел в сторону «бьюика»,— высказался еще похлеще.

— Что же он сказал?

— Я не могу повторить это на людях. Он облил меня грязью. Это гнусная ложь! Я всегда был честен с другими людьми, и уж особенно с моей дочерью!

— Я в этом не сомневаюсь. Просто хотелось бы понять, что творится в голове Дэмиса.

— Взбалмошный тип,— сказал Блекуэлл.— Он может быть опасен.

Оба вы хороши, подумал я.

Хлопнула дверь на веранду, и среди фуксий появилась Гарриет. Она переоделась в светлый костюм акульей кожи и шляпку с серой вуалью. Вуаль мне не понравилась — она напоминала одновременно и о невестах и о вдовах. В одной руке у нее была голубая шляпная картонка, в другой тяжелый голубой чемодан.

Отец встретил ее на ступеньках и потянулся к чемодану:

— Разреши я помогу тебе, дорогая.

Она отпрянула от него.

— Спасибо, управлюсь сама.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

— Все уже сказано. Мы знаем, как ты к нам относишься. Мы уезжаем туда, где ты нас не будешь преследовать.—

Ее холодный взгляд упал на меня, потом на двустволку.— Здесь я не чувствую себя в безопасности.

— Ружье разряжено,— сказал я.— Никто не пострадал и не пострадает. Может, вы передумаете, мисс Блекуэлл? Подумайте хотя бы день.

Она не удостоила меня ответом.

— Отзови своих легавых,— сказала она отцу.— Мы с Берком решили пожениться, и ты не имеешь права нам мешать. Должен же быть какой-то предел, даже если ты отец...

— Но дорогая, я не хочу делать ничего такого...

— Вот и не делай!

Меня удивила его кротость. Но у него не хватило сил продолжать в том же духе. В него снова вселился злой демон:

— Ты сделала выбор. Я умываю руки. Отправляйся со своим любовником куда хочешь. Барахтайся с ним в грязи. Я и пальцем о палец не ударю, чтобы тебя вытащить.

Гарриет отвечала со сдержанной яростью:

— Ты говоришь ерунду, отец. Что за бес тебя обуял?

Она зашагала к машине, размахивая своими пожитками, как оружием. Дэмис взял коробку и чемодан и поставил в багажник, где уже стоял его чемодан.

Из дому вышла Изобел Блекуэлл и стала спускаться по ступенькам веранды. Проходя между мной и своим мужем, она пожала ему руку выше локтя, в знак сочувствия, а может, и порицания. Она подошла к Гарриет:

— Зря ты так поступаешь с отцом.

— Я тут ни при чем.

— Его это очень огорчает. Он же любит тебя.

— Зато я его не люблю.

— Ты раскаешься в этих словах, Гарриет. И когда это произойдет, пожалуйста, дай ему знать.

— Это еще зачем? У него же есть ты.

Изобел пожала плечами так, словно давала понять, что не представляет собой большой ценности.

— Ты для него важнее. Ты можешь разбить ему сердце.

— Придется ему это пережить. Извини, если я обидела тебя.— Гарриет порывисто обняла мачеху.— Ты удивительно ко мне относилась, гораздо лучше, чем я заслуживаю.

Изобел похлопала ее по спине, глядя на Дэмиса. У того был вид любителя скачек, рискнувшего небольшой суммой.

— Надеюсь, вы будете заботиться о ней, мистер Дэмис.

— Постараюсь.

— Куда вы ее везете?

— Подальше отсюда.

— А если поточнее?

— Это ни к чему. Мы живем в большой и свободной стране. Пошли, Гарриет.

Она оторвалась от мачехи, села в машину на место водителя. Дэмис сел рядом. На всякий случай я запомнил номер. Они уехали, не оглянувшись.

Блекуэлл подошел к нам, неуверенно ступая по гравию. Казалось, его туловище съежилось, а голова выросла.

— Вы их упустили! — осуждающе бросил он мне.

— Я же не мог применить силу! Как иначе их было остановить.

— Почему вы за ними не поехали?

— С какой стати? Вы же сказали, что умываете руки.

— Может, все к лучшему, Марк,— подала голос его жена.— Если ты будешь продолжать в том же духе, то сойдешь с ума. Надо принимать вещи как есть.

— И не собираюсь! И с ума я не сойду. В жизни не чувствовал себя лучше. Мне не нравятся намеки насчет моей психики!

В его голосе опять послышались бредовые нотки. Жена положила ему руку на плечо.

— Пойдем в дом. Тебе надо прийти в себя.

— Оставь меня в покое! — Он смахнул ее руку и повернулся ко мне: — Я хочу, чтобы Дэмис оказался за решеткой, слышите?

— Для этого надо доказать, что он совершил преступление.

— Он с девушкой пересек границу штата в аморальных целях [1].

— Разве?

— Он привез мою дочь из Мексики в Калифорнию.

— Но разве брак — аморальное деяние?

Изобел хмыкнула. Муж сердито повернулся к ней.

— Что тут смешного?

— В общем-то ничего. Но лучше смеяться, чем плакать. Лучше выйти замуж, чем умереть. Я всего лишь цитирую то, что ты говорил мне. Разве ты забыл?

---

[1] Имеется в виду принятый Конгрессом США в 1910 году федеральный закон, по которому помощь, соучастие или сам перевоз женщины из одного штата в другой с аморальными целями считается уголовным преступлением.

Изобел говорила вроде бы на полном серьезе, но в словах ее таилась ирония. Блекуэлл зашагал к дому с ружьем в руках. Он хлопнул дверью с такой силой, что горлица взлетела с антенны. Изобел развела руками так, словно упустила птицу покрупнее.

— Ну что с ним делать?

— Дайте ему транквилизатор.

— Он уже целую неделю на транквилизаторах. И все без толку. Если так будет продолжаться, он совсем развалится.

— Меня беспокоит не он один...

— Вы имеете в виду этого самого Дэмиса?

— Я имею в виду тех, кто встретится ему на пути.

Она легонько тронула меня за руку.

— Вы думаете, он может причинить кому-то вред?

— Вы знаете его лучше, чем я.

— Мне казалось, что я прекрасно знаю Марка. Но за последний год он сильно изменился. Его всегда отличала деликатность. Даже не верилось, что он имел какое-то отношение к армии. Собственно, военные явно тоже так считали. Сразу после войны его отправили на пенсию, как он ни сопротивлялся. Примерно тогда же его бросила Полина, его первая жена.

— Почему, если вы простите мое любопытство?

— Лучше спросить у нее самой. В один прекрасный день она отправилась в Неваду, получила развод и вышла за другого. За Кейта Хэтчена, зубного врача на пенсии. С тех пор они живут в Мексике. Разумеется, Полина с ее дантистом имеют право на счастливую семейную жизнь. Но с ее уходом у Марка не осталось ничего, кроме ружей, спорта и семейной истории рода Блекуэллов, которую он все эти годы пытается написать.

— И еще Гарриет?

— И еще Гарриет.

— Теперь я кое-что начинаю понимать. Значит, за этот год он сильно изменился. Что еще случилось, кроме того, что Гарриет познакомилась с Берком Дэмисом?

— Прошлой осенью Марк женился на мне,— сказала она с кривой усмешкой.

— Но вы не можете ни на кого дурно влиять!

— Спасибо. Может, вы и правы.

— Мне показалось, что вы гораздо дольше замужем.— Фраза прозвучала как вопрос и в то же время как выражение сочувствия.

— Вы так считаете? Конечно, я была до этого заму-

жем. И я давно знала Марка — с тех самых пор, как Гарриет была еще в пеленках. Мой покойный муж очень дружил с Марком. Рональд был его двоюродным братом.

— Тогда вы знаете много больше того, что рассказали.

— Как и всякая женщина. Разве ваш опыт не подсказывает вам этого, мистер Арчер?

Мне нравилась ее сдержанная ироничная манера, хотя это и мешало получить новые сведения. Я описал рукой дугу, обведя дом, розы и то место, где еще недавно стояла машина Гарриет, и спросил:

— Ваше мнение: продолжать ли мне этим заниматься?

— Пожалуй, да,— задумчиво ответила она.— Марку очень нужен человек, на кого он мог бы опереться и посоветоваться, хотя он не их тех, кто любит слушаться. Но мне понравилось, как вы пытались погасить скандал. Все могло плохо кончиться.

— Если бы ваш муж это понимал!

— Я уверена, что он все прекрасно понимает, хотя и не подает вида.— В ее темных глазах была тревога.— Вы очень выручили нас, мистер Арчер, и выручите еще, если не покинете нас. Узнайте все что можно о Дэмисе. Если вам удастся подтвердить его, так сказать, моральную кредитоспособность, это очень примирит Марка с браком.

— Вы не хотите «отмыть» Берка Дэмиса во что бы то ни стало?

— Нет, конечно. Меня интересует правда, какой бы она ни была. И не только меня. А теперь прошу извинить — я посмотрю, как там мой муж. Поддерживать его — вот мое предназначение сейчас.

Она не жаловалась, хотя в ее голосе послышались покорные нотки. Она повернулась, чтобы идти, а я, глядя на ее стройную фигурку, пытался прикинуть возраст. Если она знала Блекуэлла, когда Гарриет была еще в пеленках, а познакомилась через первого мужа, то, стало быть, первый раз вышла замуж лет двадцать назад. Это означало, что сейчас ей за сорок.

Как, впрочем, и мне.

Глава 6

Воспользовавшись ключом, оставленным мне Блекуэллом, я снова проник в его летний дом на побережье.

В комнате наверху ничего не изменилось, только в камине были полусгоревшие бумаги. Я поддел их на совок, они рассыпались. Поблескивая непросохшей краской, кар-

тина по-прежнему стояла на мольберте. При свете, проникавшем через стеклянные двери, кобальтовое пятно смотрело на меня как внимательный синий глаз.

Я отошел подальше, чтобы как следует разглядеть картину и понять ее. Затем я спустился в большую спальню. Дверцы шкафа были распахнуты. Внутри не было ничего. Комод тоже был пуст, в ванной — только чистые полотенца. Ничего не было и в маленькой спальне.

Я вернулся в большую спальню и тщательно ее прочесал. Корзина для бумаг была пуста, этим объяснялось наличие остатков бумаги в камине наверху. Дэмис не пожалел усилий, чтобы замести следы.

Но все-таки он оставил клочок бумаги. Он был засунут между стеклянной дверью и дверной рамой, чтобы дверь не хлопала. Это была плотная бумага, сложенная в несколько раз. Развернув ее, я понял, что это конверт, в таких пассажирам вручают билеты в некоторых авиакомпаниях.

Этот конверт принадлежал компании «Мексикана эрлайнз», инструкции были напечатаны на внутренней стороне. Согласно им, мистер К. Р. Симпсон должен был вылететь из аэропорта Гвадалахары в 8 часов 40 минут утра 10 июня и приземлиться в международном аэропорту Лос-Анджелеса в час тридцать.

Я еще поработал в спальне, но ничего не обнаружил, кроме пыли под кроватями. Я поднялся наверх. Картина притягивала меня. Каждый раз она вызывала у меня новые чувства. На сей раз я поразился, какая в ней дьявольская мощь. Возможно, я кое-что нафантазировал, но мне показалось, что за мрачным колоритом притаилась Смерть.

Меня так и подмывало взять картину с собой и показать знающим людям. Если Дэмис — художник с именем, его руку должны узнать. Но я не мог унести картину из дома. Краски еще не высохли и могли смазаться.

Я пошел к машине за фотоаппаратом. Рядом с ней стоял пустой полосатый катафалк. Светило солнце, и на песке бездыханными трупами валялись загорающие. За линией прибоя боролись с волнами шестеро серфистов на своих досках.

Надвинулась огромная волна. Пятеро въехали на гребень — статуи на самоходной горе. Шестая — девица — оказалась не так проворна, волна сбила ее, и ей пришлось плыть вдогонку за ускользнувшей доской. Вместо того чтобы снова отправиться на поединок со стихией, она выбралась на берег и пошла, неся доску на голове. Оставив ее на берегу, куда не доставали волны, она стала карабкать-

ся по скалистым уступам к стоянке. У нее был бюст и плечи амазонки, но она дрожала мелкой дрожью — вот-вот расплачется.

Это была та самая девица, которая тогда показала мне язык. Между нами протянулась какая-то незримая ниточка, и я сказал:

— Вам пришлось несладко.

Она взглянула на меня, словно видела впервые, не проявив никакого интереса. Я был существом из другого мира. Ее глаза были влажными и испуганными, как у тюленя. Он взяла из катафалка мужское пальто и надела его. Пальто было из дорогого твида, но на нем выступили блестки соли, словно его искупали в море. Дрожащими пальцами девушка перебирала кожаные пуговицы. Одной, верхней, не было. Она подняла воротник, спрятав в него золотистую головку в шлеме коротких мокрых волос.

— Если вы замерзли, то у меня в машине печка,— сказал я.

На это она только фыркнула и повернулась ко мне твидовой спиной.

Я зарядил фотоаппарат цветной пленкой и сделал несколько снимков картины Дэмиса. По пути в аэропорт я оставил кассету у знакомого фотографа в Санта-Монике. Он обещал быстро проявить пленку.

Вежливый молодой мексиканец за стойкой «Мексикана эрлайнз» провел изыскания, занявшие у него несколько минут, и сообщил, что К. Р. Симпсон действительно прилетел из Гвадалахары десятого июня. Ровно как и Гарриет Блекуэлл. Берка Дэмиса в списке не было.

Мое предварительное заключение, которое я пока решил держать при себе, заключалось в следующем: Берк Дэмис прилетел в Штаты под именем К. Р. Симпсона. Поскольку он не мог уехать из Мексики без туристской карты и въехать в США без документа, подтверждающего его гражданство, скорее всего, это и было его настоящее имя.

Учтивый молодой мексиканец сообщил также, что самолет, выполнявший рейс десятого, из Гвадалахары, прилетел и сегодня. Первый и второй пилот в конторе, но они не знают ничего о пассажирах. Зато стюард и стюардесса в курсе, но они уже ушли. Если я завтра приеду в аэропорт пораньше, они, конечно же, найдут время, чтобы поговорить со мной о моем друге сеньоре Симпсоне.

Воодушеленный его романской вежливостью, я вернулся в зал, где были таможня и паспортный контроль. Дежурные чиновники по очереди взглянули на мою лицен-

зию с таким видом, словно я нашел ее в пакете с овсяными хлопьями.

Испытывая необходимость в контакте с властями дружественными, я поехал в город. Питер Колтон был у себя в окружной прокуратуре. На двери его кабинета висела табличка «Главный инспектор по уголовным делам».

Питер состарился на службе. Время, события и размышления по их поводу избороздили сабельными шрамами его щеки. Его треугольные глаза уставились на меня поверх очков, соскользнувших на кончик его большого агрессивного носа.

Он дочитал какую-то бумагу, расписался в углу и бросил ее в корзинку исходящей почты.

— Присаживайся, Лу. Как дела?

— Нормально. Зашел поблагодарить за рекомендацию полковнику Блекуэллу.

Он вопросительно на меня посмотрел:

— Ты серьезно? Что, Блеки оказался трудным клиентом?

— Трудности имеются. Он задал мне задачу. Не могу взять в толк, есть тут что-то серьезное или у него разыгралось воображение.

— Он, кажется, не страдает от избытка воображения.

— Ты давно с ним знаком?

— За грехи мне пришлось служить под его началом в Баварии сразу после войны. Он был в военной администрации, а я возглавлял уголовный отдел военной полиции.

— Как тебе служилось под его началом?

— Так себе,— признался Колтон и добавил задумчиво: — Блекуэлл слишком любил командовать. Не накомандовался в войну. Друг или враг в Вашингтоне продержал его в тылу. То ли чтобы поберечь Блекуэлла, то ли тех, кем он мог бы командовать. Это его огорчало, и он часто задавал жару подчиненным. Вообще-то он был порядочным ослом, мы его всерьез не воспринимали.

— Как он задавал жару своим людям?

— По-разному. Он следил за неукоснительным соблюдением буквы закона. Например, чтобы не было контактов военных с местным населением. Мои ребята занимались убийствами, изнасилованиями, черным рынком. А он посылал патрули по кабаре, проверять, чтобы не было «контактов». Его сводила с ума мысль о том, какие контакты могут быть между американскими юношами и хищными фройляйн.

— Он сексуальный маньяк?

— Что ты! — Питер Колтон оскалился по-волчьи.— Его предки были пуритане, и сам он пуританин. Да и проблема «контактов» носила для него личный характер. Его жена очень интересовалась мужчинами. Она с ним развелась.

— Что она собой представляла?

— В те дни была очень лихая дамочка. Но я с ней не был близко знаком. Она тебя интересует?

— Отчасти. Ее дочь Гарриет поехала навестить ее в Мексике, где и установила нежелательный контакт. Так, по крайней мере, кое-кому показалось. Это художник, Берк Дэмис, или К. Р. Симпсон. Она привезла его в Штаты с намерением выйти за него замуж. Блекуэлл убежден, что художника интересуют только ее деньги. Он нанял меня во всем этом разобраться, во всяком случае, побольше узнать об этом Дэмисе.

— Или К. Р. Симпсоне, так? Дэмис — это псевдоним?

— Я еще не выяснил. Похоже, он прибыл неделю назад в Штаты под именем Симпсона. Возможно, это его настоящее имя.

— И ты хочешь, чтобы я тебе помог?

— Было бы любезно с твоей стороны.

Колтон погрозил мне шариковой ручкой:

— А разве тебе не известно, что я не имею права тратить общественное время и деньги на подобные просьбы?

— Даже для старинного приятеля?

— Блекуэлл мне не приятель. Я послал его к тебе, чтобы от него отвязаться.

— Я имел в виду себя и ошибся,— пояснил я.— Простой запрос в Бюро уголовной регистрации не займет много времени, а сколько он его мне сэкономит! Ты всегда говорил, что куда лучше предотвратить преступление, чем наказывать преступника.

— О каком преступлении ты говоришь?

— Например, об убийстве в корыстных целях. Я не утверждаю, что оно обязательно случится. Просто мне хотелось бы избавить от неприятностей молодую женщину.

— А себя от лишней беготни?

— Беготни и так хватает. Но я могу ходить из дома в дом по всей Калифорнии, и все без толку.

— Что именно тебя интересует?

— Есть ли криминальное досье на Берка Дэмиса или К. Р. Симпсона.

Колтон записал в блокнот фамилии. Мне удалось пробудить его профессиональное любопытство.

— Пожалуй, позвоню в Сакраменто.— Он взглянул на стенные часы. Было почти четыре.— Если линия не перегружена, мы получим ответ до конца рабочего дня. Подожди где-нибудь у нас.

В приемной я раскрыл полицейский журнал. В некоторых городах новобранцам предлагалось аж по 450 долларов в месяц.

Ровно в пять дверь кабинета Колтона отворилась, и хозяин поманил меня. В руке у него шелестел телетайпный листок.

— Насчет Берка Дэмиса — ничего,— сказал он.— С Квинси Ральфом Симпсоном лучше. Вот уже две недели значится среди без вести пропавших. Его жена утверждает, что он исчез куда раньше.

— Его жена?

— Она-то и заявила о его исчезновении. Она живет в округе Сан-Матео.

Глава 7

Самолет садился уже в сумерках. Огни городов по берегу Калифорнийского залива были разбросаны словно бусины ожерелья. Вдалеке сверкал как город мечты Сан-Франциско, прикрепленный к реальности двумя мостами, если Марин и Беркли были реальностью.

В Редвуд-Сити я приехал на такси. В городском управлении полиции я подошел к дежурному, молодому человеку с бесцветными глазами и пухлыми щечками, как у бурундука. Он равнодушно оглядел меня, пытаясь понять, что за птица к ним пожаловала.

Показав свою лицензию, я сказал ему, что меня интересует человек по имени Квинси Ральф Симпсон.

— В окружной прокуратуре Лос-Анджелеса мне сообщили, что две недели назад вы объявили его розыск.

— Напали на след? — осведомился он, помолчав.

— Может быть.

— Где?

— В районе Лос-Анджелеса. У вас есть его фотография?

— Сейчас посмотрю.— Он подошел к столу в дальней части комнаты, стал рыться в бумагах и наконец вернулся с пустыми руками.

— Ничего нет. Лучше я вам его так опишу. Рост средний, телосложение обычное, волосы черные. Цвет глаз не знаю. Шрамов и других примет нет.

— Возраст?

— Мой ровесник. Мне двадцать девять. Совпадает?

— Возможно. Почему его разыскивают — он что-то натворил?

— Точно не знаю. Может, не оказывал помощь семье. Почему вы решили, что речь идет о преступлении?

— Потому что вы знаете наизусть его описание.

— Так я его встречал. В нашем управлении.

— Что он делал?

Молодой человек облокотился о барьер с чуть враждебной доверительностью:

— Я не обязан докладывать обо всем, что знаю, приятель. Сначала надо получить разрешение у ребят этажом выше.

— Капитан Ройал у себя?

— Дома. Не хочу беспокоить его в нерабочее время. Вы знакомы?

— Встречались на одном деле.

— На каком?

— Не обязан докладывать, дружище. Дай адрес миссис Симпсон.

Пошарив под стойкой, он извлек телефонную книгу и пихнул в мою сторону. К. Р. Симпсон проживал на Марвиста-драйв, 2160. Таксист сказал, что это поселок на окраине на другом конце города, по направлению к Луна-Бей, и поездка обойдется мне в пятерку.

Покружив среди темных холмов, мы свернули с шоссе у обшарпанного плаката с надписью: «Безналичный расчет. Льготные условия». Домики были новенькие, одинаковые, но район быстро превращался в трущобы. Порыскав по грязным улочкам, словно моторизованные крысы, мы наконец отыскали нужный дом.

Он стоял между двух нежилых домов и сам выглядел нежилым. Фары высветили бурый, высохший газон. У дома стоял «форд» 1952 года выпуска без заднего стекла.

Велев таксисту подождать, я нажал кнопку звонка. Дверь оказалась кривой, и понадобились время и силы, чтобы с ней справиться. Открыла мне молодая женщина. Жгучая брюнетка, миниатюрная, с ярко накрашенным ртом, голодными темными глазами, очень худая и взволнованная. На ней было короткое черное облегающее платье,

открывавшее худые коленки и не очень скрывавшее прочие прелести.

Она знала о том, что прелести существуют.

— Тут вам не бесплатное шоу! Чего надо?

— Если вы миссис Симпсон, я хотел бы поговорить о вашем муже.

— Давайте, говорите. Я с интересом слушаю.— Она склонила голову набок, изображая живейший интерес.

— Вы заявляли о его исчезновении?

— Да, представьте! Я не видела его два месяца. Это меня вполне устраивало. Кому он нужен? — В ее голосе злость соединялась с печалью. Она уставилась мимо меня на бурый газон.— А кто там в такси?

— Шофер. Я просил его подождать.

— Я думала, это Ральф,— произнесла она другим тоном.— Решила, что боится войти в дом.

— Нет, это не Ральф. Значит, его нет уже два месяца, но вы заявили о его исчезновении лишь две недели назад?

— Я дала ему возможность вернуться по-хорошему. Он и раньше пропадал, но так надолго никогда. Мистер Хейли из мотеля посоветовал обратиться в полицию. Мне пришлось снова пойти работать в мотель. Но даже теперь мне одной не расплатиться за дом. А от полиции никакого толку. Они начинают шевелиться, только если чуют преступление.— Она выразительно скривила верхнюю губу.— Вы тоже из полиции?

— Я частный детектив.— Я назвался.— Сегодня я встретил человека, который вполне может быть вашим мужем. Можно войти?

— Входите.

Она боком прошла в гостиную, озираясь по сторонам, словно очутилась тут впервые. Маленькая, чистенькая гостиная была обставлена той дешевой дрянью из пластика, за которую вы все еще платите в рассрочку, а ее пора выкинуть на помойку. Она зажгла люстру в три рожка и предложила мне сесть на диван. Сама расположилась на другом его краю, уставив острые локти на коленях и подавшись вперед.

— Где же вы его видели?

— В Малибу.

Я говорил, совершенно не вдумываясь в слова, глядя по сторонам. На стене над телевизором висела картина в раме. Хотя в женщине и можно было узнать миссис Симпсон, портрет показался мне любительским. Я подошел и стал всматриваться.

— Считается, что это я,— подала голос хозяйка с дивана.

— Похоже. Работа вашего мужа?

— Да. Живопись — его хобби. Когда-то он думал заняться ею всерьез, но его друг, настоящий художник, отсоветовал. Сказал, что у него нет таланта. Так всю жизнь — сначала надежда, потом разочарование. Вот и теперь он прохлаждается в Малибу, а я вкалываю здесь до седьмого пота. Чем он занимается — загорает на пляже?

Я ответил не сразу. На телевизоре лежала затрепанная книга в бумажной обложке «Искусство сыска». Других книг в комнате не было. Я взял ее и стал листать. Страницы были испещрены пометками, попадались рисунки карандашом — неуклюжие карикатуры.

— Еще одно увлечение Ральфа,— пояснила женщина.— Мечтал стать Великим Сыщиком и заработать кучу денег. Ничего не вышло. Мечта так и осталась мечтой. Один из знакомых в полиции сказал, что с его прошлым...— Она спешно прикрыла рот рукой.

— У Ральфа есть судимости? — спросил я, положив книгу.

— Нет, это я так...— В ее глазах вспыхнули огоньки защитного рефлекса.— Вы не сказали, что он делал в Малибу.

— Я даже не уверен, что это был ваш муж.

— Как он выглядел?

Я описала Берка Дэмиса. Мне показалось, что описание было для нее знакомым. Но она решительно сказала: — Это не он.

— Хорошо бы в этом удостовериться. У вас есть фотографии Ральфа?

— Нет, он никогда не снимался.

— Даже когда вы поженились?

— Нас фотографировали, но Ральф так и не выкупил снимки. Это было в Рино, а Ральфу двадцати долларов хватает ненадолго. Когда он в Рино, его так и тянет в казино.

— Он там часто бывает?

— Как только выдается свободное время. Раньше я тоже с ним ездила. Мне это нравилось. Теперь все иначе. Из-за казино у нас и нет ничего за душой.

Я подошел к дивану и сел рядом с ней:

— Как Ральф зарабатывает на жизнь?

— По-разному. Он не окончил школы, и это теперь ему выходит боком. Он неплохой повар, но не любит этим долго

заниматься. Работал барменом — тоже быстро надоело. Ему предлагали работу в богатых домах чуть не по всей Калифорнии. Но он слишком гордый. Говорит, что терпеть не может быть лакеем. Может быть,— добавила она с горечью,— он просто не любит работать, потому-то и удрал.

— Как давно это случилось?

— Я уже говорила — два месяца назад. Он исчез вечером восемнадцатого мая. Он только приехал из Невады и в тот же день отправился в Лос-Анджелес. Он и вернулся-то, чтобы выклянчить у меня машину. Но я сказала, что без машины не останусь. Тогда он сдался и сказал, что поедет автобусом. Я отвезла его на автостанцию.

— Что он собирался делать в Лос-Анджелесе?

— Не знаю. Он сплел историю, чтобы получить машину, но я ему не верю. Сказал, что кого-то выслеживает. Я уже слышала от него эту песню, когда он работал в драйв-ине в Камино-Реаль. Полицейские, по его словам, платили ему за информацию.

— О чем?

— О подростках, курящих марихуану, и так далее. Не знаю, можно ли ему верить. Мне казалось, он рассказывает это, чтобы выглядеть важной персоной. Он всегда хотел работать в полиции. У него не было криминального досье.

— Вы же говорили...

— Вам показалось. И вообще я устала. Мне все это недоело.

Она резко встала и подошла к двери, словно предлагая мне уйти. Я остался сидеть на диване.

— Вы можете идти,— сказала она.— В Малибу вы встретили кого-то другого.

— У меня на этот счет другое мнение.

— Вы уж мне поверьте!

— Хорошо. Попробую.— Бессмысленно препираться с тем, кто может сообщить тебе какие-то сведения.— Но меня по-прежнему занимает судьба Ральфа. А вас?

— Естественно. Это же мой муж. По крайней мере, формально.— Но у меня тут странное предчувствие,— ее левая рука поднялась к сердцу,— что он обменял меня на новейшую модель. В этом и заключалась его секретная работа.

— У вас есть предположения, кто эта новая женщина?

— Нет, только предчувствие. С чего бы ему исчезать так надолго?

Я попытался было ответить на этот вопрос, но вовремя решил, что не стоит делиться соображениями вслух.

— Уезжая, Ральф не говорил о намерении посетить Малибу?

— Мне не говорил.

— Он там когда-нибудь бывал?

— Вряд ли. Он бы мне сказал.

— Он когда-нибудь говорил о желании уехать из Штатов?

— В последнее время нет. Когда-то давно он поговаривал, что неплохо бы поехать в Японию. Он там побывал во время корейской войны. Погодите. Он взял с собой свидетельство о рождении. Выходит, он вполне мог уехать из Штатов?

— Вполне. Значит, он взял с собой в Лос-Анджелес свидетельство о рождении?

— По крайней мере, мог взять. Недели две назад он попросил меня найти свою метрику. Еле нашла. Хотел взять ее с собой в Неваду. Сказал, что может пригодиться, если подвернется работа.

— Какая работа?

— Понятия не имею. Может, он просто морочил мне голову.— Она поежилась и подошла ко мне.— Думаю, он уехал за границу?

Прежде чем я успел ответить, зазвонил телефон в другой части дома. Она напряглась и вышла из комнаты. Я услышал, как она сказала: «Вики Симпсон слушает».

Затем наступила долгая пауза.

— Не верю,— сказала она. И снова молчание.

— Это не он,— сказала она.— Он не мог умереть.

На звук ее голоса я пришел в кухню. Облокотившись на желтый пластиковый столик, она держала телефонную трубку на расстоянии от уха, словно это была хищная птица. Зрачки ее глаз были расширены, как у незрячей.

— Кто это, миссис Симпсон?

Ее губы шевелились в поисках нужных слов:

— Это... это полиция. Говорят, Ральф убит. Не может быть.

— Дайте я с ним поговорю.

Она передала мне трубку. Я сказал:

— Это Лу Арчер, частный детектив, работающий в контакте с окружной прокуратурой Лос-Анджелеса.

— Они как раз сегодня нам звонили.— Слова звучали медленно и неуверенно.— У нас неопознанный труп. Звонил их главный, Колтон, вы его знаете?

— Да. С кем я говорю?

— С сержантом Леонардом. Уэсли Леонардом. Я провожу опознание по распоряжению шерифа. Мы сотрудничаем с Лос-Анджелесом и попросили их помощи и теперь. Колтон спрашивал, не труп ли это того Ральфа Симпсона, который числится в списках пропавших. Циркуляр о его розыске у нас куда-то запропастился,— добавил он извиняющимся тоном,— а может, мы его и вовсе не получали.

— Бывает.

— Да. Так или иначе нам надо установить, кто это. Не могла бы миссис Симпсон приехать к нам?

— Наверное. Труп соответствует описанию Симпсона?

— Да. Рост, вес, примерный возраст...

— Как он погиб?

— Трудно сказать. Когда его выгреб бульдозер, он был сильно подпорчен.

— Бульдозер?

— Да. Они прокладывали шоссе в западной части города. Несколько зданий были назначены на слом, а беднягу закопали на задворках одного из домов. Но не глубоко. На прошлой недели они стали ломать дома, вот бульдозер и выудил его.

— Сколько он там пролежал?

— Доктор считает, месяца два. Было сухо, и труп хорошо сохранился. Главное — понять, кто это. Когда сможет прибыть миссис Симпсон?

— Сегодня же, если удастся достать билеты на самолет.

— Отлично. Я в здании суда Цитрус-Хиллз. Сержант Леонард.

Когда я повесил трубку, она сказала:

— Нет, нет, никуда я не поеду.

Она стала растерянно пятиться, пока не оказалась в углу, возле холодильника.

— Это может быть Ральф, Вики.

— Не верю. А если это он, не хочу на него смотреть.

— Но кто-то должен его опознать.

— Вы и опознавайте.

— Но я его не знаю.

Ее грим пополз. Она руками вытирала глаза, размазывая слезы по щекам.— Не хочу видеть его мертвым. Боюсь мертвецов!

— Мертвецы не опасны. В отличие от живых.

Я коснулся ее руки, покрытой гусиной кожей. Она спешно отдернула ее.

— Вам будет лучше, если вы что-нибудь выпьете,— сказал я.— В доме есть что выпить?

— Я не пью,— отрезала она.

Я открыл буфет, нашел стакан, налил воды из-под крана. Она расплескала воду и стала злобно тереть подбородок кухонным полотенцем.

— Я не поеду. Меня стошнит!

Но в конце концов она согласилась и, пока я звонил в аэропорт, пошла переодеться. Для нас нашлись места на самолете, улетавшем в Лос-Анджелес в 10.30. К полуночи мы уже подъезжали к Цитрус-Хиллз в машине, которая ждала меня в международном аэропорту.

По обе стороны шоссе тянулись апельсиновые рощи, потом пошли пустыри, где велось строительство. Бульдозеры и грейдеры застыли в темноте, словно спящие ящеры.

Шоссе превратилось в главную улицу. Несмотря на свою близость к Лос-Анджелесу, городок был захолустный. Все было закрыто, не считая двух баров. Несколько человек в рабочей одежде брели по улице, пошатываясь под двойным бременем алкоголя и одиночества.

— Мне здесь не нравится,— подала голос Вики.— Дыра какая-то!

— Мы ненадолго.

— Точно? У меня, между прочим, нет денег.

— В полиции об этом позаботятся. Немного подождем, скоро все выяснится.

Металлический купол здания суда в свете звезд напоминал отполированный мыльный пузырь. Внутри было темно и пахло как в старом чемодане. Дежурного я нашел на первом этаже. Он сказал, что сержант Леонард в морге за углом.

Возле белого трехэтажного дома в колониальном стиле на газоне стоял знак: «Похоронное бюро Нортона».

Когда мы вышли из машины, Вики увидела знак и попятилась. Я взял ее под руку и провел в вестибюль, где пахло гвоздиками и формальдегидом. Она обвисла у меня на руке:

— Я не могу!

— Надо. Может, это не Ральф.

— Тогда зачем я здесь?

— А вдруг это все же Ральф?

Мы вошли в комнату, где не было ничего, кроме гроба на постаменте у стены. Вики пугливо озиралась по сторонам.

— Он там?

— Нет. Возьмите себя в руки. Минутное дело — и все.

— А что мне делать потом?

На этот вопрос я не мог ответить. Отворилась еще одна дверь и вошел человек с нашивками сержанта. Пожилой, живот свисает над ремнем, взгляд спокойный, дружелюбный. Внешность соответствовала голосу, что я слышал по телефону.

— Я сержант Леонард.

— А я Арчер. А это миссис Симпсон.

Сержант поклонился с подчеркнутой учтивостью:

— Рад познакомиться, мэм. Очень любезно с вашей стороны, что вы к нам приехали.

— Пришлось... Где он?

— Над ним колдуют врачи.

— Так он жив?

— Он давно умер. Доктор Уайт производит вскрытие, чтобы установить причину смерти.

Вики стала оседать на пол. Я успел подхватить ее под мышки. С помощью сержанта я оттащил ее в соседнюю комнату, где горел ночник и сильней пахло гвоздиками. Она прилегла на кушетке, поджав под себя ноги в туфлях.

— Немного подождите, мэм, доктор Уайт сейчас подготовит его для опознания.— В голосе Леонарда послышались слащавые нотки, навеянные обстановкой.— Хотите что-нибудь выпить?

— Бальзамирующей жидкости.

Он удивленно поцокал языком.

— Уйдите и оставьте меня в покое.

Я пошел за Леонардом в комнату, где шло вскрытие. Труп лежал на белом эмалированном столе. Не буду описывать убитого. Время, проведенное в земле, а потом и на этом столе, не украсило его. Он не был похож на Берка Дэмиса. Это был другой человек.

Доктор Уайт зашивал крестообразный разрез. Его руки в перчатках двигались, как клешни робота. Это был высокий лысый человек с вислыми щеками и усами табачного цвета. Во рту у него была зажженная сигара, и он покачал головой, чтобы дым не лез в глаза. Он уходил вверх спиралями.

Я подождал, пока доктор не кончил зашивать и не накрыл тело до подбородка прорезиненной тканью.

— Что удалось установить, доктор?

— Прокол сердца — левый желудочек. Похоже на колотую рану ледорубом.— Он стащил резиновые перчатки и пошел к раковине. Зашумела вода, но доктор говорил,

заглушая шум: — Ушибы головы получены после смерти, похоже, долгое время спустя.

— Бульдозер?

— Очень может быть.

— Когда его откопали?

— Кажется, в пятницу. Так, Уэсли?

Сержант кивнул:

— В пятницу днем.

— Вы проводили тогда предварительный осмотр?

Доктор Уайт повернулся ко мне, вытирая полотенцем руки.

— Не было указаний. Окружной прокурор и шериф, он же коронер, оба в Сакраменто на конференции.

— Кроме того,— подал голос Леонард, спасая профессиональную репутацию,— раны не было видно снаружи. Маленькая точка слева на груди, и все.

Не мне было их учить. Я не хотел портить отношений.

— Ледоруб нашли?

Сержант только развел руками.

— После того как там поработали бульдозеры, не осталось ничего. Вы не видели развороченную землю при въезде в город?

— Видел. Ну что, можно впускать миссис Симпсон?

Я обращался к доктору и сержанту, но вопрос повис в воздухе, словно отвечать на него должен был труп на столе. Мне даже показалось, что он сейчас ответит. Комнатка сводила меня с ума.

Я ввел Вики Симпсон. За это время она пришла в себя. У нее хватило сил дойти до середины комнаты, встать у стола и взглянуть на изуродованную голову.

— Это он, Ральф.

Словно в подтверждение этого она погладила его пыльные волосы. Затем посмотрела на сержанта и спросила:

— Что с ним случилось?

— Его закололи ледорубом, мэм, месяца два назад.

— Два месяца назад?

— Да, мэм.

Два месяца напрасного ожидания затуманили ей глаза пеленой. Она повернулась как слепая, не зная, куда идти. Я отвел ее обратно в комнату с ночником.

— Как, по-вашему, Вики, кто мог его убить?

— Понятия не имею. Я никогда не была в этой дыре, как там ее...

— Вы говорили, что полицейские платили Ральфу за информацию.

— Так он мне говорил. Не знаю, выдумывал или нет. Но это было давно.

— У него были связи с уголовным миром?

— Нет, не такой он был человек.

— А как же криминальное досье?

Она покачала головой.

— Мне вы можете сказать. Ему уже нельзя повредить.

— Это все ерунда,— сказала она.— Мальчишкой он связался с дурной компанией. В школе. Как-то их поймали курящими марихуану и отправили в колонию. Вот и все.

— И больше ничего?

— Ничего. Честное слово.

— Он никогда не упоминал имени Берка Дэмиса?

— Берка Дэмиса?

— В Малибу я встретил Дэмиса. Я вам его описывал. Художник, который, похоже, воспользовался именем вашего мужа.

— Зачем?

— Возможно, потому, что он стыдился своего собственного имени. Он, похоже, воспользовался именем Ральфа, чтобы въехать из Мексики в Штаты на прошлой неделе. Вы уверены, что имя Берка Дэмиса вам ничего не говорит?

— Абсолютно.

— И словесный портрет тоже?

— Тоже ничего. Сейчас я не узнала бы и родного брата, если бы он вошел в эту дверь. Вы оставите меня в покое?

В комнату вошел Леонард. Он явно подслушивал за дверью и выбрал момент, чтобы прервать допрос. Он был отзывчивый человек и сказал, что они с женой присмотрят за Вики этой ночью.

Я поехал домой в Лос-Анджелес к горячему душу, холодному виски и темной спальне.

Глава 8

Мне приснился сон, уже давно повторявшийся в разных вариантах. Снова я учился в школе в выпускном классе. Девочка за соседней партой высокомерно улыбнулась:

— Бедный Лу! Ты провалишься на экзаменах.

Надо сказать, что это имело под собой основания. Экзамены маячили впереди в виде чистилища, охраняемого авторами книг, которых я не читал.

— Лично я собираюсь в колледж,— продолжала нахалка.— А ты?

Я не знал, что ответить. Часть моего дремлющего сознания знала, что я сорокалетний человек, которому снится сон. Средняя школа была уже мне не страшна. И все же я сидел в классе мистера Меррита и с ужасом думал об экзаменах и о том, что со мной будет, если я их завалю.

— Тебе придется освоить профессию,— не унималась девица.

Сон развивался по обычному сценарию. Потом что-то случилось, потому что я сказал высокомерно девице:

— У меня есть профессия, детка. Я детектив. Ты прочитаешь обо мне в газетах.

Я проснулся с приятным, теплым чувством в груди. На улице, за серым прямоугольником окна, щебетали птицы. Раньше сон никогда так не заканчивался. Неужели это знак того, что я добился успеха? Вряд ли. Всю жизнь мы карабкаемся в гору, только тропинки разные.

Я вспомнил о деле Блекуэлла, и это разом заглушило щебет птиц и затушило приятную теплоту. Собственно, было два дела: одним занимался я, другим власти, но они были связаны. Связь была не явной, но оттого не менее реальной: конверт из-под авиабилетов на имя К. Р. Симпсона, оставленный Берком Дэмисом или кем-то еще в доме на побережье полковника Блекуэлла. Мне хотелось проследить ниточку дальше самостоятельно, чтобы не мешала полиция. Дэмис мог воспользоваться и билетами, и чужим именем, не совершив никакого преступления.

Уже совсем рассвело, и птицы закончили свои упражнения. Я снова заснул. Надеялся ли я на новый приятный сон? Нет, скорее я подсознательно составлял расписание дня так, чтобы не успеть отчитаться перед Питером Колтоном. Проснулся я поздно.

Я начинал делаться завсегдатаем аэропортов. Прежде чем отправиться в аэропорт на сей раз, я вытащил из сейфа в спальне свое свидетельство о рождении и захватил с собой на всякий случай.

Вежливый молодой человек из «Мексиканы» приветствовал меня так, словно обрел давно потерянного брата. Он быстро ввел меня в курс дела. Пилоты нужного мне экипажа готовились к полету, а стюард и стюардесса пили кофе в ресторане. Он уверил меня, что я не ошибусь: он высокий и смуглый, она маленькая, пухленькая, хорошенькая, рыжеволосая. Оба в форме «Мексиканы».

Я обнаружил их в одном из закоулков шумного ресторана, склонившихся над чашками. Рядом с девушкой была пустая табуретка, на которую я и плюхнулся. Девушка действительно была ничего, хотя рыжие волосы, выбивавшиеся из-под шапочки, оказались крашеными. Глаза томные, рот чувственный. Как и все стюардессы на американских линиях, она была так размалевана, что хоть сейчас на сцену. Они говорили по-испански, и я ждал, пока не возникнет пауза.

— Мисс Гомес?

— Да, сэр, чем могу быть полезна? — любезно отозвалась девушка.

— Мне нужно кое-что выяснить. Неделю назад вашим самолетом из Гвадалахары сюда прилетели мужчина и женщина. Десятого июня в понедельник. Женщина — высокая блондинка, примерно ваша ровесница. Носит дорогую одежду, часто надевает темные очки. Зовут Гарриет Блекуэлл.

Стюардесса выразительно закивала головой.

— Помню мисс Блекуэлл, очень симпатичная! Когда мы пролетали над Мацатланом, нас стало сильно качать, даме рядом сделалось нехорошо, и мисс Блекуэлл занялась ее ребенком.— Она обратилась к своему спутнику: — Помнишь высокую девушку, которая так хорошо обращалась с ребенком?

— Si [1] — коротко ответил тот.

— С мисс Блекуэлл все в порядке? — заботливо осведомилась стюардесса.

— Надеюсь. А почему вы это спросили?

— Я вспоминала ее и потом. А теперь вот и вы ею интересуетесь.

— Почему она вам так запомнилась?

— Я... Вы не говорите по-испански? Так мне проще говорить.

— Ваш английский в десять раз лучше моего испанского.

— Gracias, senor! [2] — ослепительно улыбнулась она.— Я видела, как она проходила таможню. Она страшно волновалась. Я даже подошла и спросила, все ли в порядке. Мне показалось, еще немного, и она упадет в обморок. Ее спутник сказал, что все нормально. Ему не понравилось, что я спрашиваю,— и я ушла.

---

[1] Да *(исп.)*.
[2] Спасибо, сеньор *(исп.)*.

— Можете его описать?

— Да.— И она дала портрет Берка Дэмиса.— Красивый мужчина.— В голосе послышалась ирония.

— Как его звали?

— Я не запомнила.

Она обернулась к своему спутнику и быстро заговорила по-испански. Тот пожал плечами. Он тоже не помнил.

— Кто может знать?

— Вы,— кокетливо отозвалась она.— Вы говорили, что это ваши друзья.

— Я просто сказал, что их знаю.

— Вот как! У них неприятности?

— Интересно, почему вы решили спросить об этом?

— Из-за вас. Вы не представляете для них неприятности?

— Разве что для него. Но уж никак не для нее. В самолете они сидели рядом?

— Да. Они сразу сели вместе. Я их с самого начала заметила. Но у них были разные имена.

— Какое имя было у него?

— Говорю вам, не запомнила. Если бы посмотреть в списке пассажиров...

— Окажите любезность.

— Вы полицейский.

— Детектив.

— А! Где вас найти?

— В вашем самолете, если для меня отыщется местечко.— Я посмотрел на часы. До отлета оставалось полчаса.

— В середине недели всегда есть свободные места.

Она оказалась права. Мой вежливый друг продал мне билет до Гвадалахары и обратно с открытой датой. В соседнем отделе я попросил оформить туристскую карту для Мексики. Замотанный клерк, взявший мою анкету, и не взглянул на метрику.— Сейчас напечатаю карту,— сказал он.— Скоро ваш рейс.

Я был готов к отлету. Я даже успел позвонить полковнику. Блекуэлл схватил трубку, словно только и ждал моего звонка.

— Говорит полковник Блекуэлл.

— Это Арчер. У вас нет никаких сведений о Гарриет?

— Нет, я их и не ожидал.— Он был очень печален.— У вас похоже, тоже нет ничего нового?

— Нет, но я работаю. Вчера я был в районе Залива.

— Думаете, они поехали туда?

— Возможно, но оказался я там по другому поводу.

Я узнал про убийство, к которому мог быть причастен Дэмис.

— Убийство? — Он перешел на шепот.— Вы не хотите сказать, что убили Гарриет? — прошелестел он.

— Нет. Два месяца назад был заколот ледорубом некто Симпсон. В Цитрус-Хиллз. Я пытаюсь выяснить, не был ли он знаком с Дэмисом, а также установить личность и прояснить биографию самого Дэмиса. Напрашивается следующий шаг — поехать туда, где познакомилась с ним Гарриет, и уже танцевать оттуда. Если вы не против, я вылетаю в Мексику.

В трубке воцарилось долгое молчание. Объявили мой рейс.

— Вы меня слышите, полковник?

— Слышу. Вы хотите лететь в Мексику? Когда?

— Через пять минут. Это обойдется вам в сотни две.

— Деньги не имеют значения. Если вы считаете, что это нужно, летите.

— Я не гарантирую успеха, но есть смысл попытаться. Вы не могли бы дать адрес вашей первой жены в Ахихике?

— Адреса у меня нет. Но любой из живущих там американцев скажет, как ее найти. Полина не живет затворницей.

— Ее фамилия Хэтчен?

— Да. Желаю удачи.— В его голосе звучала безнадежность.

Самолет был полупустым. Я сидел у окна над левым крылом. Когда рыжеволосая стюардесса усаживала меня, она как-то странно поглядела на меня.

Изломанная береговая линия Лос-Анджелеса исчезла в коричневом смоге. Когда самолет набрал высоту, стюардесса села рядом со мной на свободное место. В руке у нее была сложенная газета. Под гримом я заметил нездоровый цвет лица.

— Я нашла список пассажиров и схему мест от десятого июня. Рядом с Гарриет Блекуэлл сидел Симпсон. Р. К. Симпсон.

— Я так и думал.

— Вы так и думали? — Она смотрела на меня с укоризной.— Почему же вы не сказали, что он умер?

— Я не знал об этом.— Это была полуправда или полуложь, в зависимости от того, как смотреть.— Откуда вам известно об этом, мисс Гомес?

Она сунула мне под нос сегодняшний выпуск «Лос-Анд-

желес таймс», кроваво-красным облупленным ногтем ткнув в заметку внизу первой страницы.

«Опознан труп»,— гласил один из заголовков.

«Тело Квинси Р. Симпсона, заколотого ледорубом и найденного в пятницу закопанным в Цитрус-Хиллз, было опознано вчера вечером его вдовой. Погибший пропал без вести два месяца назад и был жителем округа Сан-Матео. По мнению сержанта Уэсли Леонарда, он мог стать жертвой гангстеров».

— Видите! — сказала миссис Гомес.— Он мертв. Его убили.

— Вижу.

— Вы сказали, что вы детектив. Расследуете это убийство?

— Судя по всему.

— Подозреваете кого-то в Мексике? — патриотически обеспокоилась стюардесса.

— Кого-то из Штатов.

Это успокоило ее, но ненадолго.

— Бедняжка мисс Блекуэлл! Она была так влюблена в него. Когда она сидела с ребенком, она смотрела на своего спутника так, словно это святой.

— Кем-кем, а святым он не был.

— Он был гангстером?

— Вряд ли.

— Но сказано же, что это жертва гангстеров.

— Гангстеры не убивают простых граждан.

Она задумалась над услышанным, нахмурив черные бровки.

Подобная неопределенность действовала мне на нервы, а может, дело было в том, что я не мог определить своего отношения к Дэмису. Факты были против него, но я хотел оставаться беспристрастным.

Я вздохнул с облегчением, когда девица пошла исполнять свои обязанности. Всякий раз проходя мимо, она отводила взгляд. Она явно боялась, что смерть заразна и я могу оказаться переносчиком инфекции.

Мы летели над морем, но земля была видна. Воздух был прозрачен. Берега Калифорнийского залива напоминали берега ада — ни деревца, ни дома, ни души. Солнце клонилось к западу, тени от желтых холмов удлинялись и убегали в высохшие долины. Приятно порадовали первые квадратики обрабатываемой земли. Пустыня не всесильна.

Когда мисс Гомес принесла мне обед, она спросила:

— Как проходит полет?

Я ответил, что прекрасно.

Был багровый закат, когда мы описали круг над Масатланом. Три скалистых острова выступали из сердитого багрового моря. Одно грузовое и три рыбачьих судна стояли в гавани. На другом конце города, возле аэропорта, новые многоквартирные дома выстроились вдоль моря, напоминая Копакабану.

Нас загнали в здание аэровокзала, чтобы проверить наши туристские карты. Мальчик продавал — или пытался продать — куклы, висевшие на веревочках. Голые руки продавца были тоненькими, как у кукол.

Очередь медленно двигалась в духоте. Наконец и я подошел к похожему на кафедру столу, где восседал человек в рубашке с открытым воротом. Его лицо, покрытое оспинами, сделало вопрос, который он мне задал, весьма актуальным:

— Certificado de vacunacion senor? [1]

Прививку я не сделал. Меня об этом не предупредили. Признаваться было глупо, но я именно так и поступил. Он наклонился ко мне и произнес не в гневе, но в печали:

— Вы должны сделать прививку. Иначе я не могу позволить вам...

— Где же я сделаю ее?

— Прямо здесь.

Он вызвал служащего в форме оливкового цвета, который отвел меня в комнату в дальнем крыле. Смуглая полная женщина, сидевшая за столом, одарила меня материнской улыбкой. Белая каменная стена за ее спиной была вся в трещинах.

— Прививка?

— Увы.

Она записала на карточке мою фамилию и адрес.

— Не бойтесь. Это не больно. Я делаю хорошо. Пожалуйста, снимите пиджак и засучите левый рукав.

Ловким ударом она вогнала иголку.

— Вы храбрый,— заметила она.— Кое-кто падает в обморок.

— Вы хорошо говорите по-английски.

— Почему бы нет? Я шесть лет проработала во Фриско младшей медсестрой, а потом поступила на курсы. В Лос-Анджелесе у меня живет дочь, она замужем. Можете опустить рукав. Реакция наступит завтра.

---

[1] У вас есть справка о прививке, сеньор? *(исп.)*.

— И много вы делаете таких прививок? — спросил я, застегнув рукав и надевая пиджак.

— Две-три в день, а когда и больше. Правительство относится к этому очень серьезно. Приезжие либо забывают свои справки, либо вообще не знают про прививки. В Лос-Анджелесе аэропорт так перегружен, что некому и сообщить.

А вдруг повезет, решил я, и спросил:

— Пару месяцев назад приезжал сюда один мой приятель из Лос-Анджелеса. Интересно, ему вы тоже делали прививку?

— Какой он из себя?

Я описал Берка Дэмиса.

Она задумчиво скривила рот.

— Вроде делала. У него такие же мощные бицепсы, как у вас. Но ему не понравилось, что надо сделать укол. Из всех сил пытался отвертеться.

— Когда это было?

— Если скажете его имя, могу сообщить точную дату.

— Квинси Ральф Симпсон.

Открыв один из ящиков стола, она начала просматривать картотеку, затем извлекла одну из карточек.

— Вот, пожалуйста. Симпсон. Двадцатого мая.

Это означало, что Берк Дэмис прибыл в Мексику через два дня после того, как настоящий Ральф Симпсон в последний раз приехал домой. И еще это означало, что Симпсон скорее всего был убит между восемнадцатым и двадцатым мая — возможно, тем человеком, что воспользовался его именем.

— Очень симпатичный молодой человек,— сказала женщина.— Когда я сделала ему прививку, мы очень мило побеседовали.

— О чем?

— О том, что у меня в Лос-Анджелесе дочь. Еще он интересовался, не от землетрясения ли это.— Она показала рукой на трещины в стене.

— Я хотел спросить то же самое.

— Это не землетрясение. Это ураган. Он чуть не вырвал из земли эту часть здания. Вы не поверите, что его построили десять лет назад.

Снова возник человек в оливковой форме, приведший новых жертв, супружескую парочку, ссылавшуюся на то, что их предупреждали: все формальности можно уладить непосредственно в Мехико-Сити. Женщина одарила их материнской улыбкой.

Глава 9

Когда мы сели в Гвадалахаре, начался ливень, словно наш самолет прорвал перепонку в нижних слоях атмосферы. Пока мы шли от самолета к зданию аэропорта, я держал над головой газету, но все равно промок насквозь и одежда липла к телу.

Обменяв мокрые доллары на сухие песо, я попросил кассира подыскать мне таксиста, говорящего по-английски. Тот перепоручил это носильщику, вскоре вернувшемуся с человеком в пластиковом плаще, улыбавшемся из-под мокрых усов.

— Куда прикажете, сэр?

— В Ахихику, если там есть отель.

— Есть, сэр, и очень симпатичный.

Через покрытую лужами стоянку он провел меня к почти новой «симке». Я сел на переднее сиденье.

— Мокрая погодка!

— Да, сэр.

Около получаса он угощал меня отрывками своей биографии. Как и медсестра, он выучил английский, когда жил в Центральной долине.

— Я был мокроспинником [1],— сообщил он не без гордости.— Трижды переходил границу. Дважды меня ловили и возвращали обратно на автобусе. Третий раз повезло, я добрался до Мерседа. Там и работал на полях четыре года. Знаете Мерсед?

— Знаю. Как условия труда?

— Не очень. Но платили хорошо. Я заработал достаточно, чтобы вернуться домой и завести свое дело.— Он похлопал по рулю «симки».

Черные холмы остались позади, мы выехали к озеру. Тускло заблестела водяная гладь, испещренная волнами. Из-под самых фар врассыпную бросилась стайка ослов. Я глянул на них в заднее стекло, залитое потоками дождя: они казались странными карикатурами на лошадей.

Из темноты впереди стали выступать башни церкви, а за ними дома пониже. Дождь лил не так сильно, а когда мы доехали до городка, и вовсе прекратился. Хотя был уже одиннадцатый час вечера, у дверей домов копошилась

---

[1] «Мокроспинниками» («мокрыми спинами») называют в США нелегальных иммигрантов из Мексики (нередко для этого переплывающих р. Рио-Гранде).

детвора. Взрослые прогуливались по моментально просохшим улицам, мощенным булыжником.

На углу центральной площади старуха в платке продавала что-то вроде рагу из большого горшка, стоявшего на деревянном столике. Я успел почувствовать странный пряный запах кушанья, когда мы проезжали мимо: в этом запахе была надежда и сомнения. Короче, запах Мексики.

Когда мы оказались в posada[1], я почувствовал себя ближе к дому. Ночной портье оказался американцем средних лет по имени Стэси. Он обрадовался моему появлению. Вестибюль с колоннами имел запущенный вид. Стэси, я и мой таксист, зашедший в отель, были единственными живыми существами в обозримом пространстве.

Стэси обхаживал меня так, словно совмещал в себе весь обслуживающий персонал отеля.

— Ну, разумеется, для вас найдется место, мистер Арчер,— говорил он.— Можете выбирать любой из очень милых отдельных домиков.

— Мне все равно. Я проведу скорее всего одну ночь.

Это сообщение не обрадовало его, но он вежливо сказал:

— Сейчас вышлю человека за вашим багажом.

— У меня нет багажа.

— Но вы промокли насквозь.

— Знаю, но мой костюм быстро сохнет.

— Нельзя же, чтобы он сох на вас.— Он сочувственно поцокал языком.— Послушайте, мы же с вами почти одного роста. Могу одолжить вам брюки и свитер. Если вы, конечно, не хотите сразу же завалиться спать.

— Нет, пока не собираюсь. Вы очень любезны.

— Для соотечественника я готов на все,— усмехнулся он, но в общем-то не шутил.

Через мокрый от дождя сад он провел меня к одному из коттеджей. Домик был чистый, просторный, с камином. Прежде чем уйти, Стэси предупредил меня, что пользоваться можно только кипяченой водой и для питья и для чистки зубов. Я зажег камин и повесил сушиться мокрый пиджак на крючок над каминной полкой.

Вскоре вернулся Стэси с охапкой сухой одежды. Его крупное лицо с пористой кожей светилось от щедрости и пропущенного между прочим стаканчика. Фланелевые брюки оказались чуть широковаты в поясе. Я подпоясался своим ремнем и надел голубой свитер Стэси с высоким

---

[1] Гостиница *(исп.)*.

воротом. Слева, где сердце, было вышито большое «С», наподобие мишени. От свитера пахло тем сосновым дезодорантом, что навязывают покупателям, желающим выглядеть настоящими мужчинами.

— А вам идет,— заметил Стэси.

Он смотрел на меня с завистью. Возможно, он видел во мне самого себя с талией поуже, плечами пошире и десятью лишними годами, которые можно прожить по-другому. Узнав, что я собираюсь в город, он еще больше расстроился, ибо предвкушал разговор о смысле жизни у камина.

Стэси знал, где живут Хэтчены, и объяснил таксисту по-испански, как проехать. Мы оказались на улице без названия. На стене углового дома краской было выведено: «Gristianismo si, Communismo no» [1]. Писал не профессионал.

Ворота дома Хэтченов были заперты на ночь. Прежде чем хозяева отозвались, пришлось долго стучать. Впрочем, это было не единственным нарушением ночной тиши. Дальше по улице в доме орало радио, зацокали копыта, причудливо заржал осел. Часы на церкви отбили три четверти, а затем повторили это для тех, кто не расслышал. Взвизгнула свинья.

Приоткрылась верхняя часть плетеных ворот, и в лицо мне ударил свет фонарика.

— Quenes? [2] Вы американец?

— Да. Меня зовут Арчер. А вы мистер Хэтчен?

— Доктор Хэтчен. Мы вроде бы не знакомы. Что случилось?

— Ничего особенного. Дочь вашей жены Гарриет сбежала с молодым человеком Берком Дэмисом, которого вы, наверное, знаете. По просьбе полковника Блекуэлла я приехал сюда, чтобы понять, что собой представляет этот Дэмис. Готовы ли вы и миссис Хэтчен ответить на мои вопросы?

— Думаю, что да. Приходите утром.

— Утром меня уже здесь не будет. С вашего позволения я бы сделал это сейчас. Я постараюсь быть кратким.

— Хорошо.

Хэтчен стал отпирать ворота, а я расплатился с таксистом. Хэтчен повел меня через сад по мощенной кирпи-

---

[1] Христианство — да, коммунизм — нет! *(исп.)*.
[2] Кто это? *(исп.)*.

чом дорожке. Фонарик освещал выбоины. Худой стареющий человек ступал с немалым трудом.

Перед фонарем у входа в дом он остановился:

— Что именно вы имели в виду, сказав, что Гарриет сбежала с Берком Дэмисом?

— Она собирается за него замуж.

— Что тут плохого?

— Все зависит от того, что мне удастся про него узнать. Я уже натолкнулся на кое-что сомнительное.

— Например? — На остром сморщенном лице пронзительно блеснули глаза.

— По-видимому, он приехал сюда под чужим именем.

— Такое бывает. Леса вокруг озера Чапала кишат людьми, живущими инкогнито. Но вы входите. Жене будет интересно.

Он включил свет в крытой галерее, через которую провел меня в комнату. На кушетке сидела в элегантной позе женщина, ее светлые волосы были затейливо причесаны, черный халат подчеркивал белизну и пухлость плеч. Время слегка размыло безупречные линии шеи и подбородка.

— Мистер Арчер. Моя жена Полина,— гордо возвестил Хэтчен.

Она пожала мне руку с видом королевы, лишенной трона, и не отпускала, зажав с помощью приема восточной борьбы, пока я не сел рядом на диван.

— Присаживайтесь,— сказала она, что было уже необязательно.— Чем обязана?

— Мистер Арчер — эмиссар старины Марка,— подсказал муж.

— Какая прелесть! Что же на сей раз задумал старина Марк? Подождите, не говорите! Попробую угадать! — Она поднесла палец к носу.— Его волнует судьба Гарриет, так?

— В самое яблочко, миссис Хэтчен.

— Старая история,— произнесла она с кислой улыбкой.— Он всегда кудахтал вокруг нее, словно наседка.

— Гарриет сбежала с Дэмисом,— вставил Хэтчен.

— И правильно сделала. Рада, что у нее хватило отваги. Раньше ей сильно недоставало отваги и стойкости матери.— Она подняла вверх палец.— Мы с Кейтом собирались выпить на сон грядущий. Не присоединитесь?

Муж, все еще стоявший посреди комнаты, удивленно сказал:

— Ты уже выпила сегодняшнюю норму, дорогая. Помнишь, что говорил доктор?

— Доктор в Гвадалахаре, а я здесь.

— Но и я здесь.

— Тогда не будь занудой и принеси нам выпить. Ты не забыл, что я люблю?

Он пожал плечами и обратился ко мне:

— А вы что будете пить?

— Виски.

— Я бы рекомендовал джин. Он здесь лучше.

— Прекрасно, тогда джин с тоником.

Он вышел из комнаты, бросив тревожный взгляд на жену, словно та замыслила побег. Она же направила все свои чары на меня.

— Вы, наверное, думаете: что за мать, которой наплевать на то, как идут дела у дочери! Но я беженка. Я давно сбежала от Марка, от его образа жизни. Мы не виделись тринадцать лет, и слава Богу! Я перевернула страницу, начала новую главу. Главу о любви и свободе.— Романтика задребезжала в ее голосе, напомнив плохо настроенную эолову арфу.

— Мне не очень понятно, почему вы от него ушли.

Мои слова ее не удивили.

— Брак был ошибкой. У нас мало общего. Я всегда любила людей — веселых, понимающих толк в жизни.— Она покосилась на меня.— Вы производите впечатление человека, умеющего жить. Странно, что вы приятель Марка. Он проводил досуг, сочиняя историю рода Блекуэллов. Вы представляете?

— Я не говорил, что я приятель Марка.

— Но разве он вас не присылал?..

— Я частный детектив, миссис Хэтчен. Он нанял меня выяснить, кто такой Берк Дэмис. Надеюсь, вы не откажетесь помочь.

— Я его плохо знала. Хотя Гарриет влюбилась в него по уши. С первого взгляда.

— Когда был брошен первый взгляд?

— Месяц назад. Почти сразу после ее приезда. Я ей так обрадовалась. Потом наступило небольшое разочарование...

— Почему?

— По разным причинам. Я очень надеялась, что она преодолеет стадию гадкого утенка. В какой-то степени это произошло. Она ведь моя дочь! — Ее неугомонный палец уперся в лоб, потом съехал по носу мимо рта к подбородку, задорно при этом вскинувшемуся.— Меня очень огорчало, что между нами так мало общего. Ей не понравились ни

наши друзья, ни наш образ жизни. Мы очень старались, чтобы ей было у нас хорошо, но не прошло и недели, как она от нас ушла.

— К Дэмису?

— На такое она не пошла бы! Она воспитана в старых традициях. Она сняла коттедж у озера. У Дэмиса, похоже, тоже был домик где-то рядом. Они явно проводили большую часть времени вместе.

— Вы знали до этого Берка Дэмиса?

— Нет, она встретилась с ним не у нас. Мы, конечно, видели его мельком пару раз, но познакомила нас Гарриет. Это случилось через несколько дней после ее приезда.

— А где вы до этого его видели?

— В основном в «Кантино». Там, наверное, и Гарриет его встретила. В «Кантино» околачиваются все эти свободные художники.

— Значит, вы встречали его в «Кантино» до того, как он и Гарриет познакомились?

— Да, несколько раз. Он хорош собой, его сразу заметно.

— Он называл себя Берком Дэмисом?

— Наверное. Можете спросить людей из «Кантино». Это дальше по нашей улице.

— Спрошу. Пытался ли Дэмис познакомиться с вами до приезда Гарриет?

— Нет, мы его совсем не знали.— Ее глаза внезапно сузились.— Не хочет ли Марк повесить на нас...

— Нет, просто мне хотелось бы знать, не наметил ли Дэмис себе в жертвы Гарриет еще до того, как она здесь появилась.

— Наметил в жертвы?

— Как богатую невесту.

— От нас он не получал такой информации, если вы это имеете в виду.

— Значит, у вас нет сведений, что он искал с ней встречи?

— Сомневаюсь. Он подцепил ее в «Кантино», и бедняжка была на седьмом небе от счастья.

— Почему бедняжка?

— Мне всегда было жаль Гарриет. Ей досталось и от меня, и от отца. Конечно, это выглядит с моей стороны эгоизмом — бросила Гарриет,— когда она была маленькой. Но у меня не было иного выбора, если я хотела спасти душу.

Я задал себе вопрос, удалось ли это ей, и надеялся, что

она пояснит свои слова. В ее глазах появилось жесткое выражение человека, в жизни которого были всякие перемены, кроме перемен к лучшему.

— Короче, я получила развод в Рино. Мне очень не хотелось так поступать. При мысли, что я бросаю дочь, у меня сердце кровью обливалось. Но Гарриет была папиной дочкой. Мне ничего не оставалось делать — разве что убить ее отца. И эта мысль приходила мне в голову, но развод в Неваде все же выглядел цивилизованнее. Кейт,— она махнула рукой в сторону кухни, где муж колол лед,— побывал в Неваде по тому же поводу. Куда это он запропастился?

— Может, он дает нам возможность поговорить?

— Наверное. Он такой тактичный! С Кейтом я была счастлива, учтите! — Это прозвучало как вызов.— Но не думайте, что я не чувствовала вины перед дочерью. Это чувство только усилилось, когда она к нам приехала в прошлом месяце. Она чего-то от меня хотела — очень хотела. Того, что я не могла ей дать, а если бы дала, то она отказалась бы принять. Гарриет все еще винит меня за то, что я бросила отца в беде, это ее выражение. Я пыталась все объяснить, но она не желала слышать никаких упреков в адрес отца. В ее жизни он был главным. Она закатила мне истерику, а я, признаться, ответила тем же. Разгорелся скандал, и она от нас ушла.

— Похоже, это и толкнуло ее к Дэмису. Такие, как он, поджидают девушек и женщин, оказавшихся без поддержки родных и близких.

— Вас послушать, так он большой хитрец.

— Он и есть хитрец. Имя Квинси Ральфа Симпсона что-нибудь вам говорит? Квинси Ральф Симпсон.

Она покачала головой, и ее прическа рассыпалась. Казалось, все в ней держится при помощи шпилек.

— Я обязана знать это имя?

— Нет, я вовсе не ожидаю этого от вас.

— Какое имя? — спросил от дверей ее муж. Он вошел с медным подносом ручной работы, на котором три бокала с розовым питьем составили треугольную композицию.

— Имя, под которым Берк Дэмис пересекал границу. Квинси Ральф Симпсон.

— Первый раз слышу.

— О нем трубят калифорнийские газеты.

— Но мы их не читаем.— Он галантно вручил мне бокал.— Мы успешно скрываемся здесь от калифорнийских газет, атомных бомб и подоходного налога.

— И дорогих спиртных напитков,— подхватила его супруга, как актриса в водевиле.

— Этот джин обходится мне в сорок американских центов за литр. А впрочем, сколько бы ни стоил... Салют! — Он поднял бокал.

Я отпил из своего. Джин был неплохой, но теплей от него не стало. От комнаты и ее хозяев веяло холодом. Хэтчены напоминали перелетных птиц, присевших отдохнуть, утративших чувство дома, завороженных идеей вечного полета — на одном месте. По крайней мере, такая картина рисовалась мне через дно стакана с джином.

Я поставил стакан и встал. Поднялся и Хэтчен.

— Так что там насчет этого Симпсона и газет?

— Месяца два назад его закололи ледорубом. А на прошлой неделе был найден труп.

— Говорите, Дэмис воспользовался его именем?

— Да.

— Его подозревают в убийстве Симпсона?

— Да. Это я его подозреваю.

— Бедняжка Гарриет,— сказала Полина и отпила из стакана.

Глава 10

Ресторан «Кантино» состоял из нескольких сообщающихся залов и выглядел так, словно раньше это был частный дом. В половине двенадцатого во вторник он снова стал частным домом. В углу у эстрады сидел крупный человек с прядями падавших на воротник длинных седых волос и выпивал. Кроме него, в зале не было ни души.

По стенам висели небольшие картины — работы маслом. Точки, пятна, завихрения, квадраты, похожие на те, что мелькают перед глазами, когда засыпаешь или просыпаешься. Мне показалось, что Дэмис где-то близко. Переходя от картины к картине, я надеялся узнать его руку — или увидеть подпись.

— Las pinturas[1] продаются, сеньор,— раздалось у меня за спиной.

Я обернулся. Говорил молодой официант-мексиканец. У него был перебитый нос, плотно сжатые, как от обиды, губы и смышленые черные глаза.

— Простите, но я не покупаю картины.

---

[1] Картины *(исп.)*.

— Никто никогда их не покупает. Каркнул ворон: «Никогда».

— Читали По?

— В школе, сеньор,— улыбнулся он.— «У моря на крае земли я девушку знал, я ее назову Аннабель Ли». Учился сам, хотел стать преподавателем, но отец разорился — и вот, пожалуйста! Денег нет, работы мало. Туристов по пальцам перечесть.

— Почему?

— Кто нам расскажет о повадках перелетных птиц? Знаю одно: трудно жить, честно зарабатывая свой хлеб. Я попробовал заняться боксом, но это оказалось не по моей части.— Он дотронулся до поврежденного носа. Свою биографию он выложил легко и быстро. Я ожидал завершающего аккорда — просьбу о вспомоществовании. Впрочем, он мне понравился. Его лицо было озарено каким-то странным светом, словно в его глазах собрались воедино разбросанные огоньки этого темного города.

— Не желаете ли что-нибудь выпить, сеньор?

— Разве что пива.

— Темного, светлого?

— Светлого.

— Отлично! Темного у нас все равно нет. Наши запасы — три бутылки светлого и литр текильи. Лед кончился. Но пиво холодное. Я его припрятал.

Он улыбнулся, зашел в боковую дверь и вернулся с бутылкой и стаканом. Потом виртуозным движением наполнил стакан.

— Хорошо наливаете!

— Да, сэр! Я умею делать мартини, «маргариты», другие коктейли. Иногда меня нанимают работать на приемах, там-то я и выучился болтать по-английски. Если вашим друзьям понадобится первоклассный cantinero [1], передайте, что Хосе Перес из «Кантино» всегда к их услугам.

— Боюсь, в этих местах у меня нет друзей.

— Вы турист?

— Отчасти. Я здесь проездом.

— Художник, por ventura? [2] — осведомился он, покосившись на свитер с буквой «С».— У нас здесь раньше бывало много художников.— Он посмотрел в угол, где маячила одинокая фигура. Мой хозяин тоже художник.

— Я бы хотел с ним поговорить.

---

[1] Официант *(исп.)*.

[2] Зд.: наверное *(исп.)*.

— Я передам ему, сеньор.

Хосе быстро подошел к длинноволосому и что-то сказал ему по-испански. Тот взял свой стакан и побрел ко мне так, словно был по колено в воде или по брови в текилье. Вязаный пояс с серебряной пряжкой разделял его огромный живот на два полушария.

— Мои маленькие глазки заприметили соотечественника из Штатов! — сказал он.

— Они вас не обманули. Кстати, меня зовут Арчер.— Он покачивался надо мной, словно Пизанская башня.— Почему бы вам не присесть?

— Спасибо.— Он опустился в кресло.— Я Чанси Рейнольдс. Никакого отношения к Джошуа Рейнольдсу, хоть и балуюсь живописью. Я всегда считал сэра Джошуа сначала критиком и только потом художником. Вы со мной не согласны? — Он подался вперед с воинственным видом.

— Даже не знаю, что и ответить, мистер Рейнольдс. Я не специалист.

— А я решил, что вы специалист, раз заинтересовались картинами. Приятно видеть покупателя.

— Куда делись прочие покупатели?

— Ou sont les neiges d'antan[1]. Когда я купил ресторан, он ломился от посетителей. Я решил, что набрел на золотую жилу.— Он взглянул на свои ручищи так, словно был удивлен, что в них ничего нет.— Затем люди перестали приходить. Если ручеек совсем пересохнет, я закрою ресторан и снова начну писать картины.— Казалось, он предъявил сам себе ультиматум.

— Вы зарабатываете на жизнь живописью?

— Я пишу картины. Слава богу, у меня есть иной доход. Кто нынче зарабатывает живописью? Чтобы картины начали приносить доход, надо сперва помереть. Ван Гог, Модильяни — все великие сначала отдали Богу душу...

— Как насчет Пикассо?

— Исключение, только подтверждающее правило.— Он понял стакан и отпил.— А вы что поделываете, мистер Арчер?

— Я детектив.

Он брякнул стакан на стол. Его налитые кровью глазки недоверчиво уставились на меня. Так раненый бык смотрит на guerencia[2]. Что, Гледис послала? Откуда она узнала, где я?

---

[1] Где прошлогодний снег *(фр.)*.
[2] Зд.: загон *(исп.)*.

— Я не знаю никакой Гледис.

— Честно?

— И от вас слышу впервые. Кто такая Гледис?

— Моя бывшая жена. Развелся с ней в Хуаресе. Но в штате Нью-Йорк этого не признали. Потому-то, дружище, я здесь застрял на всю оставшуюся жизнь.— У него это прозвучало как «надолго».

— Меня интересует молодой человек по имени Берк Дэмис.

— За что его разыскивают?

— Его никто не разыскивает.

— Не надо заливать. Я достаточно прочитал детективов долгими бессонными ночами и по лицу могу сказать, кто есть кто. У тебя вид сыщика, готового схватить за руку подлого негодяя.

— Красиво изъясняетесь, мистер Рейнольдс. Вы знали Дэмиса?

— Отдаленно. Он заходил сюда еще до того, как я влип с этой верандой... тьфу!.. арендой.— Он подался вперед, и его длинные пряди взметнулись и упали, как сломанные крылья.— Почему, по-твоему, они перестали сюда приходить? Скажи мне, беспристрастный и зоркий наблюдатель. У меня что, отпугивающая внешность?

— Хосе говорит, с этим сейчас всюду туго,— уклончиво сказал я.— Загадочные законы жизни перелетных птиц.

Он обернулся, посмотрел на Хосе, который стоял, облокотившись о стену, подозвал его и велел еще налить. Хосе наполнил его стакан из бутылки с текильей.

— Вы когда-нибудь общались с Дэмисом?

— Так, говорили о пустяках. Симпатичный парень, но мы знакомы отдаленно. Он бывал здесь с приятелями. Он все еще в Ахихике?

— Нет, а с какими он бывал приятелями?

— Чаще всего с Биллом Уилкинсоном.

— А где мне его найти?

— В «Уголке». Говорят, он теперь там обосновался после того, как мы с ним немножко повздорили.

— Из-за чего же?

— Не столько с ним, сколько с миссис Уилкинсон. Она из тех штучек, что мнят себя коллекционерами, потому что у них водятся деньги. Я сообщил ей, куда она может засунуть свои деньги, чтобы они не пропали. И Биллу то же самое посоветовал. Я не женоненавистник, но...

— Как и Берк Дэмис. Вы видели его с женщинами?

— Постоянно. Берк часто проводил время с Анной

Касл. Еще до того, как он познакомился с блондинкой, как там ее...— Он вступил в отчаянную схватку с памятью.

— Не важно. Кто такая Анна Касл?

— У нее художественный салон на той стороне площади. А у Дэмиса рядом была студия. Соседство и сделало свое черное дело. Анна вполне ничего, если вам нравятся серьезные смуглянки. Но потом появилась большая блондиночка, и он бросил Анну.

— Что значит «большая блондиночка»?

— Крупное тело, но мелкая личность. Она еще не стала женщиной.— Глоток текильи освежил его красноречие.— Когда станет, из нее, может, что-то и получится. Красота не в чертах лица, но в душе! Потому-то так трудно писать портреты.

— Вы очень наблюдательны.— Я решил, что немножко лести не повредит.

— Люблю изучать людей, дружище. Если ты и правда детектив, то должен меня понять.

— Я следопыт,— сказал я.— Похоже, вы неплохо присмотрелись к блондинке.

— О да! Как там ее звали... Мисс Блекуэлл вроде бы. Нас недавно познакомила ее мамаша. Мне всегда нравились высокие, потому что я и сам не карлик. В Гледис, между прочим, почти шесть футов, mirabile dictu [1]. Когда-то она блистала на Бродвее, но я, болван, вытащил ее оттуда и сделал натурщицей. В результате я теперь гнию в своем личном Бауэри [2].— Он обвел взглядом пустой зал.

Я встал из-за стола.

— Спасибо за информацию. Не скажете, как попасть в «Уголок»?

— Конечно, скажу, но послушай — мы хорошо сидим. Допивай свое пиво, и я велю Хосе сделать тебе настоящую выпивку. Где Хосе! Хосе!

— Не стоит беспокоиться. Я хочу переговорить с Биллом Уилкинсоном.

— Ну смотри.— Он неуклюже поднялся на ноги.— Не хочешь рассказать мне, что все-таки стряслось?

— Я мог бы кое-что присочинить, но это займет много времени.— Я вытащил бумажник.— Сколько с меня за пиво?

— Нисколько! — Он сделал величественный жест рукой, отчего чуть не потерял равновесие.— Ты мой гость.

---

[1] Удивительным образом *(лат.)*.

[2] Район в Нью-Йорке, знаменитый своими ночлежками.

Я не могу взять с тебя денег. Сдается мне, ты принесешь удачу.

— Пока мне это не удавалось, мистер Рейнольдс.

Он объяснил мне, как пройти в «Уголок», и я двинулся в путь по ночным улицам. Дети разбежались по домам, прохожих попадалось мало — в основном мужчины. В своих накидках и высоких конусообразных шляпах они смахивали на заговорщиков. Однако когда я сказал очередной стайке: «Buenas noches»[1], вдогонку услышал хоровое: «Buenas noches».

Глава 11

«Уголок» был уже закрыт. Руководствуясь интуицией и боем городских часов, отбивающих четверти, я вернулся на главную площадь. Там не было ни души, не считая человека за решеткой местной тюрьмы, состоявшей из одной камеры-клетки.

Под взглядом его индейских глаз я обошел площадь. Уже описав было полный круг, я обнаружил на доме вывеску, написанную по английски: «Изделия местных художественных промыслов. Салон Анны Касл». Ставни были закрыты, но из-под них выбивался свет и доносились какие-то размеренные звуки.

Когда я постучал в ставень, звуки прекратнлись. По камням зацокали каблучки, и тяжелая дверь со скрипом отворилась. На меня смотрела миниатюрная женщина.

— Что вам угодно? Уже поздно.

— Я понимаю, мисс Касл. Но я улетаю завтра утром, а поскольку вы не спите, я решил...

— Я знаю, кто вы такой.— В ее голосе была укоризна.

— В вашем городке новости узнают мгновенно.

— А вы как думали! Поверьте мне, вы зря тратите время. Берк Дэмис уже давно уехал. Я действительно какое-то время сдавала ему студию. Но мне нечего вам рассказать о нем.

— Странно. Вы меня никогда не видели, но все обо мне знаете.

— Ничего странного. Официант из «Кантино» мой знакомый. Я научила ткать его сестру.

— Мило с вашей стороны.

— Это естественная часть моей жизни и моей работы.

---

[1] Доброй ночи *(исп.)*.

А вы вот нечто инородное. И если вы уберете с порога вашу ножищу, я смогу вернуться к ткацкому станку.

Я не шелохнулся:

— Работаете допоздна?

— Я работаю все время.

— Я тоже, когда расследую дело. Вот мы нашли что-то общее. Мы в чем-то схожи.

— Даже не знаю, в чем именно.

— Нас обоих волнует судьба Берка Дэмиса.

— Волнует! Меня? — В ее голосе зазвенел металл.— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я тоже, мисс Касл. Может, вы мне все расскажете?

— Ничего я вам не скажу.

— Вы любите Берка Дэмиса?

— Конечно, нет,— возразила она с таким пылом, что все сразу стало понятно.— Это самое нелепое утверждение... вопрос, который мне когда-либо задавали.

— У меня много таких нелепых вопросов. Может, разрешите войти в дом и задать их вам?

— Почему это?

— А потому, что вы серьезная женщина, а вокруг творятся серьезные вещи. Я прилетел из Лос-Анджелеса не шутки шутить.

— Что же произошло?

— Среди прочего Берк Дэмис сбежал с молодой особой, которая из-за него потеряла голову.

Анна долго молчала, потом сказала:

— Я знаю Гарриет Блекуэлл и согласна с вашей оценкой. Она эмоционально неуравновешенна и действительно потеряла из-за него голову. Тут я ничем не могу помочь и не желаю.

— Даже если ее жизнь в опасности?

— Из-за Берка? Какая ерунда.

— Это не ерунда. Я об этом много думал.

Она чуть приблизилась ко мне. Я заметил блеск в ее глазах и почувствовал ее аромат, свежий, чистый, без следов парфюмерии.

— Вы действительно приехали из Штатов, чтобы расспросить меня о Берке?

— Да.

— Он что-то сделал Гарриет?

— Не знаю. Они исчезли вдвоем.

— И вы заподозрили неладное?

— Я охотно поделюсь с вами соображениями, если

и вы мне кое-что расскажете. Похоже, мы одинаково смотрим на вещи.

— Нет, вы просто приписываете мне свои слова.

— Если вы будете откровенны, я не стану этого делать.

— Пожалуй, придется так и поступить,— сказала она мне и своей собственной совести.— Входите, мистер Арчер! — Она уже знала, как меня зовут.

Я проследовал за ней в ее комнату в задней части магазина. В углу стоял ткацкий станок, а на нем рос кусок затейливой ткани. На стенах и на мебели были ткани похожей фактуры и великолепной расцветки.

Анна Касл тоже была по-своему великолепна. На ней была пестрая мексиканская юбка, вышитая кофточка, а в ушах — огромные золотые кольца, большие похожие на обручи. Короткая стрижка подчеркивала ее миниатюрность и своеобразие. Глаза карие, очень неглупые — и гораздо более приятные, нежели голос, которым она со мной говорила.

Мы сели на диван, и она сказала:

— Вы собирались рассказать мне, что сделал Берк.

— По психологическим соображениям я бы сперва послушал вас.

— Вы боитесь, что, выслушав вас, я вообще откажусь говорить?

— Что-то в этом роде.

— Речь идет о чем-то ужасном?

— Может быть. Пока я не знаю.

— Убийство? — Она походила на ребенка, который нарочно упоминает вслух о том, чего боится больше всего,— о мертвеце, гуляющем по чердаку, о скелете в шкафу,— желая, чтобы его утащили, сказав, что всего этого не существует.

— Не исключено. А почему вы допускаете такую возможность?

— Вы же сами сказали, что Гарриет Блекуэлл в опасности.

— И все?

— Конечно.— Скелет напугал ее. Она прикрыла свое паническое бегство протестом: — Вы явно ошибаетесь. Они так любят друг друга. Да и Берк не способен на насилие.

— Вы хорошо его знали, мисс Касл?

Она заколебалась:

— Вы уже спрашивали, не была ли я в него влюблена.

— Извините за глупый вопрос.

— Мне все равно. Но неужели это так заметно? Или Чанси Рейнольдс нафантазировал?

— Он только сказал, что вы часто бывали вместе, пока на сцене не появилась Гарриет Блекуэлл.

— Да. С тех пор я пытаюсь выкинуть его из головы. Без особого успеха.— Она поглядела на станок в углу.— Зато я хорошо поработала.

— Может, вы расскажете все с самого начала?

— Если вы настаиваете. Хотя непонятно, чем это может вам помочь.

— Как вы познакомились?

— Самым обычным образом. Как-то он зашел ко мне в магазин — на следующий день после приезда. Ему не нравилась его комната в отеле из-за плохого освещения. Он искал место, где мог бы работать. Он сказал, что долго был лишен возможности заниматься живописью, и теперь горел желанием скорей начать. У меня есть студия, которой я не пользовалася, и я согласилась сдать ему ее на месяц.

— Он сам попросил на месяц?

— На месяц-другой. Мы не уточняли.

— А сюда он приехал месяца два назад, так?

— Ровно два месяца. Когда я думаю, что произошло за это время...— В ее глазах отразились все эти перемены.— Так или иначе в тот самый день мне пришлось срочно ехать в Гвадалахару. У одной из моих учениц разыгрался ревмокардит, потребовалась срочная медицинская помощь. Берк поехал со мной, и меня удивило, как бережно он обращался с девочкой. Эта одна из моих лучших учениц. Мы отвезли ее в больницу и зашли в ресторанчик. Там и разговорились.

Он рассказывал мне о своих творческих замыслах. Он работает в абстрактной манере, пытается с ее помощью лучше понять и точнее выразить жизнь. Он говорил, что большинство, американцев подсознательно переживают трагедию, не подозревая, что страдают, не понимая причин страдания. Он убежден, что дело в сексуальной жизни...— Она внезапно покраснела.— Для художника он очень красноречив.

— Я этого не заметил,— сказал я.— А кто платил?

Она покраснела еще сильней.

— Вы успели его неплохо узнать. Ну, я платила. У него не было денег. Потом мы зашли в магазин для художников, и он взял там красок на четыреста песо — тоже за мой счет. Он не просил, я сама предложила... в долг.

— Он вернул долг?

— Конечно.

— До того как познакомился с Гарриет или после?

— До того. По крайней мере, за неделю.

— Как он раздобыл деньги?

— Продал картину Биллу Уилкинсону, точнее, его жене. У нее есть деньги. Я пыталась убедить его не продавать картину или на худой конец продать ее мне, но он твердо решил продать картину ей, а она — купить. Она заплатила ему тридцать пять тысяч песо, чего я не могла себе позволить. Потом он жалел, что продал, пытался выкупить картину у Уилкинсонов. Они даже повздорили из-за этого.

— Когда это случилось?

— Недели две назад. Я слышала, как об этом говорили. Мы с Берком уже не разговаривали, а с Уилкинсонами я отношений не поддерживаю. Билл Уилкинсон — алкоголик. Он женился на женщине много старше себя и живет на ее счет.— Она вдруг замолчала, видно почувствовав, что сказанное может иметь отношение к ней самой и к Дэмису.— Это опасные люди.

— Насколько я понимаю, Билл Уилкинсон был главным приятелем Берка?

— Некоторое время. Билл Уилкинсон обладает прекрасным нюхом на слабости других, и на какое-то время Берк оказался у него в плену.

— Не наоборот?

— Это не тот случай. Что человек типа Берка может получить от Уилкинсона?

— Он продал его жене картину за тридцать пять тысяч.

— Это хорошая картина,— возразила Анна,— стоит дороже. Берк не склонен переоценивать свое творчество, но и он признал, что получилось настоящее трагическое полотно, то, чего ему очень хотелось добиться. В отличие от остальных его вещей эта написана в традиционной манере.

— Да?

— Это портрет,— пояснила Анна Касл.— Портрет очаровательной девушки. Он назвал картину «Портрет незнакомки». Я спросила его, знал ли он когда-нибудь такую женщину. Он ответил, что, может, знал, а может, придумал.

— А вы что по этому поводу думаете?

— Думаю, что знал и написал портрет по памяти. В жизни не видела, чтобы художник работал с таким остервенением. Вкалывал по двенадцать — четырнадцать часов в день. Мне буквально приходилось силком заставлять его делать перерывы, чтобы поесть. Я входила в

студию с comido[1], а он работал, обливаясь слезами и потом. Он писал до изнеможения, а потом шел в город и напивался. Поздно ночью я укладывала его спать, а рано утром он вставал и снова шел работать.

— Он задал вам хлопот!

— Это было прекрасное время,— горячо возразила Анна.— Я любила его, да и сейчас люблю.

Это было серьезное признание. Если внутри и бушевала истерика, Анна прекрасно держала себя в руках. Все было нормально, если не считать того, что она работала как одержимая.

Мы сидели и натянуто улыбались друг другу. Анна была привлекательной женщиной, в ней была какая-то удивительная открытость, которая облагораживает черты. Я вспомнил слова, сказанные в припадке пьяной мудрости Чанси Рейнольдсом о Гарриет: она не стала женщиной. Анна Касл была настоящей женщиной.

Я слишком долго таращился на нее. Анна встала и как птичка порхнула к бару у стены.

— Не желаете чего-нибудь выпить, мистер Арчер?

— Нет, спасибо, у меня трудная ночь впереди. После того как мы с вами обо всем переговорим, я пойду еще к Уилкинсонам. Кроме того, мне хотелось бы взглянуть на портрет.

Она резко захлопнула дверцу бара:

— Разве мы не закончили?

— Боюсь, что нет, мисс Касл.

Она снова села на диван.

— Что вам еще угодно?

— Мне по-прежнему непонятно, кто такой Берк Дэмис. Он когда-нибудь рассказывал вам о своем прошлом?

— Очень мало. Он откуда-то со Среднего Запада. Учился в нескольких художественных школах.

— Он их не называл?

— Если и называл, то я не запомнила. Вроде бы упоминал Чикаго. Он хорошо знает картинную галерею Чикагского института искусств. Но ее знают очень многие.

— Где он жил до приезда в Мексику?

— В Соединенных Штатах, в самых разных местах. Как и большинство из нас.

— Вы имеете в виду большинство из здешних американцев?

Она кивнула:

---

[1] Еда *(исп.)*.

— Это наш пятьдесят первый штат. Пожив в остальных пятидесяти, мы приезжаем сюда.

— Мы знаем, что сюда Берк приехал из Калифорнии. Он не упоминал округ Сан-Матео или район Залива?

— Некоторое время он жил в Сан-Франциско. Он хорошо знает Эль-Греко в тамошнем музее.

— В основном он говорил о живописи?

— Он говорил обо всем на свете,— сказала Анна.— Кроме своего прошлого. Об этом он помалкивал. Говорил только, что жил трудной жизнью и что со мной он счастлив так, как до этого был счастлив в детстве.

— Почему же тогда он так внезапно бросил вас?

— Это очень трудный вопрос, мистер Арчер.

— Знаю. И прошу меня извинить. Просто мне надо понять, как возникла в его жизни Гарриет Блекуэлл.

— Не знаю,— вздохнула Анна.— Она появилась внезапно.

— Он упоминал о ней до ее приезда?

— Нет, они познакомились здесь.

— Значит, до этого они не были знакомы?

— Нет. Вы намекаете, что он ждал ее приезда или вышло что-то еще более малодраматическое?

— Ни на что я не намекаю. Я просто задаю вопросы. Вам случайно не известно, где они познакомились?

— На вечеринке у Хелен Уилкинсон. Я там не была и не знаю, кого кому представляли и кто, так сказать, был агрессором. Я только знаю, что это была любовь с первого взгляда.— Она сухо добавила: — С ее стороны.

— А что было с его стороны?

Ее ясный лоб наморщился, на мгновение сделав ее почти уродливой.

— Трудно сказать. Когда она появилась, он отшвырнул меня, как перчатку. Забросил работу. Проводил все время с ней. Неделю за неделей. А потом они вместе уехали. Но в те моменты, когда я видела их вместе — он жил здесь же, хотя я старалась с ним не сталкиваться,— у меня создавалось впечатление, что он не слишком влюблен.

— У вас есть доказательства?

— Доказательства — слишком сильное слово. Дело в том, как он на нее смотрел и как не смотрел. Мне показалось, что он холодно делает свое дело, хотя, может я и сочиняю.

Она не сочиняла. Я хорошо помнил сцену в Малибу, когда Гарриет кинулась к нему через всю комнату.

— По-моему, вы правы, мисс Касл.

— Да? Но они разговаривали друг с другом совсем не как влюбленные. Как разговаривали мы с Берком, когда... были вместе.— Снова она наморщила лоб.— Они говорили о том, сколько у ее отца денег, какой красивый дом на озере Тахо. Больше ни о чем,— презрительно добавила она.

— А что они говорили о доме на озере Тахо?

— Гарриет описывала его так подробно, словно работала в фирме по продаже недвижимости. Может, я к ней несправедлива, но слушать это было тяжело. Она говорила о дубовых стропилах, об огромном камине, в котором можно зажарить быка, о том, какой роскошный вид на озеро открывается из окон. Самое грустное, Берк слушал эту рекламу с живейшим интересом.

— Она не собиралась его туда свозить?

— Вроде бы собиралась. Она, кажется, сказала, что это идеальное место для медового месяца.

— Это самое ценное сведение, что я от вас получил,— сказал я.— Кстати, как вам удалось это услышать?

Она смущенно подергала себя за одно из золотых колец-серег.

— Я сболтнула лишнее. Но раз уж начала признаваться, выложу все. Я подслушивала. Я не собиралась этим заниматься, но он приводил ее в студию несколько вечеров подряд, и все мои добрые намерения пошли прахом. Я хотела знать, о чем они говорят.— В ее голосе послышались иронические нотки.— Она говорила, что у папаши денег куры не клюют, что у него три дома, а Берк слушал развесив уши. Может, конечно, тяжелое детство дает о себе знать...

— Самое смешное, что многие мошенники — выходцы из вполне респектабельных семей.

— Он не мошенник. Он хороший художник.

— Лично я не могу понять, кто он. И вам советовал бы не быть столь категоричной.

— Я пыталась — последние недели. Но это так трудно, если...— Она беспомощно развела руками.

— Мне бы хотелось посмотреть студию. Это возможно?

— Если это вам как-то поможет...

В дальнем углу двора, у забора, где ночевал «фольксваген», высилось кирпичное строение с большим окном. Анна Касл открыла дверь и включила свет. В большой комнате с голыми стенами пахло дезинфекцией. Пол кафельный. Несколько явно неуместных здесь кресел, обитых свиной

кожей. В углу кровать с матрасом. Единственным напоминанием об уюте были шторы на большом окне.

— Он жил очень скромно,— сказала Анна.— Как монах в келье.— Снова явная ирония.— Конечно, когда он съехал, я убрала лишнее. Это случилось неделю назад, в прошлое воскресенье.

— Но в Лос-Анджелес он вылетел в понедельник, так?

— Наверное, последнюю ночь он провел у нее.

— Они спали вместе?

— В одном помещении — да. Не знаю уж, чем они там занимались. Не думайте, что я за ним все время шпионила. Я не выдержала только однажды.— Сложив руки на груди, исполненная решимости никогда больше не поддаваться слабости, она стояла словно маленький монумент.— Я раздета донага перед вами, мистер Арчер. Классический случай: домовладелица, влюбившаяся в жильца и получившая отставку.

— Я вас в этом качестве не рассматриваю.

— Как же еще меня можно рассматривать?

— Удивитесь, когда услышите. Вы были замужем?

— Однажды. Окончив Вассар, я вышла за поэта. Кому рассказать! Ничего хорошего из этого не вышло.

— И вы отправились в изгнание, в Мексику?

— Все гораздо сложнее. И я не так просто устроена,— отозвалась она, загадочно улыбнувшись.— Вам, наверное, трудно понять, какие чувства у меня вызывает эта страна. Древняя, как эти горы, новая, как Эдем. Это настоящий Новый Свет, и я рада быть частью всего этого.— И, не умея отвлечься от навязчивой идеи, добавила грустно: — Мне казалось, Берк думает так же.

Я обошел комнату, заглянул в уборную. Чисто, прибрано и не за что уцепиться. Я вернулся к хозяйке.

— Дэмис что-нибудь оставил?

— Личных вещей — нет, если вы об этом. Когда он сюда приехал, у него не было ничего, и уехал он тоже налегке, если не считать кистей.

— Он приехал совсем без вещей?

— Поношенная одежда, и все. Я уговорила его сшить костюм в Гвадалахаре. Понятно, за мой счет.

— Вы для него много сделали.

— Nada.

— Он вам что-нибудь оставил?

— Мне ничего от него не нужно.

— Ну хотя бы какой-то пустяк на память, сувенир?

Она заколебалась.

— Он оставил маленький автопортрет. Эскиз. Он хотел его выбросить. Я упросила дать мне.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста.

Анна Касл заперла студию, и мы пошли назад в дом. В спальне на стене над гладко застеленной кроватью висел портрет в бамбуковой рамке, написанный в черно-белых тонах. Вещь была стилизована. Один глаз почему-то больше другого, но Берк Дэмис и в таком виде оставался собой. Из клубка перекрещивающихся линий он мрачно взирал на мир.

Под его взглядом Анна снова сложила руки на груди, как бы принимая вызов.

— Я хочу попросить вас об одолжении. О большом одолжении.

— Вам нужен эскиз? — спросила Анна.

— Я обязательно его верну.

— Вы же знаете, как выглядит Берк. Вы его видели, так?

— Видал, но не знаю, кого именно.

— Думаете, у него другое имя?

— Похоже, он пользуется чужими именами — Берк Дэмис одно, Квинси Ральф Симпсон — другое. Он не пользовался при вас именем Симпсона?

Она покачала головой. В глазах появилось ожидание.

— В Мексику он приехал как Симпсон. Под тем же именем и вернулся в Штаты. Но человек, носивший это имя, погиб. Странно...

— Как он погиб? — Она чуть подалась вперед.

— Два месяца назад был заколот ледорубом — в городке неподалеку от Лос-Анджелеса. Цитрус-Хиллз. Берк не упоминал Цитрус-Хиллз?

— Никогда.— Ее руки бессильно упали как плети. Она взглянула на кровать и присела на нее.— Хотите сказать, его убил Берк?

— Пока Берк — главный подозреваемый, точнее, единственный подозреваемый. Штаты он покинул вскоре после гибели Симпсона. Достоверно установлено, что он воспользовался его документами.

— Кто такой Симпсон?

— Маленький человек, мечтавший стать детективом.

— Он следил за Берком? — В ее голосе было напряжение. Мертвец снова гулял по чердаку. Скелет выглянул из шкафа.

— Вы уже затрагивали тему убийства,— напомнил я.— Боитесь, что Берк в нем замешан?

Она посмотрела на меня, потом на картину на стене и опять на меня. Затем сказала жалким голосом:

— Берк убил женщину?

— Вовсе не обязательно,— сказал я нейтральным тоном.

— Вы ее знаете?

— Нет, а вы?

— Он не называл ее имени, не говорил, кто она такая. Он лишь сказал...— Она выпрямилась, пытаясь привести в порядок мысли.— Сейчас я попробую восстановить его слова. Это была наша первая ночь вместе. Он много пил и был в плохом настроении. Tristesse [1] после соития — так, кажется, это называют? — Она не щадила себя. Ее пальцы теребили край покрывала. Левая рука поднялась к груди. Анна больше не смотрела на меня.

— Вы хотели сказать мне, что он говорил, мисс Касл.

— Не могу.

— В каком-то смысле вы уже все сказали.

— Мне бы лучше вообще помолчать. Брошенная домовладелица стучит на демонического любовника. Оказывается, это мое амплуа! Ну и ну! — пробормотала она и бросилась на кровать, лицом в подушку, ноги касались пола.

Ноги, кстати, были очень даже ничего. Я сразу же отметил это в мозгу и где-то еще. Меня пронзило странное чувство. Мне очень хотелось как-то утешить ее, погладить. Но я не коснулся ее и пальцем. Слишком много у нее было воспоминаний, да и у меня тоже.

Воспоминание, особенно меня интересовавшее, получилось прерывистым, полузаглушенным подушкой.

— Он сказал, что приносит своим женщинам несчастье. Он советовал мне с ним не связываться, если я не хочу, чтобы мне свернули шею, как случилось с одной из его женщин. С последней.

— Что именно произошло?

— Она была задушена. Потому-то ему и пришлось уехать из Штатов.

— Выходит, он виноват в ее смерти. Он в этом признался?

— Нет, прямо он ничего не сказал. Это скорее прозвучало как угроза или предупреждение. Берк бросал мне

---

[1] Печаль *(фр.)*.

вызов. Кстати, физически он очень силен. Он мог сделать со мной что угодно.

— Он еще раз повторял это признание или угрозу?

— Нет, но я часто это вспоминала. Хотя и не заводила разговор. С тех пор я его побаивалась. Но это не мешало мне его любить. Я любила бы его, что бы он ни сделал.

— Два убийства не шутка, и далеко не каждый способен на такое.

Она оторвалась от спасительной подушки и села, пригладив сначала прическу, потом юбку. Она была бледной и растерянной, словно пережила тяжкий внутренний кризис.

— Я не верю, что Берк на такое способен.

— Все женщины говорят это о любимом человеке.

— Какие против него улики?

— То, что я вам рассказал, и то, что вы рассказали мне.

— Но это ни о чем не говорит. Он мог просто так болтать.

— Тогда, да и потом, вам так не показалось. Вы спросили меня, не идет ли тут речь об убийстве. Я вас уверяю, что оно имело место — двадцать четыре часа назад я видел тело Симпсона.

— Но вы не знаете, кто была та женщина?

— Пока не знаю. Мне неизвестно прошлое Дэмиса. Потому-то я и прилетел сюда, потому-то и хочу взять с собой картину.

— Зачем?

— В одной из лос-анджелесских газет работает мой знакомый искусствовед. Он хорошо знает работы молодых художников, со многими знаком лично. Хочу, чтобы он взглянул на портрет, вдруг назовет имя автора.

— Разве Берк Дэмис не настоящее имя?

— Если он в бегах, а так, похоже, и обстоит дело, он вряд ли пользуется своим именем. В Мексику он приехал как Симпсон. Но есть зацепка. Вы не заметили у него бритвенный прибор в кажаном футляре?

— Заметила. Это, по-моему, его единственная собственность.

— Инициалы на нем не помните?

— Нет.

— Б. К. Не сходятся с именем Берк Дэмик. С каким именем они сходятся, вот вопрос. Картина может помочь.

— Берите,— решительно сказала она.— И можете не возвращать. Зря я ее повесила. Что толку заниматься самоистязанием.— Она сняла эскиз с гвоздя и вручила мне.

Потом, не переставая говорить, стала выводить меня из комнаты, а себя из болевого шока: — Я обожаю, когда меня истязают. Но если тебе так необходима хорошая порка, лучше высечь себя самой. Очень удобно, не надо нанимать специального человека...

— Вы много говорите, Анна.

— Наверное, даже слишком, да?

Но при всей говорливости она оказалась очень услужливой. Дала мне мешочек со стружками, чтобы упаковать картину. Несмотря на мои протесты, вывела на улицу свой «фольксваген» и отвезла меня к дому Уилкинсонов у озера. Был второй час ночи, но Анна сказала, что скорее всего Билл и его жена не спят. Они поздно просыпаются и пьют допоздна.

Машина свернула на аллею, ведущую к их дому. В свете фар «фольксвагена» я открыл ворота, поверх которых была натянута колючая проволока. Анна коротко просигналила и уехала.

Я подумал, что мы вряд ли когда-нибудь встретимся,— и от этого на душе было грустно.

Глава 12

В доме играла музыка. Старая романтическая мелодия двадцатых годов, приторная, как жасмин. Сад вокруг дома зарос кустами и деревьями. Затем начинался пологий спуск к озеру, поблескивающему вдали.

Я стукнулся лбом о низко висящий фрукт — скорее всего, манго. Над деревьями маленькими гроздьями сверкали звезды, словно экзотические плоды, до которых не дотянуться.

Я постучал в дверь. Заглушая музыку, крикнула женщина:

— Это ты, Билл?!

Я не ответил. Через минуту-другую дверь открылась. На пороге стояла стройная блондинка в чем-то прозрачном. В ее правой руке был револьвер калибра 0,38, нацеленный мне в живот.

— Что вам угодно?

— Немного потолковать. Меня зовут Арчер, я приехал сюда на одну ночь. Я понимаю, что не вовремя, но...

— Вы не сказали, что вам угодно!

— Я частный детектив, расследую преступление...

— У нас не совершалось преступлений,— резко возразила она.

— Преступление произошло на севере, в Штатах.

— Почему вы думаете, что мне что-то об этом известно?

— Просто мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

Отступив на шаг, она командирски махнула револьвером.

— Пройдите вон туда, где лампа, я на вас взгляну.

Я оказался в настолько большой комнате, что ее углы скрывала темнота. Из большой стереосистемы у стены ностальгическим каскадом обрушивался Гершвин. Блондинка была сильно и старомодно накрашена. В ее треугольном лице была та самая неподвижность, что часто возникает после пластической операции.

Она посмотрела мне на ноги, затем ее глаза, словно пара прожекторов, взмыли вверх, к моему лицу. Я сразу узнал этот взгляд. Я не раз видел его в старых фильмах, особенно в те годы, когда я был юным завсегдатаем кинотеатров на Лонг-Бич, а она героиней вестернов, строившей глазки лошадям и всадникам.

Я порылся в памяти, пытаясь вспомнить ее экранное имя, но ничего не вышло.

— А вы ничего,— сказала она.— На вас свитер Клода Стэси?

— Он мне его одолжил. Моя одежда промокла.

— Вы друг Клода Стэси?

— Не очень близкий.

— Слава Богу. Вы на него не похожи. Вам нравятся женщины?

— Уберите пушку, и я вам скажу правду,— пообещал я с улыбкой, отнюдь не лишней в данной ситуации.

Она тоже ответила улыбкой —1929 года рождения, выглядевшей, словно сноска в учебнике истории.

— Пусть вас не пугает револьвер. Я научилась обращаться с оружием, еще когда играла в вестернах. Муж настаивает, чтобы я держала его под рукой, когда остаюсь одна. Собственно, я почти все время одна...— Она положила револьвер на столик у двери, повернувшись ко мне спиной.— Вы так и не ответили на мой вопрос насчет женщин.

— Я люблю самостоятельных женщин. Например, мне нравились вы, причем так долго, что просто стыдно при-

знаться.— Тут я вспомнил ее экранное имя.— Вы ведь Хелен Холмс?

— Вы меня помните? — Она вспыхнула холодным и ярким светом.— Я думала, меня уже все забыли.

— Я был вашим горячим поклонником,— сказал я, надеясь, что это не перебор.

— Какая прелесть! — Обхватив себя за плечи, она подпрыгнула, оторвавшись обеими ногами от пола на несколько дюймов.— За это я разрешаю вам сесть. Сейчас я приготовлю вам выпить и расскажу обо всем, что вас интересует. Только не о себе. Какую отраву предпочитаете?

— Джин с тоником, раз вы так любезны.

— Джин с тоником один раз! — пропела она и поглядела в потолок, где меж деревянных перекрытий висела золотая люстра, словно трофей в логове варваров. Комната, забитая мебелью разных эпох и стран, вообще смахивала на аукцион. У дальней стены помещался затейливый резной работы бар, полный бутылок, а перед ним стояло полдюжины табуреток, обитых кожей.

— Сядьте у бара. Там уютнее.

Я сел и стал смотреть, как она делает мне коктейль. Себе она сочинила что-то из гренадина и текильи, посыпав края стакана солью. Она так и осталась у бара, облокотившись на стойку и выставив бюст, словно барменша, решившая соблазнить клиента.

— Не буду ходить вокруг да около. Меня интересует Берк Дэмис. Вы ведь его знаете, миссис Уилкинсон?

— Слегка. Это приятель моего мужа, бывший приятель.

— Почему бывший?

— Незадолго до отъезда мистера Дэмиса они поругались.

— Из-за чего?

— Вы задаете нескромные вопросы.

— Мне некогда проявлять мою обычную деликатность.

— Это, наверное, что-то потрясающее!

— Еще бы. Так из-за чего же у них вышел сырбор?

— Из-за меня, если вы так любопытны. Из-за бедной старенькой меня.— Она поморгала длинными ресницами.— Признаться, я испугалась, что они друг друга поубивают. Но Билл ограничился тем, что сжег картину. И тем самым насолил нам обоим.— Она воздела руку вверх, словно свидетель на суде.— Только не спрашивайте почему. Просто так. Биллу порой наш брак доставляет большие мучения.

— Он сжег «Портрет незнакомки»?

— Да, и этого я ему еще не простила,— сообщила она, явно гордясь собой.— Сломал раму, порвал холст, бросил и то и другое в камин и поджег. Порой он способен на отчаянные поступки.

Она прихлебывала из стакана, слизывая соль бледным острым языком, напоминая кошку, не домашнюю кошку, а крупное дикое животное, способное напасть на человека. Ее яркие губы, казалось, смаковали только что описанную ею сцену.

— Дэмис знал об этом?

— Я рассказала ему. Представляете, он заплакал.

— С чего бы это?

— Он сказал, что это его лучшая работа. Мне она тоже понравилась.

— Он вроде бы пытался ее выкупить?

— Да, но я не собиралась с ней расставаться.— За накрашенными веками настороженно поблескивали глаза.— С кем вы уже успели поговорить?

— Кое с кем из местных.

— С Клодом Стэси?

— С ним как раз не успел.

— Почему вас интересует эта картина?

— Меня интересует все, связанное с Дэмисом.

— Вы упомянули о каком-то преступлении там, в Штатах. Почему вы не хотите о нем рассказать? Я, между прочим, ничего от вас не скрывала.

Я рассказал ей все, что случилось с Квинси Ральфом Симпсоном. Она была разочарована, будто ждала чего-то более жуткого.

— Первый раз слышу,— протянула она.— Но о Симпсоне мне вам нечего рассказать.

— Тогда давайте вернемся к картине. Дэмис называл ее портретом. Он не говорил, кто эта женщина?

— Никогда! — отрезала она.

— У вас нет никаких идей на этот счет?

Хелен Уилкинсон пожала плечами и скорчила гримасу, отчего уголки рта опустились.

— У вас должны были быть причины для того, чтобы купить картину и не желать с ней расстаться. У вашего мужа должна была быть причина ее сжечь.

— Я не знаю, кто эта женщина,— с нажимом произнесла она.

— А по-моему, знаете.

— Как вам угодно. Вы начинаете мне надоедать. Уже поздно, а у меня болит голова.— Она провела рукой по

лбу.— Почему бы вам не допить стакан и не оставить меня в покое.

Я поставил стакан на стойку, разделявшую нас.

— Извините, если проявил излишнее любопытство. Я не хотел...

— Не хотели? — Она залпом допила свой стакан и вышла из-за стойки, облизывая губы.— Идемте, я вас провожу.

Вечеринка окончилась внезапно. Нехотя я поплелся за ней к дверям.

— Я еще хотел спросить вас о Гарриет Блекуэлл. Ведь Дэмис познакомился с ней в вашем доме...

— Ну и что? — сказала она, распахивая входную дверь.— Ступайте.

Дверь захлопнулась. Во дворе я еще раз стукнулся о чертов фрукт. Я сорвал его — действительно манго! — и прихватил с собой в качестве сувенира.

Обратно я шел долго, но с удовольствием. Среди прочего прогулка давала мне время поразмыслить о Хелен Уилкинсон. Наш непрочный контакт, возникший на почве свитера Клода Стэси и того, что я вспомнил ее экранное имя, рухнул при попытке установить, чей был портрет. Я не сомневался, что Хелен знала, кто эта женщина и в каких отношениях она с Дэмисом.

Интересно, а в каких отношениях состояла с Дэмисом Хелен?

Со стороны городка показалась автомашина с зажженными фарами. Жукообразный «порше» мчался на большой скорости, виляя из стороны в сторону. Мне пришлось отскочить в кювет, чтобы не угодить под колеса. Когда машина поравнялась со мной, я увидел бледное лицо длинноволосого водителя. Я запустил в лихача манго.

Часы на башне отбили две четверти — стало быть, половина третьего. Я подошел к отелю. В комнатке за конторкой на кушетке, накрытой мохеровым пледом, спал Клод Стэси. Это была кушетка с высоким изголовьем, какой пользуются для сеансов психоанализа. Стеси спал скрючившись, как зародыш. Я потряс его за плечо. Он скорчил гримасу и зафыркал, словно огромное пожилое дитя, недовольное, что его родили.

— Что такое?

— Встретил вашу знакомую Хелен Уилкинсон. Она упоминала вас.

— Правда? — Он вынул из кармана расческу и провел

по редеющим волосам.— Надеюсь, в положительном смысле?

— Разумеется,— соврал я.

Он грелся в лучах несуществующего комплимента.

— Мы с Хелен прекрасно ладим. Не будь Билла, я бы подумал, не предложить ли ей руку и сердце.— Он подумал об этом сейчас.— Она снималась в кино и кое-что скопила. Но меня не интересуют ее деньги. Я и сам когда-то играл...

— Как Билл Уилкинсон зарабатывает на жизнь?

— А никак. Ему лет на двадцать меньше, чем Хелен,— сообщил он в виде объяснения.— Никогда этого не скажешь. Она чудесно сохранилась. А Билл вот сильно сдал. Раньше это был античный бог, честное слово.

— Вы давно знакомы?

— Порядком. Через него я и познакомился с Хелен. Он женился на ней года два назад, когда родители перестали высылать ему деньги. Не то чтобы на ней он женился из-за денег, но что он женился на деньгах, уж это точно! — Стэси захихикал.— Билла бесит, когда Хелен даже смотрит на другого мужчину.

— А это случается?

— Боюсь, что да. Когда-то она меня самого волновала.— Он тщеславно усмехнулся.— Конечно, я не возжелаю жены ближнего своего. Билл это знает. Мы с ним старые приятели.

— Сегодня вы его видели?

— Нет. Он вроде бы поехал на вечеринку в Гвадалахару. У него неплохие связи. Его родители большие люди в Техасе.

— Он водит «порше»?

— Если это можно назвать вождением. Из-за этого ему и пришлось уехать из Техаса.

— Готов поверить. Он чуть не сшиб меня на шоссе.

— Бедняга Билл. Рано или поздно он окажется в кювете со сломанной шеей. А я тогда, глядишь, женюсь на Хелен.— Произнес он это без воодушевления.— Мне нужно выпить, старина. Не составите компанию?

— Придется. Похоже, пьянка — любимый спорт местных жителей.

Он пристально посмотрел на меня, чтобы удостовериться, что я не обвиняю его в пьянстве. Я улыбнулся. Он пожал плечами и вытащил из-под кушетки бутылку рома «баккарди». Из шкафчика он достал бумажные стаканчики

и плеснул в них рома. Я разбавил свой ром водой из бутылки, что стояла в том же шкафчике.

— Салют! — сказало он.— Если не секрет, как вы попали в дом к Хелен Уилкинсон?

— Взял и пришел.

— Прямо ни с того ни с сего?

— Я частный детектив.

Он выпрямился. Ром стал переливаться через край стакана. Какие старые грехи вызвали у него такую реакцию?

— Я думал, вы турист,— насупившись, сказал он.

— Нет, я детектив и приехал сюда, чтобы понять, кто такой человек, именующий себя Берком Дэмисом. Он провел у вас несколько дней?

— Одну ночь. Значит, все это правда. А мне не верилось. Такой приятный молодой человек!

— Не верилось во что?

— В то, что он убил свою жену. Вы ведь из-за этого пожаловали, не так ли?

Ром с водой помог мне найти верный тон.

— Слухами земля полнится. Где вы об этом слышали?

— То здесь, то там. Похоже, все началось с того, что Билл поделился с кем-то из «Уголка» о своем желании донести на Дэмиса как на «нежелательного иностранца».— Клод Стэси знал толк в слухах. Похоже, он собирал их, как другие коллекционируют афоризмы, картины, женщин.— Правительство взялось за иностранцев. Чуть что, их хватают и высылают за границу. Словно мокроспинников из Штатов.

— Уилкинсон донес на Дэмиса?

— Думаю, что нет, хотя и угрожал. Может, потому-то Дэмис так поспешно и смотал удочки. Значит, закон гонится за ним по пятам?

— Не совсем по пятам. Любопытный слух. Что именно говорили о Дэмисе?

— Только то, что Дэмис не его настоящее имя и что он разыскивается за убийство жены.

— Откуда известно, что это не его настоящее имя?

— Понятия не имею. Бродит такой слух... Я пытался расспросить Билла и Хелен, но они как воды в рот набрали.

— Думаете, они знают кое-что еще?

— Уверен.

— С чего?

— Я сам задавал этот вопрос, и не раз. Я знаю, что в мае они выезжали в Штаты и провели неделю в Калифор-

нии. Тогда-то и произошло убийство. Может, они узнали об этом из газет. Но если они про это знали, непонятно, почему они так подружились с этим типом. Их ведь водой было не разлить, пока Билл не разозлился на Дэмиса. Хелен им очень интересовалась.

— Но у Дэмиса была своя девушка. Или две. А может, и три.

Клод Стэси снисходительно улыбнулся:

— Для Хелен это не помеха.

— А вы знали девушку, с которой уехал Дэмис? Гарриет Блекуэлл?

— Однажды видел в гостях.

— Где с ней познакомился Дэмис?

— В доме Хелен. Она сказала, что Дэмис просил ее позвать Гарриет.

— Дэмис просил позвать Гарриет?

— Да.

— Он хотел с ней познакомиться?

— Наверное. Мне об этом известно понаслышке.

Разговор стал меня утомлять. У Стэси было такое выражение, словно он питался кусочками сплетен. Возможно, и я был предназначен на съедение.

Он подлил себе еще «баккарди», предложив и мне. Я вежливо отказался. Если я хотел вернуться в Калифорнию завтра утром — и, похоже, теперь это было просто необходимо,— мне предстояло еще здесь побегать.

— Скажите, мистер Стэси, в городке есть такси?

— Есть тут один, но вам придется потрудиться, чтобы разбудить его в три утра. А что вы хотите?

— Мне надо еще раз к Уилкинсонам, а пешком идти не хочется.

— Я сам вас отвезу.

— Вы очень гостеприимны.

— Что вы! Вы меня заинтриговали. Я отвезу вас при условии, что вы не расскажете Биллу или Хелен, что я к этому имею отношение. Я дорожу знакомством с ними.

— Договорились.

Он подъехал к дверям отеля в старом «форде», и мы вскоре оказались на шоссе, что вело вокруг озера.

В темноте надрывались петухи. Стэси высадил меня у поворота к дому Уилкинсонов, и дальше я пошел пешком.

Уилкинсоны скандалили так громко, что было слышно издалека. Я стоял у дверей и слушал.

Она назвала его алкоголиком. Он заявил, что она не смеет так разговаривать с ковбоем. Она возразила, что

одной шляпы, чтобы быть ковбоем, мало и что он такой же ковбой, как она Дочь Американской Революции [1].

Он назвал ее сексуальной маньячкой. Она ответила, что если он будет много себе позволять, то она выставит его на улицу, где он будет просить милостыню. Он сказал, что будет только рад, ибо жизнь с ней — мука адова.

Затем перепалка стала стихать, и я опять услышал вопли петухов. Собрав все силы в кулак, я постучал им в дверь.

На этот раз мне открыл Билл Уилкинсон. Крупный мужчина лет тридцати, он выглядел гораздо старше. Его мексиканская одежда и прическа придавали ему устрашающий вид. Он был пропитан алкоголем — красные глазки, перегар, заплетающийся язык.

— Я вас не знаю. Ух-ходите!

— Минуточку. Я частный детектив, прилетел из Лос-Анджелеса, чтобы разобраться, кто такой Берк Дэмис. Вы ведь дружили?

— Брехня! Он приехал, чтобы погулять за чужой счет. Но он меня рассердил, и я его вытурил — вот и все.— У него была противная, гнусавая манера говорить. В его красных глазках светилось кое-что посильнее обычного опьянения — может, безумие.

— Чем же не угодил вам Берк Дэмис?

— Он втерся ко мне в доверие, чтобы приударить за моей женой. Этого я не потерпел.

Он сделал рубящее движение рукой, задел дверной косяк и сунул ребро ладони в рот.

— По слухам, он убил свою жену.

— Это не слух. Весной мы были в Сан-Франциско, и я читал об этом в газете. Убитая женщина и так далее. Писали, что он ее задушил. Но мы не знали, что он за птица. Поняли, когда увидели картину, которую он написал.

— Портрет его жены?

— Именно. Хелен сразу узнала бедняжку. Этот змей задушил ее своими собственными руками.

Уилкинсон замахал руками, словно ему приснился пло-

---

[1] «Дочери Американской Революции» — организация, созданная в Америке в конце XIX в. Ее членами являются потомки участников Войны за независимость США 1775—1783 гг. В задачи организации входит патриотическая пропаганда, изучение истории США, благотворительная деятельность.

хой сон, где то ли его душили, то ли он сам кого-то душил. Откуда-то из глубины дома раздался голос жены:

— Кто там, Билл? С кем ты разговариваешь?

— С человеком из Лос-Анджелеса. Утверждает, что он детектив.

— Не говори ему ничего! — крикнула она и бросилась к нам.

— Хочу — говорю, хочу — молчу,— изрек Билл с видом надутого ребенка.— Я занес Дэмиса в черный список.

— Не лезь не в свое дело.

— Ты сама меня в это впутала. Если б ты его не шантажировала...

— Замолчи, болван.

Они глядели друг на друга с такой яростью, что между ними возникло нечто вроде разреженного пространства. Он был в два раза больше и сильно моложе ее, она лучше контролировала себя. Ее гладкое блестящее лицо не выражало никаких эмоций.

— Послушай, Билл. Этот человек был здесь час назад. Я попросила его покинуть наш дом.

— Почему?

— Он ко мне приставал.

Он медленно повернулся ко мне:

— Это правда?

— Не верьте ей.

— Теперь он называет меня лгуньей.— Ее белое треугольное лицо было на уровне его плеча.— И ты спустишь ему такое?

Билл замахнулся на меня и сделал выпад. Увернувшись от его кулака, я двинул его по корпусу. Он осел, схватившись за живот. Я пожалел, что ударил его. Он рыгнул.

— Ах ты, мерзавец! — сказала женщина. Она схватила со столика револьвер и выстрелила в меня. Пуля задела свободно висевший край свитера Стэси. Я ринулся наутек.

Глава 13

Утром Стэси отвез меня в аэропорт. Он наотрез отказался взять с меня деньги за ночлег и сквозную дырку в свитере. Он сказал, что заполучил отменную историю.

Зато он попросил меня, если выдастся свободная минута, позвонить его приятелю, владельцу маленького отеля в Лагуна-Бич, и передать, что Клод в порядке и не обижается.

В самолете я продремал большую часть полета до Лос-Анджелеса. Мы приземлились в начале второго. Было жарко, жарче, чем в Мексике. Город был накрыт смогом, как скороварка крышкой.

Я зашел в телефон-автомат и позвонил по нескольким номерам. У полковника Блекуэлла не было никаких новостей о Гарриет. Он считал, что она с Дэмисом поехала на озеро Тахо. Там, на территории штата Невада, был его охотничий домик.

Все его тревожные вопросы я прервал обещанием навестить его и все рассказать. Затем я позвонил в Рино Арни Уолтерсу. Он возглавлял частное детективное агентство, работавшее в этой части Невады. Трубку сняла его жена и помощница Арни. Филлис Уолтерс говорила официальным голосом бывшего сотрудника полиции, но и он не мог скрыть бьющей через край женственности.

— Как дела, Арчи? Где шастаешь?

— По всей карте. Вчера побывал в Мексике.

— Неплохо. Арни сейчас нет. Ты по делу или просто так?

— По делу, и срочному. Не запишешь?

— Давай валяй.

Я продиктовал описания Гарриет и Дэмиса и попросил проверить, нет ли их в районе Тахо и Рино, обратив особое внимание на охотничий домик Блекуэлла, а также церкви, где происходят бракосочетания. Я попросил Арни и его ребят задержать Дэмиса, если наткнутся на него — одного или с девушкой.

— Но ты же знаешь, мы не имеем права задерживать...

— Зато вы можете сдать его ближайшему полицейскому. Он в розыске по подозрению в убийстве.

— Кого же он убил?

— Похоже, жену. Надеюсь сегодня узнать подробности. А пока передай Арни, что этот человек может быть опасен.

— Будет сделано.

— Умница. Я тебе позже перезвоню, Филлис.

Я позвонил фотографу, у которого оставил кассету со снимками картины Дэмиса. Слайды были готовы. Затем я позвонил критику и искусствоведу Мэнни Мейеру. Он сказал, что будет дома через час и посмотрит на вещдоки. Я забрал слайды в Санта-Монике и поехал к Мэнни Мейеру.

Мейер жил на горе в одном из новых многоквартирных

домов. Окна одной из комнат выходили на кампус Калифорнийского университета. Это была комната человека, ничем, кроме искусства, не интересующегося. Водопады книг переливались с полок на стулья, пол и даже рояль. Стены были заклеены репродукциями с картин XIX века и современными оригиналами. Войти в эту комнату было все равно что оказаться в голове Мэнни Мейера.

Это был маленький человечек в мятом замшевом пиджаке. За очками были обманчиво сонные глаза. Он глядел на меня с тихим спокойствием, словно я являл собой материал для художника.

— Присаживайся, Лу! — Он показал рукой на заваленные книгами стулья. Я остался стоять.

— Значит, хочешь, чтобы я определил автора? Это не всегда легко. Знаешь, сколько в стране художников? Бьюсь об заклад, в радиусе мили их отыщется полтысячи, а может, и тысяча.— Он улыбнулся.— И все как один гений.

— Этот гений написал автопортрет, что может облегчить задачу.

— Если я его встречал.

Вынув из мешочка картину, я протянул ее Мейеру. Он подержал ее в руках, вглядываясь в нее так, как иные из нас смотрят на себя в зеркало, пытаясь различить симптомы опасной болезни.

— Кажется, я действительно видел его работы. Дай-ка теперь взглянуть на слайды.

Я вытащил их из конверта. Он по очереди посмотрел их на свет.

— Да, я его знаю. У него свой оригинальный стиль, хотя есть изменения в худшую сторону. И не удивительно.— Когда он обернулся ко мне, в его глазах была печаль.— Его зовут Брюс Кэмпион. Я видел несколько его работ на выставке молодых художников в Сан-Франциско в прошлом году. Кроме того, однажды я коротко виделся с ним. Говорят, у него потом были неприятности. Его разыскивает полиция по подозрению в убийстве жены. Об этом писали сан-францисские газеты.

— Я не читаю сан-францисские газеты.

— И напрасно. Ты бы сэкономил время и силы.— Он сложил эскиз и слайды и вернул их мне.— Ты идешь по горячему следу?

— Напротив, след сильно остыл.

— Слава Богу. Кэмпион — хороший художник.

— Насколько хороший?

— Настолько, что меня не волнует, как он обошелся с женой,— мягко сказал Мэнни.— Ты живешь в мире контрастов, где только два цвета, черный и белый. Я же вижу множество оттенков, и система наказания преступников, принятая у нас, мне ненавистна. Зуб за зуб. Око за око. Это же закон первобытных племен. Проявляй мы последовательность, то вообще остались бы без глаз и зубов. Надеюсь, он обведет вас вокруг пальца и снова займется живописью.

— Есть опасность, что он еще кого-то убьет?

— Сомневаюсь. Насколько я понимаю, убийцы принадлежат к той категории преступников, кто редко повторяет преступление. Ну а теперь, извини, мне надо писать о выставке.

Мэнни Мейер попрощался со мной с кроткой улыбкой. Он не верил в зло. Отец его погиб в Бухенвальде, а сын не верил в зло.

Глава 14

Я проехал по бульвару Сансет, а потом по извилистой улице к дому Блекуэлла в Бель-Эр. Блекуэлл сам открыл мне, отпихнув маленькую горничную в форме. Его взгляд блуждал по моему лицу — так слепой тщетно пытается различить хотя бы проблеск света.

— Ну что-нибудь узнали?

— Приятного мало.

Он схватил меня за руки выше локтей и принялся меня трясти, словно у него начался приступ пляски святого Витта. Я еле-еле отцепился от него.

— Успокойтесь, я все вам расскажу.

— Как я могу успокоиться? Моей дочери нет уже двое суток. Почему я не помешал им? Почему я не застрелил его?

— Что за чушь,— сказал я.— Давайте потолкуем. Может, присядем?

Он заморгал, словно проснулся от кошмарного сна.

— Разумеется.

Мы оказались в гостиной, обставленной в стиле ампир, что придавало ей сходство с музеем.

Высокомерные Блекуэллы глядели на меня снизу вверх со стен. Один из них, офицер в форме времен войны

1812 года [1], был, похоже, изображен Гилбертом Стюартом [2].

Под этим портретом и разместился в кресле полковник, словно давая мне возможность получить наглядное представление о преемственности традиций. Я без приглашения уселся на красный диван с резной спинкой и начал отчет о мексиканских похождениях.

— Добыв новые факты и сопоставив их с тем, что узнал от вас, я пришел к выводу относительно Дэмиса. Этот человек пользуется несколькими именами, и его разыскивает полиция. Его настоящее имя Брюс Кэмпион, и его подозревают в убийстве.

У Блекуэлла отвисла челюсть, обнажив розовое нутро рта.

— Что вы сказали?

— Настоящее имя Дэмиса — Брюс Кэмпион. Полиция Сан-Матео разыскивает его по подозрению в убийстве жены, совершенном весной.

Лицо Блекуэлла стало напоминать потрескавшуюся штукатурку, глаза сделались пустыми. Он стал медленно сползать с кресла — сначала на колени, потом повалился на бок. Седые волосы красиво рассыпались по розовому ковру.

Я подошел к двери и подозвал служанку. Она примчалась бегом на мой зов, маленькие грудки прыгали под форменной блузкой. Увидев распростертого полковника, она глухо воскликнула:

— Что это, он умер?

— В обмороке, радость моя. Принесите воды и губку.

Через полминуты она вернулась с тазиком воды, которую пролила на ковер. Я брызнул водой на полковника и протер губкой его вытянутый лоб. Он приоткрыл глаза, увидев меня, вспомнил, что я ему сказал, и, простонав, попытался снова потерять сознание.

Я похлопал его по лицу мокрым полотенцем. Служаночка стояла и большими голубыми глазами смотрела на это святотатство.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Летти.

— Где миссис Блекуэлл, Летти?

---

[1] Имеется в виду война 1812 г. между Америкой и Британией.

[2] Гилберт Стюарт (1755—1828) — американский художник-портретист.

— Раз в неделю она работает в больнице. Как раз сегодня она там.

— Попробуй ее найти.

— Хорошо. Может, пригласить доктора?

— Ему не нужен доктор, если у него все в порядке по части кардиологии.

— По части кардиологии? — не поняла она.

— У него не было сердечных приступов или инфаркта?

— Первый раз со мной такое,— подал голос сам смущенный полковник. Он не без усилия присел, опираясь спиной о кресло.— Годы уже не те. То, что вы сказали, страшный удар для меня.

— Из этого вовсе не следует, что Гарриет умерла.

— Правда? Значит, я сделал поспешные выводы.— Он заметил, что рядом горничная, пригладил волосы и напустил на себя важный вид: — Можете идти, мисс Флевин. И, пожалуйста, захватите этот тазик, он здесь совершенно не к месту.

— Слушаю, сэр! — Она подобрала принесенные предметы и ушла.

Блекуэлл перебрался в кресло.

— Надо что-то делать,— неуверенно пробормотал он.

— Рад, что вы так думаете. Я уже предупредил детективов из Рино. Думаю, что в зону поисков надо включить весь юго-запад, если не всю страну. Это потребует денег.

Он вяло помахал руками:

— Ради Бога. Деньги не играют роли.

— Пора вводить в действие полицию, рассказать им все, что нам известно. Думаю, для начала вам надо позвонить Питеру Колтону.

— Позвоню.— Он встал, пошатываясь, словно на его плечи вдруг свалилось бремя возраста.— Только немного приду в себя. В голове полная неразбериха.

— Вам надо что-нибудь выпить. А пока я позвоню по важному делу. Можно позвонить от вас?

— Телефон в комнате Изобел. Там вам будет удобнее.

Это была маленькая приятная комната, застекленная дверь вела на отдельную веранду. Мебель скорее старая, чем старинная, составляла контраст с роскошной гостиной. Похоже, Изобел сохранила ее от прежней жизни на память.

Я сел за простой дубовый стол и позвонил в Рейвуд-Сити капитану Ройалу. Он возглавлял отдел по расследованию убийства в полиции округа Сан-Матео, и мы с ним уже однажды работали.

— Чем могу помочь? — поинтересовался Ройал после обмена приветствиями.

— У меня есть сведения о Брюсе Кэмпионе, который, судя по всему, в мае убил свою жену. Это ваше преступление?

— Да. Случилось пятого мая. Что вы об этом знаете?

Раздался щелчок: похоже, Ройал включил магнитофон. Потом я услышал второй щелчок. Кто-то снял трубку параллельного телефона.

— Я проследил маршрут Кэмпиона. Двадцатого мая он вылетел из Лос-Анджелеса в Гвадалахару.

— Его должны были задержать в аэропорту.

— Он воспользовался чужими документами на имя Квинси Ральфа Симпсона. Фамилия вам что-нибудь говорит?

— Да. Вчера мне передали, что Симпсона закололи ледорубом два месяца назад в Цитрус-Хиллз. Думаете, работа Кэмпиона?

— По крайней мере, очень похоже. Он пересекал границу с документами Симпсона, когда того уже не было в живых.

— Кэмпион еще в Мексике?

— Нет. Под именем Берка Дэмиса он провел два месяца на озере Чапала, где его опознали. Там он познакомился с молодой американкой Гарриет Блекуэлл, которая в него влюбилась. Девять дней назад они вместе прилетели в Лос-Анджелес. Кэмпион опять воспользовался документами Симпсона. Потом он снова сделался Дэмисом и провел неделю в летнем доме полковника Блекуэлла в Малибу. Возможно, Гарриет Блекуэлл знает о его прошлом и помогает ему скрываться от закона. Кэмпион здорово вскружил ей голову, но она не может не обратить внимание на то, как он меняет имена.

— Она сейчас с ним?

— Надеюсь, что нет. Но не исключено, что да. Они оба покинули дом ее отца сорок восемь часов назад после серьезного скандала, чуть было не закончившегося кровопролитием. Уехали в ее машине, новом зеленом «бьюике».— Я назвал номер машины.

— Кто кому угрожал?

— Начал ее отец, полковник Блекуэлл. Он в отставке, но у него есть деньги и, похоже, связи во влиятельных кругах. Я звоню из его дома в Бель-Эр.

— Блекуэлл ваш клиент?

— Да. Наша пресложная задача — найти девушку и

отвести от нее опасность. Ее легко заметить. Крупная блондинка, короткая прическа. Двадцать четыре года, почти шесть футов роста — на каблуках, слегка сутулится. Дорого одевается. Хорошая фигура, но лицо слегка изуродовано костистым выступом над переносицей. Генетический дефект.

— Что, что?

— Костистые дуги — семейная черта. То же самое у папаши и у всех предков. Часто носит темные очки. Как выглядит Кэмпион, вы, наверное, знаете?

— Выучили наизусть.

— По фотографии?

— Фотографии не было. Потому-то он и смог удрать за границу.

— Зато у меня есть его портрет. Постараюсь, чтобы завтра у вас оказалась копия. Не исключено, что Кэмпион и Гарриет вернулись в Мексику, но, может, они и в Неваде. Они собирались пожениться, а в Неваде это раз плюнуть. Возможно, они уже поженились или выдают себя за женатую пару.

— Девица рехнулась,— изрек Ройал,— если знает, как он поступил со своей прежней половиной, и рвется за него замуж.

— Не уверен, что она про это знает. Возможно, он сплел какую-нибудь историю, чтобы оправдать смену имен, и она легко поверила. Если она и рехнулась, то от любви. И еще она восстала против отца. Ей двадцать четыре, а он обращается с ней, словно ей четыре годика.

— Не поздно ли восставать в двадцать четыре?

— Гарриет жила на оккупированной территории. Она беженка. От несправедливости.

— И сошлась с беженцем от правосудия? Такое бывает.— Ройал помолчал.— Насколько велика угроза ее жизни?

— Вам легче судить, капитан. Все зависит от планов Кэмпиона. Когда Гарриет исполнится двадцать пять, она получит большое наследство. Так что если его интересуют деньги, полгода по меньшей мере она в безопасности. Кэмпион убил жену из-за денег?

— Вроде бы нет. Мы вообще не могли обнаружить никаких мотивов. А это означает, что он вполне мог просто спятить. Многие из этих художников — законченные психи. Жил как бродяга в гараже недалеко от Луна-Бей. Все в одной комнате,— презрительно закончил Ройал.

— Он не состоял на психиатрическом учете?

— Не знаю. Криминальное досье у него есть. Год каторги и увольнение по дисциплинарным мотивам за избиение офицера во время корейской войны. Это все, что нам удалось раскопать, но, похоже, он способен на насилие. Кроме того, он не очень ладил с женой. Сложите одно с другим, и получается мотив.

— Расскажите о его жене.

— Это может подождать, Арчер. Мне надо передать вашу информацию дальше.

— Хотя бы в двух словах.

— Долли Стоун Кэмпион, около двадцати лет, хорошенькая блондинка.— Ройал говорил короткими, рубленными фразами.— Когда мы нашли ее, она сильно подурнела. По нашим сведениям, Кэмпион встретил ее на озере Тахо прошлым летом. Женился в сентябре, в Рино. Вынужденная посадка. Долли была на третьем месяце. По крайней мере, ребенок родился в марте, через полгода. А еще через два месяца он ее убил.

— Опять Тахо,— сказал я.— У Блекуэлла на озере охотничий домик, а Ральф Симпсон был там в мае незадолго до смерти.

— Что он там делал?

— Возможно, расследовал обстоятельства смерти Долли. А что, кстати, случилось с ребенком?

— Ребенка забрала ее мамаша. Послушайте, Арчер, мы так проболтаем весь день, а у меня дела. Гораздо больше, чем хотелось бы,— добавил он с кривой усмешкой.— Не заедете?

— Сначала разберусь с делами здесь.

Это потребовало времени. Я позвонил в Рино Арни Уолтерсу. Я хотел рассказать ему о Кэмпионе и попросить отправить на поиски его и Гарриет побольше людей. Он уже это сделал, потому что, сказала мне Филлис, Кэмпиона и Гарриет видели вчера. Других новостей не было. Я положил трубку. Когда я снова ее снял, она показалась мне гораздо более тяжелой. Я позвонил в аэропорт и заказал билет в Рино. Вставая из-за стола, я заметил в углу сложенную газету. «Человек из Сан-Матео»,— прочитал я вверх ногами и развернул газету. Это был вчерашний номер «Цитрус ньюз». Через всю полосу тянулся заголовок: «Человек из Сан-Матео убит здесь. Полиция подозревает гангстеров». Заметка была плохо напечатана и плохо написана, и я не узнал из нее ничего нового.

Я все еще держал в руках газету, когда в комнату вошел Блекуэлл. Казалось, один из предков сошел с картины.

— Зачем вы взяли газету?

— Интересно, как она оказалась в доме?

— Полагаю, вам это знать не обязательно.— Он выхватил ее у меня и скатал в трубочку.— Вообще, вам необязательно делать очень многое. Например, я плачу вам большие деньги совсем не за то, чтобы вы поливали грязью меня и мою дочь в разговоре с каким-то полицейским.

— То-то мне показалось, что кто-то взял вторую трубку. В вашем доме принято шпионить друг за другом?

— Это оскорбление. Я требую, чтобы вы взяли ваши слова назад.

Блекуэлла снова охватил приступ бешеной ярости. Газета дрожала в руке, он похлопывал себя по бедру ею так, словно это был хлыст или трость. Казалось, он ударит меня и вызовет на дуэль.

— Я не в силах изменить факты, полковник. Если вам было неприятно их слышать, вам следовало положить трубку.

— Вы объясняете мне, как вести себя в собственном доме?

— Вам это не нравится?

— Убирайтесь из моего дома! Сейчас же!

— Вас услышат на другом конце города! Вы не хотите, чтобы ваша дочь нашлась?

— Мы найдем ее без вашей помощи. Вы уволены.

— Я уже помог вам,— сказал я.— С вас триста пятьдесят долларов за потраченное время и деньги.

— Я сейчас выпишу вам чек.

— Вы можете его потом аннулировать. Мне нужны наличные.

Я тянул время в слабой надежде, что Блекуэлл одумается, как уже бывало раньше. Хотя я и не собирался позволить ему помыкать мной, мне не хотелось бросать дело. Оно начало проясняться, а начинающее проясняться дело — это все равно что любовное увлечение, которое притягивает тебя как магнит, хотя и постоянно ранит сердце.

— У меня нет таких денег в доме,— между тем говорил он.— Мне придется разменять чек в отеле.

— Отлично. Я подожду здесь.

— На улице! — распорядился он.— Я не хочу, чтобы вы тут ошивались. Можете подождать в машине.

Я вышел в холл, затем на улицу, а Блекуэлл следовал за мной по пятам, смешно махая руками, словно выгонял из огорода кур. Полковник вывел из гаража свой черный

«кадиллак» и поехал вниз. Минут десять я ломал голову, что делать дальше. В принципе надо было отправляться на Тахо, хотя очень не хотелось делать это за свой счет.

Горлица снова уселась на антенну. Она смотрелась там, словно птица с герба. Я крикнул ей: «У-у!», получил в ответ то же самое и почувствовал, как у меня поднимается настроение.

На аллее появилась маленькая машина иностранной марки — приехала Изобел. Я вышел из своей машины поздороваться. Под ярким солнцем ее лицо казалось измученным, но она приветливо мне улыбнулась:

— Мистер Арчер! Какой приятный сюрприз.

— Разве Летти до вас не дозвонилась?

— Я рано уехала из больницы. Меня беспокоило состояние Марка.

— Могу вас понять. Сначала он упал в обморок. Потом с ним случился приступ ора.

— Марк упал в обморок?

— Я сообщил ему сведения, которые его неприятно поразили.

Изобел вышла из машины и вплотную приблизилась ко мне.

— Что-то с Гарриет?

— Пока ничего не известно. Но с ней может случиться все что угодно. Она в Неваде с человеком, называющим себя Дэмисом. Его настоящее имя Брюс Кэмпион, и его разыскивает за убийство жены полиция Редвуд-Сити.

Ей понадобилась целая минута, чтобы осознать услышанное. Затем она увидела распахнутые двери гаража.

— Где Марк?

— Поехал в отель, чтобы разменять деньги и расплатиться со мной. Он меня уволил.

— За что?

— Мы с полковником не сошлись во взглядах. К несчастью, армия научила нас по-разному смотреть на мир. Один слишком много командовал, другой — подчинялся.

— Что-то я вас не понимаю. Вы не хотите продолжать расследование?

— Для этого меня снова надо нанять. А это едва ли возможно.

— Как с ним трудно! — в сердцах произнесла Изобел.— Но расскажите, что же именно произошло.

— Он подслушал мой телефонный разговор с полицейским. Я позволил себе ряд критических замечаний насчет его обращения с Гарриет. Ему это пришлось не по нраву.

— И это все?

— Внешне все. На самом деле его подкосили сведения, которые я добыл о Дэмисе-Кэмпионе. Он растерялся и утратил над собой контроль. Ему проще считать, что все зло от меня.

— Очень на него похоже,— кивнула она.— С тех пор как это началось, он становится все хуже и хуже. Мне это очень не нравится, мистер Арчер. Как его уберечь от беды?

— Меня интересует, как уберечь от беды Гарриет. Вчера ее видели в Неваде с Кэмпионом. Я пустил по их следу ребят из тамошнего детективного агентства. У нас есть шанс поймать их и отвести от нее угрозу.

Она отреагировала на мои слова, задрожав всем телом. Прижав к груди сумочку, как ребенок, она сказала:

— Этот человек — убийца?

— Полицейские как раз пытаются это выяснить.

Она придвинулась еще ближе ко мне. Стиснув мое запястье, она проговорила низким, как у горлицы, голосом:

— Вы сказали, что вас надо нанять. Так вот я это делаю. Я ваш клиент. Устраивает?

— Конечно.

— Значит, договорились.— Соскользнув с запястья, ее рука пожала мне пальцы.— Вот и прекрасно. Я скажу Марку. Когда сочту нужным и в соответствующих выражениях.

— Согласен.

Она вошла в дом, потом вышла, вручила мне деньги и опять вернулась в дом. На аллее показался черный «кадиллак». Блекуэлл вылез из машины и отдал мне деньги. Цвет его лица заметно улучшился, от него попахивало виски. Похоже, в отеле он пропустил стаканчик-другой.

Он взглянул на меня так, словно хотел что-то сказать, но промолчал.

Глава 15

Арни Уолтерс встретил меня в аэропорту Рино. Короткий, приземистый крепыш лет пятидесяти с небольшим, он походил на ипподромного жучка, поторговывающего шансами лошадей. Но это был детектив высшего класса: честный, нестандартно мыслящий, интересующийся людьми и любящий людей. Десять с лишним лет проработав в Рино, он остался таким же честным бедняком.

По дороге в Стейт-Лайн он разъяснил мне обстановку.

Человек по фамилии Шолто, присматривавший за домами на озере в отсутствие их владельцев, видел Гарриет вчера вечером. Она заехала к нему за ключом от отцовского дома и попросила не сообщать полковнику, что она здесь. С ней был и Кэмпион, но он не выходил из машины.

Судя по всему, продолжал Арни, Кэмпион и Гарриет большую часть ночи провели в охотничьем доме. В мойке грязные тарелки, ели недавно. Есть указания, что они еще вернутся — или, по крайней мере, собирались вернуться. В холле стоит чемодан Кэмпиона. Дом под наблюдением.

— А где ее чемодан?

— Исчез. Машина тоже.

— Мне это не нравится.

Арни оторвал взгляд от дороги и посмотрел на меня:

— Думаешь, он притащил ее сюда, чтобы убить?

— Это возможность, которую нельзя исключать.

— Как погибла его жена?

— Ее задушили. Подробностей не знаю.

— Он что-то выигрывал от ее смерти?

— Ребята из Редвуд-Сити считают, что нет. Они, правда, поговаривали о несовместимости. Брак, похоже, был вынужденным. В то время девица была на третьем месяце. Они поженились в прошлом сентябре в Рино. Кстати, выходит, это знакомые ему места.

— Думаешь, начинается повторение пройденного?

— Кто знает, может быть.

— Что он за человек?

— Меня он поставил в тупик.

— Опомнись, Лу! Первый раз от тебя такое слышу!

— Тут я не авторитет. Я не знаю, как устроена творческая личность. Как говорит один толковый критик, Кэмпион — хороший художник.

— Может, он псих? Психи часто притягивают к себе девиц.

— Девиц-психопаток,— уточнил я.— Кэмпион не похож на психа. Оба раза, что я его видел, он прекрасно держал себя в руках. Второй раз это было сложно. Отец Гарриет угрожал ему ружьем, а он и бровью не повел. Но психи бывают актерами.

— Как правило, плохими. Он действительно хорош собой?

— Увы. Я захватил его портрет. Это не фото, а набросок, сделанный им самим. Но сходство достаточное, чтобы это имело смысл размножить. Когда перефотографируете, верните.

— Ладно. Оставь в машине. Я раздам снимки осведомителям, и мы развесим их в игорных клубах. Если он в наших краях, то рано или поздно всплывет на поверхность. Хотя он давно уже мог смыться вместе с девушкой.

Некоторое время мы ехали молча. Вокруг тянулись густые хвойные леса. В одном месте деревья расступились, и засверкала вода. Был разгар сезона, и под палящим солнцем по озеру гоняли наперегонки глиссера, лыжники поднимали брызги до небес. Тахо — глубокое и холодное озеро. Кто знает, может, Гарриет давным-давно плавает в придонных черных водах.

Дом полковника Блекуэлла стоял среди деревьев в конце потрескавшейся асфальтовой аллеи. Это было деревянное строение на каменном фундаменте. К озеру зигзагообразно спускалась бетонная лестница с железными перилами.

Из-за деревьев появился человек. В его выправке угадывался старый полицейский. Арни сказал, что это Джим Ханна, один из его команды. Втроем мы вошли в дом.

В холле под головой оленя стоял коричневый чемодан Кэмпиона. Я было потянулся к нему, но Арни меня остановил.

— Не трать зря времени, Лу. Там нет ничего, только какие-то рисовальные принадлежности, бритва и старая одежда.

Большая комната была украшена симпатичными деревенскими штучками, индейскими ковриками, шкурами животных. Звериные морды печально глядели на нас стеклянными глазами. В окне, описанном Гарриет Кэмпиону, голубое небо сливалось с синевой озера. Да, ее реклама оказалась слишком удачной, подумалось мне.

Мы прочесали остальные комнаты, в том числе и шесть спален наверху. На кроватях голые матрасы. В коридоре шкаф, а в нем простыни, наволочки, полотенца, все чистые.

Я оставил Арни и Ханну в доме и стал спускаться по бетонным ступенькам к озеру. Оно неудержимо притягивало меня. В этом году вода стояла низко, и у подножья лестницы образовалась насыпь из гальки.

Я решил пройтись по берегу. Волны от глиссеров накатывали на насыпь, придавая камешкам очень умытый вид. Я искал следы Гарриет, но, когда их нашел, сильно удивился. Футах в пятидесяти от берега плавало нечто похожее на кусок рыбачьей сети, в которой запутались какие-то палки.

Раздевшись за деревом до трусов, я пустился вплавь. После жары на берегу вода казалась ледяной. Но находка

отнюдь не согрела меня. Это была шляпа с серой вуалью. Отцепив от вуали палки, я взял шляпку в левую руку и повернул к берегу. Там я обнаружил, что на шляпке была не только вуаль. На мокрой шелковой подкладке темнело кровавое пятно примерно с ноготь. К нему прилипла тоненькая, вырванная с корнем прядь, прямая и светлая, как у Гарриет.

Я оделся, поднялся к дому на плохо гнувшихся ногах и показал добычу спутникам.

— Похоже, мы опоздали,— присвистнул Арни.

— Тут еще надо разобраться. Как местная полиция?

— По-разному. Сейчас получше, но озеро поделено между шестью-семью полицейскими участками. Много денег, мало ответственности.

— Ты можешь вызвать людей из Рино? — спросил я.— Тут потребуется криминалист.

— И водолазы. Вообще-то это не их территория, но попробую. Поедешь со мной в город?

— Мне бы поговорить с Шолто. Он далеко живет?

— Милях в двух отсюда по дороге в Стейт-Лайн. Я подвезу.

Дом Шолто, напоминавший большой ящик, стоял на поляне поодаль от шоссе. Вокруг расхаживали куры. У молодой женщины, открывшей дверь, на руках был ребенок. Другой, постарше, цеплялся за материнскую юбку. Откинув волосы, она широко улыбнулась Арни:

— Хэнк на заднем дворе, мистер Уолтерс. Мастерит загон для кроликов. Можете пройти через дом.

Третий ребенок, девочка лет восьми-девяти, сидела за столом на кухне, читала комикс и попивала через соломинку шоколад, поджимая от удовольствия пальчики босых ножек. Она посмотрела на нас отсутствующим взглядом, словно мы были куда менее реальными, чем герои комикса. Светлые волосы ребенка были того же оттенка, что у Гарриет.

На заднем дворе трудился Шолто. Ему помогал мальчик лет двенадцати. Его помощь состояла в том, что он сидел на доске, положенной на козлы, которую пилил ножовкой отец. Это был жилистый узкобедрый человек неопределенного возраста в полинявших джинсах. Вокруг голубых глаз разбегались морщинки от солнца, придавая лицу вопросительное выражение.

— Ну что, мистер Уолтерс, разыскали ее?

— Пока нет. Мой коллега Лу Арчер. Он хотел вам задать несколько вопросов.

Шолто положил ножовку и протянул мне широкую жесткую ладонь.

— Валяйте спрашивайте.

— Минуточку,— сказал Арни.— Сначала я хочу показать Генри картину.

Он предъявил автопортрет Кэмпиона, который захватил из машины:

— Ну что, этого человека вы видели вместе с Гарриет?

— Вообще-то похож. Глаза только странные. Почему один больше, другой меньше?

— Так нарисовал,— пояснил я.

— Сам себя рисовал?

— Да.

— С чего это он так сделал? Косоглазый вид какой-то. В жизни он очень даже хорош собой.

— Спасибо, Генри,— сказал Арни, забирая у него эскиз.— Мне было нужно его опознать.

— Он мошенник?

— У него криминальное досье,— сказал я.— Не отошлете мальчика?

— Марш в дом! — распорядился Шолто. Мальчик слез с доски и побрел в дом. Арни двинулся за ним, коротко махнув нам рукой. Шолто сказал: — Надеюсь, с мисс Блекуэлл ничего не стряслось? Она не из тех, кто легко сносит неприятности, такая нервная особа...

— Вчера, когда она говорила с вами, она тоже волновалась?

— В общем-то да.— Шолто поставил ногу на козлы и оперся рукой о колено.— В основном из-за отца, она ведь приехала сюда с молодым человеком. Но она имела право, я уже сказал мистеру Уолтерсу. Я ей обещал, что не скажу старику ни полслова. Она бывала здесь без него.

— С мужчинами?

— Чего не знаю, того не знаю. Этого я видел своими глазами. А что они удумали?

— Пожениться.

— Серьезно?

— Это вас удивляет?

— Просто мне казалось, что такие, как она, не выходят замуж. У меня сестра, учительница в Портервилле. Так и не вышла замуж. Они похожи.

— Как они обращались друг с другом?

— Я не видел их вдвоем. Мисс Блекуэлл пришла за ключом одна, а он сидел в машине.— Шолто сдвинул кепку на затылок, словно помогая родиться очередной фразе.—

Потом они еще посидели в машине. Жене показалось, что они препирались.

— Вы что-то слышали?

— Не люблю подслушивать,— отрезал Шолто.— И радио еще орало.

— Может, ваша жена что-нибудь слышала?

— Запросто. Иначе с чего бы ей говорить, что они препирались? — Шолто крикнул: — Молли!

На пороге появилась женщина с ребенком на руках. Из-за ее спины супился двенадцатилетний мальчишка.

— Что тебе, Хэнк?

— Когда вчера вечером мисс Блекуэлл пришла за ключом, они потом сидели в машине. Ты не слышала, о чем они говорили?

— Они ругались, я же тебе рассказывала.

Я подошел к ней поближе.

— Может, он ее ударил?

— Этого я не видела. Они разговаривали. Он хотел ехать в охотничий домик, она нет.

— Она не хотела?

— Так она говорила. Сказала, что он пользуется ее любовью к нему. Он ответил, что ничего подобного. Просто, мол, таково его при... пре... предзна...

— Предназначение?

— Вот-вот. Не знаю, что он имел в виду. Разговор шел на высоких тонах.

— Как он говорил? Взволнованно?

— Нет, спокойно. Даже как-то холодно. Она была в истерике.

— Он не угрожал ей, миссис Шолто?

— Вроде нет. Скорее успокаивал. Когда они отъехали, она была гораздо спокойнее.

— Кто вел машину?

— Он. Когда они разговаривали, она сидела на водительском месте, но потом они поменялись местами. Он вел машину.

— Когда они уехали?

— Точно не скажу. Часы у нас сломаны. Когда привезешь новые, Хэнк?

— В субботу.

— Что-то не верится,— отозвалась она и ушла в дом.

— Уже было темно,— сказал мне Шолто.— Часов восемь. Я не заметил ничего такого, иначе обязательно позвонил бы ее отцу. Думаете, этот парень что-то с ней сделал?

— Есть основания это подозревать. Мисс Блекуэлл была в шляпке?

— Да, в такой маленькой, с вуалью. Она бросалась в глаза, потому что сейчас девушки редко такие надевают.

— Только что я нашел ее шляпку в озере,— сообщил я.— А на ней кровь и волосы.

Глаза Шолто чуть не выскочили из орбит.

— Человек, с которым она сюда приехала, Брюс Кэмпион, подозревается в двух убийствах. Во-первых, своей жены. Ее девичье имя — Долли Стоун. Она вроде бы была в этих местах прошлым летом. Не слышали о Долли Стоун или Долли Кэмпион?

— Нет, не слышал.

— А о Квинси Ральфе Симпсоне?

— Как, вы сказали, его зовут?

— Квинси Ральф Симпсон. Его жена сказала, что месяца два назад он был здесь.

— Да,— спокойно подтвердил он.— Я знал Ральфа. В мае он работал у Блекуэллов — недолго. Полковник приехал в апреле, хотел показать своей новой жене озеро весной.— Шолто замолчал и уставился на заходящее солнце, словно пытался определить, который час.— А что случилось с Ральфом?

— Он — вторая жертва. Мы не утверждаем, что его убил Кэмпион, но это вполне могло произойти. Что именно делал Ральф у Блекуэллов?

— Был и поваром, и посудомойкой. Но он проработал недолго.

— Почему?

Шолто пихнул ногой козлы.

— Не хочу говорить о мертвых дурно, но был слушок, что Ральф кое-что стащил. Я не очень этому верю. Ральф был игрок, но воровать — нет, на такое он был не способен.

— Ральф был игрок?

— Да, его из казино за уши было не вытащить. Похоже, он просадил все деньги и вынужден был искать работу, какую угодно. Иначе с чего бы молодому человеку с его мозгами наниматься стряпухой. Значит, он умер...

— Вы хорошо его знали, мистер Шолто?

— Пару раз поговорили, когда я приходил в дом полковника. Там на кухне пошел пузырями линолеум, я перестилал. Ральф Симпсон был симпатичным парнем. Всегда был полон разных идей.

— Например?

— Да самых разных. Человек и космос. Атомная бом-

ба. На все имел свою точку зрения. Во всем разбирался. Переселение душ... Еще он придумал систему и с ее помощью хотел сорвать куш в казино.

— Как?

— Он не говорил.

— Что он мог украсть у Блекуэллов?

— Не знаю. Не вникал.

— От кого вы про это услышали?

— От Кито. Он работал в соседнем доме. Но разве можно верить восточным людям.

— Я бы хотел с ним поговорить.

— Он тут больше не живет. Хозяева заперли дом и уехали во Фриско.

— А вы не знаете их адрес во Фриско?

— Где-то в доме записан.

— Найдите его для меня, ладно?

Шолто пошел в дом и вскоре вернулся с конвертом, на котором детским почерком был нацарапан адрес. Я переписал его в свою записную книжку.

— Что еще можете рассказать о Симпсоне?

— Вроде ничего.

— Может, кто-то мог бы вас дополнить?

— У него была подруга. Вряд ли стоит говорить об этом его жене. Он никогда не говорил, что женат. Я думал, он холост.

— Теперь это не важно,— сказал я, и моя ручка повисла над открытой страницей.— Как зовут подругу?

— Он звал ее Бэмби. Фамилии не знаю. Пару раз видел ее в игорных клубах с Ральфом и пару раз потом.— Грустно взглянув на свой дом-ящик, Шолто добавил: — Сам-то я не играю. Не могу себе этого позволить. Но люблю просто так стоять и смотреть.

— Можете описать девушку?

— Маленькая, хорошенькая. Настоящий олененок с большими карими глазами.

— Цвет волос?

— Соломенная блондинка.

Час от часу не легче. Блондинок в этих краях хоть пруд пруди.

— Говорите, она маленькая?

— Да, рост пять футов два-три дюйма.— Он вытянул руку на высоте плеч.— Таких я называю маленькими.

— Как она зарабатывает на жизнь?

— Понятия не имею. Я даже не знаю, работает ли она вообще. Может, ее вообще здесь нет. У нас люди приезжа-

ют и уезжают. Сам я приехал из Портервилла, когда Стейт-Лайн был кочкой на ровном месте.

— Когда последний раз видели Бэмби?

— Недели две назад. В клубе «Алмаз». Она заарканила типа сильно старше ее, и они играли на автоматах. Она играла, а он покупал ей серебряные доллары. Точно, это было в «Алмазе».

Глава 16

Шолто довез меня до клуба и угромыхал обратно в своем «пикапе». Главная улица Стейт-Лайна напоминала одновременно скромный поселок времен покорения Запада и большой карнавал. Озеро отсюда казалось искусственным — вырытым людьми, покрашенным в голубой цвет и обставленным горами из папье-маше. В таких декорациях не то что смерть, сама жизнь казалась чем-то искусственным.

Я вошел в клуб, где развлекались дневные посетители, если игроки вообще в состоянии развлекаться. Они бросали карты или кости с видом грешников, молящих небеса о маленькой милости. Они дергали за рычаги одноруких бандитов, словно это были компьютеры, способные ответить на все их вопросы. Старею ли я? Неужели я неудачник? Когда я стану настоящим мужчиной? Любит ли она меня? Почему он меня ненавидит? Главный выигрыш, пролейся на меня золотым водопадом, сделай меня богатым и счастливым.

У бара толпились мужчины, слабо разбавленные женщинами. Дождавшись, когда на меня обратит внимание бармен, я спросил его, как найти кого-нибудь из службы безопасности.

— Я видел мистера Тодда минуту назад,— бармен окинул взором большой зал,— вот он там в конце, разговаривает с каким-то типом.

Я двинулся по проходу между автоматов. Мистер Тодд был атлетом в рубашке с открытым воротом. Стального цвета волосы, стальные глаза и лицо человека, повидавшего виды. Его собеседник в белой стетсоновской шляпе с загнутыми полями был толст, пьян и неистов. Его ограбили, автоматы фиксированы, он будет жаловаться администрации, дойдет до губернатора штата.

Вежливо, но твердо Тодд теснил его к выходу. Я двинулся им вслед, и когда шум и гам клуба оказались

позади, я показал Тодду фотокопию лицензии. Он вернул ее мне с улыбкой.

— Я работал в Калифорнийской дорожной полиции. Кого-то ищете?

— Двоих.— Я сообщил ему приметы Кэмпиона и Гарриет.

— Что-то не встречал таких, по крайней мере вместе. Конечно, я не уверен на все сто... Тут у нас столпотворение. Бутылочное горло, через которое протискивается вся Америка.— Он говорил, не спуская глаз с пьяного толстяка, пытавшегося пересечь улицу наперерез мащинам.

— Тогда попробуем что-нибудь попроще,— предложил я.— Как насчет девушки по имени Бэмби. Маленькая светлая блондинка с красивыми карими глазами. Ее здесь видели.

— А зачем она вам? — спросил Тодд с чуть большим интересом.

— Хочу задать ей несколько вопросов. Она знала человека, которого убили в Калифорнии.

— Она замешана?

— Нет.

— Слава Богу. Она хорошая девочка.

— Вы ее знаете?

— Конечно. Она часто бывает здесь. Ее фамилия Кинг. Впрочем, может, она по новой вышла замуж.

— Сегодня она приходила?

— Нет еще. Днем она обычно спит.

— Где?

— Я не настолько с ней знаком. Знаю, что раньше работала в косметическом салоне на этой улице. Спросите там. Это по левой стороне, квартала два отсюда.— Он показал на запад, в сторону Калифорнии. Туда я и отправился мимо игорных домов, напоминавших супермаркеты, где ничего не продавалось. Подкрадывались сумерки. Видимость была еще хорошей, но фасады потемнели и сделались четкими на фоне неба.

«Салон де Пари» был закрыт. Я постучал в стеклянную дверь. Через какое-то время из задней комнаты вышла крупная особа и двинулась ко мне через неосвещенный салон.

Прежде чем открыть дверь, она включила свет. У нее были волосы цвета заката, и челка падала на лоб. Из салона запахло женщинами и косметикой.

— Я ищу Бэмби Кинг.

— Не вы первый, но, надеюсь, последний. Мисс Кинг здесь больше не работает.

— Где бы мне ее отловить? — Выражение оказалось не из удачных. Ее отечные глаза холодно осмотрели меня и мои руки. Я решил снова попытать счастья: — Вообще-то я детектив...

— У нее неприятности? — с надеждой спросила женщина.

— Ее приятель угодил в беду. Он погиб. Заколот ледорубом.

— Что же вы сразу не сказали? — просияла она.— Входите, я дам вам адрес.

Бэмби жила в многоквартирном доме примерно в миле от мотеля. Дом двухэтажный, в форме подковы. В него и упирается эта улица. Я пошел пешком, затем увидел знак проката машин на бензоколонке. Я взял новенький с виду «форд», который кряхтел, как старик. Служащий сказал, что все дело в высокогорье.

Дом, где жила Бэмби, оставлял впечатление чего-то временного, непрочного, так же как и стоянка для машин его жильцов, где я припарковал «форд». Бэмби жила в квартире 27 на втором этаже. Поднявшись по внешней лестнице, я стал двигаться по галерее, пока не отыскал нужную дверь. Из-за нее доносилось пение, женский голос пел блюз. Невысокое качество исполнения и отсутствие музыкального сопровождения говорили о том, что это не пластинка. Я постучал. Пение тотчас же прекратилось. На пороге возникла хозяйка. Смягченное пением лицо. Глаза наивно-вопрошающие. Казалось, ее смущало собственное тело, скрывавшееся под свитером и вызывавшее мысли о чем-то мягком и упругом, словно раньше времени созревший плод. Чуть похвастaвшись передо мной этим сокровищем, хозяйка сказала плохо поставленным голосом:

— Привет! Я тут упражнялась...

— У вас приятный голос.

— Все так говорят! Но вокруг жуткая конкуренция. Они приглашают заезжих звезд с дисками. Разве это честно по отношению к местным?

— Вы местная?

— Я здесь третий год. Третий год великих побед. Значит, местная.

— Хотите стать эстрадной певицей?

— Да кем угодно, лишь бы не участвовать в крысиной гонке. Вы со мной согласны?

У меня был наготове текст, который я выдавал начина-

ющим звездам кино, юным соловьям и манекенщицам, мечтавшим обменять свои фигурки на билет в рай. «Я из Голливуда, знаю кое-кого, могу помочь». Но ее невинные глазищи помешали мне воспользоваться клише.

— Старайтесь! — призвал я ее.

Она подозрительно на меня посмотрела, словно я произнес не ту реплику.

— Вас кто-то ко мне подослал?

— Ральф Симпсон.

— Как он сейчас? Два месяца у меня о нем никаких известий.— Она изящно отошла в сторону.— Входите и рассказывайте.

В комнате была широкая неубранная кровать, портативный проигрыватель со снятой крышкой, туалетный столик, на котором стояли баночки с кремами, флакончики и валялось несколько романов в бумажных обложках с изображением девиц, очень похожих на Бэмби. Настенный календарь не переворачивали с апреля.

Я сел на кровать.

— Когда вы в последний раз виделись с Ральфом?

— Я уже говорила — месяца два назад. Он провел у меня ночь,— спокойно продолжала она,— в середине мая. Он тогда потерял работу и не мог найти ничего подходящего. Не знал, куда и податься. Я дала ему денег на автобус и с тех пор его не видела.

— Ральф ваш друг?

— Не в том смысле... Мы с ним все равно что брат и сестра. Мы вместе росли в Сан-Франциско. Он мне был старшим братом. И вообще я не стала бы отбивать мужа у жены.— Сказав это, она приняла такую позу, словно проверяла, удалось бы ей это или нет, если бы она захотела.

— Я не женат.

— Мне тоже так показалось.— Бэмби села на кровать так близко от меня, что я чувствовал жар от ее тела.— Вы говорите не как женатый, но и на холостяка не похожи.

— Когда-то у меня была жена, очень похожая на вас.

— Как ее звали?

— Забыл.— Имя вызывало столь грустные воспоминания, что было не до них.

— Я вам не верю. Что случилось с вашей женой? — Она уставилась на меня так, словно я собирался предсказать ее собственную судьбу.

— Ничего не случилось. Она ушла от меня и не пожа-

лела. А я пожалел. Потом она вышла замуж за другого, и они стали жить-поживать да добра наживать.

Бэмби кивнула так, словно счастливый конец имел к ней прямое отношение.

— Готова спорить, она бросила вас, потому что вы с кем-то завели роман.

— Ох, проспорите. Я плохо с ней обращался, но в другом смысле.

Где-то в закоулках памяти зашевелилась, словно ветерок в пустыне, боль. Меня снова, против моей воли, потянуло в прошлое.

— Кроме того, ей не очень нравилась моя профессия. Признаться, у меня самого она сейчас вызывает сложные чувства.

— Мне все равно, как люди зарабатывают свой хлеб. Мой прежний муженек был букмекером, ну и что? А вы кто будете?

— Я детектив.

— Интересно,— протянула Бэмби, но вся напряглась, а в глазах вспыхнуло недоверие.

— Успокойтесь,— сказал я.— Если бы я был из тех детективов, которых вы боитесь, я не стал бы всего этого рассказывать.

— Никого я не боюсь!

— Правильно. С какой стати? Я из Лос-Анджелеса.

— Ральф тоже хотел быть детективом. Там вы и познакомились?

— Отчасти. Давайте поговорим о Ральфе. Что это была за работа, которую он потерял?

— Он работал слугой. Когда не подворачивалось ничего лучшего, он соглашался и на такое. Работал на богачей, там, на озере. Когда хозяев не было, он показал мне дом. Картинка!

— Я тоже видел его. Дом Блекуэллов, так?

— Да, Блекуэллов.

— Долго ли у них работал Ральф?

— С неделю. Я не считала.— Она смущенно улыбнулась.— Мне хватает и собственных забот.

— За что его уволили?

— Мне он не говорил, что его уволили. По его словам, он ушел, потому что сделал, что хотел. Да и хозяева уехали обратно на юг.

— Не понял.

— Они заперли дом и поехали к себе в Лос-Анджелес

или где там они живут. Ральф думал, они пробудут на озере дольше, но у них изменились планы.

— Мне непонятно, что означает: «сделал, что «хотел»?

— Мне тоже. Вообще-то он любил подпустить таинственности. Ральф Симпсон, детектив! Лихо звучит.

— Он проводил в доме Блекуэллов какое-то расследование?

— Он на это намекал. Я не верю ему на все сто. Он насмотрится фильмов и начинает путать жизнь и кино.— Бэмби снисходительно посмотрела на книжки на столе и сказала: — Я тоже иногда так поступаю. Сразу становится легче жить.

Я постарался вернуть ее к нашей теме.

— Что же именно сказал Ральф?

— Точно не помню, у меня плохая память. Это было связано с тем, что случилось с Долли. Эта трагедия его подкосила. Он очень любил Долли.

— Это та самая Долли, которая вышла замуж за Брюса Кэмпиона?

Вопрос произвел неожиданный эффект: она соскочила с кровати и попятилась от меня в другой конец комнаты, что, впрочем, было не слишком далеко. Она приняла оборонительную позу у туалетного столика.

— Что вы так кричите? Тут соседи. Управляющий и так не дает мне покоя!

— Прошу прощения, Бэмби. Но это важный вопрос.

— Вы расследуете убийство Долли, да?

— Да. Ральф тоже?

— Вроде бы. Но из Ральфа какой сыщик! Хорошо бы расследованием занялись профессионалы. Долли была прелесть. Она не должна была умирать.

Бэмби уставилась в потолок, словно эпитафия Долли в то же время была молитвой во спасение самой себя. Медленно, почти бессознательно она двинулась ко мне и, подойдя вплотную, уставилась сверху вниз глазищами, напоминавшими озера.

— Какой страшный мир!

— В этом мире порой попадаются страшные люди. Вы знаете Брюса Кэмпиона?

— Так, отдаленно. Ральф однажды привел меня к нему, когда еще была жива Долли. Она была от него без ума. Ходила за ним по пятам, словно собачка.

— Как Брюс Кэмпион с ней обходился?

— Нормально. Он вообще-то не очень обращал на нее внимание. Похоже, он терпел ее, потому что ему нужна

была натурщица. Он и меня уговаривал. Но я сразу сказала: я еще не пала так низко, чтобы позировать для грязных картинок.

— Он рисовал грязные картинки?

— А какие же они еще. Долли говорила, он заставлял ее раздеваться донага.— Праведный гнев раздувал ноздри Бэмби.— Есть лишь один повод, когда девушке стоит раздеваться для мужчин.

— Почему Кэмпион на ней женился, если она была ему нужна только как натурщица?

— Ему было нужно кое-что еще. Мужики все одинаковы. Но она забеременела, и ему пришлось жениться.

— Так рассказывала Долли?

— Ей ничего и рассказывать не надо было. Я видела ее, когда мы пришли к ним с Ральфом.

— Не помните, когда это было?

— В конце лета. В августе или даже сентябре. Они еще не поженились, но говорили об этом, по крайней мере Долли. Ральф захватил бутылочку, мы выпили за их счастливую жизнь. Какое уж там счастье! Она в могиле, он в бегах.— Рука Бэмби коснулась моего плеча.— Это он ее убил, да?

— Улики против него.

— Ральф говорил, что это не так. По его словам, были другие факты, но полицейские их скрыли. Может, это так, а может, и нет. Ральфа не поймешь, когда дело касается его друзей.— Бэмби тяжело вздохнула.

— Когда Ральф вам об этом рассказал?

Опершись на мое плечо, она присела:

— В наш последний вечер. Мы много разговаривали.

— Он не сказал, что за сведениями располагает?

— Нет, он держал их в тайне. Человек тайны!

— Он не показывал вам никаких вещественных доказательств?

— Нет.

— Что было при нем, когда он от вас уезжал?

— Только то, что было на нем надето. Он вообще не собирался тут долго гостить, но вдруг подвернулась работа.— Бэмби заколебалась.— Я забыла про узел. Он оставил его у меня за пару дней до того, как кончилась его работа. Он не велел его развязывать. Но я на ощупь поняла, что там одежда.

— Какая?

— Не знаю. Узел был большой.— Бэмби развела рука-

ми, показывая его размеры.— Я пыталась расспросить о нем Ральфа, но он как воды в рот набрал.

— Может, там что-то краденое?

— Исключено.— Она покачала головой.— Ральф не такой.

— А какой?

— Разве вы его не знали?

— Не так хорошо, как вы.

После паузы она задумчиво заговорила:

— Ральф мне нравился. Не хочу его критиковать. У него было много хороших идей. Только он их бросал на полпути. Он никак не мог решить, кем быть. Помню, еще в детстве Ральф мечтал сделаться юристом по уголовным делам. Но он даже школы не кончил. И так всю жизнь.

— Он давно знал Кэмпиона?

— Лет десять, а может, и больше. Они вроде бы познакомились в армии, в Корее. Когда мы с Ральфом навещали Брюса и Долли, они говорили о войне в Корее.

— Меня интересует этот дом. Не покажете его?

— Сейчас?

— Сейчас.

Она взглянула на будильник в кожаном футляре на столике:

— Я жду гостя. Он придет с минуты на минуту.

— Нельзя его отменить?

— Мне надо платить за квартиру. Кроме того, все равно там нет Кэмпиона. Он жил там недолго, год назад. Кто-то разрешил ему там поселиться.

— И все-таки я бы посмотрел дом.

— Завтра. Если вы угостите меня хорошим обедом, я вам все покажу. На той стороне озера замечательные места. Купите сандвичей, и мы устроим пикник.

— Я люблю ночные пикники.

— Но у меня свидание.

— Сколько собираетесь заработать?

Она нахмурила лоб:

— Я не думаю об этом. Мне дают деньги, я на них играю. Почему я должна их выбрасывать в помойку?

— Сколько же стоит часок-другой в вашем обществе?

— Двадцатку.— Она заморгала длинными ресницами.— И обед!

Мы сели в нанятый мною «форд» и поехали по шоссе, на север. Вокруг были густые леса. Над зубчатыми краями верхушек деревьев высыпало почти столько же звезд, как в Мексике. Стало холодать. Бэмби придвинулась ко мне.

— Включите печку, мистер. Я даже не знаю вашего имени.

— Лу Арчер.— Я включил печку.

— Приятное имя. Настоящее?

— Конечно, нет. Вообще-то меня зовут Натти Бампо.

— Не валяйте дурака!

— Имею право. Мы живем в свободной стране.

— Разве есть человек с такой фамилией Натти, как там его?

— Бампо. Литературный герой. Великий охотник и следопыт.

— А вы?

— Стрелять умею, а вот что касается выслеживания зверя, это у меня лучше получается в асфальтовых джунглях.

— Гоняетесь за людьми?

— Еще как!

— А оружие у вас есть?

— Дома.

— Думаете, Кэмпион скрывается в лесном доме?

— Не исключено. Он человек опасный.

Она нервно хихикнула:

— Просто вы меня хотите напугать. Я думала, он слюнтяй. Ходил в беретике, рассуждал об искусстве.

— Он не слюнтяй.

— Это как понять?

— Пора мне тебе все рассказать. Долли не единственная жертва. В мае погиб Ральф, был заколот ледорубом,— вскоре после того, как ты его видела. Кэмпион — подозреваемый номер один.

Бэмби резко глотнула воздух и никак не могла его выдохнуть. Она страшно напряглась. Наконец выдохнула со словами:

— Ошибаетесь. Может, Кэмпион и убил Долли, чего не бывает между мужем и женой, но он никогда не поднял бы руку на Ральфа. Тот боготворил его, считал величайшим...

— А как относился Кэмпион к Ральфу?

— Любил его. У них были прекрасные отношения. Ральфу льстило, что его друг художник. Он и сам хотел стать художником...

— Я знал несколько художников. В общении это были не самые легкие люди.

— Но они не убивали людей ледорубами.— Пожалуй, только сейчас до нее дошел смысл сказанного мной. Ее сотрясала дрожь.— Ральф действительно погиб?

— Я видел его в морге. Извините меня, Бэмби.

— Бедняга Ральф. Домечтался.

Некоторое время мы ехали молча. Бэмби стала беззвучно плакать. Затем сказала, обращаясь к темноте за окном:

— Все мои друзья умирают. Я чувствую себя глубокой старухой.

Среди деревьев замелькало озеро, словно полированная сталь с отблесками бесконечности.

— Расскажите мне о Долли.

— Что тут рассказывать.— Голос у Бэмби был хриплым.— Она приехала сюда прошлой весной в поисках работы. Сначала работала в игорном клубе, разменивала деньги клиентам, потом нашла себе мужчину. Старая история.

— Только с иным финалом. Ты ее хорошо знала?

— Что тут знать? Обыкновенная девочка из глубинки. Когда она потеряла работу, я стала ее опекать. Потом Ральф познакомил ее с Кэмпионом. Вот и все.

— Ральфу она нравилась?

— Как сказать. Она была хорошенькой, но он не ухаживал за ней. Скорее присматривал. Она была беззащитная. Здесь не место таким, как она.

— Откуда она, кстати?

— Минуточку... Она мне говорила. Городок в апельсиновом поясе. Она все рассказывала, как цветут апельсины.

— Цитрус-Хиллз?

— Как вы догадались?

— Ральф был убит в Цитрус-Хиллз.

Глава 17

Дом стоял на поросшем лесом мысу. Я оставил машину на шоссе, велев Бэмби ждать меня в ней. Она примостилась на переднем сиденье, словно перепуганный кролик.

Я перешел кювет и двинулся бесшумно, как Натти Бампо. Звездный свет, проникая через хвою, придавал ночи волшебный облик. В домике горел огонь.

Я подошел сбоку и заглянул в окно. Перед камином стоял человек, ничуть не похожий на Кэмпиона. Он кому-то говорил:

— Доедай, Анджело. Радуйся жизни. Ты должен быть в форме.— Если на кровати у дальней стены никого не было, человек был в комнате один. Маленький, с худой

мальчишеской шеей, темноволосый. В красном джемпере поверх ковбойки.

Он шевельнулся, и я заметил, что на костяшках его поднятого кулака в черной перчатке сидел молодой ястреб. Коричневая птица клевала что-то красное, зажатое в руке человека.

— Кушай, кушай,— ласково говорил он птице.— Папочка хочет, чтобы сынок рос большим и здоровым.

Я подождал, когда птица окончит кровавую трапезу. Затем постучал в дверь. Человечек отпер и вопросительно уставился на меня глазами в очках без оправы. Золотисто-пятнистые глаза ястреба бесстрастно смотрели в пространство. Для него я был еще одним представителем мира людей.

— Извините за беспокойство,— сказал я обоим.— Но мне сказали, что какое-то время здесь жил человек по имени Брюс Кэмпион.

Взгляд человека потяжелел. Он сказал спокойно и подчеркнуто вежливо:

— Это действительно так. Перед отъездом в Европу я позволил Кэмпиону пожить у меня. Он сказал мне, что провел здесь август и часть сентября. Потом женился и съехал.

— Вы не знаете, что с ним случилось с тех пор?

— Нет. Я был в годовом отпуске — такой мне полагается раз в семь лет, и не поддерживал контактов с друзьями в Америке. Я провел год в Европе и на Ближнем Востоке.

— Кэмпион ваш друг?

— Я поклонник его таланта.— Он тщательно взвешивал слова.— Я стараюсь помогать талантливым людям.

— Вы давно его видели?

Вопрос застал его врасплох. Он покосился на ястреба, застывшего у него на кулаке, словно птица могла ответить. Ястреб сидел, уставясь в пространство немигающими глазами.

— Не сочтите за грубость,— сказал хозяин птицы,— но я бы почувствовал себя уверенней, если бы знал, на каком основании вы задаете мне все эти вопросы.

— Я частный детектив, помогающий расследованию, проводимому официальными органами.— Я назвал свою фамилию.

— В чем заключается ваша помощь?

— В расследовании двух, а может, трех убийств.

Он судорожно глотнул и побледнел.

— Тогда заходите. Не бойтесь Микеланджело. Он не обращает внимания на людей.

Но когда я вошел в комнату, ястреб всколыхнул крыльями. Несмотря на кожаные путы на лапах, он взмыл в воздух, колотя крыльями и обдавая меня волнами воздуха. Но хозяин вновь поднял свой кулак, и птица устроилась на насесте.

Мы сели друг против друга, а птица маячила между нами.

— Я доктор Дэмис,— представился человечек.— Эдмунд Б. Дэмис. Преподаю в Беркли на искусствоведческом факультете.

Он выставлял перед собой свое звание, словно щит.

— Там вы и познакомились с Кэмпионом?

— Я познакомился с ним несколько лет назад в Чикаго. Я был доцентом в художественном институте, где он учился. Как я уже говорил, мне нравились его картины, я поддерживал с ним отношения. Точнее, он со мной их поддерживал.

Сухой отчет. Он давал понять, что между ним и Кэмпионом существует дистанция.

— Я тоже слышал, что он хороший художник. А как насчет его чисто человеческих качеств?

— Я хотел бы воздержаться от суждений на эту тему. Он живет, как умеет. Лично я выбрал более легкий путь.

— Простите?..

— Я зарабатываю преподаванием, а живописью занимаюсь по выходным или в отпуске. Кэмпион живет ради творчества. Больше его ничего не интересует.

— Вы ему завидуете?

— В каком-то смысле да.

— Не исключено, что и он завидует вам. Кстати, ваше второе имя не Берк?

— Берк. Мой отец был почитателем Эдмунда Берка.

— Вам неизвестно, что Кэмпион пользуется вашим именем? Он называет себя Берком Дэмисом.

Дэмис стал наливаться краской неудовольствия:

— Черт побери! Почему бы ему не оставить в покое меня и мою собственность?

— Он покушался на вашу собственность?

— Я имею в виду этот дом. Осенью, когда он выехал, дом напоминал свинарник. Я чистил его целую неделю. Мне надоел Брюс с его идиотским образом жизни и наглым отношением к окружающим.

— Вы имеете в виду его отношения с женщинами?

— Да, но не будем в них вникать. Я давно зарекся чистить авгиевы конюшни.

— Но все же хотелось бы по крайней мере в них заглянуть.

— Лучше не стоит. Утомительное занятие. Они все построены по одному шаблону. По шаблону садомазохизма. Кэмпион всегда относился к женщинам как к своей законной добыче.

— Добыча — слово, вызывающее ассоциации с вашим ястребом.

Он закивал головой, словно я сделал ему и ястребу изящный комплимент. Ястреб высился на его кулаке словно статуэтка. Дэмис, похоже, был привязан и к ястребу, и к Кэмпиону, с любопытством наблюдая через очки, как оба хищника взмывают ввысь и хватают жертву.

— Дело в том, что два месяца назад была убита жена Кэмпиона. Его разыскивают по обвинению в убийстве. Вы об этом знаете, доктор Дэмис?

— Нет, конечно. На прошлой неделе я прилетел из Италии и сразу же приехал сюда.— Он сильно побледнел.— Я ни с кем не поддерживал отношений.

— Кроме Кэмпиона?

— Почему вы так решили?

— Интуиция! Если бы вы действительно не видели его год, то говорили бы о нем другим тоном. Итак, где и когда вы его видели?

— Сегодня утром,— буркнул Дэмис, глядя в пол.— Ни с того ни с сего он заявился ко мне. Ночью обошел пол-озера. Вид был жуткий.

— Зачем он к вам приходил?

— Наверное, в поисках пристанища. Он сказал, что попал в беду, правда, не уточнил, в какую. И клянусь, он ни слова не сказал о жене. Он хотел у меня пожить. Я же счел это невозможным. И вообще я ничем ему не обязан. Он всегда только брал, а я только давал. Кроме того, я подошел к решающему этапу в подготовке ястреба.— Он погладил длинный птичий хвост.

— Когда он от вас ушел?

— Примерно в полдень. Я его покормил. Я и не подозревал, что приютил человека, разыскиваемого полицией.

— Как он уехал?

— Взял мою машину,— выдавил из себя Дэмис.

— Силой?

— Как вам сказать. Он сильнее меня не только физически, но и вообще...— Дэмис отбросил высокомерие и

оттого помолодел.— Вы правы, Брюс имеет надо мной власть. Втайне я завидовал ему, его успеху у женщин.

— Можете больше не завидовать. Лучше опишите машину — марка, год выпуска.

— Красный «шевроле» 1959 года, верх черно-красный, клетчатый. Номер калифорнийский: ТСХ-37964.

Пока я заносил это в блокнот, он добавил:

— Берк обещал вернуть машину в течение суток. Он знает, что без нее мне отсюда никак не выбраться.

— Думаю, ему на это наплевать. Но я попробую помочь вам получить ее назад. Хотите заявить, что у вас ее украли?

— Это не кража. Я, конечно, сглупил, но отдал ему добровольно.

— Он не говорил, зачем ему машина и куда он собрался?

— Нет.— Дэмис заколебался.— Вообще-то можно вычислить его маршрут. Он сказал, что, когда машина ему не будет нужна, он оставит ее у меня в гараже, в Беркли. Значит, он поехал в том направлении.

— Он был здесь один?

— Да. Совершенно определенно один.

— Он не упоминал о девушке, с которой у него сейчас роман?

— Он вообще не упоминал никаких девушек. Он почти не говорил. А кто она такая?

— Гарриет Блекуэлл. Высокая блондинка.

— Первый раз слышу. Что с ней случилось?

— Похоже, она плавает в озере.

Сообщение поразило Дэмиса, и его чувства, судя по всему, передались птице. Ястреб распростер крылья. Дэмис успокаивающе погладил его и заговорил:

— Не хотите ли вы сказать, что ее утопил Брюс?

— Очень может быть. Сегодня утром вы не заметили на его лице следы борьбы? Царапины там или что-то еще?

— Да, лицо было исцарапано. И одежда была в плохом виде.

— Мокрая?

— Да, было впечатление, что он промок. У него вообще был такой вид, словно он угодил в переплет.

— Его неприятности еще не закончились,— сказал я.— Мы оставим у вас человека, вдруг он еще раз к вам пожалует. Вы не возражаете?

— Буду только рад. Я не трус, но...— Его встревоженный взгляд был красноречивее любых слов.

— Он, конечно, вряд ли вернется. И поэтому хоте-

лось бы знать, где его есть смысл искать. Также нам нужен ваш адрес в Беркли, если он последует первоначальному плану.

— А нельзя ли без этого? Со мной живет мать, и не хотелось бы ее лишний раз тревожить. Ведь Брюс для нее не опасен.

— Она знает его?

— Очень отдаленно. Практически не знает. Года два назад он пришел к нам обедать. Матери он не понравился. Она сказала, что у него темная аура. В то время, кстати, он жил с какой-то подозрительной девицей в Сосалито. До этого он жил в Кармеле, Санта-Барбаре, Сан-Диего, Лос-Анджелесе и, наверное, где-то еще. Не знаю, где его и искать. Впрочем,— добавил он после паузы,— Брюс мог поехать к своей сестре.

— У него есть сестра?

— Да, хотя он не очень ее жалует. По его словам, она страшно надутая. Они были в неважных отношениях.

— Где она живет и как ее зовут?

— Надо посмотреть, у меня записано. Я ее никогда не видел. Я и адрес-то записал, потому что Брюс просил, чтобы к ней пересылали его почту, пока он странствовал.— С ястребом на руке Дэмис подошел к столу в углу комнаты, открыл ящик, вытащил коричневую кожаную телефонную книгу и стал ее листать.

Брюс Кэмпион стоял первым на букву «К». Под его фамилией значились адреса, упомянутые Дэмисом. Все были зачеркнуты, кроме Менло-парка, где проживала миссис Тор Юргенсен: Скулхауз-роуд, 401. Я это записал.

— Я думал, мы добрые друзья,— говорил Дэмис, уставясь на ястреба так, словно проводил телепатический сеанс.— Но за долгие годы я понял, что лежит в основе наших отношений. Брюс возникал, лишь когда ему что-то было нужно: рекомендации. Как я от него устал. Надеюсь, больше его не увижу!

Я промолчал. Он обратился к ястребу:

— Ты не проголодался, Анджело? Как насчет воробьиного крылышка?

Я оставил его общаться с безмолвной птицей и отвез Бэмби в Стейт-Лайн. Там мы заказали filets mignon [1] в одном из ресторанов при казино. Пьяный толстяк в белой стетсоновской шляпе сидел в баре, накачиваясь все сильнее. Окосевшими глазами он посматривал на девушек,

---

[1] Вырезка *(фр.)*.

а особенно на Бэмби. К мясу она заказала красного вина, отчего опять сделалась разговорчивой. Когда ей было двенадцать, а ему восемнадцать, Ральф брал ее с собой на рыбалку в Луна-Бей. Как-то он вытащил ее из-под волны в Сан-Грегорио. Она говорила, словно вспоминала сон — возможно, она кое-что присочинила. Но в конце концов она сказала:

— Я не возьму ваши двадцать долларов. Это самое малое, что я могу сделать для Ральфа.

— Вы их честно заработали.

— Нет, надо хоть что-то делать не для денег. Я серьезно.

— Ты хорошая девочка.

— Сказал он, когда она вытаскивала у него бумажник. Блядь с золотым сердцем. Холодным и бесчувственным.

— Ты несправедлива к себе, Бэмби.

— Никакая я не Бэмби.

— Как же тебя звать?

— Никак.

— Как твое настоящее имя?

— Я его ненавижу.— Ее лицо окаменело.

— Но все-таки?

— Мейбл,— с отвращением процедила она.— Моим родителям приспичило дать мне самое банальное имя в мире.

— А где живут твои родители?

— Я отдала их в роддом.

— До или после того, как ты стала Бэмби?

— Если хотите знать,— пылко сказала она,— я сменила имя, когда Кинг смылся от меня, оставив одну в этой дыре. Самое смешное, что и от Бэмби меня тоже тошнит. Оно тоже кажется мне банальным. Пора еще раз менять имя. У вас нет никаких идей на этот счет?

— Сейчас нет.

Она наклонилась ко мне, упершись грудками в край стола:

— Поехали ко мне, выпьем и поговорим за жизнь.

— Спасибо, но мне надо работать.

— Работа не волк! Из-за тебя я отменила свидание.

— Кроме того, для меня ты слишком юная.

— Как это? — Она бросила на меня изумленный взгляд.— Ты еще не старик.

— Я старею не по дням, а по часам,— сказал я, положил на стол деньги и встал.— Куда тебя подбросить?

— Я останусь здесь. Какая разница.

Не успел я дойти до двери, как пьяный толстяк со шляпой в руке, багровея лысиной, двинулся в ее сторону.

Глава 18

Я нашел телефон-автомат и позвонил в Рино Арни Уолтерсу. Он сам снял трубку.

— Уолтерс слушает.

— Это Арчер. У меня информация о передвижениях Кэмпиона. Он в красном «шевроле»...

— Уже знаем, Лу.— Арни говорил тихо и быстро.— Его видели в Салин-Сити. Разговаривал с портье одного из мотелей. Патрульный заметил его, но не арестовал. Решил не спешить и еще раз свериться с нашим циркуляром. Ему показалось, что тот собирается снять номер. Но когда он снова вернулся в мотель, Кэмпиона и след простыл. Это было часа два назад. У тебя нет ничего посвежей?

— Ты меня сильно опередил. Как называется мотель?

— «Тревелерз» в Салин-Сити. Это город в восточной части Залива.

— Как насчет Гарриет?

— Пока никак. Утром начнем тралить озеро. Криминалисты подтвердили, что группа крови совпадает с ее. Но это еще ни о чем не говорит.

— Откуда вы знаете ее группу?

— Я позвонил отцу,— сказал Арни.— Он хотел приехать, но я, кажется, отговорил его. Если мы в ближайшее время не разберемся со всем этим, он отдаст концы.

— Я тоже.

К полуночи я приехал в Салин-Сити. Мотель был в западной части города, там, где начинались солончаки. Красная неоновая вывеска освещала оштукатуренный фасад, подчеркивая его уродство.

За конторкой никого не было. Я позвонил в колокольчик. Из задней комнаты вышел серолицый молодой человек в рубашке, плохо заправленной в брюки, застегивая ее на ходу.

— Номер на одного?

— Номер мне не нужен. Но, может, вы готовы мне кое-что сообщить?

— Насчет убийцы?

— Да. Вы ведь с ним говорили. О чем?

Он простонал и перестал застегивать рубашку.

— Я уже все рассказал полиции, неужели всю ночь мне повторять одно и то же?

Я протянул ему бумажку в пять долларов. Он близоруко уставился на купюру и сунул ее в карман.

— Ладно, если вам это так важно. Что вы хотите знать?

— Что говорил вам Кэмпион?

— Его фамилия Кэмпион? А он назвался Дэмисом. Сказал, что провел здесь ночь два месяца назад и хотел, чтобы я проверил это в регистрационной книге.

— Он действительно был здесь два месяца назад?

— Угу! Я запомнил его. У меня хорошая память на лица.— Он любовно похлопал себя по узкому лбу.— Конечно, я мог сказать, когда именно это было, только посмотрев в книге.

— Вы посмотрели?

— Да, но это ему не помогло. Когда я вернулся, он исчез. Подъехала патрульная машина — полиция всегда появляется в восемь, и это, видно, его спугнуло.

— Можно взглянуть на его регистрационную карточку?

— Забрали полицейские. Сказали, что это важная улика.

— Какая там была указана дата?

— Пятое мая. Это я помню.

Это была улика. В ночь на пятое мая погибла Долли Кэмпион.

— Вы уверены, что тот, кто останавливался пятого мая, и тот, кто говорил с вами сегодня, одно и то же лицо?

— Полицейские задавали этот же вопрос. Абсолютной уверенности у меня нет — со зрением у меня не очень, но он был похож на того человека. И говорил так же. Может, конечно, наврал. Он же сказал, что его фамилия Дэмис, а это не так.

— Пятого мая он указал фамилию Дэмис?

— Они оба зарегистрировались под этой фамилией.

— Оба?

— Даму я не видел. Сначала он записал их обоих, а потом она приехала в своей машине. Он сказал, что это его жена, и я поверил. Вроде бы она уехала рано утром.

— Как же вы это запомнили, если не уверены, тот ли это человек?

— Он напомнил. Я и вспомнил все.

Это был болван. В его глазах торжественно светилась глупость. Я осведомился, есть ли у него собственные воспоминания о пятом мая.

— Но дата стояла на карточке.

— Он мог остановиться в другой день, а сказать, что это было пятого мая. А пятого мая мог остановиться кто-то другой.— Я поймал себя на том, что говорю, словно прокурор, вознамерившийся сбить с толку свидетеля защиты. Мне это неплохо удалось.

— Пожалуй,— удрученно протянул он.

— Кэмпион не пояснил, почему ему надо выяснить дату?

— Нет, он только сказал, что для него это важно.

— Он дал вам денег?

— А зачем? Я и так хотел помочь ему. Это же наш клиент.

— Но до этого вы видели его только однажды?

— Да, пятого мая,— твердил свое юноша.

— В котором часу он приехал?

— Не помню. Но не очень поздно.

— И провел всю ночь?

— Не знаю, мы не следим за гостями.— Он зевнул так широко, что я мог пересчитать все дырки у него в зубах.

— Как вас зовут?

— Нельсон Карп.

— А меня Лу Арчер. Я вынужден просить вас вернуть мне пять долларов. Я очень сожалею, но не исключено, что вам придется выступить свидетелем на суде и подтвердить под присягой, что вам никто не сулил денег за ваши показания.

Он вынул пятерку из кармана и положил на стойку:

— Мне бы сразу догадаться, что тут подвох.

— Я же сказал, что очень сожалею.

— А мне-то какое дело!

— Государство платит свидетелям.— Я не сказал, какие это крохи, и Нельсон Карп взбодрился.

— В каком направлении уехал отсюда сегодня Кэмпион?

— К мосту Сан-Матео. Они сами это сказали.

— Они — это полицейские?

— Да, они много звонили от нас по телефону.— Он показал на телефон-автомат на стене.

Выйдя на улицу, я посмотрел вокруг. Соляные горы высились как древние пирамиды. На той стороне Залива слабо мерцали огни Полуострова. Я был всего в десяти милях от Менло-парка.

Я вернулся в мотель, попросил мелочи у Карпа и на имя Джона Смита заказал телефонный разговор с сестрой

Кэмпиона миссис Тор Юргенсен. На четырнадцатом звонке трубку сняли, и мужской голос сказал:

— Алло!

— Просят ответить миссис Тор Юргенсен,— сказала телефонистка.

— Ее нет дома. Что передать?

— Хотите что-нибудь передать, сэр? — спросила меня телефонистка. Это было ни к чему. Кэмпион знал мой голос не хуже, чем я его.

Во втором часу ночи я припарковался в районе трехсотых номеров на Скулхауз-роуд в Менло-парке. Дальше я двинулся на своих двоих, посматривая на почтовые ящики в поисках нужной фамилии. На широкой и тихой улице стояли особняки в тени дубов, которые зеленели, когда домов не было и в помине. В отдалении тихо мурлыкал прибой.

В это время в большинстве домов окна были темные, но в заднем окне дома 401 горел свет. Я обогнул дом, шагая по мокрой от росы траве. Спрятавшись за кустом, я заглянул в окно, прикрытое бамбуковой шторой.

Это была кухня, обставленная в сельском стиле и разделенная на две части, собственно кухню и столовую. Я увидел камин из старого кирпича почти во всю стену. Перед камином на диванчике мирно дремал Кэмпион. Карта дорог на его груди мерно поднималась и опускалась в такт дыханию.

На нем были останки серого костюма. В пятнах от крови, грязи или жира. Поцарапанное обросшее лицо. Правая рука свесилась на пол, в ней револьвер среднего калибра с посеребренной рукояткой.

Нужно было вызывать полицию, но мне хотелось взять его самому.

За домом был гараж на три машины. Я пробрался через сад и проник через незапертую дверь. Одна из машин в гараже по очертаниям походила на «шевроле» с откидным верхом.

Это была машина доктора Дэмиса. Посветив ручкой-фонариком, я прочитал его фамилию на руле. Ключи были в зажигании. Я вынул их и положил в карман.

Надо было чем-то вооружиться. В задней части гаража был верстак, над ним полка с инструментами. Из неплохого набора молотков я выбрал полегче и взвесил в руке. Годится.

Вернувшись к «шевроле», я приладил спичечный коробок, так что включилась сирена. Она завыла, как иерихон-

ская труба. Я подошел к приоткрытой двери и спрятался за ней, распластавшись по стене, не спуская глаз с задней части дома. Мои уши горели. В гараже бесновались децибелы, норовя вышвырнуть меня на улицу. Из дома вышел Кэмпион. Он пробежал через сад с камелиями. В его руке поблескивал револьвер. Добежав до гаража, он остановился и оглянулся, словно заподозрив недоброе. Но воющий клаксон представлял слишком серьезную угрозу, нужно было его поскорее выключить.

Когда он возник на пороге гаража, я выскочил из засады и ударил его молотком по затылку — не слишком сильно, но и не слишком нежно. Кэмпион упал, накрыв собой револьвер. Я выудил оружие из-под поверженного владельца, сунул его в карман и отключил клаксон.

В соседнем дворе кто-то громко выругался. Я вышел из гаража и сказал:

— Добрый вечер!

Человек направил на меня фонарик:

— Что тут происходит? Это не Тор Юргенсен?

— Нет, а где Юргенсены?

— Уехали в город. Я никак не мог понять, кто в доме.

К забору подошел коренастый мужчина в пижаме и внимательно посмотрел на меня. Я улыбнулся. У меня было отличное настроение.

— В их доме человек, которого ищет полиция. Я детектив и только что оглушил его.

— Брат Эвелины?

— Похоже.

— Она знает, что он здесь?

— Сомневаюсь.

— Бедная Эвелина.— В его голосе смешались сочувствие и злорадство, возникающее, когда мы узнаем о неприятностях наших ближник.— Бедный Тор. То-то расшумятся газеты.

Я перебил его:

— Позвоните в Редвуд-Сити шерифу. Пусть вышлют машину.

Он бодро двинулся к своему дому, семеня босыми ногами.

Глава 19

Пока Кэмпион приходил в сознание, мы с Ройалом ждали в холле больницы. Это заняло час. За это время я успел рассказать капитану о моих похождениях — и Кэмпиона тоже.

Мои находки в мотеле не удивили Ройала.

— Подделывает алиби, чтобы на него не вешали убийство жены.

— Оно может быть настоящим. Вам бы надо поговорить с этим Нельсоном Карпом и проверить, подлинная ли карточка регистрации или нет. Сейчас она у полицейских Салин-Сити.

— Таких алиби на пятак дюжина,— равнодушно отозвался Ройал.— Он мог зарегистрироваться в мотеле, даже провести там часть ночи, а потом вернуться в Луна-Бей и прикончить жену. Расстояние между этими двумя точками всего тридцать миль.

— Тем более легко проверить.

— Слушайте,— сказал Ройал,— у меня и так полно проблем. Займитесь этим с моим заместителем Мунганом. Он возглавляет наш филиал в Луна-Бей и знает подробности.

Я не стал настаивать. Ройал был хорошим полицейским, но, как и многие хорошие полицейские, гибкостью он не отличался. Наконец из палаты Кэмпиона вышел молодой врач в белом халате и с важным видом сообщил, что, учитывая важность дела, разрешает допросить своего пациента.

Мы с Ройалом вошли в палату, охраняемую сотрудником службы безопасности в форме. Это была обычная маленькая палата, но с тяжелыми стальными решетками на окне. Кэмпион лежал на кровати с приподнятым изголовьем. Он лежал неподвижно и смотрел на нас. Его тяжелый взгляд поочередно обратился на каждого из нас, но он промолчал. Перевязанная голова, под глазами лиловые круги. На бледных щеках отчетливые ссадины.

— Привет, Кэмпион,— сказал я.

— Давненько не виделись, Брюс,— подхватил Ройал.

Кэмпион промолчал. Белый тюрбан-повязка и гримаса боли делали его похожим на индийского факира на ложе с гвоздями. На него упала тень капитана Ройала:

— Что ты сделал с Гарриет Блекуэлл, Брюс?

— Ничего я с ней не делал.

— Последний раз ее видели в твоем обществе.

— Ну и что?

— А то, что бы убил ее.

— Я никогда никого не убивал.

— А твою жену Долли?

— Я не убивал Долли.

— Хватит, Брюс. У нас другие сведения. Ты неплохо

порезвился, но прогулка кончилась. Конец прогулки, начало процесса.— Ройал ухмыльнулся своей неуклюжей шутке.— Все, что ты скажешь, может быть использовано против тебя, но советую сказать правду, в конечном счете так тебе будет выгодней.

— Еще бы! — фыркнул Кэмпион.— На стул в газовой камере положат мягкую подушечку, а цианит сдобрят жасмином.

Ройал наклонился над кроватью, заслонив от меня Кэмпиона.

— Значит, ты понимаешь, что заработал газовую камеру, так? Почему бы тогда тебе не рассказать все как есть? Я давно мечтаю тебя послушать. Расскажи мне про гибель Долли, и я твой лучший друг. Я сделаю все, чтобы спасти тебя от зеленой комнаты.

— Обойдусь без твоей помощи, легавый. И отойди от меня — у тебя воняет изо рта.

Ройал замахнулся:

— Ах ты, грязный сукин...— Он осекся, взглянул на меня и отошел.

— Ну, ударь меня,— сказал Кэмпион.— На это вы мастера. Всю жизнь ненавидел вашу свору. Вы продаете закон тому, кто больше заплатит, а нищие отвечают за всех сразу.

— Заткнись,— крикнул Ройал.— Ты валяешься, рассуждаешь о законе, а у самого руки по локоть в крови. В крови жены!

— Что-то не вижу крови,— сказал Кэмпион, помахав руками.

— Это верно. Когда ты убивал Долли, крови не было. Ты просто завязал ей на шее чулочек.— Ройал издал такой звук, словно сплюнул.— Что творится в твоей башке, Кэмпион, хотелось бы знать.

— И не мечтай. Ты слишком туп.

— Не настолько, чтобы не понять, что такое псих, который пачкает красками холсты и живет за счет баб. Почему бы тебе не найти настоящую мужскую работу.

— Ловить проституток?

— Я читал книгу об одном любителе проституток, французском художнике-психе, который отрезал себе ухо и покончил с собой. Ну а ты что выкинешь?

Кэмпион сел в кровати.

— Если бы ты не был идиотом, то говорил бы о Ван Гоге с уважением. К тому же он не француз, а голландец. Он гений и религиозный пророк.

— Как и ты, да? Ты божество, нуждающееся в человеческих жертвоприношениях?

— В газовые камеры людей, между прочим, отправляешь ты!

— Именно. Скоро дойдет очередь и до тебя.

Я встал между ними, лицом к Ройалу. Он побагровел, глаза сверкали. Я впервые видел его теряющим спокойствие. Кэмпион снова откинулся на подушку и прикрыл глаза. Я заставил его снова открыть их, спросив:

— Как попала кровь на шляпку Гарриет?

— На какую шляпку?

— На ту, что я сегодня выудил из озера. Что делала шляпка в озере и как на ней оказались кровь и волосы?

— Спроси Гарриет. Это ее шляпка.

— Ты знал, что шляпка в озере?

— Узнал от тебя. Значит, так оно и есть. Легавые всегда говорят правду.

— Смени пластинку. Как попала шляпка в озеро?

— Говорю, спросите Гарриет.

— Ее нет. Где она, Кэмпион?

— Понятия не имею. Но у меня есть предложение.

— Какое?

— Убирайтесь отсюда. Я болен, мне нужен отдых и покой.

— Доктор сказал, что допрос тебе не повредит.

— Боюсь, он повредит моей репутации.

— Хватит валять дурака.

— Почему это? Почему мне немного не поразвлечься. Гестаповцы — очень скучные собеседники.

У меня начало бешено стучать в висках. Я почувствовал солидарность с Ройалом.

— Разве тебя не волнует судьба твоей невесты?

— Кого, кого?

— Разве вы не собирались пожениться?

— Жениться?

— Отвечай на вопрос!

— Ты же знаешь заранее все ответы. Такое уж у тебя ремесло.

— Если ты не собирался жениться на Гарриет, зачем повез ее на озеро Тахо? Потому что оно глубокое?

Кэмпион посмотрел на меня с невыносимой скукой на лице. За его спиной заговорил Ройал, на сей раз очень тихо:

— Мистер Арчер заслуживает, чтобы ему ответили,

Брюс. Он потратил много сил, чтобы иметь возможность задать тебе этот вопрос.

— Мистер Арчер может прыгнуть в озеро и утопиться.

— Вслед за Гарриет, которой ты подсобил? — спросил я.

— Не знаю, что она выкинула. Я ее и пальцем не тронул.

— Откуда у тебя ссадины на лице?

Кэмпион дотронулся до лица, пальцы ощупывали ссадины так, как слепой изучает незнакомый предмет.

— Вчера я заблудился в лесу. Наверное, ободрался о кусты.

— После скандала с Гарриет?

Он незаметно кивнул.

— Из-за чего был скандал?

— Какой скандал? — удивился он.

— Ты же сам признал, что вы поссорились.

— Тебе это послышалось.

— Я видел, как ты кивнул.

— У меня легкий тремор. Прошу извинить. Это оттого, что меня избили до полусмерти гестаповцы. Почему бы вам не убраться?

— Мы побудем здесь,— сказал Ройал, подойдя ко мне.— Ты признал, что у вас что-то произошло с девушкой. Это первый шаг к истине. Почему бы тебе не дойти до конца, Брюс, а?

— Не зови меня Брюсом.

— Это не твое имя?

— Мое, но только для друзей.

— Каких еще друзей? — презрительно бросил Ройал.

— У меня есть друзья.

— Где они, в могиле?

Кэмпион повернулся к стене.

— Ральф Симпсон звал тебя Брюсом? — спросил я.

— Что? — спросил он в стену.

— Ральф Симптон звал тебя Брюсом?

— Да.

— Вы дружили?

— Да.

— Зачем ты убил его и забрал его документы?

Он обернулся в мою сторону:

— Я не брал его документов!

— У тебя в кармане обнаружили его метрику.

— Он сам мне ее дал.

— В ту ночь, когда ты угостил его ледорубом?

Кэмпион широко раскрыл рот так, что был виден его язык за зубами. Он завопил, глаза его закатились, а он кричал что-то нечленораздельное.

Мы с Ройалом в замешательстве переглянулись. Почему-то мы — я, по крайней мере,— чувствовали себя виноватыми. Когда Кэмпион выдохся и откинулся на подушку, в коридоре раздался шум. Женский голос спорил с мужскими.

Ройал двинулся к двери, но она уже распахнулась. Женщина, ворвавшаяся в палату, была похожа на Кэмпиона, хотя выглядела старше и была более ухоженной.

— Что вы делаете с моим братом?

— Ничего особенного, мэм,— отозвался Ройал.— Просто задали несколько вопросов.

— Вы его пытали?

— Скорее наоборот.

Она подошла к кровати:

— Они мучали тебя, Брюс? Какой ужас!

Кэмпион вяло посмотрел на нее:

— Я стерпел, и ты стерпишь. Уходи.

— С ним все в порядке, миссис Юргенсен,— сказал Ройал.— Вам не следует здесь находиться.

— Вот и я сказал то же самое,— подал голос охранник от дверей.— Может, мне следовало задержать ее силой?

Ройал коротко покачал головой. Мимо охранника прошел в палату высокий человек со светлыми, коротко постриженными волосами и длинным лицом. У него было такое выражение, словно он сосал лимон. Он взял женщину под руку и сделал попытку увести ее от кровати. Она сопротивлялась, не глядя на него. Она жадно всматривалась в лицо брата:

— Разве ты не хочешь, чтобы я тебе помогла?

— Где ты была, когда мне действительно требовалась помощь? А теперь ей грош цена. Убирайся!

— Ты слышала, Эвелина? — сказал высокий. У него был едва заметный скандинавский акцент — даже не акцент, а интонации.— Он обойдется без нас, а мы без него.

— Но это мой брат.

— Я-то знаю. Но ты хочешь, чтобы об этом узнали все вокруг? Ты хочешь, чтобы наш Тор потерял всех друзей? Ты хочешь, чтобы люди оборачивались и тыкали в меня пальцем?

— Слышала, что говорит твой муж? — спросил Кэмпион.— Почему бы тебе не послушаться его, сестра, и не уйти?

Появился доктор с медсестрой на буксире. Он окинул собравшихся недовольным взглядом.

— Я бы хотел напомнить, капитан, что вы в больнице. Этот человек не только арестованный, но и мой пациент. Я разрешил допрос, надеясь, что он пройдет спокойно.

— Я не отвечаю за...— начал было Ройал.

— Зато я отвечаю за его здоровье. Прошу всех освободить палату. Это и к вам относится, капитан.

— Я не закончил допрос.

— Это может подождать до утра.

Ройал капитулировал. Он мысленно представил себе, как защита на суде схватится за показания доктора. Он ушел, за ним все мы.

На автостоянке не то чтобы совсем случайно я столкнулся с четой Юргенсенов. Они попытались пройти мимо, как бы не заметив меня, но я расположился между ними и их «мерседесом». Деваться им было некуда.

— Я частный детектив, расследую это дело, и мне показалось, что в обвинениях против вашего брата полно дырок. Я бы хотел обсудить это с вами.

— Ни слова, Эвелина,— предупредил муж.

— Если бы могли присесть где-нибудь и потолковать...

— Не поддавайся, Эвелина. Он оказывает давление.

— Почему бы вам не помолчать? — предложил я.— Это ведь не ваш родной брат.

— Она обернулась ко мне:

— Меня волнует его судьба, Тор, и еще мне стыдно. Все эти месяцы мы делали вид, что он не существует, что мы не имеем отношения...

— Мы действительно не имеем к нему отношения. Мы решили это раз и навсегда.

— Почему бы даме не говорить за себя? — вставил я.

— Разговоров не будет. Отойдите.— Он взял меня за плечо и оттолкнул. Бить его не было резона. «Мерседес» умчался в их крошечный собственный рай.

Я остановился в мотеле «Камино-реаль» и заснул, пытаясь придумать план действий, который бы помог все решить. Мне снилось, что я доказываю невиновность Кэмпиона на макете с бумажными куклами, которые липли к пальцам. Затем я обнаружил в озере тело Гарриет. На голове были следы от когтей.

Я проснулся в холодном поту. По шоссе со свистом проносились ночные автомобили.

Глава 20

Я встал с постели. Было утро с его печальной неопределенностью. Я поехал через весь округ в Луна-Бей. В тамошней полиции главным был Перси Мунган, которого я хорошо знал и ценил, надеясь, что это взаимно.

Когда я вошел в оштукатуренное здание участка, на широком лице Мунгана заиграла улыбка — лучик солнца на каменной скале.

— Говорят, ты за нас вкалываешь, Лу?

— Кто-то же должен работать.

— Это точно. У тебя усталый вид. У меня есть электробритва — не желаешь?

Я почесал подбородок. Колючий.

— Спасибо, успеется, Капитан Ройал говорит, ты занимался уликами по делу Долли Кинг.

— Какие там улики! Кот наплакал.— Мунган встал из-за стола. Грузный человек, много выше меня. Это создало во мне приятное ощущение ловкости и быстроты хорошо натренированного боксера второго полусреднего веса. Он открыл воротца в барьере, разделявшем помещение на две части.

— Проходи и садись. Сейчас закажу кофе.

— Это тоже успеется.

— Наверное, но так приятнее беседовать.— Он вызвал из задней комнаты молодого полицейского и распорядился насчет кофе.— Как ты впутался в дело Кэмпиона?

— Меня наняли узнать его подноготную люди из Лос-Анджелеса — Блекуэллы. Он подцепил их дочь Гарриет в Мексике, где жил под чужим именем и заставил влюбиться в себя. Три дня назад они вместе уехали в Неваду, где она исчезла. Есть опасения, что она стала его второй, а может, и третьей жертвой.— Я поведал Мунгану о шляпке в озере, о смерти Ральфа Симпсона. Мунган внимательно слушал, опустив уголки рта, словно бульдог, а когда я закончил, сказал:

— О девице я не знал. Но я не могу понять, зачем Кэмпиону убивать Симпсона. Может, тот и правда одолжил ему метрику. Они ведь дружили. Когда Кэмпион приехал сюда прошлой осенью, Симпсон подыскал ему дом, если это можно назвать домом. Но на что-то более приличное у него денег не было. У него была трудная зима.

— В каком смысле?

— В каком ни возьми. Денег нет. Жена с пузом, а он не имеет работы, если не считать работой рисование. Какое-то

время они жили на пособие. Но округ перестал платить, когда выяснилось, что Кэмпион покупал на эти деньги краски. Симпсон помогал им как мог. Я слышал, что, когда в марте родился ребенок, доктору платил он.

— Интересно.

— Очень. Я даже подумал, что Симпсон — отец. Он знал Долли до того, как та познакомилась с Кэмпионом. Вчера я узнал, что он их и познакомил. Если Симпсон сделал ей ребенка и подставил Кэмпиона, у того был повод для двойного убийства. Это, конечно, только предположение...

— Уж это точно.

— Есть ли данные, подтверждающие, что Кэмпион не был отцом?

— Скорее наоборот,— задумчиво покачал головой Мунган.— Все указывает на обратное. В сентябре, когда они поженились, она была уже беременна. Мужчина женится, только когда уверен, что отец он.

— Обычно да, но Кэмпион не такой, как все.

— Спасибо Создателю за это. Если бы все были, как он, Америка отправилась бы в преисподнюю. В красиво разрисованных контейнерах. Он положил на стол ручищу, словно прикрывал туза.— Лично я сомневаюсь, что эти два убийства связаны. Я не утверждаю, что связь исключена. Просто у меня сомнения.

— Они должны быть связаны. Симпсона убили примерно через две недели после смерти Долли — через те самые две недели, когда он расследовал причины ее гибели. И еще — его нашли закопанным в ее родном городе.

— Цитрус-Хиллз?

Я кивнул.

— Может, он поехал взглянуть на ребенка,— задумчиво предположил Мунган.— Ребенок ведь там. Его взяла мать Долли.

— Значит, ты все-таки одобряешь мою гипотезу?

— Ее не мешает держать в голове. Будешь ее разрабатывать, съезди посмотри на миссис Стоун и малыша. Правда, ему всего четыре месяца и вряд ли он на кого-то похож...

Вернулся молодой человек с картонным пакетом в бумажном мешочке. Мунган разлил кофе в три бумажных стаканчика. Подчиняясь невидимым сигналам, полицейский ушел со своим стаканчиком к себе и прикрыл дверь. Мунган сказал, отхлебнув кофе:

— Я что имел в виду — если убийства и связаны, то не

через Кэмпиона, хотя официальная точка зрения другая. Ты помалкивай, но в некоторых кругах есть сомнения, что Кэмпион убил Долли.

— В каких это кругах?

— В этих самых,— сказал он и покосился на запертую дверь.— Я имею в виду самого себя. Симпсон тоже сомневался. Мы с ним об этом говорили. Он знал, что и его подозревают, но стоял на своем: Кэмпион ни при чем. Симпсон часто нес что попало, но теперь, когда его убили, я думаю, что кое в чем он был прав.

Я слушал, прихлебывая кофе, а Мунган продолжал:

— Пойми меня, Лу. Может, Кэмпион и убил жену. Когда убивают женщину, в девяти из десяти случаев виноват мужчина — муж, прежний или бывший, любовник и так далее. Это общеизвестно. Но у нас нет твердых доказательств, что это сделал Кэмпион.

— Почему же тогда обвинили его?

— А за это он должен поблагодарить самого себя. Он запаниковал и ударился в бега, а начальство решило, что это доказательство вины. Но на самом деле у нас толком ничего не было. Когда его задержали, я распорядился выпустить его через сутки без предъявления обинения. Но этот идиот в ту же ночь смылся. Тогда собиралось большое жюри, и окружной прокурор подсунул им это дело. Конечно же, он получил постановление о привлечении к судебной ответственности. Не удери он, ничего бы не было.— Помолчав, Мунган дипломатично добавил: — Это мое личное, не совпадающее с официальным, мнение.

— А каково личное мнение капитана Ройала?

— Капитан держит его при себе. Он хочет стать шерифом, а это непросто, если ты перечишь сильным мира сего.

— А окружной прокурор метит в губернаторы или еще куда?

— Еще куда. Самый настоящий цирк!

— Ты не любишь цирк?

— Люблю. Со слонами.

Мунган допил кофе, скомкал стаканчик в кулачище и швырнул в корзину для бумаг. Я сделал то же самое. Этот банальнейший ритуал стал для меня поворотным пунктом в расследовании.

— Какие же улики есть против Кэмпиона?

Мунган скорчил такую рожу, словно проглотил горькую пилюлю:

— Только подозрения, отсутствие алиби и побег. И еще есть улики негативного свойства: нет признаков того, что

к ним в дом вломился посторонний, Долли не пыталась спастись бегством. Она лежала на полу — тихая и спокойная, только вокруг шеи был завязан ее шелковый чулок.

— Она была в спальне?

— У них там не было спальни. Сейчас покажу фото.— Он вышел в заднюю комнату и вернулся с фотографиями. На одной крупным планом была снята полногрудая молодая женщина с искаженным лицом. Чулка практически не было видно, так он врезался в плоть.

На других снимках место, где был найден труп, обвели мелом. Комната была сфотографирована в разных ракурсах: неубранная кровать, детская колыбелька, кухонный стол, стулья, газовая плита, обогреватель, палитра и краски на скамье у широкого окна. Окно, точнее, застекленная дверь бывшего гаража, имело в нижнем углу треугольное отверстие. На голых стенах висели картины без рам — тоже своего рода окна, из которых открывался вид на мрачный причудливый мир.

— Почему разбито стекло?

— Симпсон сказал, что оно разбилось давно. Кэмпион все никак не мог вызвать стекольщика. Он пребывал в иных мирах, баловался красками, и ему было не до того, чтобы обеспечить жене и ребенку нормальную жизнь.

— Ты не большой его поклонник?

— По-моему, он хорош гусь. И ему такая встряска только на пользу.

Мунган швырнул снимки на стол. Из кармана куртки он вынул пуговицу и начал задумчиво крутить в пальцах. Большая коричневая пуговица с остатками коричневых ниток. Пуговица из плетеной кожи. Я недавно видел такую, только не мог вспомнить, где именно.

— Ребенок спал в той же комнате?

— Второй комнаты нет. Жили как ирландские бродяги,— добавил он с интонациями ирландского буржуа.

— Что случилось с ребенком в ночь убийства?

— Об этом-то я и собирался рассказать. Произошла странная штука — потому-то мы и заподозрили Кэмпиона. Кто-то, наверное убийца, вытащил ребенка из колыбельки и подложил в машину у соседнего дома. Жившая там женщина, негритянка по фамилии Джонсон, проснулась на рассвете оттого, что в ее машине плакал ребенок. Она знала, чей он,— они с Долли были в хороших отношениях. Она решила отнести его Кэмпионам. Так она и обнаружила труп Долли.

— Где был в ту ночь Кэмпион?

— По его словам, пьянствовал, пока не позакрывались бары. Потом сел в машину и носился по округе. Такую версию ни подтвердить, ни опровергнуть. Он не назвал ни баров, ни мест, где катался. Сказал, что под утро поставил машину в тупике у Скайлайна и заснул. Из этого не вытекало, что он не мог быть убийцей. То, что он тогда напился, подтвердилось. От него страшно разило перегаром.

— В котором часу была убита его жена?

— Между тремя и четырьмя утра. Коронер приехал в восемь и сказал, что смерть наступила четыре-пять часов назад. Он определил это по температуре тела и содержимому желудка. Одно подтвердило другое.

— Откуда он знал, что она ела и в какой последовательности?

— Кэмпион сказал, что они поели в шесть вечера. Он купил пару гамбургеров — хорошая диета для кормящей матери! — и человек в драйв-ине подтвердил это. Похоже, за едой они и повздорили. Кэмпион забрал все деньги, какие были в доме, и уехал пьянствовать.

— Из-за чего они поссорились?

— По его словам, из-за всего сразу. Они уже давно не ладили.

— Это он так сказал?

— Да. Он словно нарочно себя чернил.

— Он не говорил, что завел другую женщину?

— Нет. Что ты думаешь об этом, Лу?

— Думаю, что можно доказать, что он говорил неправду насчет ночи пятого мая. Ты не говорил утром с Ройалом?

— Он звонил — сказал, что взяли Кэмпиона. Хочет, чтобы я приехал в Редвуд-Сити и принял участие в допросе.

— Кэмпион в чем-нибудь признался?

— Он вообоще помалкивает. Ройал даже растерялся.

— Он не рассказывал о мотеле в Салин-Сити?

— Ни слова.— Мунган вопросительно уставился на меня.

— Как показал ночной портье Нельсон Карп, Кэмпион провел там ночь с женщиной. Или часть ночи. Они зарегистрировались как мистер и миссис Берк Дэмис — это одно из имен, которыми пользовался Кэмпион. Регистрационная карточка у местной полиции. Похоже, он создавал себе алиби.

— Настоящее или фиктивное?

— Ты сможешь выяснить это скорее, чем я.

Мунган встал и посмотрел на меня:

— Почему бы тебе не рассказать об этом подробнее?

— Вчера я рассказал это Ройалу. Но он не заинтересовался. Может, тебя это больше заинтересует.

— Считай, что это так. Но если алиби настоящее, почему Кэмпион о нем помалкивает?

— Спроси у него сам.

— Придется.

Мунган бросил коричневую пуговицу на стол так, что она полетела на пол. Я ее подобрал.

— Вещдок?

— Не знаю. Пуговица была в кулачке у младенца, когда миссис Джонсон нашла его в своей машине. Она не знала, откуда эта пуговица. Никто не знает.

Я пытался припомнить, где видел такую пуговицу. Я копался в глубинах памяти, но ничего, кроме запаха и шума моря, не выкопал.

— Можно, я ее возьму?

— Нет, я читал рассказ о том, как пуговица помогла разгадать тайну. У меня к ней особое чувство.

— У меня тоже.

— Чур, первый! — Улыбающиеся глаза-щелочки смотрели на меня.— Уверен, что не будешь бриться?

— Пожалуй, побреюсь.

Он извлек из нижнего ящика стола электробритву. Я пошел в ванную, где и побрился. Под слоем щетины оказалось знакомое лицо человека, напрашивающегося на неприятности.

Глава 21

Когда я вышел из ванной, Мунгана не было. По его телефону я позвонил Вики Симпсон. Никто не ответил. Молодой полицейский сообщил, что она еще в Цитрус-Хиллз, ждет разрешения властей забрать тело мужа. Я сдал «форд» в аэропорту Сан-Франциско, сел на самолет в Лос-Анджелес, а там забрал свою собственную машину и поехал через апельсиновые рощи в Цитрус-Хиллз.

Сначала я решил навестить младенца. Его бабка жила в западной части города, где строители устроили хаос. Я приехал в разгар дня. В облаках пыли двигались бульдозеры, словно танки на ничейной земле.

Дом отделяла от улицы давно не стриженная живая

изгородь. Постоянная пыль посеребрила кустарник. Двухэтажный сборный дом давно не мешало бы покрасить. Дырки в сетчатой двери были заделаны веревочкой. Я постучал.

Женщина, отворившая мне, выглядела слишком молодо, чтобы быть бабушкой. Платье с воланами и высокие каблуки подчеркивали стройность фигуры. У нее было детское личико, на котором время оставило свои следы. Она была посветлее, чем дочь.

— Миссис Стоун?

— Да.

Я сказал, кто я такой и чем занимаюсь.

— Я бы хотел зайти — задать несколько вопросов.

— О чем?

— О вашей дочери, о том, что с ней случилось. Я понимаю, что это больная тема...

— Это верно. Стоит ли к ней возвращаться? Вы знаете, наверное, не хуже меня, кто убил. Вместо того чтобы приезжать и мучить меня, взяли бы и поймали того человека. Он же где-то рядом.

— Вчера я поймал Кэмпиона, миссис Стоун. Он в Редвуд-Сити.

— Сознался?

Прилив жадного интереса обострил и состарил черты лица.

— Пока нет. Нужны дополнительные факты. Я веду это дело и был бы вам признателен, если бы вы могли помочь.

— Прошу, заходите.

Она открыла дверь и провела меня через холл в гостиную. Из-за опущенных штор там царил полумрак. Вместо того чтобы поднять шторы, она зажгла торшер.

— Извините, что жуткая пылища. Трудно держать дом в порядке, когда они там все разворотили. Стоун хотел продать дом, но оказалось, что за него много не выручишь. Повезло тем, кто живет на другой стороне улицы. Их сносят. Но здесь оставят все как есть.

Во всем, что она говорила, ощущались протест и недовольство. Она, наверное, была в своем праве. На мебели был густой слой пыли. Но даже если бы его не было, мебель все равно выглядела бы убого. Я сел на стул, хозяйка на диван. У нее были манеры миловидной женщины, не знающей, что делать со своей внешностью, кроме любоваться на нее в зеркало.

В данный момент я был зеркалом, и она улыбалась вовсю:

— Что вам рассказать?

— Начнем с вашего зятя. Вы его встречали?

— Однажды. Но и этого мне хватило с лихвой. Мы с Джеком пригласили их на Рождество. Поджарили индейку, все чин чином. Но этот Брюс Кэмпион держался так, будто попал в трущобу. Увез Долли с такой стремительностью, словно тут эпидемия чумы. Ему и невдомек, что мы дружны с лучшими людьми этого города.

— Вы с ним поссорились?

— А то нет! С какой стати он задирает нос? Долли сказала, что они ютятся в гараже, а у нас свой дом двадцать с лишним лет. Я спросила, что он собирается предложить ей, когда думает найти работу, и так далее. Он сказал, что женился на ней, что тут еще, мол, предлагать. А работа у него, дескать, есть — живопись. Я спросила, много ли он этим заработал. Оказалось, не очень: они сводят концы с концами с помощью друзей. Я сказала, что моя дочь не нуждается в милостыне, а он ответил, что мне это кажется. Она на шестом месяце, а он смеет говорить такое ее матери! Я пыталась уговорить ее послать его подальше и остаться у нас, но Долли и слушать не захотела. Больно она была преданная!

Миссис Стоун полностью вошла в роль страдалицы, и мне пришлось перебить поток воспоминаний вопросом, ладили ли супруги.

— Она-то с ним ладила. На это способна только святая. Она и была святой.— Миссис Стоун стала рыться в корзинке для рукоделия, стоявшей рядом.— Хочу показать вам письмо, которое она написала мне после Рождества. Если кто и заслуживает названия верной жены, это была моя Долли.

Она вынула мятое письмо, написанное 27 декабря и отправленное из Луна-Бей. Написано оно было неровным почерком на обрывке эскизной бумаги.

«Дорогая Элизабет!

Жаль, вы поцапались с Брюсом. Он с норовом, но вообще-то очень ничего. Спасибо за двадцатку, на пальо хватит. Только бы Брюс не забрал — у него на краски и кисти уходит прорва денег, а без пальто мне никак. Здесь холоднее, чем дома. Спасибо за приглашение остаться, но жена должна быть с мужем в трудную минуту. Кстати, Брюс так и повел себя со мной. С ним бывает трудно, но все равно лучше такой муж, чем без мужа. Он все-таки

умница. Кроме того, многие говорят, что настанет время, когда за его картинами будут охотиться, и тогда ты обрадуешься, что я его не бросила.

Большой привет Джеку.
Долли (миссис Брюс Кэмпион)».

— Просто сердце кровью обливается,— сказала миссис Стоун.— Как она его обожествила!

Я напустил на себя приличествующее случаю мрачное выражение. Впрочем, получилось оно само собой. Я думал о той культурной пропасти, которая лежала между Гарриет и Долли, и о Брюсе Кэмпионе, для которого это оказалось не помехой.

— Как она вышла за него, миссис Стоун?

— Старая история. Вы, наверное, знаете, что между ними вышло. Невинная девушка, впервые оказалась вне дома. Он ее соблазнил. Пришлось отвечать за свои поступки.— Она слегка встревожилась из-за собственных слов и, опустив глаза, добавила: — Отчасти это и моя вина. Я не должна была отпускать невинную юную девушку одну в Неваду.

— Сколько ей было лет?

— Когда уезжала, двадцать. В мае исполнился год со дня отъезда. Она работала в нашей прачечной под постоянным присмотром отца и, конечно, чувствовала себя не в своей тарелке. Ей хотелось немного пожить самостоятельно. Я ее не осуждаю. С ее внешностью можно было далеко пойти.

Она замолчала, устремив взгляд вдаль. Возможно, вспомнила, что ей внешность так и не помогла. Возможно, задумалась о том, как далеко сейчас Долли.

— Так или иначе,— вновь заговорила миссис Стоун,— я разрешила ей поехать в Тахо и поискать работу. Только на лето. Она собиралась откладывать заработанное, чтобы учиться, приобрести солидную профессию. Я уговаривала ее пойти на курсы косметики, она прекрасно ухаживала за собой. Это у нее от меня. Но потом попался ей этот тип — и все полетело кувырком, в том числе и курсы.

— На Тахо она с кем-то подружилась?

— С девушкой по имени Бэмби. Та ей очень помогала. Она работала в салоне красоты, и Долли очень хорошо о ней отзывалась. Долли мне о ней писала. Я была рада, что у нее такая подруга. Я надеялась, это придаст ей уверенности в себе. Косметологи нужны везде и зарабатывают неплохо. Я всегда жалела, что сама не занялась этим.

Джек, конечно, кое-что зарабатывает в своей прачечной, но в последние годы жизнь стала труднее — инфляция. Теперь у нас на руках ребенок.

Она возвела очи к потолку.

— Можно взглянуть на малыша?

— Он спит наверху. Зачем вам?

— Люблю маленьких.

— По вас не сказала бы. Я сама не из таких, по крайней мере, теперь. Разучилась крутиться вокруг них. Но все-таки,— добавила она, понизив голос,— этот человек для меня большое утешение. Он — все, что осталось от Долли. Пойдемте посмотрим на него, только не разбудите.

Мы поднялись наверх по лестнице, устланной прорезиненной дорожкой. В детской комнате было душно и темно. Миссис Стоун включила лампу с абажуром. Ребенок лежал голенький в той самой обшарпанной колыбельке, которую я видел на снимках. Мунган был прав: малыш, не был ни на кого похож. Крошечный, беззащитный, сладко спящий — младенец как младенец. Он уютно посапывал.

Бабка накрыла простынкой его до пупка. Я стоял и думал, кем же он вырастет. Было трудно представить его взрослым, в вихре черных страстей.

— Это колыбелька Долли,— пояснила миссис Стоун.— Мы послали им ее на Рождество. Теперь она снова вернулась к нам.— Она помолчала.— Слава Богу, хоть его-то этот псих пощадил.

— Как его зовут?

— Долли назвала его Джеком в честь отца. Она очень любила отца. Ну как вам малыш?

— Здоровенький.

— Стараюсь. Конечно, нелегко растить детей после двадцатилетнего перерыва. Одна надежда, что его-то хоть удастся как следует воспитать. Боюсь, я не сумела сделать этого с Долли.

Я пробормотал что-то ободряющее, и мы пошли вниз. Эта женщина, как и большинство известных мне, умела принимать худшее и продолжать жить как ни в чем не бывало. Войдя в гостиную как сомнамбула, она подошла к камину и сняла с полки фотографию в рамке.

— Вы не видали портретов моей дочери?

— Не самые удачные.

Эта фотография была не шедевром, но все равно не шла в сравнение с тем, что показывал мне Мунган. Типичная фотография выпускницы, сделанная в провинциальном го-

родке. Сильно отретушированная Долли улыбалась как раскрашенный ангел.

— Правда, она была хорошенькая?

— Очень,— сказал я.

— Кто бы мог подумать, что она встретит такого, как этот Брюс Кэмпион. Все могло быть иначе. Ею интересовались многие местные ребята. Ходили за ней табуном. Но Долли не обращала на них внимания. Ей хотелось уехать отсюда. И вообще ей нравились мужчины постарше. Иногда мне кажется,— продолжала она с удивительной наивностью,— что это оттого, что она обожала отца. С ровесниками ей было не по себе. Но, к несчастью, в таком маленьком городке все достойные мужчины постарше были уже женаты.

— Долли дружила с кем-то из молодых людей?

— Нет, она была хорошей девочкой и сторонилась дурных компаний. Пока не угодила в лапы Кэмпиона.

— Как насчет ее друзей на Тахо? В ее жизни были еще мужчины, кроме Кэмпиона?

— Что значит «в ее жизни»? — Резко, почти грубо она вырвала из рук фотографию и поставила ее назад на каминную полку. Все еще находясь ко мне спиной она спросила: — На что вы намекаете?

— Просто я хочу понять, что за жизнь вела Долли до того, как познакомилась с Кэмпионом. Она осталась без работы, и ей помогали знакомые, в том числе Бэмби Кинг. Вы сказали, она вам писала о Бэмби. Письмо не сохранилось?

— Нет, я его выбросила.

— Она упоминала других друзей, кроме Бэмби?

Миссис Стоун подошла ко мне, качая головой. Ее каблуки оставляли вмятины на ковре.

— Теперь я понимаю, к чему вы клоните. Это еще одна его грязная выдумка.

— Чья?

— Брюса Кэмпиона. Он все время лгал. Когда они были тут на Рождество, он намекал Джеку, что ребенок не его и вообще он и женился-то исключительно по доброте душевной.

— Он не сказал, кто настоящий отец?

— Нет, конечно, потому что никто, кроме него, им и быть не мог. Я спросила Долли, и она это подтвердила. Да и он тоже не очень-то упирался.

— Что именно он сказал?

— Сказал, что спорить не будет, что договор дороже

денег и он не пойдет на попятный. Он говорил, словно Долли товар какой-то. Я указала ему на это, а он велел ей собираться. Он не хотел продолжать разговор на эту тему. Он боялся, как бы все не всплыло.

— Что вы имеете в виду?

— Все его фокусы. Он пьяница и бог знает кто. Долли не жаловалась, она помалкивала, но я-то понимала, что за этим кроется. Больно лихо он тратил деньги.

— Долли когда-нибудь упоминала человека по имени Ральф Симпсон?

— Симпсон? Нет, никогда. Как, вы сказали, его зовут?

— Квинси Ральф Симпсон.

— Это не тот, кого нашли на заднем дворе дома Джима Ролинса напротив нас?

— Его, он был другом вашей дочери.

— Не верю.

— И все же это так. Симпсон и познакомил ее с Кэмпионом. А когда они поженились, Симпсон помогал им — и деньгами.

— Это ничего не доказывает.

— Я и не собираюсь ничего доказывать. Меня только удивляет, что Долли никогда не упоминала при вас Симпсона.

— Мы мало поддерживали контакт. Она не любила писать письма.

— Когда вы в последний раз видели Долли и Кэмпиона?

— На Рождество. Я же говорила об этом.

— Вы не видели Долли в мае?

— Когда ее нашли, Джек отвез меня туда. Но я относилась к нему как к гремучей змее.

— Когда полицейские выпустили его, он не остался в Цитрус-Хиллз?

— Понятия не имею. К нам он не заходил.

— Он мог быть через дорогу, закапывал Симпсона. Тот, кто это сделал, нарочно выбрал место напротив вашего дома.

Она посмотрела на меня так, словно ее осенила догадка.

— Да, да.

— Вы уверены, что Симпсон никогда не бывал в вашем доме?

— С какой стати? Мы не знакомы.— Миссис Стоун волновалась все больше и больше, ломая пальцы.

— Но он знал Долли,— напомнил я.— После ее гибе-

ли, когда вы взяли ребенка, он мог наблюдать за вашим домом.

— Зачем?

— Есть предположение, что он отец ребенка.

— Не верю.— Помолчав, она спросила: — А что он за человек? Я только читала, что его убили и закопали во дворе дома Ролинса.

— Я не был с ним знаком, но по откликам это был неплохой человек. Верный друг. Щедрый, достаточно храбрый. Похоже, последние дни он провел, пытаясь понять, кто убил Долли.

— Разве это не Брюс Кэмпион?

— Симпсон не был в этом уверен.

— Вы, я вижу, тоже,— сказала она, поджав губы.

— И я тоже.— В ее облике проглянула враждебность. Я пытался лишить ее любимого врага.

— Вы ошибаетесь. Это был Брюс Кэмпион. Я это сердцем чую.— Она приложила руку к левой стороне груди.

— Все мы ошибаемся,— заметил я.

— Да, и вы ошиблись не раз. Я уверена, что Брюс Кэмпион — отец ребенка. Долли сама это говорила.

— Дочери порой говорят матерям неправду.

— Может быть. Но если этот Симпсон — отец ребенка, почему он на ней не женился?

— Он уже был женат.

— Ну, теперь я вижу, как вы неправы. Долли не за что не стала бы иметь дело с женатым человеком. Лишь однажды...— Миссис Стоун осеклась, в глазах появился испуг. Она замкнула рот на замок.

— Расскажите об одном-единственном случае, когда Долли имела дело с женатым мужчиной.

— Этого не было.

— Вы же сами сказали, что было.

— Говорят вам, не было. Я подумала совсем о другом. Незачем пачкать ее память.

Я пытался убедить ее рассказать мне, но безуспешно. Тогда я решил сменить тему:

— В доме напротив, где нашли труп Симпсона, ведь никто не жил?

— Да. Ролинсы выехали сразу же, и несколько месяцев дом стоял пустой. Позор, и только, что произошло с ним и другими домами, предназначенными на слом. Там хозяйничала местная шпана. Джек постоянно находил там пустые бутылки и банки из-под пива. Хулиганы били стекла и все подряд крушили. Дом-то все равно должны были

сломать, но мне было очень его жалко.— Похоже, она горевала о своей судьбе.— Глаза б мои не глядели на дом Джейметов.

— Джейметов?

Миссис Стоун махнула рукой в сторону шоссе.

— Это все тот же дом. Джим Ролинс купил его у миссис Джеймет после смерти ее мужа. Когда-то давно вся эта часть города принадлежала Джейметам. Там было их ранчо. Но это уже седая древность.

— Расскажите о Джиме Ролинсе.

— Тут особенно нечего рассказывать. Достойный, надежный человек. Хозяин станции по обслуживанию автомобилей, собирается открыть вторую. Джек всегда доверяет Ролинсу. Говорит, что Ролинс честный механик, а у Джона это высшая похвала.

— Долли его знала?

— Конечно. Ролинсы жили здесь три-четыре года. Если вы думаете, что тут могло быть дело нечисто, то ошибаетесь. Джек — отличный семьянин. Он продал дом государству и выехал в первый же год, как началась реконструкция. Учтите, он ни за что не стал бы закапывать труп во дворе своего дома.

Как трудно предположить, что могут сделать убийцы, подумал я. Большинство из них руководствовались мотивами, которые и сами вряд ли могли бы объяснить: пытались уничтожить дурное прошлое, которое мешало попасть в светлое будущее, освобождались от страха перед смертью, убивая других, хоронили старые грехи там, где они начинали расти, множиться и в конце концов уничтожали своего могильщика.

Поблагодарив миссис Стоун, я вышел на улицу. Бульдозеры выполнили дневное задание, но пыль по-прежнему висела в воздухе. Сквозь нее проступали очертания вырванных с корнем деревьев, домов, превращенных в груду камней. Я так и не мог понять, где стоял дом Ролинса.

Глава 22

В полицейском участке Цитрус-Хиллз дежурил усталый человек в рубашке с расстегнутым воротом, изо рта торчала зубочистка. Вокруг была блаженная тишина. Даже пылинки в воздухе двигались чинно-благовоспитанно. Вселенная начнет останавливать свой бег в Цитрус-Хиллз. Возможно, это уже началось.

Я спросил усталого дежурного, где сержант Леонард. Он мрачно воззрился на меня, словно я помешал его медитации.

— Уехал по делам.

— Куда?

— В Лос-Анджелес.

— По каким делам?

Он еще раз уставился на меня. Возможно, он пытался идентифицировать меня по системе Бертильона [1]. Он сам был из эпохи Бертильона.

— Сержант уехал по поводу убийства Симпсона? — спросил я.

Он извлек изо рта зубочистку и стал изучать ее, словно это было вещественное доказательство.

— Мы не обсуждаем наши дела с гражданами,— наконец сообщил он.— Вы из газеты?

— Я частный детектив. Работаю с Леонардом по этому делу.

— Доложу сержанту, когда он вернется,— невозмутимо отозвался он.— Ваша фамилия?

— Ш. Холмс.— Вставив зубочистку обратно, он быстро стал писать в блокноте. Я сказал: — Ш. означает Шерлок.

Он перестал писать. Устройство, исполнявшее обязанности мозга, получило невнятный сигнал: над ним вроде издеваются.

— Как вы назвали имя?

— Шерлок.

— Это шутка? Ха-ха.

Я начал сначала:

— Меня зовут Лу Арчер, и Леонард захочет со мной переговорить. Когда примерно он должен вернуться?

— Когда появится в участке.

— Большое спасибо.

— Не за что.— Он порвал листок блокнота, на котором писал, и клочья полетели на разделявший нас барьер.

— Не могли бы вы дать мне его домашний адрес?

— Мог бы. Но вы же Гениальный Сыщик. Вот и угадайте.

Арчер Остряк. Арчер Сыщик. Я забрал свое чувство юмора и побрел с ним под ручку по коридору. У справочного бюро не было никого, но к столу был привязан толстый

---

[1] Альфонс Бертильон (1853—1914) — разработал систему установления личности преступников, основанную на антропометрии, словесном портрете и др.

телефонный справочник. Уэсли Леонард жил на Уолнат-стрит. Старик, поливавший возле участка хризантемы, сказал, что это в нескольких кварталах отсюда. Арчер Ищейка.

Вполне буржуазная улица. Оштукатуренные дома, построенные еще в двадцатые годы. Газон перед домом Леонарда был хоть куда. Дверь открыла полная женщина, ухоженная не столь тщательно, как газон.

Розовые бигуди придавали ей свирепый вид. Не успел я и рта открыть, как она сказала, что Уэлси нет, а она занята — готовит ужин.

— А когда он вернется?

— Обычно возвращается к ужину. Уэлси обожает горячий ужин.

— Когда это бывает?

— Часов в шесть. Мы рано ужинаем. Что-нибудь передать?

— Я Лу Арчер, тот, который привозил Вики Симпсон. Она у вас?

— Нет, здесь она провела одну ночь. Уэсли — добрый самаритянин. Вы не друг миссис Симпсон?

— Нет.

— Я не хочу злословить. У нее хватает неприятностей. Но немолодой женщине трудно, когда в доме появляется молодая. Молодая женщина с большими неприятностями. Это мешает семейной жизни.— Она провела рукой по бигуди, словно на них и держался ее брак.— Вы же знаете, что такое мужчины.

— Насчет Уэсли не могу ничего сказать.

— Уэсли тоже не каменный. Как и все мужчины.— Она глядела на меня, готовая разочароваться во мне в любую минуту.— Полночи она проревела у него на плече. Потом он грел ей молоко. В четыре утра поджаривал ей сандвич. Мне он ни разу не сделал сандвича за десять лет. Потом она проснулась в полдень, я подала ей ленч, тактично намекнув, что ей неплохо бы переехать в отель. Теперь Уэсли говорит, что я жестокосердная. Но я просто хотела обезопасить нашу семейную жизнь.

— Откуда у нее деньги?

— Ее босс переслал телеграфом аванс, да и ребята из участка скинулись. Миссис Симпсон неплохо устроилась.

— Где она сейчас?

— Отель «Валенсия» на Мейн-стрит.

Отелю было лет тридцать — сорок, трехэтажный кирпичный куб, который когда-то был белым. Через большую витрину с улиц были видны старые люди в старых шляпах.

Когда я вошел в вестибюль, старички как по команде повернулись в мою сторону. Было так тихо, что я слышал скрип стульев, а может, и их шей. За конторкой портье никого не было. Я нажал на кнопку звонка. Не работает. Тогда один из стариков поднялся со стула, прошаркал в заднюю комнату и вскоре вышел оттуда без шляпы, но в коричневом парике, который он все никак не мог приладить. Парик был явно великоват.

— Слушаю вас, сэр.

— Миссис Симпсон у себя?

Он обернулся и стал изучать ячейки с ключами. Затылок у него был розовый, как у цыпленка.

— Да, сэр. Она у себя.

— Передайте ей, что с ней хотят поговорить.

— В ее номере нет телефона. Вообще-то я могу сходить и передать ей лично,— сказал он без энтузиазма.

— Ладно, я сам схожу. В каком она номере?

— В триста восьмом, на третьем этаже. Но у нас не принято, чтобы джентльмены ходили к дамам в номера.— Фраза прозвучала непристойно, возможно, из-за парика.

— Я не джентльмен, а детектив.

— Все ясно.

Он и его приятели у окна пристально смотрели, как я поднимался по лестнице. Я был сегодня в центре внимания. Коридор третьего этажа освещала красная лампочка. Я постучал в дверь триста восьмого номера.

— Кто там? — спросила Вики Симпсон тусклым голосом.

— Лу Арчер. Помните?

Пружины кровати протестующе заскрипели. Дверь отворилась, и в проеме показалось ее осунувшееся лицо.

— Что вы хотите?

— Поговорить.

— Я уже наговорилась.

Зрачки ее глаз были огромными и беззащитными. Я увидел в них свое отражение. Крошечный красноватый человечек, застывший в двух кусочках янтаря.

— Впустите меня, Вики. Мне нужна ваша помощь.

Пожав плечами, она дала мне пройти, а потом подошла к кровати и прилегла в не очень изящной позе. Под черным платьем груди и бедра очертились так, словно были сделаны из чего-то очень твердого, из дерева или кости. На кровати лежала Библия. Я заметил, что Вики читала Книгу Иова. Я сел.

— Не знал, что вы любительница Библии.

— Вы многого обо мне не знаете.

— Это точно. Почему вы не сказали, что Ральф дружил с Кэмпионом.

— Разве не понятно? Я не хотела, чтобы вы об этом знали.

— Почему?

— Не ваше дело.

— У нас одно общее дело, Вики. Мы оба хотим знать правду.

— Все и так ясно. Ральф погиб. Этого не изменить.

— Он имел отношение к гибели Долли? Вы его покрывали?

— Нет.

— Конечно, покрывали. Вы сразу узнали Кэмпиона по описанию. Вы знали, что Долли убита, а Ральф был с ней близок.

— Не в том смысле.

— В каком же?

— Он был чем-то вроде финансового консультанта,— прерывисто проговорила она.

— Зачем Долли консультант? У нее не было ни гроша.

— Зря вы так думаете. Мне точно известно, что у нее было полно денег. Ральф сказал, почти тысяча наличными. Она не знала, что с ними делать, и спросила совета у Ральфа.

— Ошибаетесь, Вики. У Долли не было денег. Мне сказали, что, когда у них родился ребенок, доктору платил Ральф.

— В этом не было необходимости. Но он выиграл на бегах. Стоило Ральфу хоть чуть-чуть выиграть, он начинал вести себя, как Санта-Клаус. Я ему тогда показала. Но Долли потом все вернула.

— Когда?

— Перед самой смертью. Из тех денег, что у нее были. На них-то он и поехал на Тахо.

Неожиданная информация. Настолько неожиданная, что ей можно было верить.

— Ральф сам видел деньги Долли?

— Да. Он их не считал, но видел. Она хотела, чтобы он сохранил их для нее — она собиралась купить в рассрочку сборный домик. Но Ральф не хотел брать на себя такую ответственность. Он посоветовал положить их в банк, но Долли боялась, что об этом узнает Брюс и все промотает. Как те деньги, что были у нее до замужества.

— Я не знал, что у нее тогда были деньги.

— Почему же, по-вашему, он на ней женился? Ральф говорил, что у нее была еще тысяча. Брюс ее промотал. Она боялась, что и эти деньги отправятся туда же.

— Откуда деньги?

— Ральф сказал, что ей их дал один человек. Она не сказала кто.

— Отец ребенка?

Она потупила взгляд.

— Я считала, что отец Брюс.

— Брюс это отрицал.

— Я об этом не слышала.

— Зато я слышал. Кто мог быть отцом, если не Брюс?

— Понятия не имею.

— Ральф?

— Нет, между ним и Долли ничего не было. К тому же он очень уважал Брюса.

— Но забеременела она задолго до встречи с Брюсом. И у нее появились деньги. Значит, она хотела, чтобы Ральф взял тысячу?

— Да, может, ему и следовало согласиться.— Вики понизила голос, словно опасаясь, что нас подслушают.— Думаю, не из-за денег ли ее и убили?

— Брюс?

— Он или кто-то еще.

— Ральф сказал о деньгах полиции?

— Нет.

— И вы тоже не сказали?

— Зачем напрашиваться на лишние неприятности? И без того их хватает.

Я встал. Косые лучи заходящего солнца светили в окно. Вики сидела, поджав ноги так, словно лучи пригвоздили ее к кровати.

— Вы боялись, что ее мог убить Ральф?

Она посмотрела куда-то вбок.

— Ральфа вызывали в участок, и главный там, Мунган, задал ему кучу вопросов. После чего Ральф уехал в Неваду. Конечно, я испугалась.

— Где был Ральф в ночь гибели Долли?

— Не знаю, его не было дома допоздна. Когда он пришел, я проснулась...

— Вы по-прежнему уверены, что Ральф мог ее убить?

— Я не говорила, что уверена. Просто я боялась этого.

— Вы его об этом не спрашивали?

— Конечно, нет. Но он все время говорил о смерти Долли. У него тряслись руки, он даже не мог взять чашку

с кофе. Это было вечером следующего дня. Они взяли в оборот Брюса, а Ральф твердил, что тот не убивал, что он не мог этого сделать.

— Ральф виделся с Брюсом до отъезда на Тахо?

— Да. Брюс пришел к нам утром, сразу как его выпустили. Будь я дома, я бы его прогнала.

— Что случилось в то утро между Ральфом и Брюсом?

— Не знаю. Я была на работе. Ральф позвонил мне днем и сказал, что едет на Тахо. Может, Брюс поехал с ним. В тот день он исчез, и больше я его не видела. Через пару дней газеты запестрели сообщениями, что он сбежал, а большое жюри вынесло постановление о привлечении его к судебной ответственности.

— Одно дело привлечение к ответственности, другое дело — осуждение за убийство,— сказал я.

— То же самое сказал Ральф, когда вернулся с Тахо. Я надеялась, что за это время он успокоится. Не тут-то было. Он говорил только о Брюсе Кэмпионе.

— Как они относились друг к другу?

— Как братья — со времен корейской войны. Брюс, похоже, хлебнул больше, Ральф вроде как его опекал. Он был счастлив, что дружит с Брюсом, мог отдать ему последнюю рубашку. Собственно, он так не раз и поступал.

— Ральф мог отдать Брюсу свою метрику, чтобы тот мог уехать из страны?

— Он что, дал? — резко вскинув голову, спросила Вики.

— По крайней мере, так говорит Брюс. Либо Ральф дал ее добровольно, либо Брюс просто отнял.

— И убил его?

— Сомневаюсь. Убивать Ральфа ему было незачем, а деньги Долли еще больше все усложняют. Ее мог убить всякий, кто знал о них.

— Но зачем кому-то понадобилось убивать Ральфа?

— Я вижу одну причину: Ральф мог знать, кто убил Долли.

— Почему же он тогда этого никому не сказал?

— Может, не был уверен до конца. Он явно пытался сам распутать тайну убийства — на Тахо и в Цитрус-Хиллз. Когда он вернулся с Тахо, то ничего не говорил о Блекуэллах?

— О Блекуэллах? — Похоже, она слышала эту фамилию впервые.

— О полковнике Марке Блекуэлле и его жене. Они-то и наняли меня, потому что их дочь Гарриет связалась

с Кэмпионом. У Блекуэллов домик на озере, и позавчера Гарриет видели там с Кэмпионом. Затем она исчезла. В озере мы нашли ее шляпку, а на ней кровь. Брюс Кэмпион не смог ничего объяснить.

Вики привстала на колени и неловко переползла в угол кровати.

— Мне об этом ничего не известно.

— Потому-то я вам все и рассказываю. Любопытно, что Ральф некоторое время, около недели, прослужил в доме Блекуэлла. В мае. Потом его уволили, якобы за воровство.

— У Ральфа было много недостатков,— послышался голос из угла,— но я голову даю на отсечение, что он в жизни ничего не украл. Да и зачем вешать собак на покойника?

— Я не собираюсь этого делать, Вики. Я хочу найти убийцу Ральфа. Вы его любили, Вики?

Она посмотрела на меня так, словно хотела ответить отрицательно, сказать, какую боль он ей причинял, но вместо этого сказала совсем другое:

— Ничего не могла с собой поделать. Как ни старалась разлюбить его, ничего не вышло. Он был сумасшедший,— прошептала она, и это прозвучало как ласка.— Когда он спал и неприятности отступали, я смотрела и думала: какой же он красивый.

— Теперь он спит и не ведает бед,— сказал я.— А что за узел с одеждой он привез с Тахо?

— Там было только коричневое пальто. Но он его не крал! Он в жизни не брал чужого.

— Меня не интересует, крал он его или нет. Откуда оно?

— Сказал, подарили. Но такие вещи не дарят ни с того ни с сего. Это же импортный твид марки «Харрис». Оно стоило сотню долларов и теперь в отличном состоянии. Нет одной пуговицы.

— А какие там были пуговицы?

— Кожаные коричневые. Я хотела подобрать что-то взамен пропавшей, чтобы он мог носить пальто,— в ее глазах заблестели слезы.— Но он сказал, что не будет его носить,— и не носил.

— Он взял его с собой на юг?

— Да, перекинул на руку и сел в автобус. Ума не приложу, зачем он поволок его в такую жару и еще без пуговицы.

— Какой пуговицы не было?

— Верхней.— Она показала пальцем.

Я пожалел, что не взял пуговицу у Мунгана. Теперь я вспомнил, где видел такие пуговицы — на коричневом твидовом пальто, которое носила одна из девиц с полосатого катафалка.

Глава 23

Я поехал на побережье и стал прочесывать пляжи к югу от 101-го шоссе. Кое-кто из серфистов вспомнил полосатый катафалк, но они не знали, как зовут молодых людей. Серфисты — племя необщительное. Мне больше повезло с дорожной полицией в Малибу. Оказывается, хозяина катафалка на прошлой неделе оштрафовали за то, что он ездил с неисправной фарой. Его звали Рей Баззел, и жил он в одном из каньонов над городом.

На ржавом почтовом ящике я прочитал: «Миссис Слоун Баззел». К ее дому вела зигзагообразная асфальтовая дорога. Это было сооружение из мамонтового дерева и стекла с белой крышей, упиравшееся в крутой склон горы. В гараже на две машины стоял «фиат», но катафалка не было.

Не успел я подойти к двери, ее открыла огненнорыжая женщина и вышла на улицу. Ее жесткое красивое лицо было нарумянено, словно она ждала гостя. Только какого? Брюки черные в обтяжку. Вырез на майке открывал не только грудь, но и живот. В руках бокал, наполовину наполненный мартини. Судя по ее речи, пару мартини она уже опрокинула.

— Привет, привет! — воскликнула женщина.— Мы знакомы?

— Нет, просто у меня такое лицо. Как поживаете, миссис Баззел?

— Отлично.— В доказательство она согнула в локте свободную руку и выпятила грудь, которая чуть не выскочила на улицу.— У вас усталый вид. Заходите, угощу выпивкой. Надеюсь, вы пьете?

— В больших количествах, но только не сейчас! Спасибо. Мне нужен Рей.

— Всем нужен Рей,— нахмурилась она.— Он что-то натворил?

— Надеюсь, что нет. Где я могу его найти?

Она сделала рукой движение, обнимающее все побережье. С горы оно было видно на много миль. Словно маленький прожектор, заходящее солнце светило в тучах.

— Я уже не могу уследить за сыном,— призналась она чуть более трезвым голосом.— Мы вместе завтракали. Потом он куда-то усвистел со своей шайкой. У них на уме один серфинг. Иногда я не вижу его по нескольку дней.— В виде утешения она снова угостилась мартини.— Вы уверены, что не хотите выпить? Я приготовила новый шейкер. Если не поможете, я упьюсь.

— Вылейте в раковину.

— Вы с ума сошли! — Подчеркнуто пристально она уставилась мне в глаза.— Вы бродячий проповедник?

— Бродячий детектив. Расследую убийство. Рей может мне помочь.

— Он замешан? — прошептала она, вплотную приблизив ко мне лицо.

— Вряд ли. Но он может кое-что знать. К обеду его не ждете?

— Понятия не имею. Иногда он закатывается со своей компанией на всю ночь. У них есть спальники.— Она вдруг вспылила: — Готова убить себя за то, что позволила ему купить этот катафалк. Он днюет и ночует в нем.— Она вдруг вспомнила мои слова.— Что значит «кое-что знает»?

— Я сказал, может знать.

— Кого убили?

— Квинси Ральфа Симпсона.

— Никогда о таком не слышала. Думаю, что и Рей тоже.

— Когда Симпсона последний раз видела его жена, у него было коричневое твидовое пальто с оторванной верхней пуговицей. Это было два месяца назад. Недавно я видел такое же пальто на одной девице из компании Рея.

— Мона?

— Крупная блондинка с хорошим бюстом.

— Это девица Рея. Мона Сазерленд. Пальто его. Я помню. Он получил его в подарок от отца, когда последний раз навещал его. Так что вы ошиблись. Это не то пальто.

— Скажите, откуда оно у Рея на самом деле, миссис Баззел?

Проявления материнской любви непредсказуемы. Она запустила в меня пустым бокалом. Тот просвистел рядом с ухом и разлетелся вдребезги о камни. Затем она отступила в дом и заперла дверь.

Я уселся в своей машине. Солнце, похожее на крошечную оранжевую облатку, висело над самым горизонтом. Потом оно исчезло из вида, а всю западную часть неба затянуло чем-то похожим на дым, словно солнце, опустив-

шись, подожгло невидимые костры на краю света. Через некоторое время дверь снова отворилась. Хозяйка появилась с новым бокалом.

— Я только что поговорила по междугородной с моим бывшим,— сказала она,— он готов подтвердить насчет пальто.

— Какой он молодец!

Она взглянула на бокал, словно раздумывая, не запустить ли и им в меня. Но там была выпивка.

— Какое вы имеете право находиться на моей территории? Сейчас же покиньте ее.

Я выехал на шоссе и поставил машину около ее почтового ящика. Я стал смотреть на горизонт. Пожары угасли, и наступили сумерки. В третий раз появилась женщина. Неверной походкой она подошла к почтовому ящику и оперлась об него.

— Я надралась.

— А я советовал вам вылить в раковину,— сказал я, выйдя из машины и подойдя к ней.

— Разве я могу так поступить с джином? Сколько лет это мой самый верный и надежный друг и помощник.— Она вдруг потянулась ко мне, как слепая.— Мне страшно.

— Я не собирался пугать вас и думаю, что ваш сын тут ни при чем, но мне надо знать, откуда у него пальто. Отец ведь не дарил ему пальто, так?

— Так. Рей сказал мне, что нашел его.

— Где?

— На берегу.

— Как давно?

— Месяца два назад. Он принес его домой и отчистил от песка. Потому-то я испугалась, когда вы сказали про убийство два месяца назад. Потому-то я соврала вам.

Одной рукой она опиралась на мое плечо, другой сжимала предплечье. Я не оттолкнул ее.

— Рей не способен на убийство. Временами с ним бывает трудно, но в сущности он хороший. И такой юный.

— Его никто и не подозревает, миссис Баззел. Он лишь свидетель, а пальто — вещественное доказательство. Узнав, как оно к нему попало, мы сможем многое понять. Но я обязательно должен поговорить с ним самим. Где мне его найти?

— Утром он говорил, что они могут заночевать в Зуме. Он захватил кое-какую еду. Но часто он говорит одно, а делает совсем другое. Мне уже не уследить за ним. Тут нужен отец.

Она говорила в мой пиджак, все крепче цепляясь за меня. Некоторое время я поддерживал ее, чтобы она не упала. Фары проезжавшей мимо машины высветили ее мокрое испуганное лицо.

Полосатый катафалк стоял пустой среди других машин на пятачке у шоссе над Зумой. Я оставил там свою машину и отправился на берег искать Рея. То здесь, то там виднелись костры — то ли кочевники разбили свой лагерь, то ли уцелевшие от атомной бомбардировки. Начинался прилив. Из темноты возникали волны и рассыпались белой пеной по берегу.

Вокруг одного из таких костров расположились под одеялами шестеро. Я их сразу узнал: на одной из девиц было коричневое пальто. На меня не обратили никакого внимания. Я был привидением из мира взрослых. Стоит вообразить, что меня нет в природе, и я исчезну, как и прочие взрослые.

— Я ищу Рея Баззела.

Один из парней приложил руку к уху и спросил:

— Чего-чего?

— Мне нужен Рей Баззел,— повторил я.

Это был здоровенный парень лет семнадцати — восемнадцати, мускулистый, но с бессмысленным взглядом. Несмотря на его светлые волосы, в свете костра он походил на индейца.

— Мне нужен Рей Баззел,— повторил я.

— Кто-кто? — Он оглядел свою компанию.— Никто не знает Рея Баззела?

— Никогда о таком не слыхала,— подала голос девушка.— Я, правда, знала Гелиогабала Рексфорда Баззела. Это был старик с длинной седой бородой, и несколько лет назад он умер от бубонной чумы.

Все рассмеялись, кроме меня и девушки. Я спросил парня:

— Ты Рей?

— А ты кто такой? — Внезапным стремительным движением он вскочил на ноги, скинув одеяло. Три других парня тоже поднялись.— Ты легавый?

— Не надо нервничать, мальчик.

— Я не мальчик.

— Как же тебя называть?

— Как угодно, только не мальчиком.

— Хорошо, мистер Баззел. У меня к вам ряд вопросов насчет того пальто, что носит мисс Сазерленд.

— Откуда ты знаешь, как нас зовут? С кем ты говорил?

Он бесшумно шагнул ко мне. Его маленький отряд сомкнул ряды за его спиной. Молодые люди сложили руки на груди, чтобы продемонстрировать мускулатуру, на их бицепсах играли красные отблески костра.

С помощью дзюдо я мог бы легко разобраться со всеми их бицепсами, но мне не хотелось делать мальчикам больно. Я был мирным парламентарием из стана взрослых. Я показал значок полицейского, оставшийся у меня на память об одном дельце в доках Сан-Педро.

— Я говорил с разными людьми, в том числе и с твоей матерью. Она сказала, ты нашел пальто на берегу.

— Не верьте мамашам,— сказал он, покосившись на девиц.

— Откуда же оно у тебя?

— Я соткал его под водой из побегов морского салата. Я мастер на все руки.— Он пошевелил пальцами.

— Хватит валять дурака, Баззел. Дело серьезное. Ты не бывал в Цитрус-Хиллз?

— Проездом...

— Не для того ли, чтобы убить и закопать человека?

— Убить и закопать? — испуганно повторил он.

— Квинси Ральфа Симпсона. Его нашли в Цитрус-Хиллз на прошлой неделе с колотой раной в сердце. Ты его знал?

— Никогда не встречал, честное слово. Да и пальто у нас вот уже два месяца.— Он говорил, как двенадцатилетний.— Верно я говорю, Мона? — обернулся он к девушке.

Та кивнула. Ее тюленьи глаза были большими и испуганными. Негнущимися пальцами она расстегнула пальто и сбросила на землю. Я протянул руки. Рей поднял пальто и подал мне. В его движениях не было прежней уверенности.

Тяжелое пальто пахло солью и морем. Я сложил его и перекинул на руку.

— Откуда оно у тебя, Рей?

— Нашел на берегу, как сказала стару... мать. Трофей. Я живу дарами моря, подбираю то да се. Верно, Мона?

Она молча кивнула.

— Оно было мокрое-премокрое,— продолжал по-детски частить Рей,— а в карманах камни, словно кто-то нарочно их положил, чтобы утопить его. Но начался прилив, и его выбросило на берег. Пальто было как новое. Из хорошего материала. Я решил высушить его и оставить

себе. Это наш улов. Теперь его носит Мона. Она вечно мерзнет.

Мона стояла у костра в купальнике и дрожала. К ней подошла вторая девица и накинула ей на плечи рубашку. Ребята понуро стояли поодаль, словно воины, сошедшие с фриза отдохнуть.

— Где нашли пальто?

— Не помню, мы кочуем по всему побережью.

— Я знаю где,— подала голос Мона.— В тот день прилив был в шесть с половиной баллов, и я не пошла кататься, а вы сказали, что я трусиха. Вы же должны помнить,— обратилась она к остальным,— это маленький частный пляж возле Малибу. Там еще на шоссе закусочная с креветками.

— Верно,— сказал Рей.— Мы ели там на днях. Вшивое местечко.

— Я вас там тогда видел,— сказал я.— Теперь попробуйте вспомнить, когда именно вы нашли пальто.

— Как же тут вспомнить. Это было давно,— сказал Рей.

Девушка встала и взяла его за руку.

— А таблица приливов?

— То есть?

— Тогда было шесть с половиной баллов. Такое в этом году бывало редко. У тебя в машине есть расписание?

— Должно быть.

Мы втроем поднялись к катафалку. Рей нашел затрепанную книжку, и Мона стала изучать ее в тусклом свете приборов.

— Девятнадцатого мая,— уверенно сказала она.— Только тогда.

Я поблагодарил ее. Собственно, я поблагодарил их обоих, но мозги были только у нее. По дороге в Лос-Анджелес я думал, что́ она потеряла там, на берегу. Наверное, я бы не задавал себе этот вопрос, если бы встретил ее мать или отца.

Глава 24

В доме Блекуэллов было темно. Я нажал кнопку звонка. Послышался бой часов. Я подождал и опять позвонил. Потом опять подождал и еще раз позвонил. Наконец в доме послышались шаги. Над моей головой на веранде вспыхнул свет, и на меня сонно уставилась маленькая

служанка. Она была не в форме — в прямом и переносном смысле.

— Что вам угодно?

— Блекуэллы дома?

— Только хозяйка. Его нет.

— Скажите ей, что с ней хочет поговорить Лу Арчер.

— Не могу. Она спит. Я тоже спала.— Она зевнула и плотнее запахнула халат из искусственного шелка.

— Ты рано ложишься, Летти.

— Завтра рано вставать, хочу выспаться. Миссис Блекуэлл приняла снотворное и велела мне ее не беспокоить. Она пошла спать сразу после ужина.

— С ней все в порядке?

— Она сказала, что у нее очень болит голова. Это бывает.

— Сколько таблеток она приняла?

— Две.

— Какие?

— Красненькие. А что?

— Ничего. Где хозяин и повелитель?

— Уехал спозаранку. Ему позвонили насчет Гарриет, и он велел мне встать и подать ему завтрак. Вообще-то это не входит в мои обязанности, но повар здесь не ночует...

— Я перебил ее вопросом:

— Где он сейчас?

— Поехал на Тахо, чтобы участвовать в поисках тела. Оттуда-то ему и позвонили.

— Ее еще не нашли?

— Пока нет. А что, по-вашему, с ней случилось?

— Похоже, утонула.

— Он так и сказал.— Летти вышла на веранду, прикрыв за собой дверь.— За завтраком он был совсем плох. Кусок не лез ему в горло, так он расстроился. Я отговаривала его ехать одного. Но он запретил будить миссис Блекуэлл, и я не могла ослушаться.

Она сделала несколько шагов по веранде, взглянула на звездное небо, вздохнула и положила руку на круглую, прикрытую розовым шелком грудь.

— Вы давно здесь работаете?

— Два месяца. А кажется, что дольше. Из-за всего этого...

— Распри между супругами?

— Они хлебнули немало. Не мне их осуждать.

— Они не очень ладят?

— Нет, отчего же. Они женаты только восемь-девять

месяцев. Время сделает дело, как говорит мой отец. Да и полковник старше ее лет на двадцать.

— В этом все сложности?

— Нет, конечно. Просто интересно, почему она вышла за него. У миссис Блекуэлл есть свои недостатки, но она не из тех, кого зовут золотоискателями.

— Интересно, какие же у нее недостатки?

— Я не обсуждаю людей за глаза,— сказала она довольно пылко.— Миссис Блекуэлл хорошо ко мне относится, и я плачу ей тем же. Она хорошая хозяйка, да и он ничего.

— Ты ездила с ними в мае на Тахо?

— Тогда я еще у них не работала. Какое невезение! Они собирались туда в этом сентябре, но сейчас, наверное, все изменится. После всего, что случилось, они вряд ли захотят там жить. Лично я бы ни за что не поехала.

— Тебе нравилась Гарриет?

— Да нет. Я редко ее видела. Мне было ее всегда жалко. Она была неудачницей, несмотря на все ее деньги. Бедная — умерла, так и не узнав, что такое счастье. На людях она еще кое-как держалась, но когда оставалась одна, ревела в три ручья. Моя мать — медсестра, и я пару раз пыталась успокаивать мисс Гарриет.

— Из-за чего же она так убивалась?

— Говорила, что она уродина и ее никто не любит. Я отвечала, что у нее прекрасная фигура и много привлекательных черт, но она и слушать не желала. Это было в июне, еще до поездки в Мексику. Понятно, почему она стала легкой добычей того самого художника, который жил под разными именами, а потом ее убил.— Летти снова взглянула на звезды и кашлянула, словно их свет леденил ее.— Недолго и простудиться. Никогда не знаешь, когда тебя прохватит!

Она вернулась в темный дом. Я сел в машину, съехал с горы и отправился к себе на Сансет. Я вел машину автоматически, мой мозг просеивал факты, которые я наскреб, полуфакты и псевдофакты. Один из полуфактов стал реальностью, когда я убедился, что коричневое пальто было найдено недалеко от летнего дома Блекуэлла. Дело Гарриет Блекуэлл, дело Долли Кэмпион и дело Ральфа Симпсона были частями единого целого. Долли, Ральф, а может, и Гарриет погибли от руки одного человека, и коричневое пальто было призвано помочь найти его.

Я включил свет у себя в кабинете и разложил пальто на столе. Кожаные пуговицы были точно такие же, как та, что

показал мне Мунган. На месте верхней торчали концы ниток того же цвета, что обрывки на пуговице Мунгана. Да, криминалист с микроскопом мог бы легко пришить ту пуговицу к этому пальто.

Я перевернул пальто вверх подкладкой, засыпав песком и стол и пол. На правом внутреннем кармане ярлык. «Харрис», ниже — этикетка торговой фирмы «Кратуорт» из Торонто. Мне захотелось немедленно позвонить в Торонто, но там была глубокая ночь и беседовать пришлось бы со сторожем.

Я тщетно искал метки химчистки. Возможно, пальто и не чистили. Несмотря на варварское обращение, манжеты и воротник не были потерты.

Я примерил пальто. Оно оказалось мне маловато — узко в груди. Интересно, подошло ли бы оно Кэмпиону. Пальто было тяжелым, как и мои думы. Оно тяготило, словно бремя вины. Я начал потеть и снял его.

Я знал человека по имени Сэм Гарлик, который отменно разбирался в одежде и блестяще доказывал, что она принадлежит тем или иным людям в судебных разбирательствах. Сэм был сержантом криминальной полиции Лос-Анджелеса. Его отец и дед были портными.

Я позвонил ему домой в западный Лос-Анджелес. Трубку взяла его теща и сообщила, что Сэм с супругой и старшими детьми празднуют годовщину свадьбы. Ее же оставили присматривать за тремя младшими, большими озорниками, которых она только-только загнала в постель. Завтра утром Сэм будет у себя на работе.

Не кладя трубку, я связался с телефонной станцией, обслуживающей меня в мое отсутствие. Оказалось, что днем мне звонили Арни Уолтерс и Изобел Блекуэлл. Совсем недавно — сержант Леонард и миссис Хэтчен, остановившаяся в отеле «Санта-Моника». Миссис Хэтчен — мать Гарриет. Линии замысловато пересекались, и в центре был я.

Я позвонил в отель. Телефонистка после неоднократных попыток вызвать миссис Хэтчен сообщила, что телефон не отвечает. Портье сказал, что она куда-то уехала на машине. Она сняла одноместный номер в конце дня.

Я позвонил Леонарду. Он сразу же снял трубку.

— Это Арчер. Вы хотели со мной поговорить?

— Я думал, это вы хотели. Жена сказала, вы заезжали.

— Появились новые интересные факты. И вещдоки.

— Какие?

— Пальто, которое было у Симпсона, когда он уезжал из дома. Оно может вывести на убийцу.

— Каким образом? — ревниво спросил он.

— Не телефонный разговор. Надо встретиться.

— Ладно. А у меня есть кое-что получше пальто.— Он был простой человек, и в его голосе было плохо скрытое торжество.— Тоже не для телефона.

— Ну так кто к кому?

— Лучше вы ко мне. Потом поймете почему. Мой адрес знаете?

Сержант поджидал меня на освещенной веранде, помолодевший и постройневший. На щеках играл румянец, глаза блестели, словно от новостей у него поднялась температура.

Я подозревал, что он решил поделиться со мной своими догадками, потому что в глубине души сомневался, что сможет с ними справиться в одиночку. Он стиснул мне руку и долго не отпускал.

Его жена принесла лимонад и сандвичи с яичницей, поставив угощение на столе в набитой мебелью маленькой гостиной. Налила два стакана из кувшина, в котором позвякивали льдинки, и удалилась, с подчеркнутым тактом прикрыв дверь. Я не успел поужинать, поэтому, пока Леонард посвящал меня в курс дела, уминал сандвичи.

— Я нашел орудие убийства,— говорил Леонард.— Не я лично, но мои соображения оказались верными. После того как был найден труп Симпсона, я велел команде из арестантов копать на месте преступления. Сегодня утром один из них наткнулся на ледоруб.

— Можно взглянуть?

— Он в участке, в сейфе. Потом покажу.

— Почему вы думаете, это тот самый?

— Сегодня я возил его в Лос-Анджелес, в лабораторию. Они проверили его на следы крови, и реакция была положительной. Кроме того, его диаметр соответствует отверстию в теле Симпсона.

— Как и всякого другого ледоруба.

— Нет, это именно тот самый,— сержант наклонился ко мне через тарелку с сандвичами.— Я все установил.

— По отпечаткам пальцев?

— Нет, там были отпечатки только того, кто его нашел. Похоже, его, прежде чем зарыть, как следует протерли. У меня есть кое-что получше, чем отпечатки. Или похуже.

— Вы говорите загадками, сержант.

— Это и есть загадка.— Он покосился на закрытую

дверь и сказал, понизив голос: — Ледоруб — часть маленького серебряного набора для домашнего бара. Его продали в нашем городе в прошлом октябре. Я легко нашел магазин, потому что приличные вещи у нас можно купить в одном месте. В магазине Дрейка. Сегодня же Дрейк его опознал. У него был только один такой набор, и он хорошо помнил, кому его продал. Это женщина из местных, жена знает ее много лет...

— Кто она?

Леонард поднял руку, словно опять стоял на перекрестке и регулировал уличное движение.

— Не так быстро. Не знаю, имею ли я право называть ее имя. Вам оно ничего не скажет. Она всю жизнь прожила в Цитрус-Хиллз. И ни в чем дурном не была замешана. Но теперь ее дела плохи. А может, дела ее мужа. Проблема не в одном ледорубе. Их дом как раз напротив того места, где нашли труп...

— Вы имеете в виду чету Стоунов?

— Вы знаете Джека и Лиз Стоун? — удивился он.

— Я допрашивал ее днем. Его не было дома.

— Допрашивали по поводу убийства Симпсона?

— Речь зашла и об этом. Но она вряд ли к этому причастна. В основном мы говорили о ее дочери Долли.

Леонард состроил мрачную мину:

— Это был удар для Стоунов. Психологически — как я это понимаю — гибель дочери оказалась для них слишком большим потрясением. Симпсон мог быть к этому причастен, и они решили отомстить...

— Это возможно, конечно. Симпсон был знаком с Долли и ее мужем. Вы допрашивали Стоунов?

— Еще нет. Пока только ледоруб опознан Дрейком. Я говорил с шерифом, и тот считает, что надо подождать возвращения окружного прокурора. То есть до завтра. Не дай бог ошибиться, говорит шериф.— На лбу сержанта выступили прозрачные капли пота, словно дистиллированное волнение.— Стоуны не богаты, но у них есть доброе имя и немало друзей.— Он сделал долгий глоток.

— Кто-то должен спросить у них про ледоруб.

— Согласен. Но пока не вернется прокурор, у меня связаны руки.

— Зато у меня свободны.— Сержант пристально на меня посмотрел. Он пытался понять, насколько мне можно доверять. Он допил свой лимонад и встал.

— Может, сперва взглянете на ледоруб?

В участок мы поехали на моей машине. Ледоруб хра-

нился в комнате Леонарда на втором этаже, где висела карта округа во всю стену. Сержант вынул ледоруб из сейфа и положил на стол, наставив на него лупу.

К рукоятке была прикреплена бирка с инициалами Леонарда. Квадратная серебряная рукоятка холодила руку. Конец ледоруба был острым и грязным словно убийство.

— Еще в наборе был штопор,— сказал сержант.— Если у Стоунов найдется и он, все совпадает.

— Разве они из тех, кто может позволить себе серебряный набор для домашнего бара или вообще что-то в этом роде?

— Я не слышал, чтобы Стоуны попивали, но это не важно. Кто-то из них мог вполне быть тайным алкоголиком.

— Тайным алкоголикам ни к чему дорогие штучки. Могу ли я показать им ледоруб и попросить объяснений?

— Наверное.— Он вытер лоб рукой.— Вы же пойдете к ним не от моего имени. Но только не предъявляйте обвинений. А то они еще запсихуют и ударятся в бега.

Я отвез его домой и поехал в западную часть города. На втором этаже дома Стоунов горел свет. Дверь мне открыл человек в пижаме. Худой, с густыми соломенными волосами и грустными глазами.

— Мистер Стоун?

— Да.

— Сегодня я говорил с вашей женой...

— О Долли? — спросил он монотонным голосом.

— Да. Я бы хотел занять еще немного времени — вашего и вашей жены.

— Вообще-то поздновато. Миссис Стоун уже ложится.— Он взглянул на лестницу, что вела из холла наверх.— Это опять как-то связано с Долли?

— Похоже.

— Может, меня вам будет достаточно? — Он распрямил узкие плечи.— То, что произошло, тяжело отразилось на жене. Мне бы не хотелось, чтобы она снова в это погружалась.

— Боюсь, это необходимо, мистер Стоун.

Он поверил мне и пошел за женой наверх, ступая, как работник на топчаке. Затем они оба спустились в халатах. Он держал жену под руку. Ее шея и лицо лоснились от крема.

— Входите,— сказала она.— Почему ты заставляешь человека ждать на пороге, Джек? Это невежливо.

Мы вошли в гостиную и остановились, молча глядя друг

на друга. Неловкость стала перерастать в напряженность. Миссис Стоун ущипнула себя за шею.

— Почему так поздно? У вас какие-то новости?

— Кажется, да.— Вынув из кармана ледоруб, я приподнял его за кончик со словами: — Вы видели раньше эту вещь?

— Разрешите взглянуть.— Она протянула руку и взяла ледоруб. Муж опирался одной рукой о ее плечо, а другой обнимал за талию. Казалось, физический контакт с женой дает ему силы жить дальше.

— Вроде бы ты покупала его для миссис Джеймет?

— Похоже. А что это за бирка?

— Чтобы не перепутать. Где вы купили это, миссис Стоун?

— В магазине Дрейка. Часть набора, свадебный подарок для миссис Джеймет. Джек считал, что я слишком потратилась, но мне хотелось хоть раз подарить что-то стоящее. Она так любила нас и Долли. Двенадцать долларов пустяк по сравнению с тем, что она сделала для нашей семьи.— Миссис Стоун смотрела на мужа и говорила скорее ему, чем мне.

— Набор стоил шестнадцать долларов,— поправил ее тот.— За шестнадцать долларов я работаю целый день. Но я не был против. Она действительно хорошо относилась к Долли.

Жена подхватила его слова, вдохнув в них больше чувства.

— Она удивительно обращалась с Долли, просто вторая мать! Долли называла ее тетя Изобел. Не всякая женщина в ее положении позволила бы это. Но миссис Джеймет не такая. Она подарила Долли немало прекрасных часов.— Оба они судорожно цеплялись за хорошее в прошлом, но ледоруб упрямо возвращал в сегодняшний мрак.— Откуда это у вас? Я послала набор в подарок. Миссис Джеймет здесь больше не живет.

— А раньше?

— Раньше она жила в доме напротив,— сказал Джек Стоун.— Мы были соседями около двадцати лет. Но после смерти мужа она продала дом Ролинсам и переехала в Санта-Барбару. Лиз переписывалась с миссис Джеймет. Она даже пригласила Лиз на свадьбу, но Лиз не поехала. Я убедил ее, что там ей будет не очень уютно.

— Мистер Арчер приехал сюда не для того, чтобы слушать лекции по античной истории,— перебила его жена.

И затем обратилась ко мне: — Вы не ответили на мой вопрос. Откуда у вас это?

Она помахала ледорубом. Я протянул руку, и она вернула серебристый предмет, который я спрятал в карман.

— Я не могу ответить на этот вопрос, миссис Стоун.

— Но я же отвечала на ваши вопросы целый день и полночи!

— Вы преувеличиваете. Извините, что не могу ответить вам тем же. Но скоро вы все узнаете.

— Это связано с убийством в доме напротив?

Я не стал ни отрицать, ни подтверждать. Я только сказал:

— Это может иметь отношение к вам лично. Это может привести к убийце Долли.

— Но как, я ума не приложу...

— Я тоже. Пока. Если бы я мог, то больше не задавал бы вопросов. Но увы. Как давно и как хорошо миссис Джеймет знала Долли?

— Всю жизнь.— Она села на диван. Сеть времени натянула свои ячейки на ее лицо.— До тех пор, как три-четыре года назад не переехала в Санта-Барбару. Но они продолжали поддерживать отношения. Она приглашала Долли к себе. Я советовала поехать. Миссис Джеймет могла бы ей помочь, но Долли отказалась.

— Как она могла помочь Долли?

— Так, как уже не раз помогала. Миссис Джеймет очень образованна. Ее муж был директором средней школы. Она давала Долли книги, брала ее на пикники. Я тогда работала, а она была прекрасной соседкой. Если вы подозреваете ее, то вы не в своем уме.

— Не в своем уме,— поддакнул муж.— Она была Долли второй матерью. У нее не было своих детей.

— В душе она очень из-за этого переживала. Теперь у нее уже их не будет, не те годы.— Элизабет Стоун оглядела себя. Муж обнял ее за плечи.

— Как мне найти миссис Джеймет?

— Она живет в Лос-Анджелесе с новым мужем. Где-то у меня есть адрес. На Рождество она прислала мне открытку. Сейчас поищу в столе.— Миссис Стоун встала, но вдруг застыла, так и не распрямившись до конца.— Если я скажу вам адрес, вы обещаете помалкивать, откуда он у вас?

— Пообещать-то я могу, но в конце концов все тайное становится явным.

— Пожалуй.— Она обратилась к мужу: — Джек, ты не

принесешь ее, она в верхнем ящике, где я храню поздравления. Открытка с серебряными колокольчиками.

Он быстро встал и вышел из гостиной, а она снова села на диван. В ее детских глазах было напряженное раздумье.

— И того, кого закопали в доме напротив, убили ледорубом. Об этом писали в газетах. Ледоруб, что вы мне показали, я купила в подарок миссис Джеймет. Не хотели ли вы сказать, что это один и тот же ледоруб?

— Почему бы нет?

— Не понимаю, как такая дама может быть замешана в убийстве?

— Это может случиться с кем угодно.

— Но она настоящая леди!

— Откуда вы знаете?

— Я, конечно, сама не бог весть кто, но понимаю, что такое высший класс. В Изобел Джеймет этот класс есть. Она удивительно держится! Она знакома с очень влиятельными людьми. За такого человека она вышла вторым браком. Ее второй муж был кузеном первого. Я познакомилась с ним давно, когда он гостил у Джейметов. Военный, большой чин. В свое время Джейметам принадлежали земли, где теперь западная часть города, это потом они чуть не все потеряли.

— Как зовут ее второго мужа?

— Сейчас вспомню. Да это должно быть на открытке!

— Не Блекуэлл?

— Точно! Блекуэлл! Вы его знаете?

Отвечать мне не пришлось. По лестнице зашаркали шлепанцы мужа. Он вошел в гостиную с квадратным конвертом, который вручил жене. Она вынула из него открытку.

Под пожеланиями веселого Рождества и счастливого нового года стояла подпись: «Полковник и миссис Марк Блекуэлл».

Глава 25

Сержант Леонард ждал меня перед своим домом. В глазах у него было нетерпение, которое только обострилось, когда он увидел меня.

— Ну что, они сознались?

— Им не в чем сознаваться. Элизабет Стоун купила набор в подарок на свадьбу бывшей соседке.

— Чушь какая-то! Откуда у них деньги на такие подарки бывшим соседям?

— Тем не менее это так.

— Кто же соседка?

— Миссис Джеймет.

— Миссис Рональд Джеймет? Ерунда! Что у них общего?!

Мне очень хотелось с ним согласиться. Поскольку я не мог этого сделать, то промолчал.

— Господи, это же лучшие люди города! — не унимался сержант.— Когда он умер, наша газета поместила о нем статью на первой странице. Он был из семьи первопоселенцев и лучший директор школы за многие годы.

— Отчего он умер?

— У него был диабет. Он сломал ногу в горах. Его слишком долго везли в больницу, и он умер из-за отсутствия инсулина. Это была серьезная потеря для города. А вторая потеря — отъезд миссис Джеймет. Она возглавляла Добровольное общество содействия семье и браку и еще полдюжины таких же организаций.— Он помолчал и спросил:— Стоуны не сказали, где она сейчас?

— Обдумывая, как ответить, я стал закуривать сигарету. Надо было выбирать между верностью закону и человеком, который мне поверил, с одной стороны, и долгом по отношению к клиенту, которому я верил. Мои моральные устои зашатались. Леонард повторил вопрос.

— Они сказали что-то вроде того, что она жила в Санта-Барбаре и вышла замуж еще раз. Лучше спросите у них сами,— сообщил я наконец.

— Пожалуй. Утром я спрошу.— Он почесал затылок.— Мне только что пришло в голову: а ведь Джейметы жили через дорогу от Стоунов. Труп Симпсона был найден в их бывшем дворе. Что вы на это скажете?

— Мне это не нравится,— честно признал я и сменил тему, прежде чем он успел обрушить на меня новые вопросы.— У меня в машине то самое пальто. Не желаете взглянуть?

— Конечно. Несите.

Я разостлал пальто на полу гостиной. Пока я посвящал Леонарда в его историю, сержант ползал на коленях вокруг пальто, оглядывая со всех сторон.

— Плохо, что нет метки химчистки. Но может, нам удастся найти владельца, порасспросив в Торонто. Кому-то придется поехать в дальнюю командировку.

— Я привык к дальним командировкам.

Леонард встал на ноги, держась обеими руками за поясницу, затем снова опустился на колени.

— Иногда,— сказал он,— они оставляют метки на изнанке рукава.— Он завернул правый рукав. На подкладке химическими чернилами было выведено: «ВХ-1207». Он встал сияя.

— Вовремя я догадался взглянуть.

— Вы можете определить, что это за химчистка?

— Это не местная. Но мы их разыщем. В Лос-Анджелесе есть человек, у которого их целая коллекция.

— Сэм Гарлик?

— Вы его знаете? Утром и позвоним. Может, и в Торонто ехать не придется.

Оставив пальто у Леонарда, я поехал в Бель-Эр. В доме Блекуэллов горел свет, а на алее стояло такси. Шаги по гравию разбудили таксиста. Он взглянул на меня, как на разбойника.

— Хорошая ночка! — сказал я.

— Угу.

— Кого ждете?

— Пассажира. А что, нельзя? — Ему перебили сон, и это испортило ему настроение. У него было смуглое морщинистое лицо и глаза неудачника.

— Можно, конечно.

— Если я мешаю,— произнес он с нарочитой любезностью,— то могу и отъехать. Только скажите.

— Ты мне не мешаешь, друг. Что случилось? Тебя не укусил медведь?

— Терпеть не могу ждать. Эти дамочки вообще без понятия. Она торчит там битый час.— Он взглянул на часы и уточнил: — Гораздо больше.

— Кто такая?

— Понятия не имею. Крупная блондинка в леопардовой шкуре. Подобрал ее в Санта-Монике.

— Молодая, старая?

— Немолодая. Ты много спрашиваешь.

— Готов спорить, она села не у отеля «Санта-Моника».

— Проспоришь. Ты что, муж?

— Приятель.— Я вручил ему два доллара, пошел к своей машине и приступил к участию в конкурсе ожидания. Потом отворилась дверь. Полина Хэтчен прощалась с Изобел Блекуэлл. Я успел рассмотреть Изобел. Она была одета в темный официальный костюм. Обилие косметики не могло скрыть бледности и траурных пятен под глазами. Она меня не заметила.

Когда Полина подошла к такси, я был уже там:

— Как поживаете, миссис Хэтчен? Я вовсе не удивлен, что вы здесь. Я знаю, что вы мне звонили, и я вам отзванивал.

— Мистер Арчер? Приятная встреча! — В голосе никакой радости.— Я хотела поговорить с вами. Собственно, потому-то я и приехала. Тогда в Ахихике я толком не поняла, что происходит. Как говорят автомобилисты, у меня тяжелый прием.

— Вы прилетели?

— Да, сегодня.— Она полюбовалась тихой ночью. В доме стали гаснуть огни.— Мы могли бы где-то поговорить?

— Моя машина устроит? Я бы не хотел уезжать отсюда. Мне надо успеть поговорить с Изобел, пока она не ляжет спать.

— В машине так в машине,— сказала она и обернулась к таксисту.— Вы не возражаете, если я еще немного задержусь?

— Дело ваше, мэм! Вы платите!

Мы пошли к моей машине. Она явно устала, ибо забыла свою обычную манерность. Она облокотилась на мою руку и села на переднее сиденье, где светили приборы. Шубка из леопарда была настоящей, хоть и сильно потертой. Она укутала ею свои вполне изящные ножки, я захлопнул дверцу, а сам сел на место водителя.

— Хотите поговорить о Гарриет?

— Да, о ней есть какие-то новости? Хоть что-нибудь?

— Пока ничего утешительного.

— То же самое говорила Изобел. Я думала, она что-то скрывает. Она всегда любила решать, что нужно, а чего не нужно знать окружающим. У меня ушло столько сил, чтобы договориться о встрече с ней. Она легла в постель и не подходила к телефону. Разве женщина может спокойно спать в такой ситуации? Хотя она не мать. В этом-то вся штука. Голос крови не заглушить.

Она говорила, как будто повторяла алгебраическую формулу, не очень зная, как ее применить.

— Вы хорошо знаете Изобел?

— Мы знакомы давно. Это, правда, не одно и то же. Ее первый муж, Рональд Джеймет, был кузеном Марка и также его лучшим другом. Марк обожает родственные связи, и мы часто общались с Джейметами. Но с Изобел я так и не подружилась. Мне казалось, она завидует тому, что Марк — мой муж. Рональд был неплохой человек, но

он так и остался школьным учителем. Он был одержим своим делом. Возможно, не последнюю роль тут сыграл его диабет.

— Вы знаете, как он умер?

— В самых общих чертах. Несчастный случай в горах. С ним тогда был Марк. Почему бы вам не спросить Марка?

— Марка нет дома. Или это не так?

— Нет, он уехал. По словам Изобел, на озеро Тахо.— Она наклонилась ко мне, обдав меня сильным запахом духов.— Что там происходит, мистер Арчер?

— Я не говорил с ними сегодня. Они ищут тело Гарриет. Последний раз ее видели там, и в озере была найдена ее шляпка. Собственно, это я нашел ее.

— Значит ли это, что ее нет в живых?

— Я все еще надеюсь, что нет. Остается лишь надеяться.

— Думаете, Гарриет погибла? Ее убил Брюс Кэмпион?

— Он говорит, что не убивал.

— Что еще ему говорить? Что он выигрывал от ее смерти?

— Далеко не все убивают из выгоды.

Мы сидели рядом и молчали, слушая дыхание друг друга. Для меня она была не столько женщина, сколько человек, которому вдруг стало очень больно. Она вдруг поняла, что не все имеет счастливый конец и что поступки далекого прошлого могут оборачиваться печальными последствиями.

— Вы проделали такой большой путь, чтобы спросить меня об этом, миссис Хэтчен? Увы, ничего утешительного у меня нет. Извините.

— Вы не виноваты. И я приехала не только задавать вопросы. Я получила письмо от Гарриет. И мне стало ясно...

— Когда?

— Вчера, но не надейтесь ни на что такое. Она написала письмо еще в прошлое воскресенье. Еще до всех событий. Очень трогательное письмо. Оно помогло мне взглянуть на себя и на нее по-новому.

— Что она хотела?

— Не могу повторить дословно, хотя прочитала в самолете раз двадцать. Если хотите, читайте сами.

Я включил верхний свет. Она порылась в своей леопардовой сумочке и вытащила оттуда помятый конверт. Письмо, адресованное миссис Кейт Хэтчен, было отправлено в понедельник в 9.42 утра. В конверте был один густо

исписанный листок. Первые строки уходили вверх, остальные клонились к низу. Последние строчки находились под углом в тридцать градусов к краю страницы.

«Дорогая мама!

Мне трудно писать это письмо, потому что мы никогда не говорили с тобой как женщина с женщиной. Наверное, в этом есть моя вина. Очень глупо и по-детски вышло, что я уехала не попрощавшись. Я очень боюсь (я всегда чего-то боюсь, да?), что ты не одобришь нас с Берком, а этого я не вынесу. Он для меня луна и звезды, огромная сияющая луна и жестокие яркие звезды. Ты и не подозревала, наверное, что я могу так чувствовать. Но это так. Я люблю его и выйду за него замуж. Мне все равно, что скажет Марк. Когда я с ним, я покидаю свое унылое, маленькое, заурядное «я». Это Принц, смуглый Принц, который примеряет мне, Золушке, хрустальный башмачок, учит меня танцевать под музыку, которую я раньше никогда не слышала,— музыку небесных сфер. Стоит ему дотронуться до меня, и мертвый холодный мир оживает, мертвая холодная Гарриет оживает.

Это может показаться бредом, но я пишу то, что думаю. Я попробую писать поспокойнее. Мама, мне нужна твоя помощь. Я знаю, что могу на тебя рассчитывать, несмотря на все эти годы разлуки. Ты знала, что такое любовь, и страдала во имя любви. Теперь и я узнала, что такое романтическая любовь. Все дело в том, что нам нужны деньги — нужны сейчас, если мы хотим пожениться. У Берка есть кое-какие неприятности (ничего особенного), и мне не следовало тащить его с собой в Штаты. Если мы достанем денег, то собираемся в Южную Америку (держи это в тайне). Кроме тебя, нам некому помочь. От Марка помощи ждать не приходится. Он ненавидит Берка. Думаю, что и меня тоже. Говорит, что наймет сыщиков и сорвет наши планы. Поскольку он один из распорядителей наследства тети Ады, я ничего не могу сделать, пока мне не исполнится двадцать пять. Вот я и прошу тебя одолжить мне пять тысяч долларов до января. Если согласна, то подготовь их для меня, и я сразу же дам о себе знать, как окажусь в Мексике.

Мама, дорогая, прошу тебя! Впервые в жизни я прошу тебя о чем бы то ни было. Мне надо только одно: чтобы мы с Берком были счастливы. Если я потеряю его, то умру.

Твоя любящая дочь *Гарриет».*

Я сложил листок и снова спрятал в конверт. Миссис Хэтчен смотрела на меня так, словно это письмо было живым существом и я мог сделать ему больно.

— Странное и прекрасное письмо, не правда ли?

— Мне так не показалось. Меня смущают в нем кое-какие намеки. Когда Гарриет писала, она не очень ясно мыслила.

— Что вы хотите этим сказать? — возразила миссис Хэтчен.— Бедняжка была в жутком состоянии, она страшно поскандалила с отцом — Изобел мне рассказывала,— Гарриет сражалась за самое дорогое.

— Как и Кэмпион. Но для него, похоже, самое дорогое — это пять тысяч долларов.

— Кэмпион?

— Это настоящая фамилия Берка Дэмиса. Сейчас он в тюрьме Редвуд-Сити. Так как насчет денег? Вы все еще готовы их одолжить?

— Да, если она жива. Они у меня с собой. Мы с Кейтом поехали вчера в Гвадалахару, и я сняла их со счета. Это часть того, что выплатил мне после развода Марк, и Кейт не возражал.

— Надеюсь, деньги не при вас?

— Они в сейфе отеля.

— Пусть там и лежат. Гарриет они не понадобятся. Вряд ли это была ее идея.— Я посмотрел письмо на свет.— Вы щедрая женщина, миссис Хэтчен. Я думал о вас иначе.

— И правильно делали.— Ее глаза сузились, уголки рта опустились.— Пожалуйста, выключите свет. И не смотрите на меня. Я старая уродина, пытающаяся откупиться от прошлого. Но я опоздала на пятнадцать лет. Я не имела права тогда бросать Гарриет. Может, ее жизнь сложилась бы иначе.

— Это еще как сказать.— Я выключил свет и заметил, что дом Блекуэллов погрузился в темноту.— А почему вы ушли от Марка Блекуэлла? Изобел имеет к этому какое-то отношение?

— Нет, он ею не интересовался. Он вообще не интересовался женщинами, в том числе и мной.— В ее голосе появились жестокие нотки.— Марк — маменькин сынок. Странно слышать это о профессиональном военном, да? Но это так. Его отец, полковник, погиб в первую мировую. Марк был единственным сыном, и мать души в нем не чаяла. Она вцепилась в него мертвой хваткой. Она жила с нами в первый год нашей женитьбы, и он плясал под ее

дудку, а я была у него на втором плане. Другие женщины мне рассказывали о себе такое же. Выходишь за человека, потому что он ведет себя прилично и не тащит сразу в постель. Беда только, что и потом он ведет себя так же. В постели Марк был хуже школьника. Что я выдержала, прежде чем забеременела! Но об этом не стоит. Потом умерла его мать. Я надеялась, что он наконец-то обратит на меня внимание. Но он перенес свою страсть на бедняжку Гарриет. Ужасно, когда один человек превращает другого в игрушку, куклу, фантом. Он следил, что она читает, во что играет, с кем дружит. Он заставлял ее вести дневник и давать ему читать, а когда уезжал по службе — посылать ему. Он так задурил ей голову, что она не понимала, девочка она или мальчик и кто он ей, отец или любовник.

После войны все стало еще хуже. Марк вернулся из Германии. Война принесла ему одни разочарования — он не сделал карьеры. Он и военным-то стал из-за матери — семейная традиция! Думаю, он с удовольствием занялся бы чем-то другим. Но его отправили на пенсию, и было поздно начинать сначала. Да это и не требовалось — у него были деньги. У Блекуэллов всегда было много денег. Он решил посвятить все свое время Гарриет. Он задумал превратить ее в девочко-мальчика, сделать из нее то, кем не стал сам. Он учил ее стрелять, лазать по горам, играть в поло. Он даже звал ее Гарри.

Меня от этого тошнило. Я человек не очень решительный, и я его побаивалась. Так бывает, когда живешь с тем, кого не любишь. Но и мое терпение лопнуло. Я сказала, что разведусь с ним, если он не обратится к психиатру. Он, естественно, решил, что это я рехнулась. Может, так оно и было — я прожила с ним двенадцать лет. Он сказал, что даст мне развод. Ему вполне хватит Гарриет. Ей тогда было одиннадцать. Я хотела забрать ее, но он предупредил, что будет бороться за нее до конца. Бракоразводный процесс был мне не по средствам. Не спрашивайте почему. За все приходится платить дорогой ценой. Я потеряла тогда дочь. Теперь, видно, навсегда.

Мы сидели в темноте. Я попытался снять напряжение.

— Возможно, с Гарриет все в порядке. Они с Кэмпионом могли договориться путешествовать порознь. Тогда понятно его молчание. Она вполне может оказаться в Мексике.

— Вы не очень в это верите сами?

— Не очень. Это один из вариантов. Остальные похуже.

Таксист опять стал подавать признаки жизни. Он вылез из машины и побрел к нам.

— Вы сказали, что немного задержитесь, мэм. Я готов ждать, только хотелось бы знать сколько. Неизвестность действует на нервы.

— Такова жизнь,— заметил я.— Сплошная неизвестность.

— Я говорю с дамой,— сказал он, но побрел обратно.

Миссис Хэтчен приоткрыла дверцу.

— Я отняла у вас больше времени, чем хотела. Вы, кажется, собирались поговорить с Изобел. Думаете, она знает что-то и умалчивает об этом?

— Почти все так устроены. Что и делает мою жизнь трудной, но увлекательной.

Она потянулась за письмом, которое я по-прежнему держал в руке.

— Если вы не против, я его возьму. Это важно для меня.

— Извините, но полиция должна на него посмотреть. Постараюсь потом вернуть его вам. Вы будете в вашем отеле?

— Не знаю. Изобел приглашала пожить с ней, но это вряд ли возможно.

— Почему?

— У нас ничего не получится. Мы всегда недолюбливали друг друга. Она считала меня легкомысленной. Может, она права. А я ее — ханжой.

— Интересно, почему?

— Все очень просто. Изобел всегда притворялась, что презирает деньги. Ее девизом было: простая жизнь, высокие идеалы. Но при первом удобном случае она сцапала Марка с его капиталами. Только не говорите ей об этом. И вообще не сообщайте даже, что виделись со мной.

Я пообещал ни в коем случае этого не делать.

— Еще один вопрос, миссис Хэтчен. Что случится с деньгами Ады, если Гарриет умрет?

— Думаю, они попадут к Марку. Как это происходило со всем, что имело какую-то ценность.

Глава 26

Горничная неохотно запустила меня в дом. Я ждал в холле, считал паркетины и корил себя за то, что встретил Изобел, взял от нее деньги и вообще позволил ей очаровать

себя. Наконец вышла она — в том же темном костюме и с теми же кругами под глазами. Она двигалась напряженно, словно по канату. Она сказала официальным тоном, без улыбки:

— Надеюсь, важность новостей оправдывает ваше столь позднее появление в нашем доме.

— Думаю, что да. Может, мы присядем?

Она отвела меня в гостиную, под взгляды предков. Я заговорил, обращаясь и к ним и к ней:

— Придя сюда, я оказываю вам любезность. Если бы вы не были моим клиентом, здесь толпились бы полицейские, а газетчики мяли бы цветники перед домом.

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду.— Она говорила, с трудом подбирая слова, в глазах был туман.— Имейте в виду, что я неважно соображаю. Я приняла массу таблеток.— Так при чем тут полицейские и газетчики?

— Они будут здесь завтра. Среди прочего, они зададут вам такой вопрос: есть ли у вас ледоруб с серебряной ручкой?

— Кажется, есть. Я давно его не видела. Он или на кухне, или в одном из баров.

— Его там нет. Он у сержанта Уэсли Леонарда из полиции городка Цитрус-Хиллз.— Я не спускал с нее глаз. Она явно смутилась.

— Вы мне угрожаете?

— Скорее предупреждаю, миссис Блекуэлл.

— Что-то случилось с Марком? — резко спросила она.

— Что-то случилось с Ральфом Симпсоном и Долли Стоун. Кажется, вы знали обоих.

— Долли Стоун? Мы не виделись давно.

— Надеюсь, вам удастся это доказать, так как Долли была убита в мае.

Она уронила голову и помотала ею из стороны в сторону, словно пытаясь выкинуть из головы этот факт.

— Вы не шутите? — Она взглянула на меня и поняла, что я не шутил.— Как она погибла?

— Ее задушил неизвестный.

Она взглянула на свои руки. Они были изящными и хорошо ухоженными, но на костяшках была написана история трудовой жизни. Изобел стала непризвольно поглаживать костяшки, словно стараясь стереть записи.

— Вы же не считаете меня причастной к этому? Я не знала, что Долли погибла. Одно время мы с ней были очень

близки. Она была мне как дочь, но с тех пор прошло уже много лет.

— Она была вашей приемной дочерью?

— Ну это, может, сильно сказано. Долли была одной из моих подопечных. Стоуны жили напротив, и я не могла не заметить у девочки задатки антисоциальных наклонностей. Я старалась подавать ей хороший пример, уберечь от опасной стези...— Она говорила холодно, четко, взвешенно.— Мне это не удалось?

— Вам или кому-то еще. Вы говорите, словно работник социальной сферы.

— Я действительно там работала, пока не вышла замуж.

— За Рональда Джеймета?

Она вскинула брови. Под ними были странно беззащитные глаза.

— Вы неплохо знаете мою биографию. Не ожидала.

— А я не ожидал, что она окажется в центре расследования. Когда я узнал сегодня, что вы знали Долли Стоун и ее родителей, это заставило меня отбросить многие прежние предположения. Я пытаюсь разработать новую версию, но без вашей помощи это невозможно.

— О чем вы говорите? Я даже не понимаю, о каком расследовании идет речь.

— Это все части одного дела,— сказал я.— Исчезновение Гарриет, смерть Долли, убийство Симпсона — его закололи ледорубом.

— Моим ледорубом?

— Это версия полиции. Я с ними согласен. Я не обвиняю вас в убийстве, но...

— Очень любезно с вашей стороны.

— Но факт остается фактом: вы знали Симпсона, вы знали о его гибели, и вы молчали об этом.

— Это тот самый Симпсон, что весной работал у нас в охотничьем доме на Тахо?

— Да, через день-другой после того, как он ушел от вас, его закололи и закопали во дворе вашего бывшего дома в Цитрус-Хиллз.

— Но это же безумие, самое настоящее безумие...

— Вы об этом знали?

— Нет.

— В газете, что выходит в Цитрус-Хиллз, есть полный отчет об этом. Газета находится в вашей комнате.

— Я ее не читала. Я выписываю эту газету, чтобы быть

в курсе того, как живут старые знакомые, но вообще я в нее редко заглядываю. На этой неделе я ее не открывала.

Я не понимал, говорит она правду или нет. На ее лице вдруг появилась маска, на глаза словно набежала тень. Признак вины? Или испуг невиновного?

— У вас острый глаз, мистер Арчер. Глаз недруга.

— Это объективность.

— Мне не нравится такая объективность. Мне казалось, между нами установилось определенное доверие...

— Что было, то было.

— Вы даете понять, что это все в прошлом. Но раз вы работаете на меня, то за свои деньги я вправе ожидать от вас чуть больше терпимости, понимания. Учтите, что наши хорошие отношения с Долли — не улика против меня.

— Я был бы рад найти этому подтверждение.

— Как же мне это доказать?

— Расскажите подробнее о Долли. Что за антисоциальные наклонности вы у нее разглядели?

— Это вам сейчас необходимо? Я только что узнала о ее смерти. Мне тяжело копаться в прошлом.

— Прошлое — ключ к настоящему.

— Да вы философ,— не без иронии отозвалась она.

— Нет, самый обыкновенный сыщик, бьющийся над загадкой нескольких убийств. Одни рано выходят на дорогу, что ведет их к преступлению, другие на дорогу, превращающую их в жертвы. Когда две дороги пересекаются, кто-то погибает.

— Вы хотите сказать, что Долли была обречена стать жертвой.

— Не то чтобы обречена, но подготовлена. Мне хотелось бы знать, кто или что подготовило ее гибель.

— Не я, если вы на это намекаете.— Она замолчала и глубоко вздохнула.— Ладно, попытаюсь ответить всерьез. Я наблюдала за Долли с тех пор, как ей было лет пять. Она не очень ладила с другими детьми. И со взрослыми у нее отношения не складывались. Взять хотя бы отношения Долли с моим мужем. Долли была хорошенькой девчуркой, и отец очень ее баловал, а потом перестал обращать на нее внимание. Старая история. Стоуны неплохие люди, но достаточно ограниченные. Они были добрыми соседями, и мы с Рональдом хотели им как-то помочь. Мы старались, чтобы у Долли были нормальные условия для развития.

— А у вас — дочь?

— Злые слова! — Через маску прорвалось раздражение.— Изобел Блекуэлл усилием воли снова спрятала

его.— Да, у нас не могло быть детей — из-за диабета Рональда. Я прекрасно понимаю, что добрая белая магия легко может превратиться в злую черную. Но мы и не пытались лишить родителей Долли ее привязанности. Мы просто хотели дать ей то, что не могли родители — книги, пластинки, прогулки, а главное, общество культурных, умных людей.

— Потом умер ваш муж, а вы уехали?

— К тому времени я уже потеряла Долли,— парировала она.— Я не бросала Долли. Но она стала брать деньги из моей сумочки — и лгать. И делать кое-что еще, о чем я не хочу говорить. Она умерла.

— Все-таки хотелось бы узнать, что значит это «кое-что еще».

— Скажу так: я не смогла уберечь ее от разлагающих влияний. В конце концов, я была для нее посторонним человеком. В школе она связалась с дурной компанией и заинтересовалась сексом — в его подзаборном варианте. В пятнадцать лет она стала женщиной.

Она замолчала. Скорбно поджатые губы. Настороженный взгляд. Не исключено, подумал я, что Долли успела поработать с Рональдом Джейметом. Не исключено, что тот не устоял. Человек средних лет, бездетный, не имевший дочери, может и не устоять. Дойти до точки и поставить ее собственноручно. Кстати, диабетику покончить с собой не трудно. Достаточно только забыть принять лекарство.

— Диабетик тоже может легко стать жертвой убийцы.

— Опять у вас этот взгляд,— услышал я голос Изобел.— Якобы объективный. Надеюсь, не я объект ваших раздумий?

— В каком-то смысле вы. Я думаю о смерти Рональда Джеймета.

— Похоже, сегодня вы решили быть совершенно беспощадным. Да будет вам известно, что Рональд умер в результате несчастного случая. Я, кажется, догадываюсь, что вы имеете в виду. Между Долли и Рональдом ничего не было. Я знаю Рональда.

— А я нет. Как именно он погиб? С ним тогда был Марк?

— Они путешествовали в Сьерре. Рональд упал и сломал ногу. Более того, он сломал инсулиновый шприц. Когда Марк спустился с ним с гор и доставил его в Бишоп, Рональд был уже в коме. Он скончался в тамошней больнице. Я приехала, когда он был мертв.

— Эту историю рассказал Марк?

— Это правда. Рональд и Марк были не только кузены, но и добрые друзья. Рональд был младше и очень уважал Марка. Иначе я бы ни за что не вышла за Марка.

Под нарастающей лавиной моих вопросов она вдруг почувствовала необходимость оправдать главные поступки в своей жизни. Я вернул ее к смерти Рональда.

— Диабетики редко отправляются в путешествия. Они, как правило, живут тихой домашней жизнью.

— Большинство из них да. Но только не Рональд. Я всегда понимала, что ему нельзя так рисковать, но не находила сил положить этому конец. Ежегодное путешествие было просто необходимо ему. Кроме того, рядом был Марк.

С минуту мы сидели молча, словно вслушиваясь в эхо, разбуженное ее последней фразой. Она, похоже, делала то же самое.

— Как же Рональд не уберегся?

— Он споткнулся и упал на крутой горной тропе.— Она тряхнула головой, словно желая выбросить из памяти картину падения.— Только, пожалуйста, не говорите, что это было подсознательным самоубийством, поиском смерти. Я не раз думала об этом. Несмотря на болезнь, Рональд любил жизнь. Он жил счастливо. Я этому способствовала.

— Я в этом не сомневаюсь,— сказал я, подумав, что она продолжает заниматься самооправданием.

— И прошу вас, не говорите, что Марк причастен к гибели Рональда. Они очень любили друг друга. Марк был ему все равно что старший брат. Он нес Рональда на спине по горным кручам к машине. Когда мы с Гарриет приехали в больницу — за рулем сидела она,— Марк был вне себя от горя. Он корил себя за то, что недосмотрел. Так что вы просто фантазируете, считая, что Марк...

— Предположение исходило от вас, миссис Блекуэлл.

— Нет, от вас.

— Простите, но тему все-таки затронули вы.

— Да? — Она провела рукой по лицу, прикрыв пальцами веки, опустив вниз уголок рта. Помада размазалась, как кровь.— Возможно, вы правы. Я устала, плохо соображаю. У меня работает только маленькая часть сознания.

— Это все снотворное,— сказал я, имея в виду, что оно сыграло роль сыворотки правосудия.

— Может, да, а может, нет. Сегодня я провела очень нелегкий час в обществе матери Гарриет. Полина прилетела из Гвадалахары понять, что происходит. Я не подозревала, что в ней так силен материнский инстинкт.

— Что произошло за этот час?

— Ничего особенного. Она винит меня за разлад в семье, а я ее. Когда-нибудь в прекрасном новом мире мы научимся не обвинять друг друга.

Она попыталась улыбнуться, и неловкое движение губ было очаровательным. Мне это не понравилось — не время было поддаваться ее чарам.

— Когда-нибудь,— сказал я,— я перестану задавать вопросы. Но пока без этого не обойтись. Как работал у вас Симпсон?

— Нормально. Он пробыл у нас недолго, так что трудно сказать что-то определенное. Я вообще обхожусь без прислуги, поэтому у нас всегда одна горничная. Я предпочитаю обслуживать себя сама.

— Потому-то и уволили Ральфа?

— Марк считал, что он недостаточно почтителен. Он любил, чтобы на него смотрели снизу вверх. Симпсон был демократом. Мне это скорее нравилось. Я не привыкла к чопорности.— Она покосилась на портреты предков.

— Я слышал, Симпсона уволили за воровство.

— Что же он мог украсть?

— Похоже, пальто. Когда Ральф вернулся с Тахо домой, он привез пальто, которое, как он сказал жене, ему подарили. Коричневое пальто из хорошего твида с коричневыми кожаными пуговицами. Одна отсутствовала. Вы что-нибудь знаете об этом пальто?

— Нет, зато вы знаете?

— Ваш муж когда-нибудь покупал одежду в Торонто?

— Насколько я знаю, нет.

— Он вообще бывал в Торонто?

— Да, и не раз. Мы были там осенью, в свадебном путешествии.

— Пальто было куплено в магазине «Кратуорт». У вашего мужа были там какие-то дела?

— Не знаю. Почему вам так важно это пальто?

— Скажу, если вы позволите мне взглянуть на гардероб вашего мужа.

Она покачала головой:

— Без его разрешения не могу.

— Когда он собирался вернуться?

— Он вряд ли вернется, пока не найдут Гарриет.

— В таком случае он может долго пробыть там. Возможно, что ее убили и закопали где-нибудь, как Симпсона. А может, она покоится на дне озера.

— Думаете, Берк Дэмис убил ее? — испуганно спросила она.

— Он подозреваемый номер один.

— Этого не может быть. Он не убивал.

— Он тоже так считает.

— Вы с ним говорили?

— Я поймал его вчера ночью. Теперь он под арестом в Редвуд-Сити. Я думал, что, поймав его, мы закроем дело, но ошибся. Дело приобретает размах, вовлекаются новые лица и новые территории. Связи между людьми множатся. Настоящее имя Дэмиса, как вы, наверное, знаете, Кэмпион, и в прошлом сентябре он женился на Долли Стоун. В марте у нее родился ребенок, а в мае ее задушили. Кэмпион тут главный подозреваемый.

— Это невероятно.

— Самое невероятное, миссис Блекуэлл, что вы об этом не знаете.

— Но это так. Я давно не видела Долли.

— Здесь есть еще одна связь. Брюс Кэмпион, он же Берк Дэмис, в прошлом году женился на вашей почти приемной дочери. В этом году он уже собирается жениться на вашей падчерице, пользуясь вашей поддержкой, и исчезает вместе с ней. Совпадения бывают всякие, но это мне кажется странным.

— Вы действительно меня подозреваете? — тихо спросила она.

— А что делать? Вы помешали мне выйти на Кэмпиона. Вы способствовали его роману с Гарриет.

— Только потому, что у нее больше никого не было. Я боялась, что, если она по-прежнему будет сидеть одна, случится несчастье.

— Вы решили сыграть роль Всевышнего, как тогда с Долли? Вы вполне могли познакомиться с Кэмпионом через Долли и подстроить его встречу с Гарриет.

— Клянусь, я впервые увидела его в прошлую субботу, когда они пришли к нам обедать. Да, он мне в общем понравился. Людям свойственно ошибаться. Вот я и в вас ошиблась.

Она бросила на меня многозначительный взгляд женщины, просящей, даже умоляющей опровергнуть ее слова и подтвердить лояльность. Я подумал, что она защищает либо себя, либо что-то не менее дорогое.

— Но что же, по-вашему, я выигрывала, выступая в роли свахи мистера Дэмиса-Кэмпиона?

Вопрос был риторическим, но у меня имелся наготове ответ.

— Если бы ваш муж лишил Гарриет наследства или она погибла бы, вы могли бы унаследовать все, чем он владеет. Если бы сначала погибла Гарриет, затем ее отец, вам досталось бы все их состояние.

— Мой муж жив и здоров.

— По последним сведениям, да.

— Я люблю мужа. Не то чтобы я обожала Гарриет, но я заботилась о ней.

— Вы любили и первого мужа, но он мертв, а вы живы.

В ее глазах показались слезы. Усилием воли, проявившимся в гримасе, она подавила их.

— Вы сами не верите в то, что говорите.

— Нет, я отнюдь не решил позабавиться. Перед нами два убийства, а может, и больше. Ральф Симпсон и Долли. Гарриет, Рональд Джеймет. Вы знали всех, причем троих близко.

— Но мы не знаем, что случилось с Гарриет. Рональда никто не убивал. Я рассказала вам, как он умер.

— Да, я слышал вашу историю.

— Муж в деталях подтвердил мой рассказ. Вы не верите?

— В данных обстоятельствах было бы наивно верить на слово.

— Кто же я, по-вашему? — Она презрительно прищурилась.

— Я как раз пытаюсь ответить на этот вопрос.

— Я не в восторге от ваших методов. Это сочетание давления, шантажа и оскорбительных гипотез. Вы пытаетесь выставить меня лгуньей, аферисткой, а возможно, и убийцей. Я ни то, ни другое, ни третье.

— Надеюсь. Но нужны факты. Я не знаю все факты. Я не знаю вас.

— Мне казалось, я вызывала у вас симпатии, что мы нравились друг другу.

— Это так. Но это уже моя проблема.

— Но вы ведете себя со мной без симпатии, без сочувствия.

— Так проще работать.

— Разве вы работаете не на меня?

— На вас. И поэтому в любой момент жду сообщения, что я уволен.

— Вы этого хотите?

— Это развязало бы мне руки. Расследование я все

равно доведу до конца. Вы это понимаете. Это уже дело чести, и я буду работать, если понадобится, в свое свободное время.

— Вы тратите пока мое время. А что касается рук, они у вас и без того развязаны. Я вижу следы от пут, мистер Арчер.

Она говорила срывающимся голосом, но обретала свою привычную манеру. Это тоже меня смущало. Снотворное снотворным, но невиновная женщина, которой нечего скрывать, вряд ли стерпела бы то, что я наговорил. Она закатила бы мне пощечину, закричала, упала в обморок, выбежала из комнаты или прогнала меня взашей. Я даже жалел, что ничего такого не случилось.

— По крайней мере, вы почувствовали боль,— сказал я.— Это лучше, чем жить под анестезией, не зная, где в данный момент скальпель.

— Вы считаете себя хирургом. Может, мне звать вас доктор Арчер?

— Я обхожусь без скальпеля. И без ледоруба.

— Надеюсь, вы оставили мысль о том, что ледорубом орудовала я.

— На вас падают подозрения. Пора бы это понять. Вы знали Симпсона, ледоруб принадлежит вам, его похоронили на вашем бывшем участке.

— Не надо грубить,— сказала она низким голосом. У нее оказалась богатая гамма.

— Все это еще цветочки. Сегодня я отвел от вас полицию, скрыв от них ваши нынешние адрес и фамилию.

— Вы это сделали ради меня?

— Вы же мой клиент. Я хотел дать вам шанс оправдаться. Вы им не воспользовались.

— Вон как! — Она помрачнела, сильно состарившись.— Но с какой стати мне было убивать Симпсона и зарывать труп у себя на заднем дворе?

— Из самозащиты. Большинство убийц считает, что, убивая, они спасают себя от какой-то угрозы.

— Но зачем закапывать труп в своем бывшем доме? Это абсурд!

— Вы могли договориться о встрече там, зная, что дом пуст, и убить без свидетелей.

— Красиво! Но зачем мне было встречаться с Симпсоном?

— Он мог что-то про вас знать.

— Что это за очаровательное «что-то»?

— Нечто, связанное со смертью Долли Стоун.

— Вы обвиняете меня в убийстве?

— Я просто спрашиваю.

— Зачем мне было убивать?

— Я вас об этом спрашиваю.

— Спрашивайте сколько угодно. Больше я не отвечаю.

Ее глаза сердито сверкали, изнурительная беседа явно подорвала ее волю. Ее губы дрожали.

— Я все-таки задам еще вопрос, миссис Блекуэлл.— В ночь смерти Долли случилась странная вещь. Странная на фоне убийства. Сделав свое дело, преступник, она или он, заметил, что в комнате ребенок. Возможно, малыш проснулся и запищал. Обычный преступник просто убежал бы, но только не этот. Она или он не без риска для себя донес его до ближайшего дома и положил в автомобиль. Он позаботился, чтобы малыша нашли. Зачем?

— Для меня это новость. Я даже не знаю, где убили Долли.

— Около Луна-Бей. Округ Сан-Матео.

— Я там никогда не была.

Я сделал заход с другого конца.

— А вы не останавливались в мотеле «Тревелерз» в Салин-Сити?

— Никогда,— сказала она довольно равнодушно.

— Вернемся к убийству Долли. О безопасности ребенка могла бы подумать женщина. Или его отец. Но я почти уверен, что Брюс Кэмпион не убивал. Вы не хотите помочь мне установить личность отца ребенка?

— Боюсь, мне вас нечем порадовать.

— Зато у меня кое-что есть. У нас есть подозрения, что убийца носил хорошее твидовое пальто, о котором я уже говорил. Одна из пуговиц еле держалась. Ребенок ухватился за нее, когда его несли по дороге. Соседка обнаружила эту пуговицу в кулачке ребенка.— Я помолчал и потом продолжал: — Теперь вы понимаете, почему нам так важно понять, чье это пальто?

— Где оно сейчас?

— В полиции. Я уже говорил. Завтра вам его предъявят. Вы уверены, что никогда его не видели? Вы уверены, что ваш муж не покупал его в Торонто? — Ее взгляд изменился. Глаза расширились и глядели куда-то мимо меня в пространство. Под размазанным гримом кожа вокруг рта приобрела синеватый оттенок, словно мои вопросы оставили синяки. Она встала, пошатнулась и, неловко ступая на высоких каблуках, вышла из комнаты.

Я двинулся за ней. Угроза насилия, убийства или

самоубийства давно нависла над этим домом. Изобел ринулась через холл и большую спальню в ванную. Я слышал, как ее рвало там.

В большой спальне горел свет. Я открыл один из гардеробов. Там в ряд висело две дюжины костюмов Блекуэлла, словно отощавшие преступники. Я отвернул правый рукав одного из пиджаков. На подкладке химическими чернилами был выведен тот же код химчистки, что и на рукаве коричневого пальто. BX-1207.

Глава 27

В дверях возникла горничная. Она была в форме, но внутренне не успела еще застегнуться на все пуговицы.

— Что такое?

— Миссис Блекуэлл нехорошо. Присмотрите за ней.

Она прошла через спальню в ванную, чуть подволакивая ноги. Когда я услышал женские голоса, то проследовал к телефону, которым уже пользовался однажды. Газета с историей Симпсона на первой полосе лежала как лежала на столе Изобел. Если бы у нее была нечистая совесть, с надеждой подумал я, она бы давно спрятала или уничтожила газету.

На мой звонок Арни Уолтерс ответил скупым: «Алло!»

— Это Арчер, как там Блекуэлл?

Он пропустил вопрос мимо ушей.

— Пора бы тебе объявиться, Лу. Говорят, ты вчера ночью взял Кэмпиона?..

— Ты не видел Марка Блекуэлла, отца Гарриет?

— Нет, а что?

— А то, что в четверг рано утром он выехал на Тахо, по крайней мере, он так сказал. Узнай у своих ребят и перезвони мне. Я в доме Блекуэлла в Лос-Анджелесе. Телефон знаешь?

— Он тоже без вести пропавший?

— Похоже, это самоволка.

— Плохо следишь за своими клиентами. Они у тебя скоро все разбегутся.

— Имеют право. Мы живем в демократическом обществе.

— Брось свои шуточки. Ты будишь меня среди ночи и даже словом не обмолвишься, что сказал Кэмпион.

— Он все отрицает. Я готов ему поверить.

— Но кровь-то на шляпке нельзя отрицать. Установле-

но, что группа крови та же, что у Гарриет. Все видели в его обществе. Он не может отрицать убийство жены.

— Это необоснованное обвинение, Арни.

— Точно?

— Почти. Кэмпион не паинька, но кто-то сделал из него козла отпущения.

— Кто же?

— Это я и пытаюсь выяснить.

— Ну а что скажешь насчет Гарриет? Она исчезла без следа.

— С ней могло что-то случиться уже после того, как она и Кэмпион расстались. У нее была новая машина и деньги. Надо обязательно найти машину. В первую очередь надо обшарить стоянки в аэропортах Рино и Сан-Франциско.

— Думаешь, она села на самолет и тю-тю?

— Не исключено. Займись этим, ладно? Но сперва отзвони насчет Блекуэлла. Мне надо знать, был ли он на Тахо.

Положив трубку, я услышал за спиной голос Изобел:

— Вы всегда ставите под сомнение все и вся?

Она умыла лицо, смыв грим. Волосы у висков были мокрыми.

— Практически всех,— сказал я.— Почти все. Эту привычку я взял от клиентов.

— Только не от меня. Я так и не овладела искусством недоверия.

— Пора бы научиться. Вы усиленно отгораживаетесь от жизни, хотя вокруг вас творится черт-те что.

— Но вы по крайней мере верите в мою невиновность?

Она вошла в комнату и села в кресло, где раньше сидел я, чуть повернула его и уперлась подбородком о руку. Она явно попрыскалась одеколоном. Я стоял над ней со странным чувством, что она решила отдаться мне во власть, надеясь на защиту.

— Невиновность — понятие положительное, миссис Блекуэлл. Она не имеет ничего общего с утаиванием информации из ложно понятого чувства долга, с игнорированием того, что вокруг вас погибают люди.

— Не надо читать мне нотации.— Она мотнула головой, словно я ее толкнул.— Что я, по-вашему, за человек? Я уже вас об этом спрашивала.

— По-моему, мы оба и пытаемся это выяснить.

— Я уже выяснила и могу вам сказать. Я неудачница. Впервые я поняла это много лет назад, когда любимый

мною человек сообщил, что у него диабет и он не может или не должен иметь детей. Его смерть стала новым подтверждением того, что я неудачница. Тогда я решила больше не влюбляться и не выходить замуж. Я решила оградить себя от новых страданий. Я уже достаточно хлебнула. Я переехала в Санта-Барбару и стала жить строго по расписанию. Оно состояло из всего того, чем обычно заполняют свои часы вдовы — прогулки, бридж, уроки мозаики в школе для взрослых. Наступило умиротворение и скука. Я забыла о своем всегдашнем невезении, и это было моей ошибкой.

Прошлой осенью мне нанес визит Марк и сказал, что нуждается во мне. У него были неприятности. Я всегда любила Марка с его мальчишеской неуклюжестью. Такие слова могут показаться странными по отношению к Марку, но что поделаешь — таким его всегда знала я. Так или иначе я вышла за него, и вот пожалуйста!

Она подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза. Сухожилия на ее шее натянулись, словно проволока в кабеле. Что-то шевельнулось во мне. Если это была жалость, то она стала перерастать во что-то более серьезное. Мне хотелось коснуться ее лица. Но слишком многое еще было недосказано.

— Если уж тебе не везет,— сказала она,— то ты боишься пошевелиться из страха, что семейная жизнь рухнет.

— Она уже лежит вокруг вас в обломках, миссис Блекуэлл.

— Этого можно мне и не напоминать.

— Неприятности Марка были по части женщин?

— Да, он встретил ее на Тахо, и она забеременела. Ему не было жаль денег, но он опасался, что этим дело не кончится. Женитьба или судебное разбирательство, которое погубит его имя, преследовали его кошмаром. Марку очень важно, что о нем могут подумать другие. Он считал, что, женившись на мне, он защитит себя и утихомирит девушку.— Она упрямо не называла имени.

— Он нашел в себе силы рассказать вам об этом так откровенно?

— Не так подробно. Но его мотивы всегда очевидны. Он сразу раскрывает свои карты, особенно когда боится. Он был сильно напуган, когда приехал ко мне в Санта-Барбару. Девушка или ее друзья угрожали судом.

— Вы знали, что это Долли?

— Нет,— чуть не крикнула она.— Иначе я бы не вышла за Марка...

— Почему вы все-таки за него вышли?

— Я хотела быть кому-то необходимой. Он нуждался во мне, а я в нем. Я думала, что брак, начинающийся так неважно, обязательно наладится. Марк был перепуган, виноват. Он говорил, что у него сдали тормоза и может кончиться тем, что он начнет приставать на улице к малолетним. Он сказал, что только я могу его спасти,— и я ему поверила.

— Вы не спасли его от убийства. Теперь вы это понимаете?

— Я так этого боялась!

— Когда вы его заподозрили?

— Сегодня ночью, когда вы упомянули пальто и меня вырвало. Мне и сейчас нехорошо.

Ее лицо приобрело бледно-зеленый оттенок, словно изменилось освещение. Совершенно непроизвольно я дотронулся пальцами до ее мокрых прядей у виска. Она оперлась щекой на мою руку.

— Извините,— сказал я,— но нам надо дойти до конца.

— Наверное. Я солгала вам насчет пальто. Марк купил его в Торонто во время нашего свадебного путешествия. Там вдруг сделался страшный холод... Марк сказал, что пальто пригодится весной на Тахо. Наверное, Симпсон и нашел его там, показал Марку и попросил объяснений. А Марк взял ледоруб из набора... Все это из-за нашей женитьбы,— сказала она срывающимся голосом.— Наш брак был обречен с самого начала. Брачная церемония стала заупокойной мессой.

Она поежилась. Я сел рядом на корточки, обнял ее и почувствовал, как за воротник мне покатились слезы. Через некоторое время слезы перестали капать. Потом она освободилась от моих рук.

— Извините, не хватало вам еще нянчиться со мной.

Я провел пальцем по скорбной морщине на ее щеке. Она отстранилась от меня.

— Не надо. Спасибо, но не надо. Я должна помнить о долге перед Марком.

— Разве это не отменила жизнь?

— Вы не были женаты?

— Был.

— Но вы никогда не были женщиной. Я должна быть верной супружескому долгу независимо от того, что сделал

с нашим браком Марк. Ради него и ради меня самой.— Она заколебалась.— Надеюсь, мне не придется давать в суде показания обо всем этом — о ледорубе, о пальто, о Долли?

— Жену нельзя заставить давать показания против мужа. Вам это должно быть известно с тех пор, как вы работали в сфере социального обеспечения.

— Конечно. Просто я неважно соображаю. Я еще в шоке. У меня такое чувство, что меня раздели донага и сейчас поведут по городу.

— Да уж, люди вволю потешат языки. Я потому-то и приехал к вам ночью, чтобы поменьше было шума.

— Вы очень предусмотрительны, мистер Арчер. Но что вы можете сделать?

— Например, объясниться вместо вас с полицией.

Ее сознание отреагировало на слова «полиция».

— Я правильно поняла из вашего телефонного разговора, что вы просили полицейских на Тахо арестовать Марка?

— Я попросил знакомого детектива из Рино, который мне помогает, проверить, там ли ваш муж. Он перезвонит.

— А что потом?

— Если он там, его арестуют. Но он может быть в другой части Америки.

— Возможно. Он так беспокоился за Гарриет.

— Или за собственную шкуру.

Она взглянула на меня с острой неприязнью.

— Вам придется быть к этому готовой,— сказал я.— Ваш муж мог уехать утром, с тем чтобы никогда не возвращаться. Кстати, во сколько он уехал?

— Рано. Очень рано. Я спала. Он оставил записку.

— Она у вас?

Изобел открыла верхний ящик стола, протянула мне сложенный листок. Записка была написана в такой спешке, что я с трудом разобрал почерк.

«Изобел!

Еду на Тахо. Нет сил сидеть и ждать, когда сообщат про Гарриет. Что-то надо делать. Тебе лучше остаться дома. Увидимся, когда все закончится. Пожалуйста, вспоминай меня с любовью — так, как я помню о тебе.

Марк».

— Это вполне может быть прощальное письмо,— сказал я.

— А я уверена, что он действительно на Тахо. Вот увидите.

Я оставил эту тему и стал ждать, когда позвонит Арни. Время шло. Я сидел на стуле с прямой спинкой у балконной двери.

Светало. Из уходящей тьмы стали проступать окрестные холмы, огоньки домов на которых казались редкими звездочками на небосклоне. Изобел сидела, уронив голову на руки. Можно было подумать, что она спит, но дыхание было не как у спящей.

— Хорошо бы уточнить еще одну деталь,— сказал я ей в спину.— Мог ли Марк убить Рональда Джеймета?

Она сделала вид, что не услышала, но я повторил вопрос теми же словами и с той же интонацией. Не поднимая головы, она сказала:

— Нет, это исключено. Они были большими друзьями. Марк не жалел сил, чтобы спустить Рональда с гор. Когда он привез его в больницу, то сам был полумертв от изнеможения. Ему тоже пришлось оказывать медицинскую помощь.

— Это ни о чем не говорит. Разве нельзя было заранее спланировать этот несчастный случай?

— Нет,— отрезала она.— Чего вы от меня хотите?

Признаться, этого я и сам толком не знал. В деле были пустоты, словно белые пятна на карте. Их нужно было заполнить. Еще мне хотелось, чтобы Изобел бросила к черту свой супружеский долг, пока он не утянул ее в омут. Это случалось с тонкими натурами, которые предпочитали умереть с иллюзией, чем жить при мучительно ярком свете реальности. Я попытался поделиться с Изобел этими соображениями, но в ответ услышал:

— Это невозможно. Я знаю, как погиб Рональд, помню, как переживал Марк. Я уже говорила, он был совершенно раздавлен всем этим.

— Такое бывает с убийцей. После первого преступления. Кстати, когда четыре года назад погиб Рональд, Марк не был в вас влюблен?

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Он был без ума от одной юной особы...

— Долли Стоун?

Она медленно кивнула. Вид у нее был удрученный.

— В то время все было не так, как вам, наверное, кажется. Это скорее напоминало отношения отца и дочери. Примерно то, что у него было с Гарриет, когда та была

помоложе. Когда он приезжал к нам, то привозил Долли подарки, брал ее на прогулки. Она называла его дядей Марком.

— Что происходило на этих прогулках?

— Ничего. Марк не мог пасть так низко. С малолетней...

— Вы употребили выражение «без ума»...

— Я не должна была так говорить. Это слова Рональда. Он относился к этому без снисхождения.

— Значит, Рональд тоже об этом знал?

— Да. Он-то и положил этому конец.

— Как?

— Крупно поговорил с Марком. Меня при разговоре не было, но я знаю, что объяснение было не из приятных. Но их дружба уцелела.

— В отличие от Рональда!

Она гневно вскочила на ноги:

— У вас злой язык и дурное воображение!

— Наверное. Но мы говорим не о воображаемых вещах. История с Долли всплыла на поверхность незадолго до смерти Рональда, так?

— Я не желаю говорить на эту тему.

Телефонный звонок стал точкой в ее категорической фразе. Телефон затрещал возле нее, словно гремучая змея. Она вздрогнула, словно это действительно была змея. Я подошел к телефону и снял трубку.

— Это Арни. Блекуэлл не появлялся на озере. Шолто был там все время, пока искали тело, и говорит, что Блекуэлла последний раз видели там в мае. Ты меня понял?

— Понял.

— И еще. Машину Гарриет видели пустую у шоссе к северу от Малибу. Нам только что позвонили из Калифорнийской патрульной службы. Ты что-то тут понимаешь?

— Понимаю, что мне предстоит еще покататься. Ну что ж, съезжу погляжу.

— Теперь насчет Блекуэлла. Что делать, если он появится?

— Не появится. Но если вдруг возникнет, держите под наблюдением.

— Мне было бы проще действовать, если бы я знал, что происходит,— сказал Арни не без обиды в голосе.

— Блекуэлл подозревается в двух уже известных нам убийствах и, возможно, еще в двух других. К первым двум

относятся убийства Долли Стоун и Ральфа Симпсона. Он, похоже, вооружен и опасен.

Изобел Блекуэлл стукнула меня кулаком по спине и крикнула:

— Нет!

— Ты в порядке, Лу? — Голос Арни сделался заботливым, даже ласковым.— Ты не пьянствовал ночь напролет?

— Я трезв, как судья, даже трезвее, чем большинство судей. В течение дня ты получишь официальное подтверждение всему тому, что от меня услышал.

Я повесил трубку, прежде чем он успел задать мне вопросы, на которые я не готов был ответить. Изобел смотрела на меня так, словно я все придумал, но, рассказав о своих фантазиях Арни, вдохнул в них жизнь. Утро безжалостно освещало ее лицо.

— Нашли машину мужа?

— Нет, Гарриет. Я еду в Малибу, взглянуть на «бьюик».

— Значит, она жива?

— Это может значить все что угодно.

— Вы подозреваете Марка в убийстве?

— Я бы оставил свои подозрения при себе. Я еще заеду. Если до этого появится ваш муж, не говорите о сегодняшней ночи.

— Он имеет право знать...

— Не от вас, миссис Блекуэлл. Невозможно предсказать, как он отреагирует.

— Марк не причинит мне вреда.— В ее словах были вопросительные нотки, рука поднялась к горлу. Голова Изобел в ошейнике из пальцев качалась из стороны в сторону.

Глава 28

Сквозь промозглый рассвет я мчался в Малибу. Полосатый катафалк все еще стоял на шоссе над Зумой. На сей раз его вид не вызвал у меня никаких чувств.

Дежурный службы дорожного патрулирования, заканчивавший ночную смену, читал книгу в бумажной обложке и не был рад моим вопросам. «Бьюик» Гарриет стоял в полицейском гараже, и на него можно будет взглянуть после восьми, когда гараж откроется, сообщил он.

— Когда его нашли?

— Вчера вечером. До того, как я заступил на дежурство.

— Вы дежурите с двенадцати ночи?

— Именно.— Его взгляд то и дело падал в книгу. Это был толстый, неопрятный толстяк.

— А где его нашли?

Он порылся в бумагах.

— На дороге, ведущей к главному шоссе, в шести милях к северу отсюда. Женщина из закусочной сказала, что видела машину, которая стояла там весь день. Якобы собиралась заявить об этом после закрытия закусочной.

— Что за закусочная?

— Там подают креветки. Если ехать на север, то справа по шоссе. Там увидите вывеску.

Он снова углубился в книгу. На обложке был всадник, он скакал на закат, полыхавший, как взрыв атомной бомбы.

Я проехал через разбросанный по побережью городок и взял курс на север к закусочной. Это была та самая закусочная, где я пил кофе в самом начале расследования. «Бьюик» Гарриет был найден в нескольких сотнях ярдов от дома Блекуэлла.

Я свернул с шоссе налево, спустился вниз, поставил машину на стоянке у белой перекладины, рядом с черным «кадиллаком». Был прилив, и море сверкало и переливалось, как голубая ртуть. Далеко-далеко видны были пеликаны, крошечные на фоне огромного неба.

На рулевой колонке «кадиллака» я прочитал фамилию Блекуэлла. По деревянному настилу я прошел к его дому. Я чутко фиксировал малейшие звуки: мои собственные шаги, удары волн о берег, еле слышный крик чайки, подбиравшей остатки трапезы пеликанов. Затем все затихло, заглушенное моим стуком в дверь дома полковника.

В конце концов я достал ключ и открыл дверь сам. В большой комнате ничего не изменилось, если не считать того, что было сделано с картиной Кэмпиона. Кто-то изрезал ее так, что лучи солнца проходили сквозь нее, как разряды молнии среди темных туч.

Я подошел к лестнице и, глядя вниз, крикнул:

— Блекуэлл! Вы здесь?

Тишина.

Я позвал Гарриет. Ответом мне было гулкое эхо. Я почувствовал себя неумелым медиумом, тщетно пытавшимся вызвать духов прошлого. Я неохотно спустился по лестнице и с еще большей неохотой прошел через большую спальню в ванную. Кажется, я сначала почуял запах крови и только потом увидел кровь.

Я включил свет в ванной. В раковине лежало полотенце,

насквозь пропитанное кровью. Я приподнял его за край и бросил обратно в раковину. Пятна засохшей крови были на покрытом линолеумом полу. Стараясь не угодить в них, я прошел в малую спальню. Замок на двери был сорван.

На голом матрасе сидел без пиджака полковник Блекуэлл. Его лицо было бледным как мел и заросло черной щетиной. Он воровато посмотрел на меня.

— Доброе утро,— сказал он.— Я так и знал, что придете вы.

— Утро не очень доброе. Кого вы сегодня убили?

Он прищурился, словно в лицо ударил яркий свет:

— Никого.

— Ванная напоминает скотобойню. Чья там кровь?

— Моя. Порезался, когда брился.

— Вы не брились по меньшей мере сутки.

Он рассеянно потрогал подбородок. Он явно пытался восстановить нарушенную связь с миром с помощью первых попавшихся фраз.

— Я порезался вчера. Это старая кровь. Никто сегодня не умирал.

— А кто умер вчера?

— Я.— Он снова прищурился от невидимого прожектора.

— Нет, вам не настолько повезло. Встаньте.

Он послушно поднялся. Я быстро обыскал его, хотя и дотрагивался до него с отвращением. Оружия при нем не было. Я велел ему садиться, и он опять безропотно подчинился.

Злобное упрямство бесследно покинуло его, уступив место нервозности. Это случается с теми, кто заходит слишком далеко. Какая-то крыса начинала грызть им сердце, и это делало их еще более опасными для окружающих, да и для самих себя.

— Я провел ночь в одиночестве,— сказал он, и глаза его подернулись влагой.

— Что вы делали?

— Ничего особенного. Ждал. Надеялся, что утро придаст мне силы действовать. Но свет еще хуже, чем потемки.— Он слегка посопел носом.— Сам не знаю, зачем я говорю вам это. Вы меня ненавидите.

Я не стал разуверять его.

— Хорошо, что вы готовы говорить. Нужно ваше признание.

— Признание? Мне не в чем признаваться. В ванной старая кровь. Я никого не убивал.

— Чья же она тогда?

— Может, хулиганов, что вломились сюда. Это теперь частое явление.

— Как и убийства. Начнем с убийства номер один. Зачем вы убили Рональда Джеймета?

Он посмотрел на меня снизу вверх, словно седовласое дитя, внезапно и безобразно состарившееся.

— Я не убивал. Это несчастный случай. Он упал и сломал лодыжку и шприц. Я нес его на себе весь день и еще ночь. Из-за отсутствия инсулина ему стало плохо. Потому-то он и умер. Самый настоящий несчастный случай...

— Как именно все произошло?

— Мы с Рональдом затеяли дружескую потасовку. Он споткнулся о камень и сошел с тропы. Он неудачно приземлился — всей тяжестью на лодыжку. Я даже слышал хруст.

— Из-за чего возникла дружеская потасовка?

— Просто так. Он слегка подтрунивал из-за моего увлечения юной особой, которой он покровительствовал. Она мне действительно нравилась, но, уверяю вас, дальше этого дело не зашло. Я никогда... никогда не делал ей ничего плохого. У меня были к ней самые чистые чувства. Я так и сказал Рональду. Кажется, я дружески толкнул его, чтобы подчеркнуть свои слова. Я не хотел, чтобы он упал.

— И погиб...

Вопрос заставил его задуматься.

— Почему мне хотеть его смерти? Тогда бы я просто оставил его там, в горах...— Он добавил в качестве решающего аргумента: — Рональд был моим любимым кузеном. Он был очень похож на мою мать.— Он посмотрел на меня как-то очень плаксиво. Я решил, что он сейчас заведет речь о матери. Такое бывало.

— Когда вы впервые вступили в половую связь с Долли Стоун?

Он отвел взгляд. Его глаза были почти не видны из-за отекших век, словно его избили невидимые кулаки.

— Ах, вот вы о чем!

— О том самом.

Он откинулся на кровати так, что его голова оказалась на полосатой подушке без наволочки. Он глухо сказал:

— Клянусь, я не прикасался к ней, когда она была несовершеннолетней. Я обожал ее на расстоянии. Она была как фея. И после смерти Рональда я не трогал ее. Мы

встретились потом, только прошлой весной на Тахо. Она повзрослела, но мне казалось, я снова встретил мою маленькую фею. Я пригласил ее к себе в охотничий домик, просто так, показать ей его. Я был рад встрече. Она тоже. Потом она сама пришла ко мне — и приходила еще и еще. Я жил в радости и горе. Я был счастлив с ней и горевал, когда ее не было. Затем она ополчилась против меня, и вся жизнь стала кошмаром.— Он глубоко вздохнул, словно влюбленный подросток.

— Почему же она изменила к вам отношение?

— У нас возникли сложности.

Мне надоели его эвфемизмы, и я спросил:

— Вы сделали ей ребенка?

— Не только это. Она ополчилась против меня раз и навсегда.— Он поджал под себя ноги.— Прошлое лето я провел как в аду. Она превратила мою жизнь в сплошную муку.

— Как ей это удалось?

— Я боялся потерять ее, и мне было страшно, что может случиться, если наша связь продолжится. Я был всецело в ее руках. Это были жуткие времена. Что она мне только не говорила. Она называла меня похотливым стариком. Потом ко мне приехала Гарриет, и началось вообще Бог знает что. Она больше не приходила ко мне, но постоянно угрожала все рассказать Гарриет.

Он заворочался как в беспокойном сне. Кровать скрипела под ним, словно пародируя любовные страсти.

— Долли вас шантажировала?

— Я бы этого не сказал. Я давал ей деньги, и в общем-то немалые. Но потом она вдруг перестала появляться. Но я чувствовал себя как на иголках. Скандал мог разразиться в любой момент. Только весной я узнал, что она вышла замуж.

— А вы тем временем использовали Изобел как буфер.

— Все не так просто,— возразил он.— Изобел мой старый добрый друг. Я всегда к ней хорошо относился.

— Ей повезло.

Он посмотрел на меня с ненавистью, но он был слишком удручен, чтобы дать волю этому чувству. Он уткнулся лицом в подушку. Мне вдруг показалось, что под спутанными прядями на его затылке скрывается другое лицо — без глаз, рта, носа.

— Выкладывайте все до конца,— потребовал я.

Он лежал тихо-тихо, напоминая бездыханный труп.

Мне показалось, что он нарочно затаил дыхание, как обиженный на весь мир ребенок.

— Выкладывайте все до конца, Блекуэлл!

Он тяжело задышал. Его плечи поднимались и опадали, тело сотрясалось в конвульсиях. Это был единственный ответ на мое требование.

— Тогда я сам все расскажу, но очень коротко, потому что с вами скоро захочет потолковать полиция. Весной Долли возобновила денежные претензии, у нее была трудная зима. Вы решили положить конец и вымогательству, и вообще неопределенности. Ночью пятого мая вы проникли в ее дом. Мужа там не было, он был с другой женщиной. Долли впустила вас, считая, что вы принесли деньги. Вы задушили ее чулком.

Блекуэлл захрипел, словно чулок затянулся на его жилистой шее.

— Затем вы увидели ребенка, вашего побочного сына. Вы не захотели оставлять его наедине с покойницей. Возможно, потому что беспокоились за его безопасность. По крайней мере, мне хотелось бы так думать. Так или иначе вы взяли его на руки и понесли к ближайшему дому, положили в стоявшую там машину. Ребенок уцепился за пуговицу вашего пальто, которая почти оторвалась во время схватки с Долли. Пуговица была у него в кулачке, когда его нашла соседка. Пуговица и привела меня к вам.

Когда муж Долли был привлечен к ответственности по подозрению в убийстве, его друг Ральф Симпсон решил разобраться во всем этом. Он мог знать о вашем романе с Долли и догадался, что это за пуговица. Он поехал на Тахо, нанялся к вам и отыскал спрятанное вами пальто. Возможно, он даже вам его показал. Ему хотелось раскрыть убийство в одиночку. Симпсон — неудачник, нуждавшийся в победе, а может, что-то в нем подгнило и ему просто понадобились деньги. Он не пробовал вас шантажировать?

Полковник Блекуэлл что-то невнятно пробормотал в подушку.

— Да, собственно, теперь это не имеет значения. Не случайно был использован ледоруб, свадебный подарок родителей Долли. Не случайно вы закопали труп на задворках бывшего дома Джейметов. Я не знаю, что именно творилось у вас в голове. Вы и сами, наверное, вряд ли понимали это. Психиатру было бы занятно узнать, что происходило в этом дворе, когда Долли была ребенком.

Блекуэлл вдруг заверещал тонким голосом. Казалось, в его черепной коробке мечется запертый призрак. Он кричал, что он покойник и что мне ни капельки его не жалко.

Потом он повернул голову набок. Глаз, который можно было разглядеть, был открыт, но смотрел без выражения, напоминая моллюска в полуоткрытой раковине.

— Вот, значит, как все было? — спросил он без тени иронии.

— Я не знаю детали. Можете меня поправить.

— Зачем мне исправлять ваши ошибки?

— Это будет занесено в протокол, вот зачем. В ванной кровь Гарриет?

— Да.

— Вы ее убили?

— Да. Перерезал ей горло.— Голос был тусклый, без эмоций.

— Почему? Она все узнала и надо было заставить ее замолчать?

— Да.

— Что вы сделали с ее телом?

— Вы его не найдете.— Из его горла вырвалось нечто вроде смешка, и губы слегка затрепетали.— Я же похотливый старик, как говорила Долли. Почему бы вам не помочь мне — у вас есть оружие?

— Нет, но если бы и было, я бы не стал в вас стрелять. Вы для меня — пустое место. Лучше скажите, где тело Гарриет.

Он снова издал смешок, который перерос в хохот. Приступы смеха душили его. Он закашлялся и сел на кровати.

— Принесите воды, Бога ради.

Исключительно Бога ради я пошел в ванную. Затем я услышал торопливый шорох. Одной рукой он шарил под подушкой. Потом он нашарил револьвер, который, потрепетав, оказался нацелен на меня. Рука полковника больше не дрожала.

— Убирайтесь отсюда, или я вас застрелю. Хотите стать пятой жертвой?

Я попятился назад в ванную.

— Закройте дверь. Останьтесь там.

Я подчинился. В ванной все было отвратительно знакомым. В раковине словно искалеченное существо лежало полотенце.

По ту сторону двери раздался выстрел. Когда я подбе-

жал к полковнику, во рту у него был ствол револьвера, напоминающий трубку странных очертаний, которую Блекуэлл курил и с ней заснул.

Глава 29

Я вернулся в Лос-Анджелес примерно в полдень. Все утро по разбитому асфальту от шоссе к поселку шныряли полицейские машины, все утро народ сновал по деревянному настилу к дому полковника и обратно к стоянке. Я рассказывал историю Блекуэлла и собственных похождений, пока у меня не запершило в горле. Я бы помолчал, если бы сомневался в достоверности услышанного от полковника. Я страшно устал и хотел, чтобы дело поскорее было закрыто.

Труп хозяина вынесли из дому и увезли. Мы обшарили дом и окрестности в поисках Гарриет, но безуспешно. Потом отправились в Малибу и осмотрели «бьюик». Ничего нового.

— Скорее всего, Гарриет плавает в море,— сказал я Изобел.— Похоже, он избавился от трупа тем же способом, что и от пальто. Тело, как и пальто, вынесет на берег следующий прилив.

Мы сидели в ее комнате. Шторы были опущены, но она не включала свет. Возможно, она не хотела, чтобы я видел ее лицо. Возможно, она не хотела видеть моего лица. Она сидела в шезлонге и смотрела сквозь искусственный полумрак на меня так, словно я был так же чудовищен, как и факты, о которых шла речь. Она все покачивала головой из стороны в сторону, и этот жест непонимания и отрицания угрожал стать привычным.

— Простите, миссис Блекуэлл, но мне казалось, лучше вам узнать все от меня, чем от полиции или из газет.

— Это непременно попадет в газеты?

— Скорее всего. Но вам не обязательно их читать. Потом, когда будете в силах, отправляйтесь в долгое путешествие и оставьте все это в прошлом.— Предложение показалось наивным даже мне самому.

— Какие уж там путешествия,— возразила она. Помолчав, добавила уже мягче: — Я думала, такие ужасы случаются только в античных пьесах.

— Ужасы проходят. Трагедия — та же болезнь, рано или поздно она отступает. Ужасы античных пьес — давно забытое прошлое.

— Сейчас это мало утешает.

— Но об этом стоит подумать.

— Я не хочу ни о чем думать,— сказала она и застыла в раздумье — мраморная статуя женщины, окаменевшей оттого, что пришлось взглянуть в глаза фактам.— Как он мог убить Гарриет? Он же так ее любил!

— Это была нездоровая любовь. В отношениях с женщинами он превращался в маленького мальчика, играющего на чердаке с куклами. Такая любовь легко переходит в ненависть. Раз — и кукле отрезают голову.

— Он отрезал голову Гарриет?!

— Я выразился фигурально. Он, судя по всему, перерезал ей горло бритвой. Той же бритвой он искромсал холст Кэмпиона.

Она снова стала качать головой из стороны в сторону.

— Я могу понять, почему Марк решил убить Долли. Она являла угрозу уже тем, что жила на белом свете. Ральф Симпсон представлял собой угрозу, да и возможно, Рональд тоже. Но Гарриет, его родная дочь...

— Похоже, она была главной угрозой. Она знала о его романе с Долли?

— Боюсь, что да. У Марка ужасная привычка откровенничать. Возможно, он и не рассказал обо всем до конца, но дал понять Гарриет этой весной. Он, наверное, боялся, что все может всплыть наружу, и хотел как-то подготовить ее. Но желаемого эффекта он не добился.

— Откуда вы знаете?

— Гарриет поделилась этим со мной. Она сказала, что должна непременно выговориться. Она была страшно расстроена, я ее никогда такой не видела. Она превратилась в маленькую девочку — рыдала у меня на коленях. Я решила, что не надо поощрять такое поведение в ее годы, и сказала, что она должна терпеть — терплю же я.

— Как она к этому отнеслась?

— Встала и вышла из комнаты. Больше мы на эту тему не говорили. Марк совершил большую ошибку. Это не улучшило отношений в семье.

— Когда это случилось?

— В марте или апреле. Марк волновался из-за того, что у Долли родился ребенок, потому-то он и рассказал об этом Гарриет, хотя мне ничего не сообщил. Теперь-то понятно, что почувствовала тогда Гарриет. Долли вытеснила ее из сердца отца, так она решила. Позже она вступила в связь с бывшим мужем Долли. Думаете, она понимала, что делает?

— Да,— сказал я.— И Кэмпион тоже, хотя они вряд ли обсуждали это между собой. Думаю, что Кэмпион занялся ею в Мексике именно потому, что это была дочь Блекуэлла. Он подозревал Марка в убийстве Долли и сделал вид, что ему нравится его дочь, чтобы оказаться рядом. Он ни за что не вернулся бы из Мексики, если бы не надеялся отвести от себя подозрения.

— Почему же он помалкивал?

— Он заговорил в прошлый понедельник, когда ваш муж угрожал ему ружьем. Но я тогда не понял, что он имел в виду. С тех пор он не пытался ничего объяснить, ибо боялся, что ему не поверят. Кэмпион не подарок, он терпеть не может ничего, что связано с полицией, с властью и вообще. Он самолюбив. Но он все равно заговорит, и мне хотелось бы при этом присутствовать. Если хотите, можете оплатить мои расходы.

— С удовольствием.

— Вы очень щедры. После того, что я вам наговорил...

Она перебила меня коротким кивком головы:

— Это очень помогло мне, мистер Арчер. Вы были тогда жестоки, но ваши слова подготовили меня... ко всему этому.

— Если бы только слова... Я действительно подозревал вас.

— Знаю. Но главное, что вы больше меня не подозреваете. Все кончено.

— Почти. Показания Кэмпиона все расставят по своим местам.

— Что, по-вашему, он скажет?

— Похоже, там, в охотничьем доме, он совершил ошибку, обвинив Марка в убийстве Долли. Этого Гарриет не могла перенести. Рушился образ отца. Кроме того, дополнительным ударом было то, что Кэмпион просто использовал ее, что его интерес к ней на поверку оказался желанием найти убийцу жены. Они страшно поссорились. Она исцарапала Кэмпиону лицо, он ударил ее по голове. Ее шляпка оказалась в воде. Травма, вероятно, была не очень серьезной, она смогла доехать до Малибу, но Кэмпион не знал об этом. По тому как он вел себя вчера, можно было подумать, что он либо убил ее, либо искалечил.

— Но она сама доехала с Тахо до Малибу?

— Очевидно, да. У нее на это ушло меньше суток. Не исключено, что по дороге она получила медицинскую помощь. Вчера рано утром она приехала в дом на побережье и позвонила отцу. Возможно, она обвинила его в убийстве

и потребовала, чтобы он опроверг обвинение. Он оставил вам записку, чтобы сбить с толку, поехал в Малибу, убил ее и бросил труп в море.

Но на сей раз это не сошло ему с рук. Он сильно наследил. В ванной я видел кровь Гарриет. Блекуэлл был в шоке и не смог замести следы. Он просидел в малой спальне день и ночь, пытаясь найти силы покончить с собой. Возможно, сначала ему нужно было выговориться. Я оказался кстати.

— Я рада, что это были вы, мистер Арчер. И рада, что он не убил вас. Честное слово, очень рада.

Она встала, вокруг были осколки ее жизни. Она протянула мне руку. Я сказал, что еще зайду. Она не выразила нежелания увидеться вновь, не покачала по обыкновению головой.

Глава 30

Кэмпиона перевели в тюрьму округа Сан-Матео. Он все еще молчал. Переговорив с капитаном Ройалом и его шефом, а также после телефонных звонков в Лос-Анджелес тамошнему начальству я получил разрешение допросить его наедине. Ройал привел его в комнату для допросов и оставил нас вдвоем, закрыв за собой обитую железом дверь.

Кэмпион стоял спиной к двери. Он не поздоровался и даже не кивнул. Тяготы недавних ночей оставили свои следы на его лице, но он по-прежнему сохранял самообладание. Он посмотрел на меня так, словно я в любой момент мог накинуться на него с резиновой дубинкой.

— Как дела, Брюс? Садись.

— Это приказ?

— Приглашение,— сказал я миролюбиво.— Марк Блекуэлл сознался, что убил твою жену. Ройал тебе не говорил?

— Говорил. Но он слегка опоздал. Я подам на вас всех в суд за незаконный арест.

— Не очень мудрая идея. Твоя позиция сильно уязвима.

— Ну а когда меня выпустят? Мне надо работать.

— Сначала ты кое-что должен рассказать. Если бы ты вел себя нормально, то не оказался бы здесь.

— Не надо морочить голову. Я знаю полицейских. Они

делают козлов отпущения из слабых и беззащитных, а настоящих преступников отпускают.

— Ты сам себя сделал козлом отпущения. Подумай хорошенько.

Он стоял как вкопанный, а я обошел комнату. Он не спускал с меня глаз. Наконец он сменил гнев на милость и сел за металлический столик, уронив перевязанную голову на руки.

Я подошел к нему и тронул за плечо:

— Послушай, Брюс.

Он вскинул обе руки, прикрывая ими голову.

— Успокойся, я тебе не враг.

Он дернулся под моей рукой.

— Тогда отойди. Терпеть не могу, когда у меня стоят над душой...

Я сел за стол напротив него.

— Ты серьезный человек, хотя и любишь порассуждать о том, какие сволочи полицейские. Тебе сильно досталось в жизни, и я сочувствую тебе. Но если бы ты доверял другим, то избавил бы себя от многих лишних бед.

— Кому же можно доверять?

— Во-первых, мне. Во-вторых, Ройалу. Дело он знает неплохо. Почему позавчера ты не сказал нам правду? Ты заставил нас подумать, что Гарриет утонула, причем с твоей помощью.

— Что бы я тогда ни сказал, вы все равно не поверили бы.

— Но ты и не пытался сказать правду. Ты не пытался спасти Гарриет.

— Пробовал.— Он сжал в кулак правую руку.— Хотел остановить ее. Но я плохо плаваю. А в темноте она быстро от меня оторвалась.

— Мы все никак не можем понять друг друга. Когда это случилось?

— Тогда, на озере. Вечером во вторник. Когда я сказал, что подозреваю ее папашу в убийстве Долли, она так взъярилась! Кинулась на меня с когтями. Пришлось даже хорошенько ее стукнуть, чтобы она от меня отвязалась. Некрасивая вышла сцена, но дальше было еще хуже. Я оглянуться не успел, а она пулей вылетела из дома и помчалась к озеру. Я было за ней, но она как растворилась. Вот тут-то я запаниковал.

— Это правда?

— Клянусь! — сказал он, глядя мне в глаза.— Я не говорил об этом вам с Ройалом, потому что вы решили бы,

что я по сути дела сознался в убийстве.— Он посмотрел на кулак и медленно его разжал.— Я и сейчас не могу доказать, что не оглушил, а потом и не утопил ее.

— Доказывать ничего не надо. Она не утонула в Тахо. Если в тот вечер она и думала покончить с собой, то потом изменила решение. Похоже, она вылезла из воды, когда ты ушел.

— Значит, она жива?

— Нет, она умерла, но убил ее не ты. Это делал ее отец. Он сознался в этом и других убийствах, а потом застрелился.

— Почему он это сделал?

— Одному Богу известно почему. Возможно, она обвинила его в убийстве Долли.

На лице Кэмпиона попеременно отразилась целая гамма чувств: недоверие, облегчение и упрек самому себе. Он провел по лицу рукой, словно стараясь стереть эмоции.

— Зря я сказал Гарриет про ее отца,— пробормотал он.— Теперь-то я понимаю, что не должен был от тебя ничего скрывать. Но я думал, что ты будешь любой ценой выгораживать Блекуэлла, раз на него работаешь.

— Мы оба ошиблись насчет друг друга. Может, заодно просветишь меня насчет еще нескольких моментов?

— Ладно. Сегодня у меня приступ правдивости. Спрашивай.

— Во время корейской войны ты угодил в беду,— начал я в виде пробы,— что там произошло?

— Это было уже после войны. Мы сидели в Японии, ждали транспорта домой.— Он сделал широкое движение рукой.— Короче говоря, я врезал дежурному офицеру. Сломал ему нос. Это был полковник.

— За что же ему так попало, кроме того что ты не любишь полковников?

— Тебе это может показаться чушью. Однажды он заметил, что я рисую, и решил, что было бы неплохо, если бы я написал его портрет. Я сказал, что по приказу не работаю. Тут мы и схлестнулись. Он грозил держать меня в Японии, пока я не сдамся. Я ему врезал. Если бы он был пониже или повыше званием или принадлежал бы к нашему полку, все бы обошлось. Но нужно было спасать честь мундира, и я получил год каторги и увольнение по дисциплинарным мотивам. Но я не написал его портрет,— добавил он с мрачным удовлетворением.

— Ты лихо ненавидишь. Что же ты любишь?

— Мир воображения,— сказал он.— С этим у меня

порядок. Всякий раз, когда я пытаюсь сделать что-то в реальном мире, дело кончается кошмаром. Например, мне не следовало жениться на Долли.

— Почему же ты все-таки женился?

— Это непростой вопрос. Я пытался найти ответ с тех пор, как угодил в этот капкан. Во-первых, из-за денег. Я был бы лицемером, если бы отрицал это. У нее было кое-что — своего рода приданое. Я хотел подготовить серию картин для выставки, и мне требовались деньги. Деньги всегда нужны, по крайней мере, мне, и мы заключили сделку.

— Ты знал, что она беременна?

— В этом-то и заключалась вся прелесть.

— Большинство мужчин думают иначе.

— Я не большинство. Мне нравилось, что будет ребенок, и мне не хотелось быть ничьим отцом. Мне было все равно, кто настоящий отец, лишь бы не я. Наверное, звучит глупо. Но, возможно, это связано с тем, что мой родной папаша бросил нас, когда мне было четыре года.— В его голосе послышалась горькая обида.

— У твоего отца были неприятности с полицией?

— Он сам работал в полиции,— сказал он с насмешливой ухмылкой.— Это был продажный легаш из Чикаго. Помню, как последний раз видел его. Помогал блондинке садиться в «кадиллак» у отеля на Золотом Берегу.— Кэмпион откашлялся.— Следующий вопрос.

— К вопросу о Долли, как же ты к ней относился?

— Сам толком не знаю. Сначала жалел. Думал, из этого вырастет какое-то настоящее чувство. Это моя давняя детская мечта.— Его рот насмешливо скривился.— Не получилось. Жалость леденит сердце. Как ни странно, я никогда не спал с ней. Хотя мне нравилось писать ее. Это мой способ проявления любви к людям. По-другому у меня не выходит.

— Я думал, ты большой бабник.

Он слегка покраснел:

— Пришлось, конечно, поработать... Многие из них считают, что это очень творческое занятие — спать с художником. Но любовь пришла однажды, и то ненадолго. Я сам все испортил.

— Как же ее звали?

— Не все ли равно? Анна.

— Анна Касл?

Он удивленно уставился на меня.

— Кто тебе сказал о ней?

— Она сама. Два-три дня назад я был в Ахихике. Она говорила о тебе с большой теплотой.

— Так,— пробормотал он.— Интересная неожиданность. С ней все в порядке?

— Было бы в порядке, если бы она так не переживала из-за тебя. Сбежав с Гарриет, ты сильно ее обидел. Напиши ей хотя бы письмо.

Некоторое время он сидел и молчал. Мне подумалось, что он сочиняет такое письмо. Судя по его нахмуренному лбу, письмо сочинялось с трудом.

— Если Анна была так тебе дорога, почему ты связался с Гарриет?

— Я был связан обязательством.— Он по-прежнему углубленно вглядывался в себя.

— Не понимаю.

— Впервые с Гарриет мы встретились не в Мексике. Это случилось в моем доме в Луна-Бей за несколько недель до этого. Она пришла навестить Долли и младенца. Они с Долли были давними подругами. Но Долли не было дома, она повезла малыша на ежемесячный осмотр к врачу. Я работал, а Гарриет стояла и смотрела. Ей страшно понравилось. Она сама немножко рисовала. Очень восторженная девица...

— Дальше?

Кэмпион смутился.

— Я подумал, что она могла бы сделать для меня очень многое, если пойти ей, так сказать, навстречу. У меня не было ни цента, у нее явно водились деньги. Я решил, что неплохо бы завести мецената женского пола. Очень трудно работать и думать, где достать денег, чтобы заплатить за свет. Мы договорились о свидании. В тот же вечер оно состоялось. Потом мы стали проводить вместе вечера. Я не понимал, на что себя обрекаю. Гарриет вела себя так, словно никогда до этого не видела мужчины. Она влюбилась с такой силой, что я даже испугался. Раза два в неделю она приезжала с Тахо, и мы ехали в какой-нибудь мотель. Я чувствовал, что добром дело не кончится. Мне бы раньше прекратить отношения...— Он глубоко вздохнул.

— Что значит — добром дело не кончится?

— Я и сам толком не понимал. Но Гарриет была слишком серьезно настроена — и очень страстная. Зря я поощрял ее.

— Ты подозревал, что Блекуэлл — отец ребенка?

— Отчасти. Что-то в подсознании шевелилось... Однажды Гарриет взяла ребенка на руки и назвала своим малень-

ким братиком. Мне это запомнилось, хотя я не понимал тогда, что она говорила всерьез.

— Долли ничего тебе не говорила об этом?

— Нет. Я и не пытался от нее ничего узнать. Мне даже не хотелось знать, кто его отец. Мне казалось, что, не зная этого, я буду лучше к нему относиться. Но выяснилось, что и ребенка я не научился любить. Ни его, ни кого-то еще. Ну а когда я затеял роман с Гарриет, я вообще все испортил. Мне бы сидеть дома и любить жену с ребенком.

Он говорил тихо, но мне казалось, что я слышу раскаты голоса уверенного в себе мужчины. Он встал и ударил кулаком правой руки о ладонь левой. Потом потряс обеими руками, как совершенно сбитый с толку человек, и подошел к окну.

— В ночь, когда погибла Долли, я был с Гарриет,— сказал он, не оборачиваясь.

— Значит, именно с Гарриет ты спал в мотеле «Тревелерз»?

— Да. Хотя «спал» не совсем правильное слово. Мы повздорили, и она посреди ночи понеслась на Тахо. Я остался в мотеле и страшно надрался. Она привезла мне бутылку отцовского виски.— Он получал какое-то болезненное удовлетворение, воскрешая унизительные подробности недавнего прошлого.

— Из-за чего вы повздорили?

— Из-за женитьбы. Она хотела купить мне развод в Рино. Признаться, мне это показалось заманчивым, но как дошло до дела, я понял, что не смогу. Я не любил Гарриет. Долли я тоже не любил, но я заключил с ней соглашение насчет того, что признаю ребенка своим. Мне казалось, что если я останусь, то полюблю мальчишку. Но было уже поздно. Когда я протрезвел настолько, что смог вернуться домой, Долли была мертва, малыш исчез и вокруг толпились полицейские.

— Почему ты не сказал им, где провел ночь? Это же алиби.

— Тогда в этом вроде бы даже не было необходимости. Они задали мне несколько вопросов и отпустили восвояси. Как только я освободился, то позвонил Гарриет на Тахо. Она сказала, что я ни под каким предлогом не должен упоминать ни ее, ни ее семью. Она явно выгораживала отца, хотя и не говорила об этом прямо. Когда меня решили привлечь к ответственности, она подала идею скрыться, и я провел две кошмарные недели в их летнем доме на берегу. Я хотел уехать в Мексику — для этого

Ральф и одолжил мне свою метрику, но у меня не было денег. Наконец деньги достала Гарриет. Она сказала, что потом приедет ко мне в Мексику и мы сделаем вид, что там впервые увидели друг друга, и начнем как бы с нуля. Потом мы либо останемся в Мексике, либо уедем в Южную Америку.— Он отвернулся от окна, лицо его казалось умытым светом.— Похоже, она увидела шанс пришить меня к своей юбке навсегда. И я опять испытал искушение согласиться. Вот какой я негодяй!

— Я насчет мотивов Гарриет. Ты сказал, она выгораживала отца. Она знала тогда, что это он убил Долли?

— Вряд ли.— Он потрогал ссадины на щеке.— Вот как она отреагировала, когда я поделился с ней моими подозрениями.

— Когда они у тебя возникли?

— Не сразу. Впервые его имя упомянул Ральф, еще до моего отъезда из Луна-Бей. Он видел Долли с Блекуэллом предыдущим летом. Ральф воображал себя сыщиком и очень заинтересовался кожаной пуговицей, что обнаружили на месте преступления. Полиция тоже ею интересовалась. Ты что-то о ней знаешь?

— Очень многое.— Я кратко изложил историю загадочного пальто.

— Значит, Блекуэлл убил Ральфа?

— Он признался в этом сегодня утром — и в других убийствах тоже.

— Бедняга Ральф.— Кэмпион опустился на стул и какое-то время молчал с отсутствующим взглядом.— Ему тоже надо было бежать от меня подальше. Я переносчик моральной заразы.

— Неплохая идея,— отозвался я.— Но мы говорили о том, как ты заподозрил Блекуэлла.

Еще немного помолчав, он заговорил:

— Ральф-то и навел меня на мысль о Блекуэлле. Разрозненные кусочки, обрывки, фрагменты начали складываться в картину, и наконец я ее мысленно представил. Среди этих фрагментов был интерес Гарриет к малышу, которого она назвала своим братиком. Если это обмолвка, то очень любопытная, подумал я. Затем Долли начала откуда-то получать деньги — как раз в то время, как в нашем доме появилась Гарриет. Я не понимал отношений между Долли и Гарриет. На поверхности все было прекрасно, но в глубине чувствовалась враждебность.

— Это естественно, если Долли знала о твоем увлечении Гарриет.

— Она не знала. Кроме того, их отношения были такими же и в первый день пребывания Гарриет у нас. Они поздоровались, как родные сестры, ненавидящие друг друга, но не имеющие возможности это открыто признать. Теперь-то я понимаю, в чем дело: Гарриет знала о романе Долли с ее отцом, а Долли знала о том, что она все знает.

— Ты не сказал мне, как ты все выяснил.

— Озарение посетило меня как-то вечером в Мексике, уже после приезда Гарриет. Мы сидели в моей студии, и возникла тема охотничьего домика ее отца на озере Тахо. Не помню почему.— Он склонил набок голову, словно вслушивался в далекие голоса.— Нет, вспомнил. Она снова вышла на матримониальную тропу, несмотря на то, что меня разыскивали за убийство. Она мечтала, как мы вернемся в Штаты, поселимся в охотничьем домике и станем жить-поживать да добра наживать. Самое странное, что я уже об этом слышал.

— От Гарриет?

— От Долли. Она рассказывала мне истории об очаровательной старой даме, которая опекала ее, когда она только приехала в Стейт-Лайн прошлым летом. Она подробно описывала дом милой старушки — высокие потолки, вид на озеро, расположение комнат. Меня вдруг осенило, что это же дом Блекуэлла и что Блекуэлл и есть чудесная старушка, а возможно, и отец моего...— он поперхнулся,— ребенка Долли. Тогда я ничего не сказал Гарриет, но решил вернуться с ней в Штаты. Мне хотелось побольше разузнать о милой старой даме. Вот и разузнал.

Словно силовые линии магнитного поля, на его лице выступили горестные морщинки.

Глава 31

Вылезая из такси в аэропорту Сан-Франциско, я увидел стоявшую с чемоданом у здания аэровокзала женщину. Мне она смутно показалась знакомой. На ней был костюм, юбка у которого была чуть длинней, чем того требовала нынешняя мода. Это была Анна Касл минус серьги плюс модная шляпка.

Я взял у нее чемодан:

— Разрешите помочь вам, мисс Касл.

Она посмотрела на меня, не узнавая. Она слишком была поглощена своими собственными думами. Постепенно, однако, взгляд ее стал приветливым.

— Мистер Арчер! Собиралась к вам заглянуть, а вы как раз тут как тут. Вы не следовали за мной по пятам из Лос-Анджелеса?

— Скорее наоборот — вы за мной следовали. Мы здесь, похоже, по одному делу. Из-за Брюса Кэмпиона, он же Берк Дэмис.

Она кивнула головой.

— Вчера я слышала обо всем этом по гвадалахарскому радио. Я все бросила и прилетела сюда. Я хочу ему как-то помочь, даже если он действительно убил жену. Должны же быть смягчающие обстоятельства!

Она смотрела на меня снизу вверх, взгляд был чист и пристален. Я поймал себя на том, что начинаю завидовать Кэмпиону: ну почему для таких безответственных типов находятся преданные и любящие женщины! Вслух я только сказал:

— Ваш друг не виновен. Его жену убил другой человек.

— Нет!

— Да!

В ее глазах показались слезы. Она смотрела невидящим взглядом и улыбалась.

— Нам надо поговорить, Анна. Давайте где-нибудь присядем.

— Но мне надо увидеть его.

— Это может подождать. Какое-то время он проведет в полиции. Им надо многое у него узнать, а он только сейчас соблаговолил отвечать на вопросы.

— Зачем им его допрашивать, если он не виноват?

— Он важный свидетель. И еще должен многое объяснить в своем поведении.

— Вы имеете в виду выезд за границу под чужим именем?

— Местную полицию это не интересует. Это уже забота министерства юстиции. Надеюсь, они не подадут на него в суд. Тот, кого привлекали к ответственности за убийство, которого он не совершал, может привести в свою защиту кое-какие аргументы. Это и есть то, что вы назвали смягчающими обстоятельствами.

— Да,— сказала она.— Мы будем сражаться. Он что-то еще натворил?

— Вроде бы ничего предосудительного. Но прежде чем вы увидитесь с ним, я должен вам кое-что сказать. Не хотите что-нибудь выпить?

— Нет, пожалуй. Я плохо спала, а мне надо быть в форме. Может, лучше кофе?

Мы отправились наверх в ресторан, и за несколькими чашками кофе я рассказал ей всю историю этого дела. В моем пересказе дело как-то облагородилось. Судя по тому, как реагировали на мои слова ее глаза, ее тонкое лицо, оно превращалось из дешевой мелодрамы в трагедию ошибок. Я не пытался особо выгораживать Кэмпиона. Мне казалось, она заслуживала того, чтобы знать о нем правду, в том числе и его проекты насчет денег Гарриет и его частичную ответственность за ее гибель...

Она перебила меня, наклонившись через стол, и дотронулась до моего рукава:

— Вчера вечером я видела Гарриет.

Я пристально на нее взглянул. В ее глазах не было ничего, кроме честности и прямоты.

— Гарриет не умерла. Ее отец либо солгал, либо галлюцинировал. Я серьезно.

— Где вы ее видели?

— В аэропорту Гвадалахары, когда я заказывала билет. Это было примерно в половине десятого вечера. Она ждала свой чемодан. Я слышала, как она сказала, что он голубой — azul,— и узнала голос. Она, судя по всему, прилетела лос-анджелесским рейсом.

— Вы с ней говорили?

— Я сделала попытку. Но она либо не узнала меня, либо сделала вид. Она резко отвернулась и побежала на стоянку такси. Я за ней не пошла.

— Почему?

Анна ответила, тщательно взвешивая слова:

— Мне казалось, я не имею права вмешиваться. И еще я немножко боялась ее. У нее странно блестели глаза. Не знаю, понятно ли я говорю, но мне приходилось видеть такие глаза у людей, которые зашли слишком далеко.

Глава 32

Я нашел ее в понедельник днем в деревне недалеко от Михоасана. У деревни было ацтекское название, которое я забыл. Я отыскал церковь с ацтекскими украшениями, вырезанными на старинных камнях. Мимо церкви шла мощеная грубым булыжником дорога, напоминавшая русло высохшей реки.

Нищенка в черном вдовьем одеянии встретила меня у дверей и проводила внутрь, бормоча о каких-то своих бедах. Я не понял, что именно с ней случилось, но видел

следы, оставленные ими на ее морщинистом лице. Когда я дал ей денег, она осыпала меня улыбками и благословениями. Затем нищенка вышла, а мы остались с глазу на глаз с Гарриет.

Она стояла на коленях на каменном полу у алтаря. На голове у нее был черный платок, и она была неподвижна, как статуи святых вдоль стен.

Я окликнул ее по имени, и она поднялась на ноги. Ее губы неловко зашевелились, но она ничего не сказала. Черный платок на голове подчеркнул костистость лица.

— Вы меня помните?

— Помню.— Ее и без того тихий голос и вовсе терялся в глубоких пространствах церкви.— Откуда вы узнали?..

— Posadero [1] сказал мне, что вы здесь с утра.

Она коротко повела руками, указав на пол:

— Я не про это. Откуда вы узнали, что я в Мексике.

— Вас видели... другие американцы.

— Не верю. Просто отец послал вас вернуть меня. Но он же обещал! Но он никогда не держал своих обещаний! Никогда!

— Это обещание он сдержал.

— Тогда почему вы здесь?

— Я вам никаких обещаний не давал.

— Но вы же работаете на отца. Когда он сажал меня на самолет, то сказал, что отзывает ищеек раз и навсегда.

— Он и пытался это сделать. Но теперь он вам больше уже ничем не может помочь. Ваш отец умер, Гарриет. Он застрелился утром в пятницу.

— Вы лжете. Этого не может быть!

Слова вырвались с такой силой, что все тело ее задрожало. Она закрыла лицо руками. Запястья были перевязаны, и бинты были прикрыты лентами телесного цвета. Я уже видел такие повязки на несостоявшихся самоубийцах.

— Я был рядом, когда он застрелился. Прежде чем покончить с собой, он сознался, что убил Ральфа Симпсона и Долли. И еще он сказал, что убил вас. Зачем он это сказал?

Ее глаза заблестели между пальцев, словно камешки на морском берегу:

— Понятия не имею.

— Зато я понимаю. Он знал, что оба эти убийства совершены вами. Он пытался взять на себя вину и сделать

---

[1] Хозяин гостиницы *(исп.)*.

так, чтобы мы прекратили вас искать. После этого он устранился навсегда. Думаю, что ему уже не хотелось жить, слишком велико было бремя вины. Гибель Рональда Джеймета, возможно, и не была убийством, но и несчастным случаем ее назвать было нельзя. Он также понимал, что его роман с Долли привел к тому, что вы убили и ее, и Ральфа Симпсона. Впереди у него не было ничего, кроме вашего процесса и конца династии Блекуэллов. Того, что ожидает вас сейчас.

Она отняла руки от лица. Лицо ее странно блестело, словно его обжигали как керамическое изделие.

— Я ненавижу династию Блекуэллов. Как жаль, что моя фамилия не Смит, или Джонс, или Гомес.

— Это мало что изменило бы. Сделанного не воротить.

— Нет.— Она уныло покачала головой.— Все безнадежно. Я здесь с раннего утра, думала, Господь услышит... Не вышло.

— Вы принадлежите к этой церкви?

— Я не принадлежу ни к чему на свете. Просто я пыталась обрести здесь покой. Когда вчера местные жители расходились после службы, они были такими счастливыми, умиротворенными.

— Они не убегали от прежней жизни.

— Вы называете это жизнью? — Ее лицо исказилось, словно она собиралась расплакаться, но слез не последовало.— Я изо всех сил старалась положить конец этой так называемой жизни. В первый раз вода оказалась слишком холодной. Во второй раз помешал отец. Он ворвался в ванную и все испортил. Он перевязал мне запястья и отправил сюда. Сказал, что мать меня не оставит. Но когда я приехала к ней в Ахихику, она даже ко мне не вышла. Она выслала к воротам Кейта, и он наврал мне с три короба, лишь бы я ушла. Она якобы уехала и взяла с собой все деньги...

— Он сказал правду. Я говорил и с ним, и с вашей матерью. Она вылетела в Калифорнию, чтобы вам помочь. Она ждет вас в Лос-Анджелесе.

— Вы лжете! — Все ее обиды разом заклокотали в горле.— Вы все лжецы! Лжецы и предатели! Кейт и выдал вам меня, да?

— Он только сказал, что вы приезжали к ним.

— Вот! — Она обвиняюще ткнула пальцем в мою сторону.— Меня все предали, в том числе и отец.

— Говорю вам, нет! Он сделал что мог, чтобы выгородить вас. Ваш отец любил вас, Гарриет.

— Почему же он предал меня, связавшись с Долли Стоун? — Она рубила воздух пальцем, словно прокурор.

— С мужчинами такое случается. Вы тут ни при чем.

— Ни при чем? Ничего подобного. Она настраивала его против меня еще с тех пор, как мы ходили в школу. Я была старше. Она была хорошенькой, как куколка. Однажды он подарил ей куклу ростом почти с нее. Потом он и мне подарил такую же. Но мне не нужна была кукла. Я уже вышла из того возраста. Мне был нужен мой отец!

Ее голос стал тонким, как у маленькой девочки. Он раздавался под древними сводами, словно ожившее прошлое.

— Расскажите про убийства, Гарриет.

— Зачем? Мне это не поможет.

— Думаю, что поможет. Иначе вы не оказались бы здесь.

— Я пыталась рассказать священнику. Но я плохо говорю по-испански. Вы не священник.

— Нет, я самый обыкновенный человек. Но вы можете мне все рассказать. Зачем вы убили Долли?

— Вы хоть понимаете, что я должна была это сделать? Сначала она украла у меня отца, потом мужа.

— Но разве Брюс не был ее мужем?

Она покачала головой.

— Их брак был просто фикцией. Как только я их увидела вместе, я это сразу поняла. Двое людей жили вместе, но смотрели в разные стороны. Брюс хотел положить этому конец. Он сам сказал мне это в первый же день.

— Почему вы оказались там в тот день?

— Отец попросил. Он боялся показываться там, но сказал, что никто ничего не скажет, если я зайду к ней и принесу деньги. В подарок. И еще я хотела взглянуть на ребенка. На моего братика. Мне казалось, что я увижу его и почувствую себя лучше. Когда отец мне рассказал о нем, у меня что-то внутри оборвалось.— Она подняла над головой кулаки и потрясла ими — не в мой адрес. И сказала, глядя в пространство между кулаками: — Там я встретила Брюса. И влюбилась в него с первого взгляда. И он влюбился... Только потом он изменился.

— Из-за чего?

— Из-за нее, с ее кознями. Как-то вечером он вдруг на меня напустился. Мы были в мотеле на той стороне Залива. Он сидел, пил виски моего отца и вдруг сказал, что не может бросить ее. Сказал, что заключил сделку, которую не

имеет права разорвать. Я разорвала ее за него. Своими собственными руками.

Она сделала движение, словно рвала бумагу, потом ее руки безвольно упали вниз. В ее глазах появилось сонное выражение. В какой-то момент я боялся, что она упадет, но она взяла себя в руки и посмотрела на меня со странным сомнамбулическим вызовом.

— Я убила ее и взяла деньги. Я знала, где она их прячет — под матрасом в колыбельке. Мне пришлось вынуть малыша, он заплакал. Чтобы его успокоить, я взяла его на руки. Затем меня охватило желание взять его и бежать с ним куда глаза глядят. Я пошла с ним по дороге, но внезапно меня обуял страх. Было так темно, что я не видела дороги. Зато я прекрасно видела себя со стороны. Кошмарная женщина, бредущая сквозь тьму с ребенком на руках. Я боялась, что с ним что-то случится.

— Из-за вас?

— Да,— сказала она, опустив подбородок.— Я положила его в первую попавшуюся машину, чтобы с ним ничего не произошло. Я отказалась от него — и правильно сделала. По крайней мере, мой братик жив-здоров.— Это прозвучало как вопрос.

— Да, с ним все в порядке. Он у бабки. На днях я видел его в Цитрус-Хиллз.

— Я тоже чуть было не навестила его,— призналась она.— В ночь, когда убила Ральфа Симпсона. Удивительно, как тебя преследуют какие-то вещи. Я думала, что уже прошла звуковой барьер, но той ночью услышала его плач в доме Стоунов. Меня так и подмывало постучаться в дверь и взглянуть на малыша. Я уже подошла к двери, но снова увидела себя со стороны. Кошмарная женщина, несущаяся во вселенской тьме, везущая в машине покойника.

— Ральфа Симпсона?

— Да. В тот вечер он пришел поговорить с отцом, я узнала пальто, которое было у него в руках, и перехватила его. Он согласился проехать со мной и обсудить ситуацию. Я сказала, что Брюс скрывается в доме на побережье, а он ответил, бедняга, что друзья Брюса — его друзья. Я отвезла его на побережье и заколола той серебряной штукой, что миссис Стоун подарила отцу на свадьбу.— Она ткнула себя кулаком в грудь.— Я собиралась выбросить труп в море, но передумала. Я боялась, что Брюс обнаружит труп до того, как мы с ним уедем. Я запихала тело в машину и поехала в Цитрус-Хиллз.

— Почему вы решили закопать его на задворках дома Изобел?

— Так было безопаснее. Я знала, что там никого нет.— В ее взгляде, в ее лице было желание найти смысл случившегося.— Все осталось в семье.

— Вы пытались бросить тень подозрения на Изобел?

— Может быть. Я не всегда понимаю, почему совершаю тот или иной поступок. Особенно ночью. Меня подмывает сделать что-то, и я делаю.

— Потому-то на вас и было отцовское пальто в ночь, когда вы убили Долли?

— Оно оказалось в машине, а я замерзла.— Похоже, от воспоминаний ей стало холодно.— Я не хотела, чтобы заподозрили отца. Я его любила. А он меня не любил.

— Он любил вас до смерти. В прямом и переносном смысле.

Она покачала головой и задрожала еще сильнее. Я обнял ее за плечи и повел к выходу. Дверь открылась на красный закат. На его фоне нищенка казалась обугленной головешкой.

— Что будет теперь? — сказала Гарриет, опустив голову.

— Все зависит от того, готовы ли вы вернуться добровольно. Если да, то можем улететь вместе.

— Пожалуй.

Нищенка протянула к нам руки. Я опять дал ей денег. Мне нечего было дать Гарриет. Мы вышли на улицу и побрели по дороге, напоминавшей пересохшую речушку.

ОБРЕКАЮ НА СМЕРТЬ

Глава 1

Мне снился кошмарный сон: в клетке мирно жила странная безволосая обезьяна. На беду, люди постоянно пытались нарушить ее уединение и проникнуть внутрь. Это держало обезьяну в напряжении и выводило из себя... Я проснулся весь в поту, чувствуя, что за дверью кто-то стоит. Не за входной, а за боковой, которая вела из кухни в гараж. Шлепая босиком по холодному линолеуму кухни, я заметил в окне первые проблески зари. Тот, кто находился по другую сторону двери, стучал теперь тихо, но настойчиво. Я включил наружный свет, повернул ключ и открыл дверь.

От двери под свет голой лампочки гаража неловко отпрянул крепкий молодой человек в рабочих брюках из грубой бумажной ткани. В его коротко стриженных волосах запутались соринки. Немигающие светло-голубые глаза посмотрели на свет со странным умоляющим выражением.

— Выключите свет, прошу вас.

— А я хочу иметь возможность видеть.

— Вот именно.— Он взглянул в распахнутые ворота гаража, выходившие на тихую серую улочку.— Не хочу, чтобы меня видели.

— Вас никто не держит, можете убираться.— Но, присмотревшись к нему повнимательнее, я пожалел, что говорил грубо. Его кожа отличалась желтовато-маслянистым оттенком и отнюдь не из-за освещения. Похоже, ему было худо.

Он вновь покосился на враждебную улицу.

— Можно я войду? Вы — мистер Арчер, не так ли?

— Для визитов рановато. Я не знаю вашего имени.

— Карл Холлман. Понимаю, сейчас рано, но я не спал всю ночь.

Он покачнулся и ухватился за дверной косяк. Его рука была черной от грязи и покрыта кровоточащими ссадинами.

— Несчастный случай, авария, Холлман?

— Нет.— Он помолчал в нерешительности и заговорил уже медленнее.

— Да, произошел несчастный случай. Но не со мной. Совсем не то, о чем вы думаете.

— А с кем?

— С моим отцом. Моего отца убили.

— Сегодня ночью?

— Шесть месяцев назад. Именно по этому поводу я хотел бы получить... поговорить с вами. У вас не найдется для меня несколько секунд?

В то утро мне меньше всего хотелось до завтрака иметь дело с клиентом. Но тут, казалось, был один из тех случаев, когда приходилось выбирать между собственным комфортом и неизвестной величиной чужой беды. К тому же, облик посетителя и манера разговора не вязались с его поношенной одеждой и рабочими ботинками, заляпанными грязью. Меня охватило любопытство.

— Ладно, заходите.

Казалось, он не услышал. Его остекленевшие глаза были прикованы к моему лицу.

— Заходите, Холлман. В пижаме холодно стоять.

— О, простите.— Бесчеловечно беспокоить вас подобным образом.

— Никакого беспокойства, если дело срочное.

Я закрыл дверь и включил кофеварку. Карл Холлман остался стоять посреди кухни. Я пододвинул стул. От Карла Холлмана пахло деревней.

— Сядьте и расскажите вашу историю.

— В том-то и дело. Я ничего не знаю. Не знаю даже, срочное ли это дело.

— А в чем тогда причина волнений?

— Извините. Я не очень связно излагаю, верно? Я полночи бежал.

— Откуда?

— Есть одно место. Неважно, где.— Его лицо приняло замкнутое выражение и как бы оцепенело. Он мысленно находился там, в том месте.

У меня возникла мысль, которую я до сих пор старательно отгонял. Одежда Карла Холлмана напоминала тю-

ремную. Кроме того, его отличали неловко-смиренные манеры, приобретаемые обычно в заключении. И он казался каким-то странным, но не из-за страха, которым нередко маскируется чувство вины. Я переменил тактику.

— Вас кто-нибудь направил ко мне?

— Да. Друг подсказал мне ваш адрес. Вы ведь частный детектив?

Я кивнул.

— А у вашего друга есть имя?

— Не думаю, чтобы вы его помнили.— Карл Холлман смутился. Он хрустнул суставами грязных пальцев и уставился в пол.— Не думаю, что мой друг обрадуется, если я назову его имя.

— Но мое-то он назвал.

— Это не совсем одно и то же, верно? Вы занимаете в некотором роде государственную должность.

— Выходит, я государственный служащий, так? В общем, хватит играть в прятки, Карл!

В кофеварке закипела вода, и это напомнило мне, как я замерз. Я отправился в спальню за халатом и тапочками. В шкафу отыскал глазами пистолет, но затем передумал. Вернувшись на кухню, я застал Карла Холлмана в той же позе.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он тускло.

— Пить кофе. Вы будете?

— Нет, спасибо. Ничего не хочу.

Тем не менее, я налил ему кофе, который он с жадностью проглотил.

— Есть хотите?

— Вы очень добры, но я ни за что не смог бы принять...

— Пожарю пару яиц.

— Нет! Не надо.— Его голос пронзительно зазвенел. Звуки вырывались из широченной груди, словно кричал маленький мальчик, подающий голос из своего укрытия.— Вы сердитесь на меня.

Я заговорил с этим маленьким мальчиком:

— Меня не так-то просто рассердить. Я попросил назвать имя, вы отказались. У вас свои мотивы. Ладно. Что же случилось, Карл?

— Не знаю. Когда вы только что прикрикнули на меня, мне сразу же вспомнился отец. Он всегда сердился. А в ту последнюю ночь...

Я ждал, что он скажет, но продолжения не последовало. Он издал гортанный звук, то ли всхлипнул, то ли

застонал, словно от боли. Отвернувшись от меня, уставился на кофеварку. Кофейная гуща, застывшая вдоль горловины, выглядела, словно черный песок в статичных песочных часах, который не пропускает сквозь себя время. Я пожарил на масле шесть яиц и приготовил тосты. Мы быстро расправились с завтраком, затем я разлил остатки кофе.

— Вы очень добры ко мне,— сказал Карл, допивая кофе.— Лучше, чем я того заслуживаю.

— Это входит в набор услуг, которые мы оказываем клиентам. Стало лучше?

— Физически — да. А психически...— Он почувствовал что слишком расслабился, и замкнулся.— Вкусный вы варите кофе. В палате кофе был ужасный, сплошной цикорий.

— Вы были в больнице?

— Да. В психиатрической клинике,— и добавил с некоторым вызовом,— я не стыжусь этого.

Однако он внимательно следил за моей реакцией.

— Что с вами было?

— Диагноз: маниакально-депрессивный психоз. Не думаю, что диагноз верен. Знаю, были отклонения, но это все в прошлом.

— Они вас выпустили?

Он склонился над чашкой и метнул на меня взгляд исподлобья.

— Вы убежали из клиники?

— Да. Убежал.— Слова давались ему с трудом.— Но все обстояло иначе, чем вы предполагаете. В сущности, меня вылечили, уже могли бы выписать, но мой брат не позволял им это сделать. Он хочет, чтобы меня держали взаперти.— Его голос зазвучал монотонно: — Джерри готов сгноить меня там.

Знакомый мотив: люди, которых изолируют от общества таким образом, всегда выискивают виновных, предпочтительно из числа близких родственников. Я спросил:

— Вам точно известно, что именно брат держал вас там?

— Уверен в этом. Меня упекли туда по его воле. Он и доктор Грантленд вынудили Милдред подписать бумаги для помещения меня в клинику. А как только я там очутился, он полностью отрезал меня от внешнего мира. Ни разу не навестил. Заставил персонал просматривать мою корреспонденцию, так что я не мог даже писать письма.— Слова вылетали из его рта со все увеличивающейся скоростью, и их уже с трудом можно было разо-

брать. Он замолчал и судорожно сглотнул. На шее, словно мячик, заходил кадык.

— Вы не представляете, что это такое: оказаться в полной изоляции и не соображать даже, что происходит. Конечно, когда предоставлялась возможность, меня посещала Милдред, но и она не понимала, в чем дело. И мы не могли спокойно обсудить наши семейные проблемы. Ей разрешали встречаться со мной только в приемном покое и всегда приставляли к нам медсестру, чтобы она подслушивала наши разговоры. Как будто меня нельзя было доверить собственной жене.

— Но почему, Карл? У вас случались обострения?

Неожиданно он резко втянул голову глубоко в плечи, словно я ударил его по затылку. Я окинул его взглядом и пришел к мысли, что в припадке ярости он мог быть ужасен. В его широченных плечах угадывалась могучая сила. Он продолжал:

— Первые несколько дней я вел себя как последний дурак — изорвал пару матрацев, ну и в том же духе. Меня завернули в мокрые простыни. Но на людей я не кидался, и никого не ушиб. Во всяком случае, не помню такого.— Его голос стал еле слышным. Он поднял голову и повысил голос.— Так или иначе, после этого я никогда не переступал черты, ни разу. Я не собирался давать им ни малейшего повода держать меня взаперти. Но все напрасно. А ведь они не имели на это права.

— И тогда вы перелезли через стену.

Он удивленно посмотрел на меня, вытаращив светлые глаза.

— Откуда вы узнали, что мы перелезли через стену?

Я не стал объяснять, что сказал наугад.

— Выходит, вы бежали не один, а?

Он не ответил. Глаза его подозрительно сузились, продолжая следить за выражением моего лица.

— Где другие, Карл?

— Не другие, а другой,— произнес он с запинкой.— Кто он — не имеет значения. Да вы все равно из газет узнаете.

— Совсем не обязательно. Такие вещи печатают только тогда, когда беглецы представляют социальную опасность.

Глава 2

Последнее слово повисло в тишине, приобретая различные смысловые оттенки: оно звучало то как вопрос, то как угроза, то как просьба. Карл Холлман смотрел в окно, за

которым уже совсем рассвело. С улицы доносился шум первых машин. Он оглянулся на дверь, через которую пришел. Тело его было напряжено, на шее вздулись жилы. Лицо погрузилось в задумчивость.

Внезапно он резко вскочил, опрокинув стул, и в два прыжка очутился у двери. Я сурово сказал:

— Поднимите стул.

Он замер, держась за дверную ручку.

— Не приказывайте. Вы мне не начальник.

— Это совет, мой мальчик.

— Я не мальчик.

— Для меня мальчик. Мне сорок лет. А вам сколько?

— Не ваше...— Он замолчал, борясь с самим собой.— Двадцать четыре.

— В таком случае ведите себя соответственно возрасту. Поднимите стул, сядьте, и мы обсудим вашу проблему. Вы же не станете снова убегать.

— Не собираюсь. С самого начала не хотел. Просто... я должен вернуться домой и разобраться во всей этой путанице. Что со мной будет потом,— не имеет значения.

— А зря. Вы молоды. У вас есть жена, будущее.

— Милдред заслуживает лучшего мужа, чем я. Мое будущее — в прошлом.

Тем не менее он отошел от двери, за которой наступило ясное, но таившее в себе опасность утро, поднял стул и сел. Я примостился на кухонном столе, глядя на него сверху вниз. От напряжения он покрылся испариной. Капельки пота выступили на лице, на груди потемнела рубашка. Он сказал совсем по-мальчишески:

— Думаете, я сумасшедший, верно?

— То, что я думаю, не имеет значения, я не ваш личный психиатр. Но если вы сумасшедший — ваше место в больнице. Если нет — то вы выбрали чертовски сложный способ доказать это. Вам следует вернуться и дать себя обследовать.

— Вернуться? Да вы сумасш...— Он оборвал себя на полуслове.

Я рассмеялся ему в лицо, отчасти потому, что он меня рассмешил, а отчасти, решив, что это пойдет ему на пользу.

— Значит, я сумасшедший? Ну же, смелее, договаривайте. Я не гордый. У меня есть знакомый психиатр, который утверждает, что психушки следует строить с шарнирами на углах зданий. Время от времени их нужно выворачивать наизнанку, так чтобы внутри оказывались те,

кто был снаружи, и — наоборот. По-моему, в этом что-то есть.

— Вы смеетесь надо мной.

— А если даже и так? У нас свободная страна.

— Да, свободная. И вы не можете заставить меня вернуться.

— А следовало бы. Иначе не оберетесь неприятностей.

— Вернуться я не могу. Теперь-то они никогда меня не выпустят.

— Выпустят, когда вы созреете для этого. Если вы сдадитесь добровольно, они не станут обращаться с вами слишком сурово. Вы когда вырвались на волю?

— Вчера вечером, ранним вечером, после ужина. Не то чтобы вырвались. Мы приставили к стене скамейки. Я подсадил приятеля, а он помог мне взобраться по простыне, перевязанной узлами. Мы ушли незамеченными, как мне кажется. Тома — ну того, другого — поджидала машина. Они немного подвезли меня. Дальше я шел пешком.

— У вас есть домашний доктор, к которому вы могли бы обратиться, если вернетесь?

— Доктор! — В его лексиконе это слово было грязным ругательством.— Я перевидел слишком много докторов. Все они из одной шайки, а доктор Грантленд — худший из них. Ему не следовало давать лицензию на частную практику.

— О'кей, мы ее отберем.

Он посмотрел на меня с удивлением. Удивить его не составляло труда.

— Вы не воспринимаете меня всерьез. Я пришел к вам за помощью, по серьезному делу, а взамен получаю дешевые остроты. Это выводит меня из себя.

— Подумаешь, мы живем в свободной стране.

— Будьте вы прокляты!

Я сделал вид, что не слышу. В течение нескольких минут он сидел, не шевелясь, с опущенной головой. Наконец произнес:

— Мой отец — сенатор Холлман из Пуриссимы. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

— Читал в газетах, что он прошлой весной умер.

Карл коротко кивнул.

— Они упрятали меня на следующий же день и даже не позволили присутствовать на похоронах. Я понимаю, что сорвался, но они не имели права так поступать. Однако сделали, потому что не хотели оставлять лишнего свидетеля.

— «Они» — это кто?

— Джерри и Зинни. Зинни — моя свояченица. Она всегда ненавидела меня, а Джерри у нее под каблуком. Они хотят продержать меня в заточении до конца их дней, чтобы самим распоряжаться имуществом.

— Откуда вам это известно?

— У меня была масса времени для размышлений. Шесть месяцев я складывал факты воедино. А когда мне рассказали про доктора Грантленда... В общем, стало ясно, что они заплатили ему, чтобы упечь меня в клинику. А может, заплатили ему, чтобы он убил отца.

— Я думал, ваш отец умер в результате несчастного случая.

— Да, согласно заключению доктора Грантленда.— Глаза Карла хитро заблестели, и мне не понравилось их выражение.— Возможно, это действительно был несчастный случай. Но я прознал, что у доктора Грантленда дурная репутация. Мне стало известно об этом на прошлой неделе.

Трудно было сказать, фантазирует он или нет. Как и любой частный детектив, я время от времени сталкивался с душевнобольными, но в этих делах я не специалист. Даже специалисты порой затрудняются отличить обоснованные подозрения от параноидальных симптомов. Я постарался сохранить нейтральный тон.

— Как вы узнали о докторе Грантленде?

— Я обещал не разглашать источник информации. В дело замешаны... вовлечены другие люди.

— Вы с кем-нибудь делились своими подозрениями?

— Я говорил с Милдред во время последнего посещения. В прошлое воскресение. Многого я не мог сказать из-за подслушивающего персонала. Многого я и не знаю. Вот почему я должен был что-то предпринять.— Он снова напрягся.

— Спокойно, Карл. Вы не станете возражать, если я поговорю с вашей женой?

— О чем?

— Да так, вообще. О вашей семье. О вас.

— Если она согласится, возражать не стану.

— Где она живет?

— На ранчо, недалеко от Пуриссимы... Хотя нет, она уже там не живет. После того, как я оказался в клинике, Милдред не могла оставаться под одной крышей с Джерри и Зинни. Она переехала обратно в Пуриссиму, к своей матери. Их адрес: Грант, 220. Да я покажу вам, поеду с вами.

— Не надо.

— Но я просто обязан. Нужно распутать весь этот клубок. Я не могу больше ждать.

— Если вы рассчитываете на мою помощь — придется подождать. Вот что я предлагаю, Карл. Сначала я отвезу вас обратно в клинику. Это более-менее по пути в Пуриссиму. Затем побеседую с вашей женой, посмотрю, как она оценивает ваши подозрения...

— Она тоже не принимает меня всерьез.

— Ну а я принимаю. До определенной черты. Я похожу, поспрашиваю и что-нибудь разнюхаю. Если окажется, что ваш брат ведет с вами нечестную игру, или что доктор Грантленд замешан в грязном деле, я приму кое-какие меры. Кстати, мой тариф — 50 долларов в день плюс расходы.

— Сейчас у меня нет денег. Но их будет много, когда я получу то, что мне причитается.

— Значит, договорились? Вы возвращаетесь в клинику, а я пока осмотрюсь?

Он нехотя согласился. Судя по всему, мой план ему не понравился, но он слишком устал и слишком запутался, чтобы начинать спор.

Глава 3

Утро выдалось жаркое и солнечное. Коричневые сентябрьские холмы на горизонте походили на разрушенные стены глинобитных построек. Казалось, протяни руку — и коснешься их ладонью. Мой автомобиль преодолел несколько миль прежде, чем холмы немного сдвинулись с места.

Когда мы въехали в долину, Карл Холлман заговорил о своей семье. Отец перебрался в Америку еще перед Первой мировой войной и, получив наследство, смог купить небольшую апельсиновую рощу неподалеку от Пуриссимы. Он был бережливым немцем из Пенсильвании и ко времени своей смерти увеличил владения до нескольких тысяч акров. В основном, прибавление к первоначальной роще пришло с приданым жены Алисии, дочери состоятельных землевладельцев. Я спросил Карла, жива ли его мать.

— Нет. Мама умерла... давно.

Он не хотел рассказывать о матери. Возможно оттого, что любил ее слишком сильно, или наоборот, недостаточно сильно. Он предпочитал говорить об отце и делал это

с какой-то бунтарской страстью, словно до сих пор находился в тени его сильной личности. Иеремия Холлман был влиятельной фигурой в округе и в какой-то степени в штате: основатель и глава ассоциации мелиораторов, секретарь Объединения садоводов, глава окружного комитета своей партии, сенатор от штата на протяжении десяти лет и местный политический босс до конца своих дней.

Преуспевающий человек, которому не удалось однако передать гены успеха двум своим сыновьям.

Старший — Джерри — стал адвокатом, но не занимался практикой. В течение нескольких месяцев после окончания юридического факультета он имел собственную контору в Пуриссиме. Проиграл несколько процессов, нажил врагов, не приобретя друзей, и отошел от дел, уединившись на семейном ранчо. Там он нашел утешение, выращивая в оранжерее орхидеи и предаваясь мечтам о будущей славе, достигнутой на некоем неопределенном поприще. Преждевременно состарившийся в свои тридцать с небольшим, Джерри попал под каблук жены, Зинни, разведенной блондинки с сомнительной родословной. Брак они заключили пять лет назад.

Карл был зол на брата, свояченицу и почти в такой же мере на себя самого. Он считал, что подвел отца по всем статьям. Когда Джерри сошел с дистанции, сенатор решил сделать ставку на младшего сына и послал Карла в Девис учиться сельскохозяйственным наукам. Но они не интересовали Карла, и его исключили за неуспеваемость. По-настоящему Карл испытывал интерес лишь к философии, о чем он и заявил отцу.

Молодому Холлману удалось уговорить сенатора отпустить его в Беркли. Там он встретился со своей нынешней женой, с которой они вместе учились еще в средней школе, и, как только ему исполнился 21 год, они поженились вопреки протестам семьи. Он сыграл с Милдред злую шутку. Она стала еще одним человеком, которого он подвел. Она-то думала, что выходит замуж за полноценного человека, но не прошло и несколько месяцев со дня свадьбы, как с Карлом случился первый серьезный срыв.

Карл говорил о себе с горьким презрением. Я отвлекся от дороги и посмотрел на него. Он старательно избегал моего взгляда.

— Я не собирался рассказывать вам о втором... втором срыве. Все равно это не доказывает, что я псих. Милдред никогда не сомневалась в том, что я нормальный, а уж она знает меня лучше других. Это все от переутомления — це-

лый день работал, а по ночам читал книги. Мне хотелось стать знаменитым, чтобы отец относился ко мне с уважением,— врачом-миссионером или кем-нибудь в этом роде. Я старался набрать достаточное число зачетов, чтобы поступить на медицинское отделение, и в то же время изучал теологию и... Словом, это оказалось мне не под силу. Я сорвался, и меня забрали родные. Такая вот развязка.

Я вновь взглянул на него. Мы проехали последний пригородный район и оказались на открытом пространстве. Справа от шоссе под лучами солнца простиралась широкая мирная долина, и холмы отступили назад в синеву. Карл не обращал внимания на окружающий мир. Он словно оказался во власти прошлого и целиком погрузился в себя. Потом сказал:

— Трудные были эти два года для нас. Особенно для Милдред. Она изо всех сил старалась делать вид, что все обстоит благополучно, но ведь до свадьбы и у нее были свои планы на жизнь, и она никак не предполагала, что ей придется обслуживать родственников мужа в какой-то сельской дыре. А я ничем не мог ей помочь. Месяцами я находился в такой депрессии, что едва хватало сил вставать с постели и встречать новый день. Я понимаю, что это не так, но эти месяцы запомнились мне как сплошная череда пасмурных темных сумерек. Таких темных, что когда я вставал и начинал бриться, то почти не видел собственного лица.

Домашние воспринимались мной как серые тени, даже Милдред, а себя я воспринимал как самую серую из них. Дом и тот начал подгнивать. Помню, как я мечтал о землетрясении, чтобы оно разрушило дом и похоронило всех нас под обломками: и отца, и меня, и Милдред, и Джерри, и Зинни. Я много думал о самоубийстве, но не решился.

Эх, если бы тогда хватило здравого смысла и элементарного рассудка, я бы обратился к врачу. Милдред хотела этого, а мне было стыдно признаться, что нуждаюсь в лечении. А потом отец не вынес бы этого. Я опозорил бы семью. Он считал, что психиатры играют на доверии, чтобы выудить побольше денег, и что мне поможет свежий воздух и тяжелый труд. Он твердил, что я слишком оберегаю себя, как это делала моя мама, и что я так же плохо кончу, если не выберусь на свежий воздух и не сделаю из себя человека сам.

Он невесело рассмеялся и умолк. Мне хотелось спросить, как умерла его мать. Но я так и не решился. Парень

и без того запутался в обстоятельствах, и я опасался ненароком спровоцировать стрессовую ситуацию. Поскольку он рассказал мне о своем срыве и последовавшей за ним суицидной депрессии, то теперь моя главная задача заключалась в том, чтобы привезти его в клинику в более или менее приличном состоянии. До развилки оставалось несколько миль, и мне уже не терпелось прибыть на место.

— В конце концов я действительно стал работать на ранчо. Отец сбавлял обороты, что-то с сердцем, и я взял на себя часть обязанностей по организации работ. Поначалу мне даже нравилось — дни напролет в апельсиновой роще со сборщиками, и, кажется, наступило некоторое улучшение. Однако потом стало еще хуже.

Между отцом и мной постоянно возникали разногласия по любому поводу. Он выращивал апельсины ради денег, и чем больше было денег, тем было лучше. Он никогда не думал о людях. А я не мог выносить его отношения к сезонным рабочим. Целые семьи — мужчины, женщины, дети — загонялись в открытые грузовики и перевозились, словно скот. Платили им по количеству собранных ящиков, нанимали на один день, а затем вышвыривали. Среди них было много тех, кто пробрался в страну незаконно и не имел никаких прав. Отцу это как раз подходило. А мне — нисколько. Я высказал все, что думаю о его гнусной политике по найму рабочей силы. Я сказал, что мы живем в цивилизованной стране в середине XX века, и он не имеет права обращаться с людьми, как с рабами, и выкидывать их прочь, стоит им заикнуться о плате, равной хотя бы прожиточному минимуму. Я сказал, что он — испорченный старик и что я не собираюсь молча смотреть на то, как он притесняет мексиканцев и обманывает японцев!

— Японцев? — переспросил я.

Речь Карла убыстрялась, становясь неразборчивой. В его глазах вспыхнул какой-то евангелический свет. Лицо раскраснелось, покрылось испариной.

— Да. Мне стыдно говорить об этом, но мой отец надул кое-кого из своих лучших друзей, японцев. Когда я был ребенком, до войны в нашей округе жило немало японцев. Они владели сотнями акров земли, тянувшейся от нашего ранчо до города и занятой под овощами. Из этих людей почти никого не осталось. Их выселили во время войны, и они не вернулись. Отец скупил их земли за бесценок.

Я заявил ему, что когда получу свою долю ранчо, то верну этим людям их собственность. Найму детективов, чтобы разыскать их, и отдам то, что им принадлежало.

Я так и собирался сделать. Вот почему я не позволю Джерри обманным путем лишить меня состояния. Оно нам *не принадлежит*, понимаете? Мы обязаны вернуть его. Мы обязаны восстановить справедливость между нами и землей, между нами и теми людьми.

Отец сказал, что это вздор, он-де приобрел землю абсолютно честно. А мои идеи назвал сумасбродными. Точно так же считала вся родня, даже Милдред. В тот последний вечер по этому поводу и разразился скандал. Это было ужасно. Джерри и Зинни попытались настроить его против меня, а Милдред занимала промежуточную позицию, стараясь нас помирить. Бедная Милдред, она всегда оказывалась меж двух огней. Думаю, она была права,— я вел себя бестолково. Иначе догадался бы, что отец болен. Был я прав или нет — а, конечно, я *был* прав — отец не мог выдержать подобной семейной сцены.

Я свернул с шоссе направо, на дорогу, которая ныряла под виадук и петляла по плоским полям мимо гигантской изгороди из эвкалиптов. Деревья выглядели древними и грустными; поля были пустынны.

Глава 4

Карл сидел на соседнем сидении, держась напряженно и тихо. Через некоторое время он сказал:

— Знаете ли вы, что словами можно убить, м-р Арчер? Можно убить старого человека, споря с ним. Я сделал это с отцом. Во всяком случае,— добавил он изменившимся голосом,— последние шесть месяцев меня не покидает чувство вины. В тот вечер отец умер в ванне. Осмотрев его, доктор Грантленд заявил, что причина смерти — инфаркт, вызванный перевозбуждением. В его смерти я винил себя. Джерри и Зинни тоже обвиняли меня. Не удивительно, что я сорвался. Я считал себя отцеубийцей.

— Однако теперь я сомневаюсь,— сказал он.— Когда я кое-что раскопал про д-ра Грантленда, я стал мысленно возвращаться к случившемуся. Почему я должен доверять словам такого человека? Он не имеет права называться доктором. Чего я не могу выносить, так это состояния неизвестности. Видите ли, если отец умер от инфаркта, тогда виноват я.

— Не обязательно. Старики умирают каждый день.

— Не надо запутывать меня,— сказал он тоном, не допускающим возражения.— Я прекрасно уловил суть де-

ла. Если отец умер от инфаркта, значит, это я убил его своими словами, и убийца — я. Если же он умер по какой другой причине, то убийцей является кто-то другой. И д-р Грантленд его покрывает.

Во мне крепла уверенность, что я слышу бред параноика. Я постарался ответить предельно деликатно.

— Все это маловероятно, Карл. Сделайте передышку, отвлекитесь на некоторое время. Подумайте о чем-нибудь другом.

— Не могу! — вскричал он.— Вы должны помочь мне докопаться до истины. Вы обещали помочь.

— Я помогу...— начал я. Внезапно Карл схватил меня за локоть. Машина вильнула, взметая гравий. Я нажал на тормоз, отбиваясь от цепких рук Карла и пытаясь завладеть рулем. Машина остановилась, съехав боком в неглубокий кювет. Я отпихнул Карла.

— Очень умный поступок.

Он не придал случившемуся на малейшего значения, вероятно не сознавая, что произошло.

— Вы обязаны верить мне,— сказал он.— Кто-то же должен мне верить.

— Вы сами себе не верите. Вы изложили уже две версии. Сколько у вас еще припасено?

— Считаете, что я лгун?

— Нет. Но вам надо привести мысли в порядок. И только вы сами в состоянии это сделать. И лучше всего заняться этим в клинике.

Впереди, в ложбине между двумя холмами, показались строения большого больничного комплекса. Мы заметили их одновременно. Карл сказал:

— Ну уж нет. Я туда не вернусь. Вы обещали помочь, но, видно, только на словах. Вы такой же, как все. Придется мне сделать это самому.

— Сделать — что?

— Выяснить правду. Выяснить, кто убил отца и передать убийцу в руки правосудия.

Я сказал по возможности мягко: — Вы говорите несколько необдуманно. Постарайтесь выполнить свою задачу, а я выполню свою. Возвращайтесь, поправляйтесь, а я посмотрю, что удастся выяснить.

— Вы заговариваете мне зубы, вот и все. А сами не собираетесь ничего предпринимать.

— Не собираюсь?

Он промолчал. Чтобы убедить Карла в том, что я на его стороне, я сказал:

— Если бы вы поделились со мной тем, что вам известно о Грантленде, это, возможно, помогло бы. Утром вы упомянули о каких-то сведениях.

— Да, и я не врал. Я получил их из надежного источника... от человека, который его знает.

— От второго пациента?

— Да, он такой же пациент, как и я. Но это ничего не доказывает. Он совершенно нормален, его рассудок нисколько не поврежден.

— Это он так говорит?

— Не только, так говорят и врачи. Он лечился от наркомании.

— Вряд ли это надежный источник.

— Он говорил мне *правду*,— возразил Карл.— Он знаком с д-ром Грантлендом много лет и знает о нем всё. Грантленд снабжал его наркотиками.

— Скверно, если так. И всё же до убийства далеко.

— Понимаю,— проговорил он упавшим голосом.— Вы хотите, чтобы я думал, что это сделал я. Вы отнимаете у меня надежду.

— Послушайте, что я скажу,— начал я.

Но Карл погрузился глубоко в себя, созерцая тайный ужас. Он всхлипнул и вдруг резко повернулся ко мне всем корпусом. В его глазах застыла безысходная тоска. Он протянул руки, пытаясь вцепиться мне в горло. Скованный в движениях рулем, я потянулся к дверной ручке, чтобы получить пространство для действий. Но Карл опередил меня. Его большие ладони сомкнулись у меня на шее. Я ударил его по лицу правой рукой, но он был невменяем.

Его большое лицо с выступившими бисеринками пота приблизилось вплотную и казалось безмятежным. Он затряс меня. Дневной свет стал тускнеть.

— Отвали,— прохрипел я.— Кретин.— Но слова прозвучали подобно карканью.

Я снова ударил его, но безрезультатно, так как не мог размахнуться. Он расцепил пальцы и нанес мне сильный удар в челюсть. Я потерял сознание.

Очнулся я в сухой канаве, рядом с отпечатками шин моей машины. Когда я поднялся, перед глазами плыла и качалась шахматная доска полей. Я ощущал себя невероятно маленьким, словно булавка на географической карте.

Глава 5

Я снял куртку, выбил из нее пыль и побрел в клинику. Она выглядела, словно город-государство посреди собственных полей. Стены заменяли холмы, зубчатые, лишенные растительности, окружавшие больницу с трех сторон. Безликие бетонные здания отделялись друг от друга широкими аллеями. Люди, прогуливавшиеся по тротуару, выглядели почти так же, как люди в любом другом месте, с той лишь разницей, что здесь они не спешили, им некуда было спешить. Это залитое солнцем место с его массивными, загадочными зданиями производило впечатление чего-то нереального, возможно, только потому, что никто никуда не спешил.

Из-за припаркованной машины появился толстый человек в синих джинсах и уверенно подошел ко мне. Тихим благовоспитанным голосом он поинтересовался, не хочу ли я купить у него кожаный футляр для ключей от машины.— Это очень хорошая кожа ручной выделки, сэр, выделана в больнице.— Он показал футляр.

— Сожалею, но мне он не нужен. Куда обратиться, чтобы получить информацию о пациенте?

— Зависит от того, в каком он отделении.

— Этого я не знаю.

— Вам следует справиться в административном корпусе.— Он указал в сторону нового светлого здания, стоявшего на перекрестке двух аллей. Но ему не хотелось отпускать меня.— Вы приехали на автобусе?

— Нет, пешком.

— Из Лос-Анджелеса?

— С полдороги.

— И без машины, э?

— Мою машину угнали.

— Не повезло. Сам я живу в Лос-Анджелесе, знаете ли. У меня большой «бьюик», с багажником и откидным сидением, отличная машина, скажу я вам. Жена держит его в гараже на колодках. Говорят, это сохраняет покрышки.

— Прекрасная мысль.

— Точно,— сказал он.— Хочется держать машину в хорошем состоянии.

Ко входу в административное здание вели широкие бетонные ступени. Надев куртку на мокрую рубашку, я вошел в стеклянные двери. Сидевшая за столиком инфор-

мации холеная брюнетка встретила меня ослепительной профессиональной улыбкой.— Чем я могу вам помочь, сэр?

— Мне хотелось бы повидать заведующего.

Ее улыбка застыла.— Сегодня у него весь день расписан по минутам. Могу я спросить, как ваше имя?

— Арчер.

— По какому вопросу вы хотите с ним встретиться, м-р Арчер?

— Дело конфиденциальное.

— Насчет кого-нибудь из наших пациентов?

— В общем, да.

— Вы — его родственник?

— Нет.

— Кто тот пациент, которым вы интересуетесь, и в чем именно заключается ваш интерес?

— Я бы приберег это для заведующего.

— Возможно, вам придется прождать все утро. У него одно за другим несколько совещаний. Не могу обещать, что даже после их окончания он сможет выкроить для вас время.

Подано деликатно, однако меня отфутболивали. Поскольку никак нельзя было сокрушить ее твердую позицию сторожевого пса, я двинулся напролом:

— Вчера вечером сбежал один из ваших пациентов. Он буйный.

Она сохраняла безмятежный вид.— Вы хотите обратиться с жалобой?

— Не совсем. Мне нужен совет.

— Может, я смогу помочь вам, если вы назовете имя пациента. Иначе трудно сказать, кто из врачей наблюдает за ним.

— Карл Холлман.

Ее тонкие брови взметнулись: она узнала имя.— Пожалуйста, присядьте, сэр, я постараюсь, разузнать для вас что-нибудь.

Она подняла трубку одного из стоявших перед ней телефонов. Я сел и закурил сигарету. Утро было еще раннее, и я оказался единственным посетителем. Я огляделся — разноцветная мебель и блестящий кафельный пол были призваны поднимать настроение. Я и сам немного взбодрился, когда появилась стайка молодых медсестер и с веселым щебетанием двинулась по коридору.

Женщина за столиком опустила трубку на рычаг и поманила меня пальцем.— Д-р Брокли примет вас. Он

сейчас у себя. Его кабинет в следующем здании по главному коридору.

Следующее здание оказалось громадным. Центральный коридор выглядел настолько длинным, что в нем можно было проводить соревнования по бегу на спринтерские дистанции. После службы в армии большие помещения угнетали меня: множество дверей и ходов, канцелярщина, свои правила игры, подкуп, спешка и ожидание. Лишь изредка встречаются люди, у которых хватает умения не дать громадной машине рухнуть под тяжестью собственного веса.

Дверь с табличкой, на которой значилось имя д-ра Брокли, была открыта. Он вышел из-за стола — среднего роста, средних лет мужчина в сером костюме в «елочку» и коротко, крепко пожал мне руку.

— Мистер Арчер? Сегодня удалось освободиться пораньше, и я могу уделить вам пятнадцать минут. Потом я должен проводить осмотр.

Он усадил меня на стул с прямой спинкой, стоявший впритык к стене, принес пепельницу, сел за свой стол у окна. Двигался он быстро, а когда сел, замер в неподвижности. Его лысый череп и внимательные, цепкие глаза придавали ему сходство с ящерицей, выслеживающей добычу.

— Насколько я понимаю, у вас жалоба на Карла Холлмана. Надеюсь, вы понимаете, что больница не отвечает за его поступки. Мы — сторона заинтересованная, но ответственности не несем. Он ушел отсюда без разрешения.

— Мне это известно. Он сам сказал.

— Вы — приятель Холлмана?

— Я вообще с ним не знаком. Он заявился сегодня рано утром ко мне домой, чтобы попросить о помощи.

— О какой помощи шла речь?

— Это весьма запутанная история, связанная с его семьей. Думаю, в ней много чистого вымысла. Похоже, его главным образом тревожит то, что он ощущает себя виноватым в смерти отца. Он хочет избавиться от этого чувства. Поэтому он и обратился ко мне. Видите ли, я — частный детектив. Ему рекомендовал меня кто-то из его друзей.

Когда я назвал свою профессию, вернее, одну из профессий, температура упала. Доктор ледяным голосом сказал:

— Если вы пытаетесь получить информацию о семье, то я не могу вам ее дать.

— Да нет же. Я подумал, что лучшая услуга, которую

я могу оказать Холлману, это вернуть его сюда. Я уже было уговорил его, и мы почти достигли цели. Но потом он заволновался и полез в драку. По сути дела,— мне не хотелось в этом признаваться, так как было стыдно,— он захватил меня врасплох и украл мою машину.

— То, что вы рассказываете, на него не похоже.

— Ну, может, я не так выразился, может, он и не украл. Он расстроился и, я полагаю, не понимал, что творит. Но он взял машину, а я хочу получить ее обратно.

— Вы уверены в том, что он ее взял?

Еще один бюрократ, подумалось мне, явный волокитчик, на уме лишь бумаги да циркуляры. Из этой братии. Я сказал:

— Сознаюсь, доктор. Машины у меня никогда не было. Всё это мне приснилось. Машина выступала как сексуальный символ, и когда она исчезала, это означало, что я начинаю новый жизненный этап.

На его лице, когда он ответил, не промелькнуло никакого выражения — ни улыбки, ни хмурого взгляда: — Я хочу сказать: вы уверены, что машину угнал он, а не тот, другой? С ним бежал еще один пациент. Разве они не были вместе?

— Я видел только одного. А кто второй?

Д-р Брокли вынул историю болезни из картотеки и углубился в ее содержимое или только сделал вид, что читает.— Обычно,— сказал он, помедлив,— мы не обсуждаем дела наших пациентов с посторонними. С другой стороны, мне бы хотелось...— Он захлопнул папку и бросил ее на стол.— Позвольте я сформулирую вопрос иначе. Что вы собираетесь предпринять в связи с угоном машины? Разумеется, хотите, чтобы Холлмана привлекли к ответственности.

— Разве?

— А разве нет?

— Нет.

— Почему нет?

— Полагаю, его место в больнице.

— Почему вы так считаете?

— Он в бегах и может быть опасен. Он — крепкий парень. Не хочу прослыть паникером, но он пытался задушить меня.

— Правда? А вы не преувеличиваете?

Я показал ему следы на шее. Д-р Брокли на секунду забылся и позволил себе проявить чувство, похожее на сострадание, которое промелькнуло, словно проблеск света.— О черт, сочувствую.— Но сочувствовал он скорее сво-

ему пациенту.— Карл так хорошо вел себя последние несколько месяцев — никаких нарушений. Что же могло вывести его из себя, не знаете?

— Может, мысль о возвращении сюда — это случилось как раз на пути в клинику. Ситуция сложилась в некотором роде неординарная. Я позволил ему разговориться о семье, а затем допустил ошибку, начав с ним спорить.

— О чем — помните?

— О его товарище по клинике. Карл сказал, что тот — наркоман. И еще он утверждал, что этот человек дал ему компрометирующий материал на одного знакомого врача, некоего д-ра Грантленда.

— Я знаю его. Он — домашний врач Холлманов. Кстати, Грантленд способствовал направлению Карла в клинику. Естественно, Карл настроен против него.

— Карл обрушился на него с обвинениями. Не рискну воспроизводить их, во всяком случае другому врачу.

— Как вам угодно.— Лицо Брокли вновь приняло бесстрастное выражение.— Вы говорите, что источником информации послужил другой пациент,— наркоман?

— Именно так. Я посоветовал Карлу взвесить достоверность этой информации. А он решил, что я назвал *его* лгуном.

— Как фамилия наркомана?

— Он отказался назвать ее.

Брокли задумчиво сказал: — Человек, который бежал с ним вчера, употреблял героин. Он, конечно, такой же пациент, как все — мы ко всем относимся одинаково — но он совсем другой, нежели Карл Холлман. Несмотря на свой недуг, Карл по сути наивный и идеалистически настроенный молодой человек. Потенциально ценная личность.— Доктор разговаривал скорее сам с собой.— Не хотелось, чтобы он попал под влияние Тома Рики.

— Вы сказали — Том Рика?

Но доктор уже снял телефонную трубку: — Мисс Париш. Говорит д-р Брокли. Будьте добры, папку Тома Рики. Нет, принесите ее в мой кабинет.

— Я когда-то знавал человека по имени Том Рика,— заговорил я,— когда он положил трубку на рычаг.— Ну-ка, ну-ка, ему было восемнадцать примерно десять лет тому назад, когда он закончил среднюю школу в Комптоне. Сейчас ему должно быть лет 28—29. Сколько лет другу Карла Холлмана?

— Двадцать восемь или двадцать девять,— сухо отве-

тил Брокли.— Выглядит, правда, намного старше. Влияние героина и всего, связанного с его употреблением.

— Этот Рика состоит на учете, а?

— Да, состоит. Я считал, что ему здесь не место, но начальство полагало, что его можно вылечить. Может, и можно, как знать. Может, и можно. У нас было несколько случаев, когда подобные наркоманы излечивались. Но этот не излечится, разгуливая по округе.

В дверь постучали. Вошла молодая женщина с папкой и передала ее Брокли. Женщина была высокого роста и внушительных пропорций, с высокой грудью и достойными этой груди плечами. Ее черные волосы были стянуты в тугой пучок. Платье строгого покроя, вероятно, должно было скрывать ее женственность, впрочем, без особого успеха.

— Мисс Париш, познакомьтесь — это м-р Арчер,— сказал Брокли.— М-р Арчер случайно встретился сегодня утром с Карлом Холлманом.

В ее темных глазах вспыхнул огонек участия.— Где вы видели его?

— Он явился ко мне домой.

— С ним все в порядке?

— Трудно сказать.

— Произошла маленькая неприятность,— вклинился Брокли.— Ничего особенно серьезного. Я проинформирую вас позже, если желаете. Сейчас я спешу.

Она восприняла это, как упрек.— Простите, доктор.

— Не надо извиняться. Я знаю, что вас заинтересует случившееся.

Он раскрыл папку и принялся перелистывать страницы. Мисс Париш поспешно вышла, ударившись бедром о дверной косяк. Ее бедра предназначались для деторождения и сопряженных с этим действий. Брокли откашлялся, возвращая мое внимание к себе:

— Комптоновская средняя школа. Рика — именно тот парень, о котором вы говорили.

Глава 6

Я не был удивлен, а лишь разочарован. Том принимал участие в послевоенных молодежных бунтах, направленных на свержение авторитетов и неподчинение властям. Но, по моему мнению, его еще можно было вытащить. Я помог ему: Тома выпустили на поруки после первого серьезного

приговора за угон автомобиля. Затем научил его немного боксу и стрельбе, пытался научить некоторым другим вещам, которые полагается знать мужчине. Ну, по крайней мере, он запомнил мое имя.

— Что же случилось с Томом?

— Кто знает? Он пробыл у нас недолго, и мы не успели заняться им вплотную. Откровенно говоря, мы не тратим много времени на индивидуальную работу с наркоманами. В основном, излечение — их собственная забота. Некоторые выкарабкиваются, некоторые нет.— Он посмотрел на лежавшую перед ним папку.— За Рикой тянутся кое-какие делишки. Мы должны уведомить полицию о его побеге.

— А как насчет Карла Холлмана?

— Я сообщил его семье. Они свяжутся с Остервельтом, шерифом Пуриссимы — он знает Карла. Я бы предпочел действовать неофициально, если вы ничего не имеете против. На вашем месте я не стал бы заявлять об угоне, а дал Карлу шанс поразмыслить о случившемся.

— Вы полагаете, он образумится и вернет машину?

— Не удивлюсь. По крайней мере, мы дали бы ему шанс.

— Он не опасен, как по-вашему?

— Всякий человек опасен при определенных обстоятельствах. Я не могу предсказывать поведение человека в каждом конкретном случае. Я знаю, Карл вел себя с вами грубо. И все же, что касается Холлмана, я бы не рискнул. В его больничной карте не зафиксировано ничего предосудительного. Есть еще и другие соображения. Вы знаете, что бывает, когда пациент уходит отсюда — с разрешения или без него — и попадает в какую-нибудь неприятную историю. Газеты раздувают шумиху, затем подключается общественность, требующая, чтобы мы вернулись к временам змеиных ям — запереть всех чокнутых под замок и забыть об их существовании.— Голос Брокли звучал скорбно. Он провел рукой по губам, оттянув уголок рта.— Вы согласны немножко подождать, м-р Арчер? Я пока распоряжусь, чтобы вас отвезли в город.

— Сперва мне бы хотелось получить ответы на некоторые вопросы.

— Я уже запаздываю с обходом.— Он взглянул на часы и пожал плечами.— Ладно. Валяйте.

— Карла содержали здесь после того, как миновал кризис, по настоянию его брата Джерри?

— Вовсе нет. По решению врачей, в основном, по моему решению.

— Он говорил вам, что винит себя в смерти отца?

— Много раз. Я бы сказал, что чувство вины было определяющим в его болезни. Это же чувство он связывал и со смертью матери. Ее самоубийство было для него большим ударом.

— Она покончила жизнь самоубийством?

— Да, несколько лет тому назад. Карл думал, что она сделала это, потому что он разбил ее сердце. Типичное свойство психических больных — винить себя за все, что происходит. Вина — наш самый ходовой товар здесь.— Он улыбнулся.— Мы его раздариваем.

— У Холлмана тяжелый груз на душе.

— Постепенно он уже избавлялся от него. И шокотерапия помогла. Некоторые из моих пациентов утверждают, что шокотерапия удовлетворяет их потребность в наказании. Возможно, так оно и есть. Мы еще не изучили механизм ее действия.

— Насколько он сумасшедший, можете мне сказать?

— Карл был маниакально депрессивен, маниакальная фаза, когда его доставили. Сейчас уже нет, если он только не взвинтил себя. В чем я сомневаюсь.

— Насколько это вероятно?

— Все зависит от того, что с ним произойдет.— Брокли встал и вышел из-за стола. Он добавил небрежным голосом, в то же время пристально глядя на меня сверху вниз: — Вам не следует думать, что вы несете хоть какую-нибудь ответственность.

— Намек понял. Отваливай.

— Во всяком случае, на время. Оставьте номер своего телефона у мисс Париш, это на первом этаже. Если ваша машина найдется, я вам сообщу.

Брокли открыл дверь, вышел следом за мной и быстрым шагом удалился. Спустившись вниз, я нашел дверь с табличкой, на которой значилось имя мисс Париш и ее должность «Общественный психиатр». На мой стук она открыла дверь.

— Я так и надеялась, что вы заглянете, м-р Арчер, я не ошиблась? Присядьте, пожалуйста.

Мисс Париш указала на стул с прямой спинкой, стоявший рядом с ее столом. Кроме шкафа с картотекой, стол и стул служили единственной мебелью, обставлявшей маленький кабинет. Он был более голым, чем монашеская келья.

— Спасибо, я постою, не стану задерживать вас. Док-

тор попросил, чтобы я оставил вам номер своего телефона на тот случай, если наш друг передумает и вернется.

Я продиктовал номер. Сев за стол, она записала его в блокнот. Затем окинула меня ясным пристальным взглядом, от которого мне стало как-то не по себе. Вообще-то при виде высоких женщин, сидящих за служебным столом, я всегда чувствую себя неуверенно. Вероятно, это началось с заместителя директора неполной средней школы в Уилсоне, которая неодобрительно относилась к моим остроумным затеям, в частности, к живой наживке, которую я приносил с собой в термосе. Замдиректорская Травма с Синдромом Арчера. Больничная атмосфера навевала подобные мысли.

— Вы не являетесь непосредственным родственником м-ра Холлмана или близким другом.— В конце утверждения интонация поднялась, и получился вопрос.

— До сегодняшнего дня я никогда с ним не встречался. Меня в основном волнует судьба моей машины.

— Я не понимаю. Вы хотите сказать, что ваша машина у него?

— Он отобрал ее у меня.— Поскольку слушала она с интересом, я обрисовал обстоятельства, при которых это произошло.

Глаза ее потемнели, словно грозовые тучи.— Не могу поверить.

— А вот Брокли поверил.

— Извините, я вовсе не хочу сказать, что сомневаюсь в ваших словах. Просто дело в том... эта вспышка не вяжется с тем, как продвигались дела у Карла в клинике. Он делал такие замечательные успехи... помогал нам ухаживать за менее стабильными пациентами... Но, конечно же, вас это не интересует. Вы, естественно, возмущены потерей машины.

— Ну, не то чтобы очень. У Карла куча неприятностей. Могу и потерпеть немного, если это ему поможет.

Она посмотрела на меня с возросшим дружелюбием.— Вы говорите так, будто разговаривали с ним.

— Говорил в основном он. Я уже было доставил его обратно к вам.

— Не казался ли он неуравновешенным? То есть, я хочу спросить, помимо того взрыва?

— Мне доводилось сталкиваться с людьми в более плохом состоянии, однако не мне судить. Он очень резко отзывался о своей семье.

— Да, я знаю. Он надломился прежде всего из-за

смерти отца. Первые несколько недель Карл ни о чем больше не говорил. Но потом успокоился, во всяком случае так мне казалось. Конечно, я не профессиональный психиатр. С другой стороны, мне приходилось соприкасаться с Карлом гораздо больше, чем кому-либо из специалистов.— Она добавила мягко: — Он славный человек, скажу я вам.

В сложившихся обстоятельствах ее благосклонность мне не понравилась. Я сказал: — Он избрал странный способ продемонстрировать это.

Эмоциональная экипировка мисс Париш оказалась под стать великолепной физической экипировке. В глазах ее вновь сгустились грозовые тучи, на сей раз с молнией.— Он не виноват! — воскликнула она.— Разве вы не видите? Нельзя его осуждать.

— Ладно. Так и запишем.

Мой ответ, казалось, успокоил ее, хотя она и продолжала хмуриться.— Не могу представить себе, что его подхлестнуло. Учитывая то состояние, в котором его доставили, он был самым многообещающим пациентом во всем отделении. Через два или три месяца его, вероятно, выписали бы домой. Карлу ни к чему было убегать, и он это знал.

— Не забывайте, что с ним находился второй. Возможно, Том Рика изрядно потрудился, подстрекая Карла.

— А что, Том Рика сейчас с ним?

— Карл пришел ко мне один.

— Это хорошо. Не следует говорить подобные вещи о пациенте, но Том Рика вряд ли излечится. Он — наркоман и лечится не в первый раз. И, боюсь, не в последний.

— Жаль. Я знавал его подростком. У него уже тогда имелись неприятности, но малый он был смышленый.

— Странно, что вы знакомы с Рикой,— проговорила она с нотками подозрения.— Разве это не удивительное совпадение?

— Нисколько.— Том Рика направил Карла Холлмана ко мне.

— Значит, они вместе?

— Они бежали отсюда вместе. А потом, похоже, разошлись каждый своей дорогой.

— О, хотелось бы надеяться. Наркоман в поисках наркотиков и легкоранимый молодой человек вроде Карла — из них может получиться взрывоопасная комбинация.

— Не очень вероятная комбинация,— возразил я.— Как случилось, что они стали приятелями?

— Я бы не назвала их приятелями. Их направили сюда

из одной и той же местности, и Карл помогал ухаживать за Рикой в палате. У нас вечная нехватка медперсонала и санитаров, поэтому окрепшие больные помогают присматривать за теми, кто в худшем состоянии. Рику доставили в плохом состоянии.

— Когда это было?

— Пару недель тому назад. У Рики началась ломка, его всего корежило — не мог ни есть, ни спать. Карл обращался с ним, как настоящий святой, я имела возможность наблюдать за ними. Если бы я знала, к чему это приведет, то я бы...— Она замолчала и прикусила нижнюю губу.

— Вам нравится Карл,— произнес я нейтральным тоном.

Молодая женщина вспыхнула и ответила довольно резко: — Вам бы он тоже понравился, если бы вы знали его в нормальном состоянии.

Может и понравился бы, промелькнуло у меня в голове, но совсем иначе, чем мисс Париш. Карл Холлман — красивый парень, а красивый парень да еще попавший в беду — двойная угроза для женского сердца и тройная угроза, если он нуждается в материнской заботе.

Поскольку я в ней не нуждался, и мне ее не предложили, я откланялся.

Глава 7

Я отправился по адресу жены Карла, который он мне дал, и оказался неподалеку от шоссе в старом районе Пуриссимы. Шум проезжавшего по шоссе транспорта неровно пульсировал в полуденной тишине, словно поврежденная артерия. Большинство домов представляли собой хижины с проступавшими в стенах балками или оштукатуренные коробки в стиле архитектуры тридцатилетней давности. Изредка встречались и более старинные постройки — трехэтажные особняки, пережившие эпоху элегантности и оказавшиеся в эпохе нужды.

Дом № 220 принадлежал к последним. Его мрачный, замкнутый лик казался сконфуженным. Белые каменные стены нуждались в покраске. Трава в садике перед домом выросла и завяла, не тронутая человеческой рукой.

Я попросил водителя такси подождать и постучал во входную дверь, которую венчало веерообразное окно со стеклом рубинового цвета. Пришлось стучать несколько

раз, прежде чем раздался звук отпираемого замка, и дверь нехотя приоткрылась.

Возникшая в образовавшемся проеме женщина обладала ненатурально рыжими волосами, уложенными на лбу челкой. На неподвижном лице, словно газовые горелки, горели голубые глаза. Рот был выкрашен кричащей помадой, которой, видимо, она только что воспользовалась, уступая внешним приличиям. Второй и последней уступкой являлся розовый нейлоновый халат, из выреза которого выпирала, грозя вывалиться, грудь. На вид женщине было под пятьдесят. Она не могла быть миссис Карл Холлман. Во всяком случае я надеялся на это.

— Миссис Холлман дома?

— Нет, Милдред нет. Я — миссис Глей, ее мама.— Она бессмысленно улыбнулась. На зубах отпечатались следы помады, блеснувшие, словно свежая кровь.

— Вы по какому-нибудь делу?

— Мне очень нужно ее повидать.

— Насчет... этого?

— То есть м-ра Холлмана?

Она кивнула.

— Да, я хотел бы поговорить с ним.

— Поговорить с ним! С ним невозможно разговаривать. Вы можете с таким же успехом говорить с каменной стеной — биться об нее головой — и все впустую.— Хотя миссис Глей выглядела обозленной и напуганной, говорила она тихим, монотонным голосом. Изо рта шел тяжелый дух, перебиваемый запахом таблеток сен-сена. Я и вдыхал, и ощущал его.

— А м-р Холлман дома?

— Нет, спасибо Господу за маленькие милости. Карл здесь не появлялся. Но я ожидаю его с той минуты, как Милдред позвонили из клиники.— Ее взгляд скользнул мимо меня на улицу, потом вновь вернулся ко мне.— Это ваше такси?

— Мое.

— Слава Богу? Вы из больницы?

— Только что оттуда.

Я рассчитывал на неверное истолкование моих слов, но ее реакция тут же заставила меня пожалеть об этом.

— Почему вы не запрете их там понадежнее? Как вы могли допустить, чтобы сумасшедшие разгуливали, где попало. Если бы вы знали, что пережила моя девочка из-за этого человека — просто ужас! — Она сделала незаметный переход от выражения материнской заботы к собственной

персоне: — Временами мне кажется, что именно я исстрадалась больше всех. Какие надежды я связывала с этой девочкой, какие строила планы, и вдруг она приводит *этого* в нашу семью. Я просила ее, умоляла остаться дома сегодня. Но нет, она ушла на работу, словно без нее там все остановится. Она нарочно оставляет меня одну, чтобы я вся извелась.

Она прижала руки к груди, и между пальцами, словно поднявшееся тесто, проступила белая плоть.

— Как несправедливо. Мир такой жестокий. Работаешь, надеешься, строишь планы, и затем все летит в тартарары. Я не заслужила этого.— По щекам женщины скатились несколько редких слезинок. Она вынула из рукава скомканный бумажный носовой платок и вытерла им глаза. Они блестели, незамутненные переживаниями, с необыкновенной яркостью. Я спросил себя, какой источник питал их.

— Простите, миссис Глей. Я только что подключился к этому делу. Моя фамилия Арчер. Разрешите войти и побеседовать с вами?

— Входите, если угодно. Не знаю, что *я-то* могу рассказать. Милдред обещала прийти после двенадцати.

Она двинулась вдоль темного коридора, немолодая опустившаяся женщина, но в ее осанке, в походке еще ощущалось некоторое величие — былая красота и грация держали в узде ее тело. Она остановилась возле арочного дверного проема, завешанного шторами, из-за которых доносились приглушенные голоса.

— Пожалуйста, проходите и садитесь. Я как раз собиралась переодеться к ленчу. Пойду накину на себя что-нибудь.

Она стала подниматься по лестнице, начинавшейся в конце коридора. Я раздвинул шторы и вошел в полутемную гостиную, где светился экран телевизора. Поначалу люди на экране воспринимались как нереальные тени. После нескольких минут сидения перед телевизором они стали более реальными, чем сама комната. Экран превратился в окно, за которым при ярком свете жизнь шла своим чередом, и прекрасная актриса никак не могла решить, что ей выбрать — сделать карьеру или родить ребенка, и она, наконец, выбрала и то, и другое. Окна гостиной, где я находился, были наглухо задернуты.

В мерцающем свете экрана я заметил пустой бокал, стоявший на кофейном столике рядом со мной. Бокал попахивал джином. Чтобы занять чем-нибудь руку, я поша-

рил в поисках бутылки. Она оказалась спрятанной за подушкой в моем стуле,— наполовину опустошенная бутылка джина «Гордонз», прозрачного, словно слеза. Ощутив некоторую неловкость, я вернул бутылку на прежнее место. Женщина на экране произвела на свет ребенка и протянула мужу, чтобы тот полюбовался своим отпрыском.

Открылась входная дверь и тут же захлопнулась. По коридору простучали быстрые каблучки, остановившиеся возле арочного проема. Я стал подниматься со стула. Женский голос спросил:

— Кто это — Карл? Это ты, Карл?

Она обладала высоким голосом и при свете телевизора выглядела очень бледной, словно спроецированной с экрана. Она пошарила рукой за шторами, нащупывая выключатель. Над моей головой вспыхнуло тусклое освещение.

— О! Простите. Я подумала, что это кто-то другой.

Она была молода, небольшого роста, с красиво посаженной маленькой головкой, изящные линии которой подчеркивала короткая мальчишеская стрижка. Темный деловой костюм обтягивал ее тело, как виноградная кожица обтягивает мякоть. Она держала перед собой, словно щит, блестящий пластиковый пакет черного цвета.

— Миссис Холлман?

— Да.— Ее взгляд спрашивал: а кто вы, и что вы здесь делаете?

Я представился.— Ваша мама попросила меня присесть на минутку.

— Где мама? — Она старалась говорить спокойным тоном, но глядела на меня с подозрением, словно я спрятал тело ее матери в шкаф.

— Она наверху.

— Вы полицейский?

— Нет.

— Я просто так спросила. Она позвонила мне на работу полчаса назад и сказала, что собирается обратиться в полицию за охраной. Я не могла вырваться со службы раньше.

Она вдруг замолчала и оглядела комнату. Обстановка могла бы сойти за антикварную, если бы отличалась оригинальностью. Ковер был потерт, обои поблекли и покрылись коричневыми пятнами. Мохеровая обивка дивана, такая же, как и на моем стуле, местами порвалась и из нее лезла труха. С кофейного столика, на котором стоял пустой бокал, отслаивался шпон из красного дерева. Не прихо-

дилось удивляться тому, что миссис Глей утреннему свету предпочитала полумрак, джин и телевизор.

Миссис Холлман промелькнула мимо меня с быстротой птички, схватила бокал и принюхалась.— Так я и думала.

За ее спиной на экране мужчина-ведущий, впрочем, не совсем уж и мужчина, советовал женщинам, как избавиться от запаха пота и стать любимой. Миссис Холлман с бокалом в руке повернулась к телевизору. На секунду я подумал, что она запустит бокалом в экран. Вместо этого она нагнулась и выключила телевизор. Свет на экране медленно померк, словно сон.

— Это мама наливала?

— При мне — нет.

— Кто-нибудь еще приходил?

— Насколько я знаю, нет. Но ваша мать неплохо придумала. Я имею в виду полицейскую охрану.

С минуту она молча глядела на меня. Глаза ее были такого же цвета, как и у матери, и излучали такую же энергию, которую я ощущал почти физически. Ее взгляд соскользнул на бокал, который она держала в руке. Ставя его на столик, миссис Холлман обернулась вполоборота ко мне, и я не видел ее лица, когда она спросила: — Вы знаете о Карле? Мама говорила вам?

— Утром я имел беседу с д-ром Брокли в клинике. До этого между мной и вашим мужем произошла стычка. Фактически он взял мою машину.— Я рассказал ей, как все произошло.

Она слушала с опущенной головой, покусывая палец, словно загрустивший ребенок. Но во взгляде, который она бросала на меня, не было ничего детского. У меня возникло ощущение, будто именно ей пришлось пережить больше всех в семейной драме. В ее позе и в интонации сквозило смирение.

— Мне очень жаль. Он никогда не делал ничего подобного.

— Мне тоже жаль.

— Почему вы пришли сюда?

У меня было припасено несколько объяснений, среди них и весьма туманные. Я выбрал самое простое.— Я хочу получить назад свою машину. Если заняться этим самому и не заявлять в полицию о краже...

— Но вы же сказали, что нам следует вызвать полицию.

— Ну да, для охраны. Ваша мать напугана.

— Маму напугать очень легко. Но не меня. В любом

случае для страха нет никаких оснований. Карл никогда никого не обижал, не говоря уже о маме и обо мне. Иногда он слишком много говорит, но этим дело и ограничивается. Я его не боюсь.— Она посмотрела на меня проницательным и очень женским взглядом.— А вы?

В данных обстоятельствах я счел необходимым сказать, что тоже не боюсь. Хотя не был в этом уверен. Возможно, тут и крылась причина моего прихода сюда — запрятанная в глубинах подсознания, но перевешивающая все другие мотивы.

— Я всегда умела обращаться с Карлом,— заявила она.— И никогда бы не позволила им запихнуть его в клинику, если бы могла устроить его здесь и присматривать за ним. Но ведь кто-то должен работать.— Она нахмурилась.— Что-то мама не идет. Извините, я отлучусь на минутку.

Она вышла из комнаты и стала подниматься по лестнице. Зазвонивший телефон заставил ее вернуться в коридор. Откуда-то сверху послышался голос матери:

— Это ты, Милдред? Телефон звонит.

— Слышу. Я возьму трубку.— Я услышал, как она подняла трубку.— Это Милдред. Зинни? Что тебе?.. Ты уверена?.. Нет, не могу. В самом деле не могу... Я не верю этому...— Затем, повысив голос: — Ну *ладно*. Я приду.

Трубка опустилась на рычаг. Я подошел к двери и выглянул в коридор. Милдред прислонилась к стене рядом с телефонным столиком. Лицо ее посерело, глаза блестели от переживания. Взгляд Милдред переместился в мою сторону, но был настолько обращен внутрь, что думаю, она меня просто не заметила.

— Плохие новости?

Она молча кивнула и прерывисто вздохнула:

— Карл сейчас на ранчо. Его видел один из работников. Джерри нет дома, и Зинни перепугана.

— Где же Джерри?

— Не знаю. В городе, наверное. Он следит за уровнем цен на бирже ежедневно до двух часов. По крайней мере, раньше он так делал.

— Чем же она напугана?

— У Карла револьвер.— Говорила она тихим, несчастным голосом.

— Вы уверены?

— Так сказал человек, который видел его.

— Как вы считаете, он может воспользоваться оружием?

— Не думаю. Я волнуюсь не из-за него, а из-за других — что будет с Карлом, если начнется стрельба.

— Другие — это кто?

— Джерри, шериф и его помощники. Они всегда подчинялись приказам Холлманов. Я должна пойти, разыскать Карла и поговорить с ним до того, как Джерри вернется на ранчо.

Но она не двигалась с места. Она словно одеревенела — стояла, прислонившись к стене, сцепив пальцы опущенных рук и от напряжения не могла сделать ни шагу. Когда я прикоснулся к ее локтю, она отпрянула:

— Да?

— Меня ждет такси. Я подвезу вас.

— Нет. Такси стоит денег. Мы поедем на моей машине.— Она подняла сумку и зажала ее под мышкой.

— Куда поедешь? — прокричала миссис Глей с верхних ступенек лестницы.— Ты куда собралась? Ты не оставишь меня одну.

Миссис Глей вихрем спустилась вниз. На ней было нечто вроде утреннего туалета, взметнувшегося складками за спиной, наподобие хвоста растрепанной кометы. Она покачнулась и тяжело привалилась к колонне.— Ты не можешь оставить меня одну,— повторила она.

— Извини, мама. Я должна поехать на ранчо. Карл там, так что тебе нечего волноваться.

— Нечего волноваться, хорошенькое дельце. Я волнуюсь за собственную жизнь, всего-навсего. И в такую минуту твое место должно быть рядом с матерью.

— Ты говоришь ерунду.

— Разве? И это когда я прошу всего лишь капельку любви и сострадания от родной дочери?

— Ты получила все, что у меня есть.

Молодая женщина отвернулась и направилась к двери. Мать последовала за ней, неповоротливый призрак, оставляющий за собой складки пожелтевшей материи и могучий запах сен-сена. То ли ранние возлияния начали с запозданием оказывать свое воздействие, то ли она хранила наверху еще одну бутылку. Она пустила в ход свою последнюю мольбу или угрозу:

— Я пью, Милдред.

— Я знаю, мама.

Милдред открыла дверь и вышла на улицу.

— И тебе все равно? — выкрикнула ей вслед мать.

Миссис Глей, стоя в дверном проеме, повернулась ко мне, и я прошел мимо. Свет, падавший из окна над дверью,

делал ее лицо по-молодому розовым. Выглядела она, словно шаловливая девочка, которая пыталась решить, стоит забиться в истерике или нет. Я не стал дожидаться, какое решение она примет.

Глава 8

Автомобиль Милдред Холлман оказался старым черным «бьюиком» с откидным верхом. Он стоял припаркованный за моим такси на большом расстоянии от обочины. Я расплатился с шофером и забрался в машину. Милдред сидела на правом переднем сидении.

— Поведете сами, хорошо? — Я завел мотор, и она сказала: — Я разрываюсь между Карлом и мамой и совершенно измотана. Оба они нуждаются в сиделке и в конце концов этой сиделкой оказываюсь я. Нет, не думайте, что мне себя жаль, это не так. Хорошо, когда ты нужна.

Она говорила с какой-то понурой отвагой. Я посмотрел на нее. Она откинула голову на потрескавшееся кожаное сидение и закрыла глаза. Без их света и глубины лицо ее походило на лицо тринадцатилетней девочки. Неожиданно для себя я почувствовал, как во мне шевельнулось знакомое, но забытое чувство. Оно начиналось в виде отеческой заботы, но затем быстро шло на убыль, если ослабить контроль над собой. А потом у Милдред был муж.

— Вы любите своего мужа,— сказал я.

Она сонно ответила: — Я от него без ума. Я по уши влюбилась в него в школе, первое и единственное сильное чувство, которое я когда-либо испытывала. В те дни Карл был важной персоной. Он совсем не замечал моего существования. А я все время надеялась.— Она помолчала и добавила тихо: — Я и сейчас надеюсь.

Я остановился на красный свет, затем повернул направо, на шоссе, идущее параллельно порту. Выхлопные газы смешивались с запахами рыбы и подводных нефтяных вышек. Слева от меня, за вереницей мотелей и ресторанов с морскими дарами лежало море, гладкое и плотное, словно голубой кафель, чисто подметенный и отполированный. На нем виднелись несколько белых прямых треугольников парусов.

Мы миновали шлюпочную гавань, ярко-белое на голубом, и длинный мол, усыпанный рыбаками. Все выглядело так же красиво, как на почтовой открытке. Твоя беда, сказал я себе, в том, что ты всегда переворачиваешь

открытки и читаешь текст на обратной стороне. Написанный невидимыми чернилами, кровью, слезами, с черной каемкой вокруг, со знаками почтовой оплаты, без подписи или с отпечатком большого пальца вместо подписи.

Повернув опять направо в начале главной улицы, мы двинулись через район третьеразрядных гостиниц, баров, крытых бассейнов. На полуденных тротуарах разгуливали, словно зомби, оглушенные солнцем и шерри безработные сезонные рабочие и праздношатающиеся. Здание мексиканского кинотеатра обозначало границу захудалого района. Дальше шли магазины, банки, учреждения, тротуары, пестревшие туристами или местными, одетыми, как туристы.

Со времени моего последнего приезда в Пуриссиму жилой массив увеличился и продолжал расти. Новые улицы и ряды домов взобрались на прибрежную возвышенность и устремились вверх по каньону. Главную улицу заасфальтировали, единственную здесь, и она двинулась спиралью вверх, через гряду. К улице примыкала широкая долина, покрытая густой орошаемой зеленью. Миль через двенадцать зелень вклинивалась между основаниями холмов и подступала к подножью гор.

Девушка рядом со мной зашевелилась.— Отсюда виден наш дом. Направо от дороги, посреди долины.

Я разглядел вытянутое низкое здание с черепичной крышей, которое словно плыло, как тяжелый плот, в зеленой траве. Мы съехали в низину, и дом исчез из вида.

— В этом доме я жила,— сказала Милдред.— И дала себе слово никогда туда не возвращаться. Знаете, здание может впитывать чувства, и через некоторое время оно обладает теми же эмоциями, что и живущие в нем люди. Все это сохраняется в трещинах на стенах, в пятнах от табачного дыма на потолке, в кухонных запахах.

Мне показалось, что она несколько рисуется — так или иначе, в ней проступило нечто от ее матери, но я помалкивал, надеясь на продолжение разговора.

— Жадность, ненависть, высокомерие,— сказала она.— Всякий, кто жил в этом доме, становится жадным, ненавидящим, высокомерным. Но только не Карл. Неудивительно, что он не смог приспособиться. Он совершенно не похож на остальных.— Она обернулась ко мне, и кожаная обивка под ней заскрипела.— Я знаю, о чем вы думаете — что Карл сумасшедший или был им, а я искажаю факты, как мне выгодно. И все же это не так. Карл хороший. Но именно лучшие зачастую не выдерживают.

А когда он сорвался, то произошло это из-за напряженных отношений в семье.

— Я так и понял из его слов.

— Он рассказывал вам о Джерри? Тот постоянно насмехался над Карлом, пытаясь вывести из себя, а потом бежал к отцу и обвинял брата во всех смертных грехах.

— Зачем?

— Из-за жадности,— ответила она.— Знаменитая холлмановская жадность. Джерри хотел единолично владеть ранчо. Карлу по наследству причиталась половина. Джерри делал все, чтобы испортить отношения Карла с отцом, и Зинни тоже. На самом деле это на их совести — та последняя крупная ссора накануне смерти сенатора. Карл рассказывал вам о ней?

— Вкратце.

— В общем, ее начали Джерри и Зинни. Они нарочно спровоцировали Карла на разговор о японцах, и он заявил, что семья в большом долгу перед ними из-за их земли... Я признаю, что Карл помешался на этой теме, но Джерри все подзуживал и подзуживал его, пока тот не взбесился. Когда Карл потерял над собой контроль, Джерри отправился к сенатору и попросил урезонить Карла. Можете себе представить, что тут началось. Их крики раздавались по всему дому.

В ту ночь у сенатора случился сердечный приступ. Ужасно говорить такое о человеке, но в смерти отца виноват Джерри. Возможно, он даже спланировал ее подобным образом: он ведь знал, что отцу нельзя волноваться. Я сама слышала, не раз и не два, как д-р Грантленд предупреждал семью об этом.

— А как насчет д-ра Грантленда?

— В каком смысле?

— Карл считает, что его подкупили.— Я заколебался, затем решил, что ей можно сказать: — В целом, обвинения Карла носят весьма серьезный характер.

— Думаю, что я все их слышала. Но продолжайте.

— Одно из обвинений — заговор. Карл полагал, что Грантленд и брат сговорились упечь его в клинику. Но врач в больнице сказал, что это не совсем так.

— Он прав,— ответила она.— Карл нуждался в стационарном лечении. Я подписала необходимые бумаги. Тут все честно. Но Джерри заставил нас одновременно подписать и другие бумаги, по которым он становился законным опекуном Карла. Я не знала, в чем тут смысл. Я думала, это необходимо для помещения Карла в больницу. Но

опекунство означает, что до тех пор, пока Карл болен, Джерри единолично распоряжается всем имуществом.

Ее голос зазвенел. Она спохватилась и сказала тише: — О себе я не думаю. В любом случае я туда никогда не вернусь. Но деньги нужны Карлу. Он мог бы получить самое квалифицированное лечение у лучших психиатров страны. Однако это меньше всего устраивает Джерри — увидеть своего брата здоровым. Тогда опекунству пришел бы конец, понимаете?

— Карл знал об этом?

— Нет, по крайней мере, я ему ничего не говорила. Он и без того зол на Джерри.

— Ваш свояк прелестно выглядит в этой истории.

— Да уж,— сказала она упавшим голосом.— Если бы мне сказали, что нужно спасти Джерри, я бы и пальцем не пошевелила. Ей-богу. Но вы же понимаете, что случится с Карлом, если он ввяжется в какую-нибудь историю. На его душе и так уже непомерный груз вины. Больше ему не под силу. Он может оказаться отброшенным назад на годы, или же вообще потерять надежду на излечение... Нет! Не хочу и думать об этом. Ничего не случится, ничего.

Она заерзала на сидении, отодвигаясь от меня, словно я олицетворял все то, чего она боялась. Дорога превратилась в зеленую борозду, проходящую через огромную апельсиновую рощу. Ряды деревьев, расходящиеся диагоналями от дороги, проносились в темпе стаккато. Милдред всматривалась в свободное пространство между рядами, ища глазами человека с соломенными волосами.

Впереди на обочине возник большой деревянный щит с надписью: «Цитрусовое ранчо Холлманов». Я притормозил перед поворотом, от чего шины жалобно взвыли, свернул и едва не наехал на крупного пожилого мужчину в форме шерифа. Он проворно отскочил, затем тяжелой поступью подошел к двери машины. Под белой шляпой с широкими полями виднелось разгоряченное лицо. На носу, словно ярко-красные черви, извивались прожилки. Его глаза выражали самоуверенную безучастность, которая приходит к людям, облеченным властью.

— Поосторожнее, дружище. Здесь проезда нет. Как ты думаешь, зачем я здесь? Загораю?

Милдред перегнулась через меня, касаясь теплой грудью моей руки.

— Шериф! Вы не видели Карла?

Мужчина заглянул в машину. Не тронутые загаром морщины обозначались резче, рот расползся в улыбке, но

глаза оставались столь же безучастными, как и прежде.— Ах это вы, миссис Холлман, здравствуйте, я вас поначалу не заметил. Наверное, слепну от старости.

— Вы видели Карла? — повторила она.

Он устроил из ответа целую церемонию, прошествовав к ее стороне машины и неся перед собой живот, словно подарок.

— Нет, сам я не видел. Но нам известно, что он находится на ранчо. Сэм Йоган видел его и даже поговорил с ним примерно час тому назад.

— Он был в себе?

— Сэм не говорил. А потом, что может знать об этом япошка-садовник?

— Кто-то упомянул про револьвер,— сказал я.

У шерифа опустились уголки рта.— Да, револьвер есть. Не понимаю, где только он его раздобыл.

— Какого калибра?

— Сэм сказал, револьвер не очень большой. Но любое оружие слишком большое, когда человек свихнулся.

Милдред тихо вскрикнула.

— Не волнуйтесь, миссис Холлман. Мы там расставили посты. Мы его поймаем.— Сдвинув шляпу на затылок, он прижался лицом к стеклу ее дверцы.— Вы бы лучше расстались со своим дружком до того, как мы и вправду поймаем вашего муженька. Карлу не понравится, что вы со своим дружком разъезжаете в его машине и прочее.

Она оглянулась на меня, ее рот вытянулся в узкую ниточку.— Это шериф Остервельт, м-р Арчер. Простите меня за невоспитанность. У шерифа Остервельта никогда ее и не было.

Остервельт ухмыльнулся.— Хотите расскажу анекдот, а?

— Вашего — не хочу,— сказала она, не глядя на него.

— Все еще сердитесь? Это пройдет, это пройдет.

Он положил тяжелую ладонь ей на плечо. Она столкнула ее обеими руками. Я стал выходить из машины.

— Не надо,— сказала она.— Он нарывается на стычку.

— На стычку? Только не я,— произнес Остервельт.— Я пытаюсь рассказать анекдот. Вы не хотите посмеяться. Это что, стычка между друзьями?

Я сказал: — Миссис Холлман ждут на ранчо. Я обещал ее подвезти. Мне вовсе не светит болтать с вами здесь до вечера.

— Я подброшу миссис Холлман до дома.— Остервельт рукой указал в сторону «Меркури спешл», стоявшего у

обочины, и похлопал по кобуре.— Карл прячется в роще, а у меня не хватает людей, чтобы прочесать ее. Милдред может понадобиться защита.

— Защита — это мое дело.

— Какого черта?

— Я — частный детектив.

— Надо же. Может, у вас имеется лицензия?

— Имеется. Она действительна во всех штатах. Ну так как, мы едем или остаемся здесь упражняться в остроумии?

— Конечно,— сказал он.— Я глуп, всего-навсего глупый дурак, и шутки у меня дурацкие. Но я при исполнении официальных обязанностей как-никак. Поэтому лучше бы вам показать мне лицензию, которая, как вы утверждаете, у вас имеется.

Двигаясь очень медленно, шериф обогнул машину и снова подошел к моей стороне. Я сунул ему в руку свой фотостат. Он прочел его вслух с ораторским пафосом, сделав паузу лишь для того, чтобы сверить описание моих примет с моей собственной персоной.

— Шесть футов два дюйма, почти метр девяносто,— повторил он.— Ничего себе. Можно влюбиться в эти прекрасные голубые глаза. Или серые. А, миссис Холлман? Вам-то лучше знать.

— Оставьте меня в покое,— сказала она еле слышно.

— Так и быть. Но лучше бы я вас сам подвез. У этого Голливуда прекрасные голубые глаза цвета пороха, но здесь,— он щелкнул указательным пальцем по моему фотостату,— ничего не говорится о том, сколько очков он выбивает по движущейся мишени.

Я выхватил черно-белую карточку из его руки, опустил ручной тормоз и нажал на газ. Не очень дипломатично, но всему есть свой предел.

Глава 9

Частная дорога, прямая, как линейка, вела через геометрический лабиринт апельсиновых деревьев. На полпути между шоссе и домом она расширялась перед упаковочными цехами, походившими на амбары. Фрукты на деревьях еще не созрели, и цеха, выкрашенные в красный цвет, были пустыми и казались заброшенными. За ними на пустыре стояли в ряд покосившиеся хибары, тоже пустые, предназначенные для сборщиков фруктов.

Впереди, примерно в миле, сбоку от дороги расположилась усадьба, наполовину скрытая сплетенными верхушками вековых дубов. Ее коричневые кирпичные стены выглядели такими же древними, как и деревья. Большой красный «форд» и патрульная машина шерифа, стоявшие на подъездной гравийной дороге, ведущей к дому, выглядели неуместными, вернее, нарушали атмосферу старины. Когда я припарковался там же, меня больше всего поразили детские качели, подвешенные на новенькой веревке к ветке одного из дубов. Никто и словом не обмолвился о ребенке.

Когда я выключил двигатель «бьюика», воцарилась почти абсолютная тишина. Дом и сад безмолвствовали. На широкой веранде лежали тихие мирные тени. Трудно было поверить в существование обратной стороны открытки.

Тишину прервал звук открываемой раздвижной двери. На веранде появилась блондинка, одетая в черные сатиновые брюки и в белую блузку. Она подошла к краю веранды и, скрестив на груди руки, застыла неподвижно, словно кошка, наблюдая за нашим приближением.

— Зинни,— шепотом сказала Милдред. Она повысила голос: — Зинни? Все в порядке?

— О да, замечательно. Я жду Джерри. Ты случайно не встречала его в городе?

— Я не вижусь с Джерри. И ты это знаешь.

Возле крыльца Милдред остановилась. Между женщинами ощущался барьер враждебности, словно проволочное ограждение под электрическим напряжением. Зинни, которая была по крайней мере лет на десять старше, держалась в напряженной оборонительной позе, отражая взгляд Милдред. Затем она актерским жестом, который, возможно, предназначался мне, уронила руки.

— Я сама его почти не вижу.

Зинни рассмеялась нервным смехом. Смех звучал хрипло и неприятно, как и ее голос. Но на этот недостаток я легко закрыл глаза. Она была красива, и ее зеленые глаза посматривали на меня с интересом. Талию над упругими бедрами, казалось, можно было обхватить ладонями, что и хотелось сделать.

— Кто твой друг? — проворковала она.

Милдред представила меня.

— Теперь еще частный детектив,— сказала Зинни.— Местность уже кишмя кишит полицейскими. Ну ладно, заходите. На солнце — сущее пекло.

Она отворила дверь, пропуская нас вперед. Ее рука поднялась к лицу, где солнце опалило кожу, затем — к

гладким волосам. Правая грудь послушно поднялась под белой шелковой блузкой. Хорошая машина, подумалось мне: псевдо-Голливуд, наверняка пустышка, дорогая и не новая, и все же хорошая машина. Зинни перехватила мой взгляд, но не воспротивилась ему. Она пошла, покачивая бедрами, по коридору в большую прохладную гостиную.

— Я все дожидалась повода, чтобы выпить. Милдред, тебе имбирное пиво, я знаю. Кстати, как твоя мама?

— Хорошо, спасибо.— Официальность Милдред вдруг прорвало: — Зинни? Где сейчас Карл?

Зинни подняла плечи.— Чего не знаю того не знаю. О нем ничего не известно с тех пор, как его видел Сэм Йоган. Остервельт послал на поиски нескольких своих помощников. Беда в том, что Карл знает ранчо лучше, чем любой из нас.

— Ты сказала, что они обещали не стрелять.

— Не беспокойся. Они возьмут его без стрельбы. Когда он появится, тогда и ты пригодишься.

— Да.— Милдред, словно чужая, стояла посреди комнаты.— Что мне пока делать?

— А ничего. Расслабься. А лучше выпей, я так выпью. А вы, м-р Арчер?

— Мне, пожалуйста, сухого мартини, если найдется.

— Найдется. Я сама любитель мартини.— Она ослепительно улыбнулась, слишком ослепительно в данных обстоятельствах.

Вдобавок ко всему прочему, Зинни была еще и экспериментатором. Ее гостиная несла на себе отпечаток деятельности неутомимого экспериментатора, старающегося не отстать от моды. Новая светлая мебель состояла из отдельных секций: беспорядочно расставленных кубов, овалов и дуг. Она не гармонировала с темным дубовым полом и тяжелыми балками потолка. На кирпичных стенах висели современные репродукции в клееных рамках из дуба. На старинном каменном камине стояли в ряд издания клуба любителей книг. На мраморном кофейном столике расплывчатых очертаний находились журналы «Харперз Базар» и «Вог», а также прекрасный серебряный колокольчик старинной работы. Это была комната, в которой беспокойное настоящее боролось со стойким прошлым.

Зинни взяла колокольчик и позвонила. Милдред подскочила от неожиданности. Она сидела в очень напряженной позе на краю секционного дивана. Я подсел к ней, но она, не обратив на меня никакого внимания, повернулась к окну и стала смотреть в сторону рощи.

В комнату вошла крошечная девочка и при виде чужих остановилась возле двери. Судя по светлым волосам и точеным фарфоровым чертам личика, это была дочь Зинни. На ребенке было нарядное светло-голубое платьице с поясом и в тон ему голубая лента в волосах. Она засунула в рот палец. Крохотные ноготки были покрыты красным лаком.

— Я звонила, чтобы пришел Джуан, миленькая,— сказала Зинни.

— Я хочу сама вызвать его, мамочка. Дай мне позвонить в колокольчик.

Хотя ребенку было года три, не больше, говорила она очень отчетливо и чисто. Она рванулась вперед и схватила колокольчик. Зинни разрешила ей позвонить. Колокольчик еще звонил, когда с порога раздался голос филиппинца, одетого в белую куртку:

— Слушаю, миссис.

— Приготовьте коктейль с сухим мартини, Джуан. Ах да, и имбирное пиво для Милдред.

— Я тоже хочу сухого мартини,— сказала маленькая девочка.

— Хорошо, дорогая.— Зинни обратилась к слуге: — Принесите специальный коктейль для Марты.

Он понимающе улыбнулся и исчез.

— Поздоровайся с тетей Милдред, Марта.

— Здравствуйте, тетя Милдред.

— Здравствуй, Марта. Как поживаешь?

— Хорошо. А как дядя Карл?

— Дядя Карл болен,— сказала Милдред ровным голосом.

— А разве дядя Карл не придет? Мамочка сказала, что он придет. Она так сказала по телефону.

— Нет,— вмешалась ее мать.— Ты не поняла, что я сказала, дорогая. Я говорила о другом человеке. Дядя Карл далеко. Он живет далеко отсюда.

— А кто придет, мамочка?

— Много людей. Скоро здесь будет папочка. И д-р Грантленд. И тетя Милдред здесь.

Ребенок посмотрел на нее ясными безмятежными глазами. Девочка сказала: — Не хочу, чтобы папочка приходил. Я не люблю папочку. Хочу, чтобы пришел д-р Грантленд. Он придет и пригласит нас в какое-нибудь интересное место.

— Не «нас», дорогая, а тебя и миссис Хатчинсон. Д-р Грантленд покатает вас на машине, и ты проведешь

день с миссис Хатчинсон. А, может, и всю ночь. Разве не здорово?

— Да,— угрюмо ответила девочка.— Это будет здорово.

— Ну-ка, сходи и попроси миссис Хатчинсон покормить тебя.

— Я уже поела. Я все съела. Ты сказала, что мне дадут специальный коктейль.

— На кухне, дорогая. Джуан даст тебе коктейль на кухне.

— Не хочу на кухню. Хочу остаться здесь, с вами.

— Нет, нельзя.— Зинни уже еле сдерживалась.— Будь паинькой и делай, что тебе говорят, а то я все расскажу папочке. Папочке это не понравится.

— Мне все равно. Я хочу остаться здесь и разговаривать с вами.

— В другой раз, Марта.— Зинни поднялась и решительно выдворила девочку из комнаты. Вопли и крики прекратились, когда закрылась дверь.

— Прелестный ребенок.

Милдред повернулась ко мне.— Кого из них вы имеете в виду? Да, Марта хорошенькая. И умненькая. Но то, как Зинни обращается с ней... она обращается с ней, словно с куклой.

Милдред хотела что-то добавить, но вернулась Зинни и следом за ней слуга с напитками. Я торопливо выпил свой бокал и съел луковку вместо ленча.

— Выпейте еще, м-р Арчер.— От коктейля напряжение Зинни улеглось, и она оживилась.— У нас еще осталось в шейкере, вот и поделимся. Если только не переубедим Милдред с ее высокими принципами.

— Ты знаешь, как я к этому отношусь.— Милдред ухватилась за бокал с имбирным пивом, словно обороняясь.— Я вижу, в этой комнате сделан ремонт?

Я сказал: — Мне хватит и одного, спасибо. А вот чего бы я хотел, если не возражаете, поговорить с человеком, который видел вашего свояка. С Сэмом... как его звали?

— Сэм Йоган. Конечно, можете поговорить с Сэмом, если хотите.

— Он где-нибудь поблизости?

— Наверное. Пойдемте, я помогу разыскать его. Ты идешь, Милдред?

— Я, пожалуй, останусь,— сказал Милдред.— Если Карл придет в дом, я хочу быть здесь, чтобы встретиться с ним.

— А ты разве не боишься?

— Нет, не боюсь. Я люблю своего мужа. Разумеется, тебе трудно это понять.

Скрытая враждебность время от времени все-таки прорывалась наружу.

— Ну а я боюсь,— ответила Зинни.— Почему, как ты думаешь, я отсылаю Марту в город? Да я и сама бы уехала.

— С д-ром Грантлендом?

Зинни промолчала. Она резко встала и бросила взгляд в мою сторону. Я последовал за ней через столовую, отделанную, пластиком, хромом и кафелем.

Мывший в раковине посуду слуга обернулся:

— Слушаю, миссис?

— Ты не видел Сэма?

— Он разговаривал с полицейским, когда я его видел.

— Знаю. А где он теперь?

— Может, у себя, а, может, в оранжерее — понятия не имею.— Слуга пожал плечами.— Какое мне дело до Сэма Йогана.

— Это я тоже знаю.

Зинни торопливо прошла через подсобку к задней двери. Как только мы вышли, из-за груды дубовых бревен высунулась голова молодого человека в ковбойской шляпе. Он вышел из своего укрытия, вкладывая револьвер в кобуру. Это был помощник шерифа, и он сразу напустил на себя важный вид.

— На вашем месте я бы оставался в доме, миссис Холлман. Тогда нам будет легче охранять вас.— Он вопросительно взглянул на меня.

— М-р Арчер — частный детектив.

На лице молодого помощника промелькнуло раздражение, словно мое присутствие грозило испортить игру. Я надеялся, что так оно и случится. Вокруг было слишком много оружия.

— Есть какие-нибудь признаки Карла Холлмана? — спросил я.

— Шериф в курсе того, что вы здесь?

— В курсе.— Адресуясь как бы к Зинни, я спросил: — Разве вы не сказали, что стрельбы не будет? Что люди шерифа возьмут вашего свояка, не причинив ему вреда?

— Да. Шериф Остервельт пообещал сделать все от него зависящее.

— Мы ничего не можем гарантировать,— произнес молодой помощник. Даже говоря с нами, он прочесывал

глазами тенистую глубину заднего двора, внимательно вглядываясь в пространство между деревьями.— Нам предстоит схватка с опасным человеком. Вчера он дал деру из охраняемой больницы, украл машину, чтобы бежать дальше, и, вероятно, похитил револьвер, который держит при себе.

— Откуда вам изестно, что он угнал машину?

— Мы нашли ее, брошенную на проселочной дороге недалеко отсюда, у шоссе. Как раз там, где на него наткнулся старик-япошка.

— Зеленый «форд» с откидным верхом?

— Ага. Тоже видели?

— Это моя машина.

— Шутите? Как же случилось, что он украл вашу машину?

— Не совсем украл. Я его не виню. Вы уж не перестарайтесь при встрече с ним.

Лицо помощника шерифа окаменело.— У меня приказ.

— И какой же?

— На огонь отвечать огнем. Мы и так даем ему послабление. Обычно с психами, представляющими опасность для окружающих, не церемонятся, мистер.

В его словах была доля правды: я вот церемонился и поплатился за это. Но ведь не стрелять же было в него тогда.

— Карла считают не способным на убийство.

Я взглянул на Зинни, ища поддержки. Она промолчала, даже не посмотрев в мою сторону. Ее хорошенькая головка была повернута вбок — она напряженно прислушивалась. Помощник шерифа сказал:

— Об этом вам следует сообщить шерифу.

— Он ведь не угрожал Йогану, так?

— Может, и нет. Они с япошкой старые приятели. А, может, и угрожал, да япошка промолчал. Все, что нам известно, так это то, что у него револьвер, и он умеет им пользоваться.

— Я хотел бы поговорить с Йоганом.

— Если надеетесь, что это принесет вам пользу — пожалуйста. В последний раз я видел Сэма в его бараке.

Помощник указал рукой в сторону дубов, за которыми виднелась старая глинобитная постройка, стоявшая на краю апельсиновой рощи. Вдруг за нашей спиной около дома раздался шум подъезжающей машины.

— Извините, м-р Кармайкл,— сказала Зинни.— Это, должно быть, мой муж.

Она быстрым шагом зашла за угол дома и исчезла из вида. Кармайкл выхватил револьвер и поспешил следом. Я пошел за ними, огибая оранжерею, примыкавшую к стене здания.

На подъездной дорожке за «бьюиком» с откидным верхом остановился серебристо-серый «ягуар». Зинни, бегущая через лужайку к спортивному автомобилю, выглядела на фоне высокого неба, словно маленькая черно-бело-золотая марионетка, которую вели за ниточки по зеленому сукну.

Вышедший из машины мужчина крупного телосложения сделал жест рукой, чтобы та не бежала. Она оглянулась на меня и помощника шерифа, слегка запнулась и приняла деланно равнодушный вид.

Глава 10

Одежда водителя «ягуара» гармонировала с цветом автомобиля. Он был одет в серые фланелевые брюки, серые замшевые туфли, серую шелковую рубашку, серый галстук с металлическим отливом. Его лицо, покрытое загаром, словно отполированное вручную дерево, составляло разительный контраст с цветовой гаммой одежды. Даже с такого расстояния я видел, что он использовал свое лицо, как актер. Учитывал ракурсы, перспективу и то, как в улыбке ослепительно блестели его белые зубы. Он одарил Зинни широкой улыбкой.

Я сказал помощнику шерифа: — Это вроде не Джерри Холлман.

— Не-а. Докторишка из города.

— Грантленд?

— Кажется, его так зовут.— Он покосился на меня.— Вы в сыске по какой части? По разводам?

— Все помаленьку.

— А, кстати, кто из семьи нанял вас?

Мне не хотелось вдаваться в подробности, поэтому я придал лицу загадочное выражение и отошел. Д-р Грантленд и Зинни поднялись по крыльцу. Проходя в дверь, Зинни посмотрела ему в глаза. Она придвинулась к нему и коснулась его руки грудью. Той же рукой он обнял ее за плечи, отвернул от себя и подтолкнул в дом.

Стараясь не производить шума, я поднялся на веранду и подошел к раздвижной двери. Голос с осторожными модуляциями говорил:

— Ты ведешь себя опрометчиво. Не нужно привлекать к себе внимание.

— Нужно. Я хочу, чтобы все знали.

— Включая Джерри?

— Особенно Джерри.— Зинни нелогично добавила: — Его все равно нет дома.

— Скоро появится. Я обогнал его при выезде из города. Ты бы только видела, каким взглядом он меня проводил.

— Он не выносит, когда его обгоняют.

— Нет, в его глазах было нечто большее. Ты уверена, что не рассказала ему о нас?

— Клянусь.

— В таком случае, откуда это стремление, чтобы все знали?

— Я ничего не имела в виду. Только то, что люблю тебя.

— Тихо. Об этом молчок. Ты можешь все расстроить, а я только что практически уладил наше дело.

— Расскажи.

— Потом. Или, может быть, вообще не расскажу. Дело на мази, вот и все, что тебе следует знать. В любом случае все утрясется, если ты постараешься вести себя как разумный человек.

— Ты только скажи мне, что надо делать, и я сделаю.

— Ты должна помнить, кто ты и кто я. Я думаю о Марте. И тебе бы следовало.

— Да. Иногда я про нее забываю, когда я с тобой. Спасибо, что ты напомнил, Чарли.

— Не Чарли. Доктор. Зови меня доктором.

— Да, доктор.— Сказанное ею слово прозвучало эротически.— Один поцелуй, доктор. Мы так давно не виделись.

Видя, что его урок усвоен, доктор стал более податливым.— Если вы настаиваете, миссис Холлман.

Она застонала. Я прошел в угол веранды, ощущая себя немного задетым, ибо оживление Зинни, оказывается, предназначалось не мне. Я закурил утешительную сигарету.

Возле дома раздался переливчатый детский смех. Я наклонился над перилами, заглядывая за угол. Милдред и ее племянница перебрасывались теннисным мячиком. Марта ловить еще не умела. Милдред посылала ей мячик по земле, и девчушка кидалась за ним, как заправский игрок в бейсбол. Впервые за время нашего знакомства Милдред выглядела раскрепощенной.

За ними наблюдала седовласая женщина в цветастом платье, сидевшая в шезлонге в тени. Она воскликнула:

— Марта! Тебе нельзя переутомляться. И, смотри, не запачкай платье.

Милдред повернулась к пожилой женщине: — Пусть запачкает, если ей нравится.

Но игра была уже испорчена. Улыбнувшись хитренькой улыбкой, ребенок поднял мячик и забросил его за забор, окружавший лужайку. Мячик, подпрыгивая, исчез среди апельсиновых деревьев.

Женщина в шезлонге вновь повысила голос: — Вот видишь, что ты натворила, проказница — из-за тебя потерялся мячик.

— Проказница,— пронзительным голосом повторила девчушка и начала распевать: — Марта — проказница, Марта — проказница.

— А вот и нет, ты хорошая девочка,— сказала Милдред.— А мячик не потерялся. Я найду его.

Она направилась к калитке. Я открыл было рот, чтобы предостеречь ее не заходить в рощу. Но меня отвлекло происходящее за моей спиной на подъездной дорожке. Под колесами затормозившего автомобиля захрустел гравий. Я обернулся и увидел новый «кадиллак» сиреневого цвета с золотистой отделкой.

Вышедший из-за руля мужчина был одет в твидовый костюм. Его волосы и глаза обладали тем же оттенком, что и у Карла, но он выглядел старше, тучнее и короче. Его лицо раскраснелось от негодования, тогда как лицо Карла покрывала больничная бледность.

Зинни вышла на веранду встретить его. К сожалению, ее губная помада была смазана. Глаза лихорадочно блестели.

— Джерри, слава Богу, что ты приехал! — Драматическая нотка прозвучала фальшиво, и она понизила голос: — Я так волновалась, чуть не заболела. Где ты пропадал весь день?

Тяжело ступая, он поднялся на крыльцо и оказался с ней лицом к лицу. На каблуках Зинни была выше его.— И совсем не весь день. Я ездил в клинику повидать Брокли. Кто-то ведь должен был устроить ему заслуженную выволочку. Я высказал все, что думаю о порядках в больнице.

— Стоило ли тратить время, дорогой?

— Во всяком случае, я выговорился. Эти чертовы врачи! Получают деньги и...— Он большим пальцем ткнул

в сторону автомобиля Грантленда: — Кстати, о врачах. Что он тут делает? Кто-нибудь заболел?

— Я полагала, ты знаешь. Я говорю о Карле. Разве Ости не остановил тебя на дороге и не рассказал?

— Машину его я видел, а самого — нет. А что с Карлом?

— Он на ранчо. У него оружие.— Увидев волнение на лице мужа, Зинни повторила: — Я полагала ты знаешь. Мне казалось, ты потому и не едешь, что боишься Карла.

— Я его не боюсь,— сказал он, повысив голос.

— Боялся — в тот день, когда его увезли. И должен бояться после всего того, что он тебе наговорил.— Она добавила с неосознанной жестокостью, а, может, и не совсем неосознанной: — Я думаю, он хочет убить тебя, Джерри.

Он схватился руками за живот, словно она нанесла ему в это место удар. Руки его сжались в кулаки.

— Тебе бы хотелось этого, верно? Тебе и Чарли Грантленду?

Раздался шум раздвигаемой двери. Появился Грантленд, словно по вызову. Он произнес с наигранной веселостью: — Кажется, мне послышалось, что здесь склоняют мое имя. Как поживаете, м-р Холлман?

Джерри Холлман проигнорировал его. Он обратился к жене: — Я задал тебе простой вопрос. Что он здесь делает?

— Я дам простой ответ. У меня не было надежного человека под рукой, чтобы со спокойным сердцем отправить Марту в город. Поэтому я попросила д-ра Грантленда отвезти ее. Марта к нему привыкла.

Грантленд приблизился и встал за ее спиной. Она обернулась и мимолетно улыбнулась ему. Размазанная помада придала улыбке двойной смысл. Из этой троицы она и Грантленд являли собой органичную пару,— муж же стоял особняком. Словно не в состоянии вынести этого одиночества, он развернулся на каблуках, спустился с крыльца, выпрямив спину, и прошел в оранжерею.

Грантленд достал из нагрудного кармана серый носовой платок и вытер Зинни рот. Она подалась к нему навстречу.

— Не надо,— сказал он раздраженно.— Он уже в курсе. Ты ему наверняка рассказала.

— Я попросила его дать развод — ты знаешь — а он не круглый дурак. Ах, какое это имеет значение? — Она приняла фальшиво-самоуверенный или непринужденный вид женщины, совершившей прелюбодеяние и отмахнувшейся

от прежней жизни с необычайной легкостью.— Может, Карл убьет его.

— Замолчи, Зинни! Даже в мыслях не..!

Его голос прервался. Он встретил меня взглядом и осекся. Затем повернулся на цыпочках, словно танцор. Под загаром проступил румянец. Выглядел он словно больной желтухой старик с глазами-буравчиками, однако доктор взял себя в руки и улыбнулся кривой, но самоуверенной улыбкой. При виде того, как выражение лица человека меняется так быстро и столь радикально, мне стало не по себе.

Я выбросил окурок сигареты, которую, казалось, курил уже целую вечность, и ответил ему улыбкой. Изнутри она ощущалась словно резиновая маска, а получилась застывшая гримаса. Джерри Холлман снял с меня ощущение неловкости, если я вообще в состоянии испытывать это чувство. Он торопливо вышел из оранжереи, держа в руках садовые ножницы. На его лице застыло сумрачное, отрешенное выражение.

Зинни увидела его и прижалась к стене.— Чарли! Берегись!

Грантленд обернулся в сторону Джерри, поднимавшегося по лестнице. Коротенький стареющий мужчина, который не выносил одиночества. В его глазах застыло выражение безысходного отчаяния. Он держал садовые ножницы обеими руками, и их лезвия блестели на солнце, словно двойной кинжал.

— Да-да, Чарли! — произнес он.— Берегись! Думаешь, удастся заполучить мою жену, а также мою дочку. Ничего не выйдет!

— У меня не было таких намерений,— произнес Грантленд с запинкой.— Мне позвонила миссис Холлман...

— Нечего прикидываться — «миссис Холлман». В городе ты ее не так называешь. Верно? — Джерри Холлман, стоявший на верхней ступеньке крыльца, широко расставив ноги, щелкнул садовыми ножницами.— Пошел вон, паршивая свинья! Если хочешь быть и дальше человеком, убирайся из моих владений и не приближайся к ним. Это касается и моей жены.

Грантленд натянул на лицо старческую маску. Он отодвинулся назад от угрожающих лезвий и, ища поддержки, взглянул на Зинни. Та стояла неподвижно, словно барельеф, прислонившись к стене, и в тени ее лицо казалось зеленым. Она попыталась разжать губы, и ей удалось сказать:

— Прекрати, Джерри. Ты ведешь себя глупо.

Джерри Холлман находился в таком взвинченном состоянии, что мог сорваться в любую секунду и совершить убийство. Настала пора остановить его. Отодвинув Грантленда плечом, я подошел к Холлману и велел положить ножницы на пол.

— Вы с кем разговариваете? — прошипел он.

— Вы м-р Джерри Холлман, не так ли? Я слышал, что вы человек разумный.

Он смотрел на меня набычившись. Белки его глаз были желтоватого оттенка из-за какого-то внутреннего недуга,— что-то с пищеварением или с совестью. В глубине зрачков появился проблеск некоего переживания. Испуг и стыд, так мне показалось. Его глаза выражали мучительный внутренний конфликт. Спустившись по ступенькам, он вернулся в оранжерею, со стуком захлопнув за собой дверь. Никто за ним не пошел.

Глава 11

За домом послышался шум голосов, словно там открылась еще одна дверь. Женские взволнованные голоса напоминали кудахтанье кур, на которых спикировал ястреб. Я сбежал по крыльцу и обогнул веранду. По лужайке навстречу шла Милдред, держа за руку маленькую девочку. За ними семенила миссис Хатчинсон, оглядываясь через плечо на апельсиновую рощу. Лицо ее было бледным, под стать седым волосам. Калитка в заборе распахнулась, но в проеме я никого больше не заметил.

Голос ребенка стал громким и пронзительным: — Почему дядя Карл убежал?

Милдред повернулась, наклоняясь к ней.— Какая разница, почему. Ему нравится бегать.

— Он сердится на вас, тетя Милдред?

— Нет, миленькая. Он просто играет в прятки.

Милдред подняла глаза и увидела меня. Она коротко покачала головой, чтобы я не говорил ничего, что могло бы испугать ребенка. Мимо меня пронеслась Зинни и подхватила Марту на руки. Помощник шерифа Кармайкл, очутившись рядом, достал из кобуры револьвер.

— Что случилось, миссис Холлман? Вы его видели.

Она кивнула, но говорить не стала, дожидаясь, пока Зинни отведет девочку. Лоб Милдред блестел от пота, она запыхалась. Я заметил мячик в ее руке.

Седовласая женщина заработала локтями, пробиваясь в середину группы.— Я видела, как он крался между деревьев. Марта тоже видела его.

Милдред повернулась к ней.— Он не крался, миссис Хатчинсон. Он подобрал мячик и принес мне.— Она показала мячик, словно тот являлся важным доказательством безобидности ее мужа.

Миссис Хатчинсон сказала: — Я с роду так не пугалась. Я рта не могла раскрыть, не говоря уж о том, чтобы закричать.

Помощник шерифа потерял терпение.— Спокойно, женщины. Давайте с самого начала и по порядку. Да побыстрей. Он угрожал вам, миссис Холлман? — пытался напасть?

— Нет.

— Он что-нибудь говорил?

— Говорила в основном я. Я постаралась убедить Карла явиться в дом и сдаться. А когда он не согласился, я обняла его, чтобы удержать. Но Карл слишком сильный для меня. Он вырвался, а я побежала за ним. Но его было не догнать.

— Он показывал свой револьвер?

— Нет.— Она опустила взгляд на револьвер Кармайкла.— Пожалуйста, не стреляйте, если встретите моего мужа. Я не верю, что он вооружен.

— Там видно будет,— уклончиво произнес Кармайкл.— Где это все произошло?

— Пойдемте, я покажу.

Она повернулась и направилась к открытой калитке, двигаясь с сосредоточенно-бесстрашным видом. Казалось, ее ничто не могло остановить. Внезапно она рухнула на колени и упала боком на лужайку — маленькая фигурка в темной одежде с рассыпавшимися волосами. Из руки выкатился мячик. Кармайкл опустился рядом и закричал, словно рассчитывая, что крик может заставить ее ответить:

— В какую сторону он пошел?

Миссис Хатчинсон махнула рукой по направлению к роще.— Туда, прямо, в сторону города.

Молодой помощник шерифа вскочил на ноги и помчался к калитке. Я побежал за ним, смутно надеясь предотвратить насилие. Земля под деревьями оказалась глинистой, мягкой и влажной от полива. Я никогда не был хорошим бегуном. Помощник шерифа скрылся из виду. Вскоре затих и топот его ног. Я замедлил ход и остановился, проклиная свои стареющие ноги.

Моя перепалка с собственными ногами была нашим сугубо личным делом, поскольку, так или иначе, бегом ничего нельзя было добиться. Когда я подумал об этом, до меня дошло, что человек, хорошо знакомый с местностью, может неделями скрываться на огромном ранчо. Для поисков понадобятся сотни людей, чтобы найти его среди рощ, каньонов и пересохших ручьев.

Я пошел назад тем же путем, придерживаясь своих следов. Пять моих больших шагов при ходьбе равнялись трем шагам при беге. Я пересек цепочки чужих следов, но не мог определить, кому они принадлежали. Идентификация следов не была моей сильной стороной.

После долгого утра, проведенного со многими людьми, мне нравилось гулять одному в зеленой тени. Над головой, среди крон деревьев, петлял ручеек голубого неба. Я внушал себе, что спешить незачем, что опасность на время отодвинута. В конце концов, Карл ведь никому не причинил вреда.

Возвращаясь к утренним эпизодам и размышляя, я постепенно замедлял свой шаг. Брокли, вероятно, сказал бы, что я подсознательно сбавил обороты, ибо не хотел возвращаться в этот дом. Похоже, Милдред не так уж ошибается, утверждая, что дом может заставить людей ненавидеть друг друга. Дом, или деньги, которые он олицетворял, или каннибальские семейные аппетиты, которые он символизировал.

Я забежал дальше, чем предполагал, примерно на треть мили. Наконец среди деревьев показался дом. Двор был пуст. Стояла удивительная тишина. Одна из стеклянных дверей была распахнута. Я вошел. Столовая производила странное впечатление, словно не использовалась людьми и не предназначалась для них, наподобие комнат в музеях, отгороженных от посетителей шелковым шнуром: Провинциальный Калифорнийско-испанский Стиль, Доатомная Эра.

Гостиная, с ее журналами, немытыми бокалами и мебелью в стиле голливудского кубизма, имела такой же необжитой вид.

Я пересек коридор и, открыв дверь, очутился в кабинете, заставленном полками с книгами и ящиками для картотеки. Жалюзи были опущены. В помещении стоял затхлый запах. На одной стене висел темный портрет лысого старика, написанный масляными красками. С худого хищного лица на меня сквозь полумрак смотрели его глаза. Сенатор

Холлман, решил я. Я закрыл дверь, оставив его наедине с самим собой.

Я обошел весь дом и лишь на кухне наконец-то обнаружил два человеческих существа. За обеденным столом сидела миссис Хатчинсон с Мартой на коленях. От звука моего голоса пожилая женщина вздрогнула. За те сорок пять минут, что мы не виделись, лицо ее осунулось. Глаза глядели холодно и осуждающе.

— А потом что? — спросила Марта.

— Потом маленькая девочка пришла домой к этой доброй старушке, и они стали пить чай и есть булочки.— Миссис Хатчинсон выразительно взглянула на меня, и я понял, что мне советуют помолчать.— Булочки и шоколадное мороженое, и старушка прочла маленькой девочке сказку.

— А как звали эту девочку?

— Марта, как и тебя.

— Она не могла есть шоколадное мороженое из-за аллергии.

— Они ели мороженое с ванилью. И мы тоже будем, а наверх положим клубничное варенье.

— А мамочка придет?

— Не сразу. Она придет позже.

— А папочка придет? Не хочу, чтобы папочка приходил.

— Папочка не...— Голос миссис Хатчинсон сорвался.— Вот и конец сказки.

— Расскажи еще что-нибудь.

— У нас нет времени.— Она ссадила ребенка с колен.— Беги в гостиную и поиграй.

— Я хочу пойти в оранжерею.— Марта подбежала к внутренней двери, которая вела из дома в оранжерею, и затрясла дверной ручкой.

— Нет! Не ходи туда! Вернись!

Напуганная тоном женщины, Марта неохотно вернулась.

— Что случилось? — спросил я, хотя мне показалось, что я уже знаю.— Где все?

Миссис Хатчинсон указала на дверь, которую только что пыталась открыть Марта. За дверью слышался приглушенный гул голосов, словно гудел пчелиный рой. Миссис Хатчинсон тяжело поднялась и поманила меня. Чувствуя на себе неотрывный взгляд детских глаз, я подошел к ней вплотную. Она сказала:

— М-ра Холлмана з-а-с-т-р-е-л-и-л-и. Он м-е-р-т-в.

Чтобы ребенок не понял, миссис Хатчинсон произнесла слова по буквам.

— Не надо по буквам! Не хочу, чтобы по буквам!

В порыве обиды ребенок вихрем вклинился между нами и ударил пожилую женщину по бедру. Миссис Хатчинсон притянула девочку к себе. Марта застыла в неподвижности, уткнувшись лицом в цветастое платье и обняв крошечными белыми ручками могучие ноги няни.

Я оставил их и прошел через внутреннюю дверь. Неосвещенный коридор со стеллажами вдоль стен заканчивался рядом ступеней. Спотыкаясь в темноте, я спустился по ним и оказался перед второй дверью, которую открыл. Край двери мягко ударился о чьи-то ноги. Их владельцем оказался шериф Остервельт. Он недовольно фыркнул и обратился ко мне, держа руку на кобуре.

— А вы куда направились?

— Хочу пройти в оранжерею.

— Вас не приглашали. Это официальное расследование.

Я заглянул через его плечо в оранжерею. В центральном проходе, между рядами густо растущих орхидей, стояли Милдред, Зинни и Грантленд, сгрудившись вокруг тела, которое лежало лицом вверх. Лицо закрывал серый шелковый носовой платок, но я знал, чье это тело. Мохнатый ворс твидового костюма Джерри, полнота и беззащитность делали его похожим на мертвого плюшевого медвежонка.

Склонившаяся над ним Зинни, не успевшая переодеться, выглядела нелепо в своем белом нейлоновом пеньюаре с оборками. Без косметики лицо ее было почти столь же бесцветным, как и ее наряд. Милдред стояла рядом с ней, глядя вниз на земляной пол. Чуть поодаль, опершись на ящик с рассадой, стоял д-р Грантленд, сдержанный и настороженный.

Зинни обратилась к шерифу, не меняя застывшего выражения лица: — Пусть войдет, если хочет, Ости. Нам может понадобиться и его помощь.

Остервельт сделал так, как она сказала, и сделал это смиренно, с почтительной готовностью. Я вспомнил о том простом факте, что Зинни только что унаследовала холлмановское ранчо и ту власть, которую дает владение им. Грантленду, казалось, напоминания не требовались. Он придвинулся и зашептал что-то ей на ухо; в повороте его головы сквозило нечто собственническое.

Она бросила на него косой предупреждающий взгляд, от которого он осекся, и отодвинулась от него. Под влиянием порыва чувств — по крайней мере, с того места, где

я стоял, это выглядело порывом — Зинни обняла Милдред и крепко прижалась к ней. Милдред хотела было оттолкнуть ее, но затем прильнула к Зинни и закрыла глаза. Дневной свет, проникавший сквозь выкрашенную в белый цвет стеклянную крышку, безжалостно падал на лица женщин, которых породнило горе.

Остервельт упустил этот эпизод, который занял секунду. Он возился с крышкой стального ящика, стоявшего на рабочем столе. Открыв ее, он вынул маленький револьвер.

— О'кей, значит, вы хотите помочь. Взгляните-ка на эту штуку.

Это был небольшой револьвер с коротким дулом, приблизительно 25-го калибра, изготовленный, вероятно, в Европе. Рукоятка была отделана перламутром и украшена филигранью из серебра. Женское оружие, не новое: серебро потускнело. Я никогда не видел данного револьвера или ему подобного и прямо об этом сказал.

— Миссис Холлман, миссис *Карл* Холлман сказала, что утром у вас были неприятности с ее мужем. Он украл вашу машину, это верно?

— Да, он взял ее.

— При каких обстоятельствах?

— Я отвозил его обратно в больницу. Он явился ко мне домой рано утром, рассчитывая заручиться моей поддержкой. Я прикинул, что лучше всего уговорить его вернуться обратно. Но мой план дал осечку.

— Что же произошло?

— Он захватил меня врасплох — напал на меня.

— Надо же,— Остервельт ухмыльнулся.— Он пустил в ход этот маленький револьвер?

— Нет. Я не видел у него никакого оружия. Мне думается, Джерри Холлмана убили из этого револьвера.

— Верно мыслите, мистер. И это именно тот револьвер, который был у его брата, судя по описанию Сэма Йогана. Доктор нашел револьвер рядом с телом. Найдены две гильзы, в спине трупа две раны. Доктор утверждает, что он скончался мгновенно, да, доктор?

— Через несколько секунд, я бы сказал.— Грантленд говорил хладнокровно, профессионально.— Внешнего кровоизлияния не было. Я думаю, что одна из пуль вошла в сердце. Конечно, для установления точной причины смерти потребуется вскрытие.

— Это вы обнаружили тело, доктор?

— Да, фактически я.

— Меня интересуют именно факты. Что вас привело в оранжерею?

— Выстрелы, разумеется.

— Вы их слышали?

— И очень отчетливо. Я переносил одежду Марты в машину.

Зинни сказала устало: — Мы все слышали их. Сначала я подумала, что Джерри...— Она замолчала.

— Что Джерри... продолжайте,— сказал Остервельт.

— Да нет, ничего. Ости, неужели мы должны снова пройти через всю эту пустую болтовню? Я очень хочу поскорее отослать Марту из дома. Бог знает, как все это на ней отразится. И не будет ли больше толку, если вы ускорите поимку Карла.

— По моему распоряжению к его розыску подключены все свободные люди отделения. Я не могу уйти отсюда, пока не прибудет заместитель следователя по делам о насильственной смерти.

— Значит, мы должны ждать?

— Не обязательно здесь, если вас угнетает это место. Впрочем, я думаю, что вам следует оставаться в доме.

— Я сообщил вам все, что знаю,— сказал Грантленд.— И потом меня ждут пациенты. Вдобавок, миссис Холлман попросила отвезти ее дочь и домоправительницу в Пуриссиму.

— Ну хорошо. Поезжайте, доктор. Спасибо за помощь.

Грантленд вышел в заднюю дверь. Зинни и Милдред двинулись по траурному проходу между рядами цветов, бронзовых, зеленых и кроваво-красных. Они шли, обнявшись, и вошли в дверь, ведущую на кухню. Не успела закрыться дверь, как одна из женщин разразилась рыданиями.

Звуки горя безлики, и я не мог определить, кто из них плакал. Но я подумал, что, наверное, Милдред. Ее страдания были самыми худшими. Они длились долгое время, продолжаясь и сейчас.

Глава 12

Задняя дверь оранжереи открылась, и вошли двое. Один из них оказался энергичным помощником шерифа, которому так хорошо удавался бег по пересеченной местности. Рубашка Кармайкла потемнела от пота, и он тяжело дышал. Второй был японец неопределенного возраста. Уви-

дев на полу мертвого человека, он снял перепачканную матерчатую шляпу и застыл, склонив голову. Его редкие седые волосы стояли на голове торчком, словно намагниченная железная проволока.

Помощник шерифа нагнулся и, приподняв с лица убитого серый носовой платок, глубоко вздохнул.

— Глядите, Кармайкл, да хорошенько,— сказал шериф.— Вам была поручена охрана этого дома и его жильцов.

Кармайкл выпрямился, сжав губы.— Я сделал все от меня зависящее.

— В таком случае вы не сделали ничего. Ради Христа, куда вы пропали?

— Я начал преследовать Карла Холлмана, но в роще потерял его. Наверное, он покружился поблизости и вернулся сюда. За бараком я налетел на Сэма Йогана, и он сказал, что слышал выстрелы.

— Вы слышали выстрелы?

Японец кивнул.— Да, сэр. Два выстрела.— У него был неуклюжий деревенский выговор, и он плохо выговаривал звук «с».

— Где вы были, когда услышали их?

— В бараке.

— Оранжерея оттуда видна?

— Только задняя дверь.

— Наверняка он ускользнул в заднюю дверь. Грантленд прошел через переднюю дверь, а женщины через боковую. Вы видели, как он входил или выходил?

— Кто? М-р Карл?

— Вы знаете, что я имею в виду именно его. Так видели?

— Нет, сэр. Никого не видел.

— А вы вообще смотрели туда?

— Да, сэр. Я выглянул из барака.

— Но вы не пошли в оранжерею посмотреть?

— Нет, сэр.

— Почему? — Гнев шерифа, словно раздутый переменчивым ветром костер, обрушился теперь на Йогана.— Ваш хозяин лежал здесь убитый, а вы и пальцем не пошевелили.

— Я выглянул в дверь.

— Но вы и пальцем не пошевелили, чтобы помочь ему или задержать преступника.

— Наверное, он перепугался,— сказал Кармайкл. Чувствуя, что гнев начальника обошел его стороной, он осмелел.

Йоган смерил помощника невозмутимо-презрительным взглядом. Он вытянул руки, держа их параллельно и близко одну от другой, словно отмеряя границы своей осведомленности.

— Я слышу два револьвера — два выстрела. Ну и что? Я вижу оружие по утрам постоянно. Может, идет охота на перепелок?

— Ладно,— мрачно сказал шериф.— Вернемся к нынешнему утру. Вы сказали, что м-р Карл ваш очень хороший друг, и поэтому вы его не боитесь. Это верно, Сэм?

— Вроде бы. Да, сэр.

— А насколько хороший друг, Сэм? Вы позволили бы ему застрелить брата и скрыться? Настолько хороший?

Йоган улыбнулся, показывая передние зубы. Его улыбка могла означать все, что угодно. Узкие черные глаза были непроницаемыми.

— Отвечайте, Сэм.

Йоган сказал, продолжая улыбаться: — Очень хороший друг.

— А м-р Джерри? Он тоже был хорошим другом?

— Очень хороший друг.

— Хватит валять дурака, Сэм. Ты всех нас ненавидишь, ведь так?

Йоган бессмысленно осклабился, и голова его стала похожа на улыбающийся желтый череп.

Остервельт повысил голос:

— А ну-ка, кончай лыбиться, оскалился, словно мертвец. Тебе не удастся нас одурачить. Тебе не нравлюсь я, не нравится семья Холлманов. Какого черта ты тогда вернулся сюда, не пойму.

— Мне нравится место,— сказал Сэм Йоган.

— Ну конечно, тебе нравится место. Ты думал, что сможешь обдурить сенатора и вернуть свою ферму?

Старый японец не ответил. Он выглядел так, словно ему стало стыдно, но не за себя. Я понял, что он — один из тех фермеров-японцев, которых сенатор выселил во время войны, скупив предварительно их земли. Еще я понял, что Остервельт нервничает, словно присутствие японца кого-то в чем-то обвиняет. Обвинение требовалось переадресовать.

— А ты случаем не сам застрелил м-ра Джерри Холлмана?

Улыбка Йогана стала презрительной.

Остервельт подошел к рабочему столу и взял в руки револьвер, отделанный перламутром.— Подойди-ка, Сэм.

Йоган не шелохнулся.

— Подойди, я сказал. Я не причиню тебе вреда. Мне следовало бы выбить твои большие белые зубы и затолкать их в твою грязную желтую глотку, но я не стану этого делать. Подойти.

— Вы слышали, что сказал шериф? — спросил Кармайкл и толкнул маленького человечка в спину.

Йоган сделал шаг вперед и застыл в неподвижности. Из-за своего упорства его тщедушная фигура стала центром внимания. За неимением лучшего, я подошел к нему и встал рядом. От него слабо пахло рыбой и землей. Так и не дождавшись, шериф подошел к японцу сам.

— Узнаешь револьвер, Сэм?

Йоган с еле слышным свистом втянул в легкие воздух — он удивился. Он взял в руки револьвер и стал внимательно изучать оружие, разглядывая его с разных сторон.

— Смотри, не проглоти.— Остервельт выхватил у него револьвер.— Это тот самый револьвер, что был в руках у Карла?

— Да, сэр. Я так думаю.

— Он наставлял его на тебя? Угрожал им?

— Нет, сэр.

— Тогда как же ты мог его разглядеть?

— Мне показал его м-р Карл.

— Вот так запросто подошел к тебе и показал оружие?

— Да, сэр.

— Он что-нибудь сказал?

— Да, сэр. Он сказал: «Привет, Сэм, как поживаешь, рад тебя видеть». Очень вежливо. Ах да, он еще сказал: «Где мой брат?» Я ответил, что брат поехал в город.

— Да не про то, про оружие что-нибудь говорил?

— Спросил, узнаю ли я револьвер. Я сказал, что да.

— Вы узнали его?

— Да, сэр. Это револьвер миссис Холлман.

— Которой миссис Холлман?

— Старой леди, жены сенатора.

— Револьвер принадлежал ей?

— Да, сэр. Она, бывало, выходила с ним на задний двор пострелять в черных дроздов. Я говорил ей, что лучше приобрести дробовик. Нет, сказала она, она не хочет попадать в птиц. Пусть живут.

— Наверное, это было давно.

— Да, сэр, лет десять-двенадцать назад. Когда я вернулся на ранчо и разбил для нее сад.

— Что стало с револьвером?

— Не знаю.

— Карл говорил, как *он* раздобыл его.

— Нет, сэр. Я не спрашивал.

— Слова из тебя не вытянешь, сукин ты сын, Сэм. Ты знаешь, что это такое?

— Да, сэр.

— Почему ты мне не рассказал все это сегодня утром?

— Вы не спрашивали.

Шериф возвел глаза к стеклянной крыше, словно моля о милосердии и помощи в постигшем его несчастьи. Единственным видимым результатом явился приход круглолицего молодого человека в сверкающих очках без оправы, одетого в синий лоснящийся костюм. Мне не потребовалась интуиция, чтобы распознать в нем помощника следователя по особо важным делам. Он имел при себе черную медицинскую сумку и осторожное хорошее настроение человека, профессией которого является смерть.

Оценив с порога ситуацию, он поднял руку, приветствуя шерифа, и прямиком направился к телу. Следом поспешил еще один помощник шерифа с фотоаппаратом на треноге. К ним присоединился и сам Остервельт, отдавая нескончаемый поток распоряжений.

Морща лоб, Сэм Йоган слегка поклонился мне. Глаза у него были добрые. Он взял лейку для полива, наполнил ее водой в жестяной раковине в углу и двинулся к орхидеям. Он не обращал внимания на вспышки магния, напоминая образцового садовника с картинки, самозабвенно ухаживающего за цветами.

Глава 13

Я вышел к фасаду дома и постучал в раздвижную дверь. Мне открыла Зинни. Она успела переодеться в черное строгое платье безо всяких украшений. Стоя в дверном проеме, она выглядела, словно исполненный с натуры портрет молодой вдовы, аккуратно выписанный в двух плоскостях. Третье измерение находилось в ее глазах, в глубине которых горел зеленый огонь.

— Вы еще не ушли?

— Вроде бы.

— Заходите, если хотите.

Я прошел за ней в гостиную, отметив про себя, что ее движения стали скованными. Комната также изменилась, хотя ни один предмет не сдвинулся с места. Убийство

в оранжерее уничтожило в доме нечто, не поддающееся определению. Светлая мебель выглядела дешевой и неуместной в старинной комнате, словно кто-то попытался оборудовать современное жилье в пещере предков.

— Садитесь, если хотите.

— Я уже загостился?

— Не вы один,— все,— сказала она немного туманно.— Я сама не ощущаю себя здесь дома. А если задуматься, то, наверное, никогда и не ощущала. Впрочем, об этом поздно говорить.

— Или рано. Уверен, что вы продадите ранчо.

— Джерри собирался заняться этим сам. Все бумаги практически подготовлены.

— Весьма кстати.

Стоя передо мной рядом с незажженным камином, она сверлила меня взглядом не меньше минуты. Я отвечал ей тем же и не могу сказать, что мне было неприятно. Недавние переживания или другие причины стерли некую грубость в ее красивой внешности, и она стала просто неотразимой. Я высказал про себя надежду, что превращение не связано с мыслью о свалившемся на нее состоянии.

— Я вам не понравилась,— сказала она наконец.

— Мы едва знакомы.

— Не волнуйтесь, на этом наше знакомство и закончится.

— Сейчас он лопнет, этот сверкающий мыльный пузырь.

— А вы мне тоже не понравились. Слишком напыщенный для дешевого частного детектива. Вы откуда, из Лос-Анджелеса?

— Ага. А почему вы решили, что я дешевый?

— Милдред не смогла бы нанять вас, если бы это было не так.

— В отличие от вас, а? Я мог бы поднять расценки.

— Не сомневаюсь. Я все гадала, когда же вы начнете об этом разговор. Ждать пришлось недолго.

— Начну разговор... о чем?

— О том, чего жаждет каждый. О деньгах. *Вторая* вещь, которую жаждут все.— Она переменила позу небрежным, вызывающим движением тела, расшифровывая, что подразумевает под первой вещью.— Почему бы нам не присесть и не обсудить это?

— С удовольствием.

Я сел на краешек белого продолговатого предмета,

обитого тканью букле, а она примостилась на другом краю, закинув ногу на ногу.

— Мне следовало бы приказать Ости вышвырнуть вас отсюда ко всем чертям.

— На то есть конкретная причина или это просто дело принципа?

— Причина есть. Попытка шантажа. Разве не так?

— И в голову никогда не приходило. По крайнем мере до сих пор.

— Не разыгрывайте меня. Я знаю ваш тип людей. Возможно, вы предпочитаете иную словесную упаковку. Допустим, я плачу вам предварительный гонорар, чтобы вы защищали мои интересы или что-нибудь в этом роде. Все равно шантаж, независимо от словесной упаковки.

— Или чепуха, как бы вы это не пытались преподнести. Но продолжайте. Мне давно никто не предлагал наличных. Или это мне только привиделось?

Она скривилась, чего и следовало ожидать.— Как вы смеете острить, когда тело мужа еще не остыло в могиле?

— Он пока еще не в могиле. Банальный прием, Зинни. Могли бы сказать что-нибудь поориганальнее. Ну-ка, попробуйте.

— Неужели в вас нет уважения к чувствам женщины — к чему-либо вообще?

— Покажите мне настоящие чувства. У вас они есть.

— Откуда вы знаете?

— Нужно быть слепым и глухим, чтобы не заметить. Вы их выстреливаете, словно фейерверк.

Она молчала. Ее лицо было неестественно спокойным, за исключением глубины глаз.— Вы несомненно имеете в виду ту сцену на переднем крыльце. Это ничего не значит. Ничего.— Она говорила, словно ребенок, повторяющий заученный урок.— Я была напугана и растроена, а д-р Грантленд — старый друг семьи. Естественно, в беде я обратилась к нему. Я полагала, что и Джерри поймет это. Но он всегда был безрассудно ревнив. Не позволял даже смотреть в сторону другого мужчины.

Она взглянула на меня украдкой, проверяя, поверил ли я ей. Наши глаза встретились.

— Сейчас уже можно.

— Говорю вам, меня совершенно не интересует д-р Грантленд. И никто другой.

— Вы слишком молоды, чтобы подавать в отставку.

Ее глаза хищно сузились, словно у кошки. Как и кошка, она была умна, но слишком самонадеянна, чтобы быть

по-настоящему умной.— Вы жутко циничны, не так ли? Ненавижу циников.

— Давайте перестанем хитрить, Зинни. Вы по уши влюблены в Грантленда. Он без ума от вас. Надеюсь.

— Что значит — «надеюсь»? — спросила она, рассеяв мои последние сомнения.

— Я надеюсь, что Чарли без ума от вас.

— Это так. Я хочу сказать, это было бы так, если бы я позволила. А почему вы сомневаетесь?

— Откуда вы взяли?

Она махнула рукой и состроила гримаску. Даже сейчас, гримасничая, она не могла выглядеть некрасивой.

— Переливаем из пустого в порожнее,— сказала она.— Мысли начинают путаться. Давайте говорить по существу. Эта сцена на крыльце... Я понимаю, получилось некрасиво. Вы что-нибудь расслышали?

Я придал лицу загадочное выражение. Она продолжала наступать, испытывая страх, который лишил ее осторожности.

— Что бы вы ни слышали, это не означает, будто я рада смерти Джерри. Мне жаль, что он умер.— В голосе ее прозвучало удивление.— Да, я ощущала *жалость* к бедняге, когда он лежал там. Не его вина, что он не сумел... что наша семейная жизнь не склеилась... Как бы то ни было, я не имею никакого отношения к его смерти. И Чарли тоже.

— А кто утверждает обратное?

— Нашлись бы, если бы узнали о той дурацкой возне на крыльце. Милдред могла бы сказать.

— Кстати, где сейчас Милдред?

— Прилегла. Я уговорила ее немного отдохнуть перед обратной дорогой в город. Она эмоционально истощена.

— Хорошо, что вы о ней позаботились.

— Не такая уж я окончательная сука. И я не виню Милдред за то, что сделал ее муж.

— *Если* это сделал он,— уточнил я, чтобы посмотреть на ее реакцию, и надеясь получить зацепку.

Она восприняла мои слова как оскорбление.— Разве могут быть какие-нибудь сомнения в том, что это его рук дело?

— Сомнения остаются до тех пор, пока вина не доказана в суде.

— Но ведь он ненавидел Джерри. У него было оружие. Он пришел сюда, чтобы убить Джерри, и мы знаем, что он здесь был.

— Да, мы действительно знаем, что он здесь был. Может, он и сейчас здесь. Остальное же — лишь ваша версия. Мне хотелось бы выслушать и версию Карла до того, как мы установим его виновность и казним на месте.

— Кто говорил о казни? Сумасшедших не казнят.

— Да нет, казнят. Более половины людей, которых отправляют в газовую камеру в нашем штате, имеют отклонения в психике — ненормальны в медицинском смысле, если не в юридическом.

— Но Карла не признали бы виновным. Возьмите последний случай.

— И что же произошло в последний раз?

Зинни прикрыла рот ладонью и посмотрела на меня.

— Вы имеете в виду смерть сенатора, не так ли? — Я откровенно забрасывал удочку, забрасывал удочку в зеленую глубину ее глаз.

Она не смогла противостоять искушению насладиться театральным эффектом.— Я имею в виду убийство сенатора. Его убил Карл. Это все знают, но с ним ровным счетом ничего не сделали, а лишь отправили в больницу.

— А мне рассказывали, что это был несчастный случай.

— Значит, вам неправильно рассказывали. Карл навалился на него в ванне и держал под водой, пока тот не захлебнулся.

— Откуда вы знаете?

— На следующий же день он признался.

— Кому?

— Остервельту.

— И шериф рассказал вам?

— Мне рассказал Джерри. Он уговорил шерифа не возбуждать дела. Он хотел защитить доброе имя семьи.

— И это все, что он пытался защитить?

— Не понимаю, куда вы клоните. Кстати, почему Милдред привезла вас сюда?

— Чтобы прокатить меня на машине. Моя главная цель заключалась в том, чтобы получить обратно свой «форд».

— Когда вы его получите, вы будете удовлетворены?

— Сомневаюсь. Пока я никогда не был ничем удовлетворен.

— Вы имеете в виду, что собираетесь повсюду совать свой нос, искажать истину и попытаетесь доказать, что Карл не совершал того, что он совершил?

— Меня интересуют только факты, о чем я и говорил д-ру Грантленду.

— А он-то какое отношение имеет ко всему этому?

— Вот я и хотел бы узнать, какое. Может, вы сможете мне рассказать.

— Я знаю, что не он застрелил Джерри. Абсурдная мысль.

— Возможно. Но я повторяю вашу фразу. Давайте помусолим ее немножко. Если Йоган говорит правду, что у Карла был револьвер с перламутровой рукояткой или что-то в этом роде. Мы не знаем наверняка, что именно из него убили вашего мужа. И не узнаем, пока не получим результаты баллистической экспертизы.

— Но ведь Чарли нашел его в оранжерее, прямо рядом с... бедным Джерри.

— Чарли мог подбросить револьвер. Или сам выстрелить из него. Это позволило бы ему без труда потом найти оружие.

— Вы это выдумали.

Однако она испугалась. Казалось, Зинни не была уверена в том, что все не произошло именно так.

— Револьвер вам показал Остервельт?

— Я сама увидела его.

— А раньше когда-нибудь видели?

— Нет.— Ее ответ прозвучал уверенно и быстро.

— Вы знали, что оружие принадлежало вашей свекрови?

— Нет.— Однако Зинни не стала задавать вопросов и не выказала удивления, приняв мои слова на веру.

— Но вы знали, что у нее есть оружие?

— Нет. Да. Думаю, что знала. Но никогда не видела.

— Я слышал, что ваша свекровь покончила жизнь самоубийством. Это правда?

— Да, бедная Алисия утопилась в океане года три назад.

— Почему она наложила на себя руки?

— У нее было много разных болезней.

— Психических?

— Думаю, можно сказать и так. Она очень сложно перенесла менопаузу. Окончательно так и не оправилась. Последние несколько лет она провела затворницей, жила в восточном крыле в одиночестве. Приглядывала за ней миссис Хатчинсон. Подобные вещи, похоже, случались в семье и раньше.

— Кажется, вы правы. Вам известно, что стало с ее револьвером?

— Очевидно, Карлу каким-то образом удалось завладеть им. А, может, перед смертью она сама отдала.

— И он все эти годы держал его при себе?

— Он мог спрятать револьвер прямо здесь, на ранчо. Почему вы спрашиваете у меня? Я ничего об этом не знаю.

— Как и о том, кто стрелял в оранжерее?

— Вам известно, что я об этом думаю. Что я *знаю*.

— Помнится, вы сказали, что слышали выстрелы?

— Да, слышала.

— Где вы находились в тот момент?

— В своей ванной. Я только что закончила принимать душ.— С неистребимой эротичностью она попыталась прибегнуть к отвлекающему маневру.— Если вам нужны доказательства, обследуйте меня. Я чистая.

— Как-нибудь в другой раз. Оставайтесь чистой до того времени. Это та самая ванная, в которой был убит ваш свекр?

— Нет. У него была своя, которая соединялась со спальней. Мне бы не хотелось, чтобы вы употребляли слово «убийство». Я не собиралась рассказывать вам об этом. Я сказала по секрету, доверительно.

— А, я недопонял. Вы не могли бы показать мне ту ванную? Хотелось бы взглянуть, как все было проделано.

— Я не знаю, как.

— Минуту назад еще знали.

Зинни взяла тайм-аут, чтобы подумать. Это занятие, казалось, давалось ей с трудом.— Я знаю только то, что говорят люди,— произнесла она.

— А кто вам сказал, что Карл толкнул отца под воду?

— Чарли, а уж он-то должен был знать. Он лечил старика.

— Он обследовал сенатора после смерти?

— Да.

— Тогда он должен был знать, что сенатор умер не от сердечного приступа.

— Я вам уже говорила. Его убил Карл.

— И Грантленд это знал?

— Разумеется.

— Вы осознаете то, что сейчас сказали, миссис Холлман? Ваши добрые друзья шериф Остервельт и д-р Грантленд вступили в заговор, чтобы замять убийство.

— Нет! — Она отмахнулась от этой мысли обеими руками.— Я не то хотела сказать.

— А что?

— Я ничего не знаю обо всем этом. Я лгала.

— Но теперь вы говорите правду.

— Вы меня окончательно запутали. Забудьте, что я говорила, а?

— Как я могу забыть?

— Чего вы добиваетесь? Денег? Хотите новую машину?

— Я в некотором роде привязался к старой. Мы с вами поладим лучше, если вы перестанете воображать, что меня можно купить. Это пытались делать профессионально.

Она поднялась, стоя надо мной и глядя сверху вниз со смешанным чувством страха и ненависти. Большим конвульсивным усилием она подавила это чувство. Тем же усилием она переменила тактику и практически изменила свою внешность. Опустила плечи и грудь, выставила вперед живот и приподняла бедро. Даже ее глаза приняли выражение тающего айсберга.

— Мы *могли бы* поладить и очень даже неплохо.

— Правда?

— Вы же не захотите, чтобы у маленькой старушки появились неприятности. Почему бы нам вместо этого не приготовить шейкер с мартини? А там обсудим?

— Чарли это не понравилось бы. А потом тело вашего мужа еще не остыло в могиле, вспоминаете?

В комнате запахло оранжереей, цветами, землей и тепличной атмосферой. Я встал, глядя Зинни в глаза. Она положила руки мне на плечи и придвинулась, слегка касаясь меня своим телом. Тело ее искусно поигрывало.

— Ну же. В чем дело? Боитесь? А я нет. И у меня это очень хорошо получается, даже если я давно не практиковалась.

— В каком-то смысле я действительно боялся. Она была безжалостно красивой блондинкой, сражавшейся с миром двумя оружиями — деньгами и сексом. Оба эти оружия поранили и ее саму, оставив шрамы. Шрамы были невидимы, но я чувствовал рубцы. Я не хотел от нее ничего.

Она взорвалась от моей неуступчивости, шипя, словно разъяренная кошка, и бросилась через комнату к одному из глубоких окон. Ее пальцы, сведенные в кулак, спазматически затеребили занавеску, словно посылали сигнал машинисту, чтобы тот остановил поезд.

За моей спиной раздался шорох чьих-то шагов. Это была Милдред, маленькая и словно беспризорная, появившаяся в одних чулках без туфель.

— Что тут происходит?

Зинни свирепо глядела на нее из своего угла. Лицо ее стало белым, как мел, за исключением красных губ и

зеленых глаз. Зинни со свойственной женщинам быстротой переключилась на свояченицу, выплеснув на нее свою ярость:

— Опять ты за свое! Хватит шпионить за мной. Меня тошнит от твоего шпионства, от сплетен за моей спиной, от того, что ты поливаешь грязью Чарли Грантленда только из-за того, что не смогла заполучить его сама...

— Какие глупости,— тихо возразила Милдред.— Никогда я за тобой не шпионила. А что касается д-ра Грантленда, то мы едва знакомы.

— Да, но ты хотела бы познакомиться поближе, не так ли? Но только знаешь, что он тебе не достанется. Потому-то ты и стараешься уничтожить его, скажешь, нет? Ты наняла этого человека, чтобы уничтожить его.

— Ничего подобного. Ты расстроена, Зинни. *Тебе* следовало бы прилечь и отдохнуть.

— Ах мне? Чтобы ты смогла продолжить свои махинации без вмешательства со стороны?

Зинни метнулась к Милдред, но я встал между ними.

— Милдред не нанимала меня,— сказал я.— Никаких инструкций она мне не давала. Вы ошибаетесь, миссис Холлман.

— Лжете! — Она закричала на Милдред: — Грязная сплетница, вон из моего дома! Забери своего мужа-маньяка, чтобы духу его здесь не было, или, клянусь Богом, я прикажу его пристрелить. Захвати с собой своего сутенера. Давай-давай, пошли вон, оба.

— С радостью.

Милдред направилась к двери с усталой покорностью, и я вышел вслед за ней. Перемирие, как я и ожидал, продолжалось недолго.

Глава 14

Я ждал Милдред снаружи на веранде. На подъездной дорожке находилось еще несколько автомобилей. Одним из них был мой «форд» с откидным верхом, посеревший от пыли, но в остальном точно такой же, как и прежде. Он стоял за грузовиком с черной обшивкой, с местным номерным знаком.

Помощник шерифа, которого я раньше не видел, находился на переднем сидении другой окружной машины, крутя настройку включенного радиоприемника. Остальные

люди шерифа все еще оставались в оранжерее. За ее полупрозрачными стенами двигались их тени.

— Внимание всех подразделений,— раздался по радио громогласный голос.— Объявляется розыск следующей личности, подозреваемой в убийстве, которое произошло на ранчо Холлмана в долине Буэна Виста приблизительно час назад: Карл Холлман, белый, мужского пола, двадцать четыре года, рост шесть футов три дюйма, вес двести фунтов, волосы светлые, глаза голубые, цвет лица бледный, одет в синие хлопчатобумажные брюки и рубашку. Подозреваемый может иметь при себе оружие и считается опасным. Когда его видели в последний раз, он передвигался пешком.

Вышла Милдред, подтянутая, со свежей косметикой на лице, выглядевшая вполне оживленной, несмотря на глаза, напоминавшие увядшие фиалки. Ее голова слегка качнулась в знак облегчения, когда за спиной захлопнулась входная дверь.

— Куда теперь? — спросил я.

— Домой. На работу возвращаться уже поздно. Да и пора к маме.

— Туда может прийти ваш муж. Вы подумали о такой возможности?

— Естественно. Надеюсь, что он объявится.

— Если он придет, вы дадите мне знать?

Она посмотрела на меня прозрачным холодным взглядом.— Это будет зависеть от обстоятельств.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Возможно, лучше сразу же объяснить, что я на стороне вашего мужа. Мне бы хотелось свидеться с ним до того, как это сделает шериф. Остервельт, кажется, составил определенное мнение об этом деле. Я же нет. Полагаю, что требуется дальнейшее расследование.

— Вы хотите, чтобы я вам заплатила, вы на это намекаете?

— Забудьте об этом на время. Скажем так, мне нравится старомодная идея презумпции невиновности.

Она сделала шажок в мою сторону, и глаза ее оживились.— Вы ведь тоже не верите, что он застрелил Джерри.

— Не хочу обнадеживать вас, не имея достаточных на то оснований. Я составлю свое мнение, когда мы будем располагать новой информацией. Вы слышали выстрелы?

— Да.

— Где вы были в это время. И где находились остальные.

— Насчет остальных не знаю. Я была с Мартой за домом. Девочка как будто почувствовала, что́ произошло, и мне пришлось долго ее успокаивать. Я не заметила, чем были заняты остальные.

— Остервельт находился в тот момент возле дома?

— Если да, то я его не видела.

— А Карл?

— В последний раз я видела Карла вон в той роще.

— В какую сторону он отправился, когда вы расстались?

— В сторону города, во всяком случае в том направлении.

— Как он вел себя, когда вы с ним говорили?

— Он был расстроен. Я уговаривала его сдаться, но он выглядел испуганным.

— Эмоционально подавленным?

— Трудно сказать. Я видала его и в гораздо более худшем состоянии.

— Вы не уловили никаких признаков того, что он опасен?

— По отношению ко мне — конечно, нет. Такого никогда не было. Он был несколько груб, когда я пыталась удержать его, вот и все.

— С ним часто случались приступы буйства?

— Нет. Я и не говорила, что он вел себя буйно. Просто он не хотел, чтобы его удерживали. Он оттолкнул меня.

— Он не сказал, почему?

— Он сказал что-то о том, что ему надо идти своей дорогой. У меня не хватило времени спросить, что он хочет этим сказать.

— А вы сами-то понимаете, что он имел в виду?

— Нет.— Но глаза ее расширились и потемнели от догадки.— Впрочем, я уверена, что он вовсе не имел в виду убийство своего брата.

— Есть еще один вопрос, который требует ответа,— сказал я.— Мне крайне не хочется задавать его вам сейчас.

Она подняла хрупкие плечи.— Спрашивайте. Если смогу — отвечу.

— Мне сказали, что ваш муж убил своего отца. Умышленно утопил его в ванне. Вы слышали об этом?

— Да, слышала.

— От Карла?

— Не от него, нет.

— А вы верите этому?

Она ответила не сразу.— Не знаю. Это стало известно сразу после того, как Карла госпитализировали — в тот же день. Когда в твою жизнь вклинивается подобная трагедия, не знаешь, чему и верить. Кажется, что мир вокруг тебя рушится. Я еще могла распознавать обломки, но все узоры, ими образованные, были незнакомыми, смысл был уже не тот. И так до сих пор. Ужасно сознаваться в этом, но я не знаю, *чему* верить. Я жду. Я прождала шесть месяцев, чтобы понять, где мое место в мире, на какую жизнь я могу рассчитывать.

— Вы так и не ответили на мой вопрос.

— Ответила бы, если бы могла. Я попыталась объяснить, почему не могу. Обстоятельства были такие подозрительные и ужасные.— Воспоминания о них, какими бы они ни были, изменили ее выражение лица — оно словно застыло от холода.

— Кто сообщил вам об этом так называемом признании?

— Шериф Остервельт. Тогда я считала, что он лжет по причинам, мне неизвестным. Возможно, я пыталась найти разумное объяснение просто оттого, что не могла смотреть правде в глаза — не знаю.

До того, как она пустилась излагать свои дальнейшие сомнения, я сказал:

— Какие у него могли быть причины лгать вам?

— Могу назвать одну. Не очень скромно об этом говорить, но он уже долгое время интересуется мной. Он всегда околачивался на ранчо,— теоретически, чтобы повидаться с сенатором, но выискивал поводы поговорить со мной. Я знала, чего он добивается, он такой же тонкий стратег, как старая свинья. В тот день, когда мы отвезли Карла в лечебницу, Остервельт очень недвусмысленно заявил об этом, и очень грязно.— Она на секунду закрыла глаза. На веках и висках у нее выступила легкая испарина.— Так мерзко, что боюсь, не смогу об этом рассказать.

— Общую идею я уловил.

Однако она продолжала свой рассказ, войдя в транс воспоминаний, которые, казалось, отрицали время и место: — Он должен был в то утро отвезти Карла на машине в больницу, и я, конечно, хотела поехать с ними. Я хотела быть вместе с Карлом до той самой последней минуты, когда за ним закроются двери. Вы не знаете, что ощущает женщина, когда от нее вот так забирают мужа, возможно, навсегда. Я боялась, что навсегда. В течение всей поездки Карл не сказал ни слова. До этого он целыми днями

говорил без остановки — обо всем на свете: о своих планах относительно ранчо, нашей совместной жизни, философии, социальной справедливости, а также о братстве людей. Вдруг все оборвалось. Все. Он сидел в машине между мной и шерифом, неподвижный, словно мертвец.

Он даже не поцеловал меня на прощание у двери приемного отделения. Я никогда не забуду, что он сделал вместо этого. Возле ступенек росло маленькое дерево. Карл сорвал листочек, зажал его в руке и взял с собой в больницу.

Я не стала заходить туда. Не могла заставить себя в тот день, хотя потом часто бывала там. Я ждала снаружи, в машине шерифа. Помнится, я не могла отвязаться от мысли, что это — предел, что со мной никогда уже не произойдет ничего худшего. Я ошибалась.

На обратной дороге Остервельт повел себя так, словно я ему принадлежала. Я его ничем не поощряла, ни тогда, ни когда-либо раньше. В общем, я высказала ему все, что о нем думаю.

Тогда он стал невыносим. Он сказал мне, чтобы я думала, о чем говорю. Что Карл сознался в убийстве отца, и он, Остервельт, единственный, кто об этом знает. Он не станет болтать, если я буду добра с ним. В противном случае не миновать судебного процесса, так он сказал. Даже если Карла оправдают, дело получит такую огласку, от которой люди не в состоянии оправиться.— Ее голос в отчаянии понизился.— Огласку, подобную той, которую мы должны пережить теперь.

Милдред оглянулся, обозревая зеленый ландшафт, словно это была пустыня.

— Я не поддалась. Но я боялась отказать ему со всей решительностью, которую он заслуживал. Я отделалась от него неопределенным обещанием, что когда-нибудь в будущем мы сможем прийти к соглашению. Разумеется, обещание я не сдержала и никогда не сдержу.— Она произнесла эти слова вполне спокойно, однако плечи ее задрожали. Краешек уха, который я разглядел между шелковистыми прядками волос, покраснел либо от стыда, либо от гнева.— Этот мерзкий старик не простил мне. Последние шесть месяцев я прожила в страхе, что он возбудит дело против Карла — вытащит его и привлечет к суду.

— И тем не менее, он этого не сделал,— сказал я,— значит, признание Карла было ложным. Скажите-ка мне вот что — могло ли это произойти так, как утверждает

Остервельт? Я хочу спросить, у вашего мужа была такая возможность?

— Боюсь, что да. После ссоры с отцом он бóльшую часть ночи бродил по дому. Я не могла заставить его прилечь.

— Вы спрашивали его об этом потом?

— В больнице? Нет, не спрашивала. Меня предупредили, чтобы я не заговаривала на опасные темы. Да и сама я была рада не ворошить прошлого. Если это было правдой, то я чувствовала, что лучше не знать, чем знать. Существуют границы знания, переступив которые человек может сломаться.

Она содрогнулась от холодка воспоминаний.

Неожиданно входная дверь оранжереи распахнулась. Спиной вперед вышел Кармайкл, наклонившийся над ручками прикрытых носилок. Под покрывалом угадывались очертания мертвого тела. С другого края носилки поддерживал заместитель следователя. Они неуклюже двинулись по вымощенной плитами дорожке к черному крытому грузовику. На фоне бескрайней долины и гор, возвышающихся на солнце, словно памятники, те двое, что несли носилки, и тот, кто на них лежал, казались в равной мере маленькими и случайными. Живые задвинули мертвого в грузовик и захлопнули двойные двери. От их стука Милдред подскочила.

— У меня пошаливают нервы, мне бы лучше уехать отсюда. Не следовало начинать... этот разговор. Вы — единственный человек, которому я рассказала.

— Со мной безопасно.

— Спасибо.— То есть, спасибо за все. Вы — единственный, кто дал мне луч надежды.

Она подняла в знак прощания руку и стала спускаться по ступеням на солнечный свет, позолотивший ее голову. Можно было легко понять страсть стареющего Остервельта. И дело не только в том, что она молодая и хорошенькая и с округлостями там, где им положено быть. В ней было нечто более волнующее, нежели женственность: напряженная печальная невинность серьезного ребенка и одиночество, от которого она казалась более ранимой.

Я проводил «бьюик» взглядом, пока он не скрылся из вида и поймал себя на внезапной мысли, от которой меня бросило в жар. Муж Милдред вовсе не вечен. Его шансы дожить до конца дня были примерно равные. Если ее мужу не удастся уцелеть, то Милдред понадобится человек, чтобы заботиться о ней.

Мысленно я ударил себя в зубы. Подобные рассуждения поставили меня на одну ногу с Остервельтом. Из-за чего я еще больше разозлился на Остервельта.

Глава 15

Заместитель следователя зажег сигарету и, прислонившись к борту крытого грузовика, задымил ею. Я приблизился и осмотрел свою машину. Все было на месте. Даже ключ зажигания. На спидометре, насколько я мог судить, набежал километраж, примерно равный расстоянию от больницы до Пуриссимы и оттуда до ранчо.

— Хороший день,— сказал заместитель следователя.

— Неплохой.

— Жаль, что м-р Холлман уже не сможет им насладиться. Судя по беглому осмотру, он был в хорошей форме. Интересно, что поведают его органы.

— Не считаете же вы, что он умер от естественных причин.

— Нет, конечно. Это всего-навсего маленькая игра, в которую я играю сам с собой для поддержания интереса.— Он усмехнулся, и солнце заиграло на его очках с холодным весельем.— Не каждому врачу удается взглянуть на своих пациентов изнутри.

— Вы — следователь, не так ли?

— Заместитель следователя. Следователь — Остервельт, он сидит на двух стульях. Кстати, я тоже. Я по совместительству являюсь патологоанатомом в больнице в Пуриссиме. Моя фамилия Лоусон.

— Арчер.— Мы пожали друг другу руки.

— Вы случаем не из лос-анджелесской газеты? Я только что закончил беседу с газетчиком.

— Я — частный детектив, нанятый членом семьи. Меня интересуют полученные вами сведения.

— Пока никаких сведений нет. Все, что я знаю — это то, что в трупе сидят две пули, поскольку они вошли и не вышли. Я извлеку их на вскрытии.

— Когда?

— Сегодня вечером. Остервельт хочет, чтобы я поспешил. Я должен закруглиться к полуночи, может, получится и раньше.

— Что будет с пулями после того, как вы их извлечете?

— Передам их шерифскому баллистику.

— Он хорошо разбирается в этом?

— О да, Дэркин прекрасный специалист. Если дело осложнится, мы отправим пули на экспертизу в полицейскую лабораторию в Лос-Анджелесе или в Сакраменто. Однако это не тот случай, когда медицинское свидетельство много значит. Нам хорошо известно, кто это сделал. И когда его поймают, будет не трудно заставить его заговорить. Остервельт, может, вообще не захочет суетиться из-за пуль. Он весьма беспечный малый. Не мудрено, когда проработаешь в этой должности двадцать пять или тридцать лет.

— Давно вы с ним работаете?

— Четыре-пять лет. Пять.— Он добавил, словно оправдываясь: — В Пуриссиме живется хорошо. Жена ни за что не уедет отсюда. Кто может винить ее?

— Только не я. Я и сам готов поселиться здесь.

— Поговорите с Остервельтом, почему бы и нет. У него не хватает людей — всегда ищет. Вы имеете опыт работы в полиции?

— Имел, до недавнего времени. Устал жить на жалование полицейского. Помимо прочих вещей.

— Объяснения всегда найдутся.

Не зная, с каким умыслом он мне это сказал, я посмотрел ему в глаза. Он также посмотрел на меня испытующе. Я ответил:

— Это была одна из причин, от которых я устал. Но вряд ли у вас здесь дело обстоит лучше.

— Лучше, чем вам кажется, брат, лучше, чем вам кажется. Однако не будем об этом.— Он откусил кончик сигары и выплюнул его на гравий.— Значит, говорите, что работаете на семью Холлманов?

Я кивнул.

— Когда-нибудь раньше бывали в Пуриссиме?

— Да, правда, давно.

Он посмотрел на меня с любопытством.— Вы не из тех ли детективов, которых сенатор пригласил, когда утонула его жена?

— Нет.

— Я спросил просто так. С одним из них мне довелось провести несколько часов — расторопный старый бульдог по фамилии Скотт. Вы случаем не знакомы с ним? Он из Лос-Анджелеса. Гленн Скотт?

— Скотта я знаю. Он один из лучших мастеров своего дела. Во всяком случае, был им, пока не вышел на пенсию.

— И я точно так же считаю. Он знал о патологии

больше, чем некоторые студенты медицинского отделения. У нас с ним произошел чрезвычайно интересный разговор.

— О чем?

— Об утопленниках и причинах их смерти, в частности, асфиксии и так далее,— ответил он, воодушевляясь.— К счастью, я произвел тщательное вскрытие. Я смог установить, что она утонула; в бронхах обнаружился песок и частички водорослей, а в легких — характерная соленая жидкость.

— Никаких сомнений не возникло, так?

— После завершения вскрытия — уже нет. Скотт был совершенно удовлетворен. Конечно, я не мог полностью исключить вероятность убийства, но положительных показаний не было. Ушибы же почти наверняка были нанесены после смерти.

— Ушибы? — переспросил я вкрадчиво, надеясь получить дополнительную информацию.

— Да, ушибы на спине и на голове. Они, как правило, образуются на теле во время прибоя. Берег-то скалистый. Мне доводилось видеть трупы, которые были абсолютно истерзаны, бедняги. Во всяком случае, миссис Холлман обнаружили до того, как это с ней произошло. Но и она выглядела уже скверно. В газетах следовало бы напечатать парочку моих фотоснимков. Тогда число самоубийц, выбравших этот способ распрощаться с жизнью, поубавилось бы. По крайней мере, часть женщин, возможно, подумала бы, а ведь большинство из них — *женщины.*

— И миссис Холлман решилась именно на это — войти в воду?

— Вероятно. Либо же она бросилась с пирса. Разумеется, нельзя исключать того обстоятельства, что она могла упасть, отсюда и ушибы. Суд присяжных объявил это несчастным случаем, но главным образом из-за того, чтобы пощадить чувства семьи. Пожилые женщины обычно ведь не ходят по ночам к океану и случайно не падают в воду.

— Но они же обычно и не кончают жизнь самоубийством.

— Тоже верно, только миссис Холлман вряд ли можно назвать обычным случаем. Скотт переговорил с ее лечащим врачом после того, как это произошло, и он сказал, что у нее были эмоциональные нарушения. Нынче не в моде говорить о наследственном помешательстве, но нельзя не заметить определенных семейных совпадений. Как, например, в семье Холлманов. Ведь не случайно женщина,

подверженная депрессии, имеет сына с маникально-депрессивным психозом.

— У матери были синие гены, а?

— Угу.

— И кто был ее лечащим врачом?

— Городской врач по фамилии Грантленд.

— Я слегка знаком с ним,— сказал я.— Сегодня он приезжал сюда. Он производит впечатление порядочного человека.

— Ага.— В свете врачебного кодекса, который не позволяет докторам критиковать коллег, односложный ответ прозвучал весьма красноречиво.

— Вы так не считаете?

— Черт, не мне строить догадки о другом враче. Я не из тех медицинских светил, которые имеют большой доход и обладают манерами сиделок. Я всего-навсего лабораторная крыса. Правда, признаюсь, тогда я думал, что ему следовало бы направить миссис Холлман к психиатру. Это могло бы спасти ей жизнь. Кому как не ему было знать, что у нее склонность к самоубийству.

— А вам откуда это известно?

— Он сам рассказал Скотту. До тех пор Скотт считал, что могло иметь место убийство, несмотря на медицинское заключение — ну, в общем, случай укладывался в типичные рамки.

— А когда она попыталась застрелиться?

— Кажется, за неделю или две до того, как утопилась.— Лоусон заметно напрягся, словно сознавая, что говорил очень вольно.— Поймите меня правильно, я не обвиняю Грантленда в халатности или в чем-либо подобном. Врач должен полагаться на собственные суждения. Лично я растерялся бы, доведись мне иметь дело с одним из этих...

Он заметил, что я не слушаю, и впился в мое лицо с профессиональной участливостью.— В чем дело, приятель? У вас спазмы?

— Да нет, все в порядке.— Во всяком случае, мне не хотелось облекать в слова то, что меня тревожило и что отнюдь не было в порядке. А тревожила меня семья Холлманов: отец и мать умерли при подозрительных обстоятельствах, один сын застрелен, другой в розыске. И в каждой кульминационной точке всплывало имя Грантленда. Я сказал:

— Вам известно, что стало с пистолетом?

— Каким пистолетом?

— Из которого она пыталась застрелиться.

— Боюсь, что не знаю. Может, Грантленд знает.

— Может быть.

Лоусон стряхнул пальцем наросший пепел с сигары, упавший беззвучно на гравий между нами. Он раскурил сигару, зажженный конец которой по цвету походил на розовую лососину, и выпустил в воздух облако дыма. Дым лениво поднялся вверх, почти вертикально в неподвижном воздухе, и поплыл над моей головой в сторону дома.

— Или Остервельт,— сказал он.— Интересно, почему он задерживается. Полагаю, он старается произвести впечатление на Славкина.

— Славкина?

— Репортера полицейской хроники из газеты в Пуриссиме. Он разговаривал с Остервельтом в оранжерее. Остервельт любит поболтать.

И не один Остервельт, подумалось мне. За пятнадцать или двадцать минут, выкурив треть сигары, Лоусон выдал мне больше информации, чем я мог переварить.

— Говоря о причинах смерти,— сказал я,— вскрытие сенатора Холлмана производили вы?

— Никакого вскрытия не было,— ответил он.

— Вы хотите сказать, что распоряжение о вскрытии не отдавали?

— Верно, вопроса о причине смерти и не вставало. У старика было больное сердце. Он находился под наблюдением врача практически каждый день.

— Опять Грантленд?

— Да. Это было его мнение, что сенатор умер от сердечного приступа, и я не видел причины для сомнения. И Остервельт тоже.

— Значит, признаков того, что он утонул, не было?

— Утонул? — Он испытующе взглянул на меня.— Вы думаете о его жене, ведь так?

Удивление доктора выглядело неподдельным, и у меня не было оснований сомневаться в его честности. Он был одет в заношенный до блеска костюм и потрепанную рубашку, как человек, который живет на одну зарплату.

— У меня шарики за ролики заехали,— сказал я.

— Не мудрено. Он действительно умер в ванне. Но не утонул.

— Вы осматривали тело?

— В этом не было необходимости.

— Кто сказал, что не было необходимости?

— Семья, семейный врач, шериф Остервельт,— все,

имевшие отношение к происшедшему. Я говорю об этом сейчас,— добавил он с некоторым подъемом.

— А что стало с телом?

— Семья распорядилась, чтобы его кремировали.— Он на секунду задумался над сказанным — глаза за очками приобрели отрешенное выражение.— Послушайте, если вы полагаете, что здесь нечестная игра, то вы абсолютно неправы. Он умер в результате сердечного приступа в запертой ванной. Пришлось потрудиться, чтобы попасть внутрь.— Затем, возможно, чтобы рассеять собственные подозрения, произнес: — Я покажу, вам, где это случилось, если желаете.

— Желаю.

Лоусон потушил сигару о подошву ботинка и положил вонючий окурок в боковой карман. После чего повел меня через дом в большую спальню, находившуюся в задней части строения. Комната с ее закрытыми ставнями, и чехлами на кровати и прочей мебели имела такой вид, словно ее населяли призраки.

Мы вошли в примыкающую ванную. В ней находилась ванна длиной в шесть футов, стоявшая на чугунных ногах. Лоусон включил верхнее освещение.

— Бедный старик лежал в ней,— сказал он.— Пришлось взломать окно, чтобы к нему добраться.— Он показал на единственное окно, находившееся высоко над ванной.

— И кто взломал окно?

— Семья. Полагаю, что оба его сына. Тело пролежало в ванной бóльшую часть ночи.

Я обследовал дверь. Она была толстой и сделана из дуба. Замок в ней оказался старомодным, закрывающимся на ключ. Ключ находился в замочной скважине.

Я повернул его вперед и назад несколько раз, затем вынул и осмотрел. Тяжелый тусклый ключ ничего особенного мне не поведал. Либо Лоусона неправильно информировали, либо сенатор умер в одиночестве. Либо же я оказался перед тайной запертой комнаты, в духе других загадок дома.

Я попробовал открыть дверь отмычкой, и после короткой возни она сработала. Я повернулся к Лоусону.— Ключ был в замке, когда обнаружили тело?

— Не могу сказать точно. Меня здесь не было. Может, Остервельт сумеет вам ответить.

Глава 16

Мы наскочили на Остервельта в прихожей, что находилась у входа, наскочили на него почти в буквальном смысле слова, когда он выходил из гостиной. Он вклинился между нами, выпятив живот, словно под одеждой у него был спрятан футбольный мяч. Его толстые щеки и двойной подбородок конвульсивно затряслись.

— Что происходит?

— М-р Арчер хотел взглянуть на сенаторскую ванную,— пояснил Лоусон.— Вы помните то утро, когда его нашли, шеф? Скажите, ключ был в замке?

— В каком замке, ради Христа?

— В замке, что в двери ванной комнаты.

— Не знаю.— Остервельт заговорил отрывисто, словно забивал гвозди, и голова его задергалась в такт: — Я скажу вам то, что я действительно знаю, Лоусон. Нечего болтать о служебных делах с посторонними. Сколько раз вам повторять?

Лоусон снял очки и протер их внутренней стороной галстука. Без очков лицо его выглядело расплывчатым и беззащитным. Однако он не оробел и возразил с некоторым профессиональным достоинством:

— М-р Арчер не совсем посторонний. Он нанят семьей Холлманов.

— Для чего? Чтобы поживиться вашими мозгами, если они у вас вообще имеются?

— Вы не имеете права разговаривать со мной в подобном тоне.

— Ну и что вы теперь предпримете? Подадите в отставку?

Лоусон с оскорбленным видом отвернулся и вышел. Остервельт крикнул ему вслед:

— Валяйте, увольняйтесь. Я принимаю вашу отставку.

Чувствуя некоторое угрызение совести, поскольку я поживился мозгами Лоусона, я сказал Остервельту:

— Отвяжитесь от него. Что вы на него взъелись?

— Да, взъелся, и все из-за вас. Миссис Холлман сказала, что вы требовали у нее денег, приставали к ней.

— А она не разорвала на груди платье? Обычно они рвут платье на груди.

— Это не шутка. Я мог бы засадить вас за решетку.

— Так чего же вы ждете? Иск за ложный арест сделает меня богатым.

— Нечего зарываться.— И хотя он был взбешен, я

увидел, что мои слова произвели на него сильное впечатление. Его маленькие глазки беспокойно забегали от испуга. Он даже вынул револьвер, чтобы прибавить себе уверенности.

— Уберите,— сказал я.— Одного «кольта» мало, чтобы превратить копа в офицера.

Остервельт замахнулся «кольтом» и нанес мне сильнейший удар сбоку по голове. Потолок накренился, затем унесся ввысь, а я упал. Когда я поднялся, на пороге стоял худощавый молодой человек в коричневом вельветовом пиджаке. Остервельт начал заносить револьвер для нового удара. Худощавый мужчина схватил его за руку и едва не поднялся в воздух вместе с ней.

Остервельт закричал: — Я разорву его на куски. Прочь от меня, Славкин.

Славкин не отпускал его руки. Меня же не отпускало желание ударить Остервельта. Славкин сказал:

— Погодите минутку, шериф. Что это вообще за человек?

— Частный сыщик из Голливуда, темная лошадка.

— Собираетесь арестовать его?

— Ваша правда, черт возьми, собираюсь.

— Из-за чего? Он связан с расследованием?

Остервельт стряхнул его со своей руки.— А это уже наше с ним дело. Не ввязывайтесь, Славкин.

— Не могу, раз мне поручено. Я лишь выполняю свои обязанности, как и вы, шериф.— На смышленом молодом лице Славкина иронически заблестели черные глаза.— Не могу же я делать свою работу, если вы не даете информации. В своем рапорте мне придется изложить то, что я вижу. А вижу я, как официальное лицо избивает человека револьвером. Естественно, я заинтересован.

— Нечего меня шантажировать, молод еще хамить.

Славкин невозмутимо заулыбался.— Хотите, чтобы я передал это сообщение м-ру Сполдингу? М-р Сполдинг всегда ищет хорошую местную тему для передовой статьи. Возможно, он как раз за нее и уцепится обеими руками.

— Наклал я на Сполдинга. А тот селедочный листок, на который вы работаете, сгодится сами знаете для чего.

— Прекрасный язык для главного стража порядка и блюстителя законов округа. К тому же, выборного должностного лица. Полагаю, вы не будете возражать, если я вас процитирую.— Славкин достал из бокового кармана блокнот.

Лицо Остервельта отразило целую гамму различных

оттенков и остановилось на пятнисто-багровом. Он убрал оружие.— О'кей, Славкин. Что еще вы хотите узнать?

— Этот человек подозреваемый? Я думал, Карл Холлман единственный.

— Так оно и есть, и мы задержим его в ближайшие двадцать четыре часа. Живого или мертвого. Здесь можете меня процитировать.

Я сказал Славкину: — Вы газетчик?

— Пытаюсь им стать.— Он посмотрел на меня испытующе, словно хотел определить, кем пытаюсь стать я.

— Я бы хотел поговорить с вами об этом убийстве. Шериф уже вынес приговор Холлману, однако имеются некоторые противоречия...

— Никаких противоречий, черт побери! — сказал Остервельт.

Славкин выхватил карандаш и открыл блокнот.— Вводите меня в курс дела.

— Не сейчас. Мне потребуется некоторое время, чтобы говорить с полной уверенностью.

— Он блефует,— сказал Остервельт.— Он просто старается выставить меня в невыгодном свете. Он из тех парней, которые хотят выглядеть героями.

Не обращая на него внимания, я сказал Славкину: — Где я могу связаться с вами, скажем, завтра?

— Завтра вас здесь не будет,— вмешался Остервельт.— Чтобы через час вашего духу в округе не было, иначе пеняйте на себя.

Славкин сказал кротко: — Я думал, вы собираетесь арестовать его.

Остервельт взбеленился. Он перешел на крик: — Не зарывайтесь, м-р Славкин. Люди, поважнее вас, думали, что смогут потягаться со мной, и потеряли работу.

— Да ладно вам, шериф. Часто бываете в кино? — Славкин развернул жевательную резинку и заработал челюстями. Он сказал мне: — Можете связаться со мной в любое время через газету «Рекорд» в Пуриссиме.

— Это вы так считаете,— сказал Остервельт.— С завтрашнего дня вы там уже не будете работать.

— Позвоните по номеру 6328,— сказал Славкин.— Если меня там не будет, поговорите со Сполдингом. Он — редактор.

— Я могу выйти на инстанции повыше, чем Сполдинг, если понадобится.

— Обратитесь в Верховный Суд, шериф.— Жующее лицо Славкина выражало усталое превосходство, что дела-

ло его похожим на интеллектуального верблюда.— Мне бы, конечно, хотелось получить от вас сведения, которыми вы располагаете. Сполдинг отвел место на первой полосе для этой истории.

— Я не прочь передать их вам, но они не выкристаллизовались.

— Вот видите? — сказал Остервельт.— У него ничего нет. Он всего лишь хочет нагадить. Вы ненормальный, если верите ему, а не мне. О Боже, он может даже быть сообщником этого шизика. Он предоставил Холлману свою машину, не забывайте.

— Здесь становится довольно шумно,— сказал я Славкину и двинулся к двери.

Он последовал за мной, проводив меня до машины.— Когда вы говорили об уликах, вы не шутили?

— Нисколько. Думаю, Холлман основательно влип и ему будет трудно выпутаться.

— Пожалуй, вы правы. Этот парень мне симпатичен, вернее, был симпатичен до того, как заболел.

— Так вы знакомы с Карлом?

— Еще со средней школы. Остервельта я тоже знаю достаточно давно. Но сейчас не время о нем говорить.— Он прислонился к окну автомобиля и от него пахнуло жевательной резинкой фирмы «Дентайн».— Вы кого-нибудь еще подозреваете?

— Да, и не одного.

— Ах значит так?

— Значит так. Спасибо за помощь.

— Не за что.— Его черные глаза скользнули по моей голове.— А вы знаете, что у вас порвано ухо? Вам следует обратиться к врачу.

— Так я и сделаю.

Глава 17

Я приехал в Пуриссиму и остановился в мотеле с названием «Гасьенда», что в районе порта. Не располагая банковским счетом и имея в бумажнике долларов сорок с небольшим, которые надлежало растянуть до пенсии по старости, я выбрал самый дешевый номер из тех, где стоял телефон. В комнате, за которую я уплатил вперед восемь долларов, находились кровать, стул, комод, обклеенный шпоном под дуб, а также телефон. Окно выходило на автомобильную стоянку.

Неожиданно при виде комнаты у меня защемило сердце от ощущения боли и утраты. Боли не по Карлу Холлману, хотя образ беглеца постоянно всплывал в сознании. Вероятно, то была боль по самому себе; а утрата — утрата несбывшихся планов.

Выглядывая из-за пыльных жалюзи, я чувствовал себя, будто преступник, скрывающийся от закона. Ощущение мне не понравилось, и я стряхнул его. Все, что мне требовалось, был чемодан, набитый украденными деньгами, и пепельно-белокурая подружка, хнычущая по норковому манто и бриллиантам. Из всех моих знакомых на роль пепельно-белокурой подружки больше всего подходила Зинни, а Зинни, как оказалось, уже была подружкой другого.

В каком-то смысле я был рад, что Зинни — не моя подружка. Комната оказалась маленькой, и напечатанное объявление под стеклом на крышке комода гласило, что на двоих она сдается за четырнадцать долларов. Номер полагалось освободить к двенацати часам дня. Закурив пепельно-белокурую сигарету, я высчитал, что для завершения дела в моем распоряжении около двадцати четырех часов. Я не собирался платить за вторые сутки из собственного кармана. Это было бы преступлением?

Попробуйте когда-нибудь прислушаться к самому себе, когда вы одни в случайной комнате в чужом городе. Хуже всего, когда ты потерпел неудачу, и пепельно-белокурые призраки из прошлого ведут с тобой междугородние телефонные разговоры, и ты никак не можешь положить трубку.

Перед тем как заказать реальный междугородний разговор, я прошел в ванную и в зеркале над умывальником осмотрел голову. Она выглядела хуже, чем я ее ощущал. Ухо было порвано и наполовину заполнено подсыхающей кровью. На виске и щеке виднелись ссадины. Над глазом намечался синяк, от чего я выглядел более беспутным, чем был на самом деле. Когда я улыбнулся пришедшей в голову мысли, то эффект получился весьма мрачный.

Мысль, пришедшая в голову, заставила меня вернуться в спальню. Я сел на край кровати и в местном телефонном справочнике отыскал номер доктора — дружка Зинни. Грантленд имел кабинет на респектабельной Мейн-стрит и дом на Сивью-роуд. Я выписал адреса и номера телефонов и позвонил ему на работу. Девушка, взявшая трубку, после уговоров назначила мне время для внеочередного приема в полшестого, на конец рабочего дня.

Если я поспешу, и если Гленн Скотт окажется дома, то

у меня хватит времени повидаться с ним и успеть на прием к Грантленду. Выйдя на пенсию, Гленн обосновался на ранчо в глубинке Малибу, где выращивал авокадо. В последние два года я раза два или три наведывался к нему, чтобы сыграть в шахматы. Он всегда обыгрывал меня, но выпивка у него была отменная. К тому же, Скотт мне нравился. Он был одним из немногих, которых я знал по службе в Голливуде, умевших наслаждаться своими небольшими деньгами и при этом не пускать людям пыль в глаза.

Набирая номер, я подумал, что Гленн оказался при деньгах так же, как многие другие оказывались в нищете. Всю свою жизнь он, конечно, работал в поте лица, но из-за денег никогда не доводил себя до изнурения. Он любил приговаривать, что никогда не пытался продаться из-за боязни, что кто-нибудь захочет его купить.

На другом конце провода раздался голос служанки, которая проработала у Скоттов двадцать лет. М-р Скотт находился на участке, где поливал деревья. Насколько она могла судить, он пребывал там с утра и будет рад повидать меня.

Я отыскал его спустя полчаса, поливающим из шланга склон выгоревшего на солнце пригорка. Хилые молодые деревья авокадо, посаженные рядами, лишь подчеркивали бесплодие каменистой почвы. «Джип» Гленна стоял на обочине дороги. Разворачиваясь и припарковываясь за ним, я мог видеть покрытую черепицей крышу его плоского дома, построенного из красноватого дерева, а за ней длинную белую дугу пляжа, примыкавшую к морю. Я направился к Скотту через луг, ощутив внезапный укол зависти. Мне казалось, что у Скотта есть все, что стоит иметь человеку: место под солнцем, жена и семья, достаточно денег для жизни.

Гленн встретил меня улыбкой, и я устыдился своих мыслей. Его проницательные серые глаза почти потерялись среди морщин, не тронутых загаром. Широкополая шляпа и пятнистый комбинезон цвета хаки делали его похожим на фермера с многолетним стажем. Я казал:

— Привет, фермер.

— Как вам нравится моя защитная окраска? — Он выключил воду и стал скручивать шланг.— Как дела, Лу? Продолжаете буянить, как я погляжу?

— Да нет, налетел на дверь. А вы хорошо выглядите.

— Ага, такая жизнь по мне. Когда начинает приедать-

ся, Белл и я идем в «Стрип» пообедать, а, оказавшись на людях, удираем к черту обратно домой.

— А как поживает Белл?

— О, замечательно. Сейчас она в Санта Моника, гостит у детей. На прошлой неделе у Белл родился первый внук не без некоторой помощи со стороны невестки. Семь с половиной фунтов, вылитый боксер среднего веса, собираются назвать его Гленном. Но вы сюда приехали не для того, чтобы расспрашивать меня о семье.

— О семье, но не вашей. Года три тому назад вы принимали участие в расследовании дела в Пуриссиме. Утопилась пожилая женщина. Муж заподозрил убийство и пригласил вас для проверки.

— Угу. Я бы не назвал миссис Холлман пожилой. Ей, кажется, было пятьдесят с небольшим. Черт, я уже миновал этот возраст, но я не пожилой.

— О'кей, дедуля,— сказал я с тонкой лестью.— Вы не против того, чтобы ответить на парочку вопросов о деле миссис Холлман?

— А почему вы интересуетесь?

— Похоже, оно вновь открывается.

— Иными словами, это было убийство?

— Не могу утверждать. Пока не могу. Но сегодня днем убили сына этой женщины.

— Которого? У нее было двое.

— Старшего. Его младший брат вчера ночью бежал из больницы для душевнобольных и является главным подозреваемым. Незадолго до выстрелов он появился на ранчо...

— О Боже,— выдохнул Гленн.— Старик был прав.

— Я ждал продолжения, но не дождался и наконец спросил: — Прав насчет чего?

— Давайте не будем об этом, Лу. Я понимаю, что его уже нет в живых, но все же это дело конфиденциальное.

— Значит, ответов не будет, а?

— Можете задавать ваши вопросы, а я уж решу, буду отвечать или нет. Для начала, однако, вы кого представляете в Пуриссиме?

— Младшего брата,— Карла.

— Шизика?

— Я что, обязан сперва подвергать своих клиентов тесту по Роршаху?

— Я вовсе не это имел в виду. Он нанял вас, чтобы вы сняли с него подозрения?

— Нет, тут уже моя собственная инициатива.

— Эй, это что же — очередной порыв благородства?

— Вряд ли,— произнес я, вложив в ответ больше надежды, чем испытывал в душе.— Если мои предчувствия оправдаются, мне заплатят за потраченное время. У семьи миллион или два.

— Скорее пять миллионов. Насколько я в этом разбираюсь. Можете сорвать куш.

— Называйте, как хотите. Может, позволите задавать вопросы?

— Валяйте. Задавайте.— Он привалился к валуну и придал лицу непроницаемое выражение.

— На главный вы уже ответили. Смерть миссис Холлман могла наступить в результате убийства.

— Да-а. В итоге я исключил его за отсутствием улик. В суде, как вы понимаете, без них делать нечего. А также ввиду душевного состояния леди. Она была неустойчива, много лет прожила на снотворном. Ее врач решительно отрицал, что она пристрастилась к снотворному, однако у меня создалось именно такое впечатление. Вдобавок ко всему, она и раньше покушалась на свою жизнь. Хотела застрелиться прямо в кабинете врача. Произошло это за несколько дней до того, как она утонула.

— Кто вам рассказал?

— Сам врач, и он не лгал. Она потребовала от него рецепт с большей дозой. А когда он отказался, выхватила из сумочки револьвер с перламутровой рукояткой и приставила к своей голове. Врач вовремя успел выбить его, и пуля попала в потолок. Он показывал мне отверстие, проделанное пулей.

— Что стало с револьвером?

— Естественно, врач отобрал его. Кажется, он говорил, что выкинул револьвер в море.

— Странный способ обращения с оружием.

— Не такой уж странный, учитывая обстоятельства. Она умоляла его не рассказывать мужу об этой истории. Старик постоянно грозился засадить жену в психушку. Доктор не стал выдавать ее.

— Вы имели какое-либо подтверждение?

— Какое у меня могло быть подтверждение? Это произошло с глазу на глаз.— Он добавил с некоторым раздражением: — Его никто не заставлял говорить мне об этом. Он и так ставил себя под удар, рассказывая, что он делал. Говоря о риске, я тоже сейчас здорово рискую.

— В таком случае могли бы рискнуть еще немножко. Что вы думаете о местных блюстителях закона?

— В Пуриссиме? У них хорошая полиция. Не хватает

кадров, как и везде, но это один из лучших департаментов среди маленьких городов, я бы сказал.

— Вообще-то я имел в виду скорее департамент округа.

— То есть Остервельта? Мы с ним ладили. Он не мешал работать.— Гленн мимолетно улыбнулся.— Естественно, не мешал. Сенатор Холлман здорово помог ему на выборах.

— Остервельт честный человек?

— Своими глазами я не видел ничего, чтобы утверждать обратное. Может, он иногда и брал взятки. Он уже не так молод, как раньше, и до меня доносились кое-какие слухи. Но ничего существенного, как вы понимаете. Сенатор Холлман не допустил бы. А почему вы спросили?

— Просто поинтересовался.— Я сказал очень осторожно, прощупывая почву: — Наверное, мне не удастся взглянуть на ваш рапорт по этому делу?

— Даже если бы он у меня был. Вам известен закон так же, как и мне.

— У вас не сохранилась копия?

— Я не составлял письменного отчета. Старик хотел, чтобы я доложил устно, что я и сделал. Могу сказать вам одним словом, что́ я ему сообщил. Самоубийство.— Он сделал паузу.— Но я мог и ошибаться, Лу.

— Вы считаете, что ошиблись?

— Возможно. Но если я и совершил ошибку, то тут комар носа не подточит. Я сознаю, что не следует признаваться в этом бывшему конкуренту. С другой стороны, вы никогда не были серьезным конкурентом. К вам обращались в тех случаях, когда я оказывался не по карману.— Скотт пытался придать разговору шутливый тон, но лицо его было мрачным.— Так или иначе, не хочу, чтобы вы оказались на тонком льду — можете сломать ногу.

— И что вы предлагаете?

— Предлагаю послушаться совета старого профессионала, который начал службу задолго до того, как вы научились спускать воду в уборной. Вы теряете время в данном случае.

— Я так не считаю. Вы сказали то, что требуется.

— Тогда я скажу кое-что, чего вам не требуется, чтобы умерить ваш восторг.— Сам Скотт казался весьма далеким от восторга. Он говорил все медленнее и медленнее.— Не начинайте тратить вашу долю из этих пяти миллионов, когда вам откроют банковский счет. Видите ли, в законе есть маленькое правило, которое гласит, что убийца не может быть наследником собственной жертвы.

— Вы хотите сказать, что Карл Холлман убил своего отца?

— Как я слышал, старик умер естественной смертью. Я не расследовал обстоятельств его смерти. Но, похоже, кому-нибудь следовало бы этим заняться.

— Я и собираюсь.

— Конечно, но не удивляйтесь, если получите ответ, который вам не понравится.

— Например?

— Вы сами сказали его минуту назад.

— У вас есть особая информация?

— Только то, что вы мне рассказали, и что говорил старик, когда адвокат прислал его ко мне. А знаете, почему он хотел, чтобы я проводил конфиденциальное расследование случая с утопшей?

— Он не доверял местной полиции.

— Может, и так. Главная же причина заключалась в следующем: он подозревал своего сына в том, что тот пристукнул собственную мать и сбросил ее в воду. И я начинаю думать, что так оно и произошло.

Я давно чувствовал, что он к этому подводит, однако его слова больно ударили меня, ибо я знал Гленна Скотта как честнейшего человека.

— Вам известно, на чем основывались подозрения сенатора?

— Мне он об этом почти не говорил. Я полагал, что он знает своего сына лучше, чем я. Мне даже не довелось повидаться с парнем. Я переговорил с остальными членами семьи и понял, что Карл был очень привязан к матери. Слишком привязан, отсюда, возможно, и его безутешность, когда ее не стало.

— Так же близок, как Эдип?

— Вероятно. Во всяком случае, его беда в том, что он, как говорится, держался за ее передник. Мать подняла вой, когда он уезжал на учебу в колледж. Не хотела отпускать его от себя ни на шаг, это точно. К тому же, как я уже сказал, она была не очень уравновешенной. А может, он думал, что если убьет ее, то получит свободу. Подобные случаи бывают. Как вы понимаете, я всего лишь размышляю вслух. Это не для цитирования.

— Не буду, даже про себя. Где находился Карл, когда она умерла?

— В том-то и дело, что не знаю. В то время он учился в Беркли, но примерно за неделю до того, как это случи-

лось, он уехал оттуда. Исчез из поля зрения в общей сложности дней на десять.

— И как он объяснил, чем занимался?

— Не знаю. Сенатор не позволил даже расспросить его. Дело это было не из приятных. Как вы сами поймете.

— Уже понял.

Глава 18

Я припарковался на Мейн-стрит, перед зданием с плоской крышей, сделанным из стеклянных кирпичей и покрытым местами розовой штукатуркой. Дорожка, вымощенная плитняком, вела через аккуратно подстриженные кусты к двери, находившейся в углу здания. Рядом с дверью висела небольшая бронзовая табличка с немногословным текстом: Дж. Чарльз Грантленд, доктор медицины.

Приемная оказалась пустой, за исключением новой на вид мебели, которой здесь было в избытке. В дальнем углу за конторкой из отбеленного дуба рядом с внутренней дверью восседала весьма молодая женщина, также, как и мебель, новая на вид. Темные волосы, приятные тонкие черты лица, которые не мешало бы подкрасить.

— М-р Арчер?

— Да.

— Сожалею, но доктор занят. Сегодня мы отстаем от графика. Вы не против подождать несколько минут?

Я ответил, что не против. Она записала мой адрес.

— С вами произошел несчастный случай, м-р Арчер?

— Можете назвать это так.

Я сел на ближний к ней стул и из кармана пиджака достал свернутую газету. Я купил ее на улице несколько минут назад у продавца газет мальчишки-мексиканца, который выкрикивал: «Убийство!» Я развернул ее на коленях в надежде, что удастся найти общую тему для разговора.

Холлмановский случай освещался в статье за подписью Юджина Славкина. На всю полосу шел заголовок: «Разыскивается брат-убийца». В середине страницы на трех полосах помещалась фотография братьев Холлманов. Статья начиналась в весьма высокопарном стиле, и я подумал, не из-за того ли, что Славкин испытывал замешательство при ее написании:

«В разыгравшейся сегодня трагедии, которая может сравниться с древней трагедией Каина и Авеля, известную в округе семью крадучись посетила потрясшая всех смерть. Жертвой очевидного убийства стал Джерри Холлман,

34 лет, видный владелец ранчо в долине Буэна Виста. Его младший брат, Карл Холлман, 24 лет, разыскивается по подозрению в убийстве, совершенном с помощью огнестрельного оружия. М-р Холлман, сын недавно усопшего сенатора Холлмана, был найден мертвым д-ром Чарльзом Грантлендом, семейным врачом, приблизительно в час дня в оранжерее поместья Холлманов.

М-ра Холлмана застрелили двумя выстрелами в спину, и он скончался через несколько секунд. Рядом с телом был найден револьвер с перламутровой рукояткой и две стрелянные гильзы, что придает случаю оттенок фантастической тайны. Согласно показаниям прислуги, орудие убийства ранее принадлежало усопшей миссис Алисии Холлман, матери жертвы.

Шериф Дуэйн Остервельт, прибывший на место происшествия в считанные минуты, заявил, что орудие убийства, по свидетельствам очевидцев, побывало в руках Карла Холлмана. Молодого Холлмана видели на ранчо непосредственно перед тем, как были произведены выстрелы. Вчера ночью он бежал из психиатрической клиники, где содержался в течение нескольких месяцев. Согласно показаниям членов семьи, молодой Холлман долгое время страдал от душевного недуга. Проводится его повсеместный розыск, осуществляемый местным шерифским отделением, а также городской полицией и полицией штата.

В ходе междугороднего телефонного разговора д-р Брокли, сотрудник клиники, сообщил, что молодой Холлман страдал маниакально-депрессивным психозом, когда поступил в больницу шесть месяцев тому назад. По словам д-ра Брокли, Холлман не считался опасным и, по мнению врачей, «был близок к выздоровлению». Д-р Брокли выразил свое удивление и озабоченность в связи с трагическим последствием побега Холлмана. Он сказал, что местные власти были незамедлительно информированы о побеге, и выразил надежду, что население «отнесется к ситуации со спокойствием. В истории болезни Холлмана не зафиксировано склонности к насилию»,— заявил д-р Брокли.—«Он — больной молодой человек, нуждающийся в медицинском лечении».

Аналогичная точка зрения была высказана шерифом Остервельтом, который сказал, что им организуется отряд вооруженных добровольцев из ста или более местных жителей для оказания помощи его департаменту в розысках. Население просят оказывать содействие в задержании Холлмана. Его рост шесть футов три дюйма, он атлетиче-

ского телосложения, глаза голубые, волосы светлые, очень коротко стриженные. В последний раз, когда его видели, был одет в синюю рабочую рубашку и синие рабочие брюки. По словам шерифа Остервельта, Холлман может находиться в компании Томаса Рика, он же Рики, бежавшего вместе с ним из...»

Статья продолжалась на второй странице. Перед тем, как перевернуть страницу, я внимательно рассмотрел фотографию обоих братьев. Снимок запечатлел их в напряженных позах, вроде тех, которые получаются на свадебных фотографиях. Накрахмаленные рубашки и застывшие улыбки усиливали сходство между братьями, а также то, что, когда делался снимок, Джерри еще не растолстел. Подпись под фотографией была простой: «Братья Холлманы (справа Карл)».

Темноволосая девушка кашлянула, чтобы привлечь мое внимание. Я поднял глаза и увидел, что она наклонилась далеко вперед над конторкой, слегка скашивая глаза от желания нарушить тишину.

— Ужасно, не правда ли? И, что еще хуже, я его знаю.— Она вздрогнула и повела худыми плечами.— Я разговаривала с ним не далее как сегодня утром.

— С кем?

— С убийцей.— Она растянула это слово, словно актриса в мелодраме.

— Он позвонил сюда?

— Он *пришел* сюда, собственной персоной. Он стоял вот здесь, прямо передо мной.— Она показала пальцем на пространство между нами, и перед моими глазами мелькнул ноготь с облупившимся красным лаком.— Я понятия не имела, кто он такой, впервые увидела, но *меня* не проведешь, я сразу заподозрила неладное. У него было такое дикое выражение глаз, ну, как у них у всех.— У нее самой было слегка диковатое выражение по-девически перепуганных глаз, и она позабыла про манеры, приличествующие секретарше в приемной врача: — Бог ты мой, он меня буквально просверлил взглядом.

— Он, должно быть, здорово вас напугал.

— Да уж, не скрою. Конечно, я не могла знать, что он собирается кого-то застрелить, но *выглядел* он именно так. «Где врач?» — спросил он, я повторяю слово в слово. Я еще подумала, что он считает себя Наполеоном или кем-то в этом роде. Вот только одет он был как самый настоящий бродяга. Никогда бы не подумала, что он —

сын сенатора. Его брат иногда приходил сюда на прием, и *он* был настоящим джентльменом, всегда прекрасно одет по последней моде — кашемировые пиджаки и тому подобное. Да, не повезло ему. И жене его я тоже сочувствую.

— Вы знакомы с ней?

— О да, миссис Холлман регулярно бывает здесь по поводу своих свищей.— Глаза ее приобрели выжидательное птичье выражение, как это бывает, когда женщина упоминает о другой женщине, которая ей не по душе.

— Вам удалось отделаться от него?

— От чокнутого? Я пыталась втолковать ему, что доктора нет, но он уперся. Тогда мне пришлось вызвать д-ра Грантленда, уж он-то умеет с ними обращаться. У д-ра Грантленда начисто отсутствуют нервы.— Птичье выражение мгновенно сменилось обожанием, которое очень молодые секретарши приберегают для своих врачей-начальников.— «Привет, старина, что привело вас сюда?» — сказал доктор, словно они с давних пор были накоротке. Он обнял его за плечо, как ни в чем не бывало, и они ушли в заднюю комнату. Думаю, что доктор спровадил его через заднюю дверь, поскольку больше я его не видела. По крайней мере, надеюсь, что не увижу. Ну а потом доктор сказал, чтобы я не волновалась из-за этого инцидента, будто подобные визиты случаются в приемной каждого врача.

— Вы давно здесь работаете?

— Всего три месяца. Это моя первая настоящая работа. Раньше я временно замещала секретарш во время их отпуска, но работу здесь я считаю началом своей карьеры. С д-ром Грантлендом превосходно работается. Большинство его пациентов — прекраснейшие люди, такие не часто встречаются.

Из внутренней двери, словно иллюстрируя эту рекламу, появилась толстая женщина в маленькой приплюснутой шляпке и норковой горжетке. Следом за ней вышел Грантленд в белом врачебном халате. У женщины были слегка перепуганные глаза ипохондрика, и в пухлой руке она сжимала рецепт. Грантленд проводил ее до выхода, отворил дверь и с поклоном выпроводил. На пороге она обернулась.

— Большое вам спасибо, доктор. Теперь я знаю, что смогу уснуть сегодня ночью.

Глава 19

Грантленд закрыл дверь и увидел меня. Улыбка с его лица сползла, не оставив и следа. Подстегиваемый гневом, он направился через комнату ко мне. Кулаки его сжались.

Я поднялся ему навстречу.— Здравствуйте, доктор.

— Что вы здесь делаете?

— Пришел к вам на прием.

— Ну уж нет.— Он разрывался между злобой и необходимостью быть обходительным с секретаршей.— Вы записали на прием этого... этого джентльмена?

— А почему бы и нет? — сказал я, так как она потеряла дар речи.— Разве вы прекратили врачебную практику?

— Только не вздумайте говорить мне, что вы здесь в качестве пациента.

— Вы — единственный врач в городе, которого я знаю.

— Мне вы не сказали, что знакомы с д-ром Грантлендом,— с упреком сказала секретарша.

— Значит, забыл сказать.

— Оно и понятно,— сказал Грантленд.— Можете быть свободны, мисс Каллен, если только вы не назначили подобный прием и другим пациентам.

— Он сказал, что нужна срочная помощь.

— Повторяю, вы свободны.

Она вышла, оглянувшись на пороге. Лицо Грантленда примеряло на себя различные выражения: оскорбление, высокомерное удивление, недоумевающее простодушие.

— Чего вы от меня добиваетесь?

— Ничего. Послушайте, если вы не хотите помочь мне, я могу найти другого врача.

Он взвесил все за и против и решил в мою пользу.— Вообще-то я не хирург, но думаю, что смогу вас подлатать. А что с вами случилось — снова столкнулись с Холлманом? — Очевидно, Зинни неплохо его проинформировала.

— Нет. А вы?

Он оставил мой вопрос без ответа. Мы пересекли кабинет, обставленный мебелью из красного дерева с синей кожаной обивкой. На стенах висели эстампы на морскую тематику, а над столом — медицинский диплом из колледжа Среднего Запада. Грантленд включил свет в следующей комнате и попросил меня снять пиджак. Умывая руки под краном в углу, он сказал через плечо:

— Если хотите, можете взобраться на стол для осмотра. Сожалею, что медсестра ушла домой. Я не знал, что она может еще понадобиться.

Я растянулся на покрытии из искусственной кожи на металлическом столе. Лежачее положение на спине было неплохой позицией для самозащиты, если уж на то пошло.

Грантленд пересек комнату энергичной походкой и склонился надо мной, включив хирургическую лампу, которая выдвигалась от стены на нужное расстояние.— Вас ударили рукояткой пистолета?

— Слегка. Не всякому доктору под силу распознать следы.

— Я был интерном в голливудской больнице скорой помощи. А в полицию вы заявили?

— Не было необходимости. Это дело рук Остервельта.

— Вы не в бегах, ради Бога?

— Нет, ради Бога.

— Оказывали сопротивление при аресте?

— Просто шериф потерял самообладание. Он вспыльчивый старый мальчишка.

Грантленд воздержался от комментариев. Он принялся за дело, очищая мои раны смоченным в спирте тампоном. Было больно.

— Видимо, придется наложить несколько швов на это ухо. Другая рана должна затянуться сама. Я просто наклею на нее лейкопластырь.

Грантленд занимался моим ухом и вел разговор: — Обычный хирург сделал бы это лучше, особенно пластический хирург. Вот почему я немного удивился, когда вы пришли. Боюсь, что у вас останется маленький шрам. По мне так сойдет, а вы как считаете?

Он засунул несколько тампонов в поврежденное ухо.

— Ну вот и все. Через день-другой покажитесь врачу. Вы долго еще собираетесь пробыть в городе?

— Не знаю.— Я слез на пол и посмотрел ему в лицо.— Это может зависеть от вас.

— Любой доктор справится с вашей болячкой,— сказал он нетерпеливо.

— Вы — единственный, кто может помочь мне.

Грантленд уловил подтекст и взглянул на свои часы.— У меня вызов на дом, уже опаздываю...

— Постараюсь как можно короче. Сегодня вы видели револьвер с перламутровой рукояткой. Вы не упомянули, что видели его раньше.

Он очень быстро выучил свою роль. Без малейшего колебания он сказал: — Я предпочитаю сначала удостовериться в фактах, которыми располагаю, а уж потом трезвонить по свету. В конце концов, я врач.

— И какие это факты?

— Спросите своего друга — шерифа. Они ему известны.

— Возможно. Но я спрашиваю вас. Могли бы и рассказать начистоту. Я связался с Гленном Скоттом.

— С Гленном... как его фамилия? — Однако он вспомнил. Глаза забегали по сторонам.

— С детективом, которого нанял сенатор Холлман для расследования убийства жены.

— Вы сказали убийства?

— Случайно выскочило.

— Ошибаетесь. Это было самоубийство. Если вы беседовали со Скоттом, то должны знать, что у нее была мания самоубийства.

— Люди с манией самоубийства могут быть убиты.

— Несомненно, но что это доказывает? — Он по-женски капризно надул губы, и его деланное спокойствие прорвало.

— Мне осточертело, что меня постоянно дергают из-за этого дела и только потому, что она была моей пациенткой. Но ведь я спас ей жизнь за неделю до того, как она утонула. Скотт, надеюсь, не забыл рассказать вам об этом.

— Он рассказал мне с ваших слов. Что она попыталась покончить с собой в этом кабинете.

— Не в этом, а в старом. Сюда я перебрался в прошлом году.

— Значит, вы не сможете показать мне пулевое отверстие в потолке.

— Боже правый, вы сомневаетесь в этом? Да я отобрал у нее револьвер, рискуя собственной жизнью.

— Не сомневаюсь. Мне хотелось услышать это из ваших уст, только и всего.

— Ну вот и услышали. Надеюсь, вы удовлетворены.— Он снял халат и повернулся ко мне спиной, вешая его на место.

— Почему она попыталась покончить с собой в вашем кабинете?

На секунду он застыл, и рука его, протянувшаяся к крючку, замерла в неподвижности. Серая рубашка потемнела от пота между лопаток и в подмышках. Это являлось единственным свидетельством того, что он нервничал. Он сказал:

— Она потребовала того, чего я не вправе был ей дать. Крупную дозу таблеток снотворного. Когда же я отказался, она достала из сумочки тот маленький револьвер. Ситуация

приняла критический оборот — она решала, выстрелить ли в меня или застрелиться самой. Затем она поднесла револьвер к своей голове. К счастью, я успел подскочить к ней и отобрать оружие.

— Испытывала ли она зависимость от снотворного?

— Можете называть это так. Я делал все, что мог, чтобы она не выходила за рамки.

— Почему вы не поместили ее в надежное место?

— Я совершил оплошность, признаюсь. Ведь я не психиатр. Тогда я не осознавал всей серьезности ее состояния. Мы, врачи, совершаем ошибки, как и все, знаете ли.

Он наблюдал за мной, словно шахматист. Однако разыгранный им гамбит доверительности был дешевым трюком. Если бы он не пытался навести меня на ложный след, то давно вышвырнул бы меня из кабинета.

— И что стало с револьвером? — спросил я.

— Я оставил его у себя. Собирался выбросить, но как-то руки не дошли.

— Как тогда получилось, что он оказался у Карла Холлмана?

— Стащил из ящика моего письменного стола.— Он добавил с обезоруживающей прямотой: — Я оказался круглым дураком, храня его там.

Я ни словом не обмолвился о том, что знал о визите к нему Карла Холлмана. Получив от Грантленда подтверждение этому факту, я был разочарован. Грантленд слегка улыбнулся сардонической улыбкой и произнес:

— Разве шериф не говорил вам, что Карл был здесь сегодня утром? Я немедленно проинформировал его по телефону. А также связался с клиникой.

— Зачем он приходил?

Грантленд поднял руки ладонями вверх.— Кто его знает? Очевидно, на него накатило. Он высказал все, что думает о той роли, которую я сыграл при помещении его в больницу, однако пуще всего нападал на брата. Естественно, я пытался переубедить его.

— Естественно. Почему вы его не задержали?

— Не думайте, что я не пытался. На минуту я отлучился в аптеку, чтобы принести ему торазин. Думал, лекарство успокоит его. Когда же я вернулся в кабинет, Карла уже не было. Наверное, убежал через этот ход.— Грантленд указал на заднюю дверь комнаты для осмотра.— Я услышал шум заводимой машины, но не успел добежать до автомобиля,— он уже уехал.

Я подошел к наполовину зашторенному окну и выгля-

нул наружу. «Ягуар» Грантленда стоял припаркованный на асфальтированной стоянке. За нею, параллельно улице, проходила грязная тропинка. Я обернулся к Грантленду: — Значит, говорите, он взял ваш револьвер?

— Да, но в тот момент я этого не знал. И потом это был вовсе не *мой* револьвер. Я практически позабыл о его существовании. Ни разу не вспоминал о нем, пока не нашел в оранжерее рядом с телом бедного Джерри. А найдя, не был уверен, что это — тот самый. Я не специалист по части оружия. Поэтому ждал, когда смогу вернуться к себе в кабинет и проверить его наличие в ящике. Обнаружив, что он исчез, я сразу же связался с департаментом шерифа, хотя мне это и претило.

— Почему претило?

— Потому что Карла я люблю. Он в свое время был моим пациентом. И вы не дождетесь, что я начну сладострастно доказывать, будто он — убийца.

— Но вы это доказали, не так ли?

— Вы считаетесь детективом. У вас разве только однаединственная гипотеза?

Не одна, но об этом я докладывать не стал. Грантленд сказал:

— Мне понятно, каково приходится вашему самолюбию. Остервельт сказал, что вы защищаете интересы бедного Карла, однако не стоит расстраиваться, старина. Они учтут его душевное состояние. Я лично позабочусь, чтобы учли.

На самом деле я не грустил, хотя и выглядел грустным. Но и не радовался повороту событий. Куда бы я ни ступил, на каждом шагу мне попадалось очередное звено в цепочке улик против моего клиента. И так как происходило это с точностью часового механизма, я уже привык и перестал принимать в расчет. Помимо всего прочего, меня вдохновляла крепнущая с каждой минутой уверенность в нечестности д-ра Грантленда.

Глава 20

На улице сгущались сумерки. Белые стены домов, отражавшие последние лучи меркнувшего света, придавали зданиям волшебную красоту некоего африканского города или какого-нибудь другого места, где я никогда не бывал. Дождавшись небольшой паузы в транспорте, я выехал на полосу движения и на следующем же перекрестке свернул

вправо, где остановился, не доезжая ста футов до входа на дорожку, что шла за домом, где находился кабинет Грантленда. Не прошло и пяти минут, как на дорожке появился его «ягуар», покачивающийся на рессорах. Автомобиль вывернул на улицу, визжа колесами.

Грантленд не знал мою машину. Я последовал за ним почти впритык, проехав два квартала в сторону юга, затем, повернув на запад, вдоль бульвара, что сворачивал к морю. Я чуть не потерял его, когда он повернул влево на шоссе на замигавший зеленый свет. Я двинулся за ним на желтый, тут же сменившийся на красный.

Теперь «ягуар» легко было держать в поле зрения. Он двигался по шоссе на юг, минуя окраины, где на обочинах дороги пристроились продавцы, предлагавшие порции жареной курицы, леденцы на соленой воде, мексиканские плетеные изделия и сувениры из красного дерева. Позади остались последние дома окраины с многочисленными неоновыми вывесками. Шоссе зазмеилось вверх и вдоль коричневых утесов, отвесно вздымавшихся над берегом. У их основания лежало море, отражая в себе небо, однако более темное, с красной полоской заходящего солнца на горизонте.

Когда мы отъехали от города на две мили, на что ушло столько же минут, на «ягуаре» вспыхнули тормозные огни. Машина затормозила, повернула и въехала на черную верхнюю площадку, с которой открывался вид на море. На выезде с площадки стояла еще одна машина, «кадиллак» красного цвета, упершийся капотом в ограду. Перед очередным поворотом, который заслонил бы от меня «кадиллак», я успел заметить, что машина Грантленда остановилась рядом с ним.

За мной следовало еще несколько машин. Через четверть мили я нашел другой въезд. К тому моменту, как я развернул машину и возвратился к первому въезду, «ягуар» уже уехал, а «кадиллак» трогался с места.

Я успел разглядеть лицо водителя, когда машина выворачивала на шоссе. Оно поразило меня так, как может поразить вид призрака, которого ты когда-то знал человеком. Лет десять назад я был знаком с ним, когда он учился в средней школе и занимался спортом — крупный парень приятной наружности, переполненный бурлящей энергией. За рулем «кадиллака» я увидел другое лицо: желтая кожа, натянутая на череп, туманный взор черных блуждающих глаз, словно это был не он, а его дедушка. Тем не менее я узнал его. Том Рика.

Я снова развернулся и последовал за ним в южном направлении. Машину он вел неуверенно, притормаживая на прямых участках дороги и ускоряя на поворотах, занимая две полосы из четырех. В какой-то миг, разогнавшись до семидесяти с лишним миль в час, он полностью съехал с дороги и врезался в поребрик. «Кадиллак» занесло на гравии, лучи передних фар пронзили серую тьму. Бампер чиркнул по стальной ограде, и «кадиллак» бешено развернуло в другую сторону. Он вырулил на дорогу и поехал дальше как ни в чем не бывало.

Я держался на близком расстоянии, пытаясь управлять сознанием Тома Рики, успокоить внушением его расстроенные нервы и вести вместо него машину. В свое время я принял участие в его судьбе. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, а он все не взрослел и начал буянить, я пытался сдержать его и даже несколько раз заступался. Когда я сам был мальчишкой, то со мной так же возился один старый полицейский. Но Тома я не сумел вытянуть.

Воспоминание о своем провале оказалось горьким и тусклым, к нему примешивалось пепельно-белокурое воспоминание о женщине, некогда бывшей моей женой. Я отогнал от себя оба воспоминания.

Ход машины Тома сделался ровнее. Перед ним оказался большой автомобиль, занявший полосу и не съезжавший с нее почти все время. Дорога выпрямилась и пошла на подъем. На самой вершине подъема, футах в ста или более того от уровня невидимого глазу моря, появились огни красной неоновой вывески, прикрепленной у входа в частную автостоянку: «Гостиница Буэнависта».

«Кадиллак» свернул под вывеску. Я остановился, не доезжая до стоянки, и оставил машину на обочине. Гостиница располагалась внизу, в долине. Выдержанная в испанском стиле, она состояла из дюжины или более того оштукатуренных коттеджей, живописно разбросанных на разных уровнях тенистых террас. В окнах многих из них за жалюзи горел свет. Над дверью главного здания рядом со стоянкой виднелась красная неоновая вывеска, гласившая: «Контора».

Том припарковался рядом с другими машинами и вышел, оставив фары включенными. Я подъехал к машинам с другой стороны, где и притормозил. Не думаю, что Том меня заметил, однако он припустил бегом к главному зданию. Он двигался резкими толчками, шаркая ногами, словно старик, который пытается нагнать отъезжающий автобус.

Дверь под красной вывеской открылась раньше, чем он успел до нее добежать. В падавший с порога круг света из дома вышла крупная женщина. Волосы золотистого оттенка, кожа — того же цвета, только потемнее, золотистое парчовое платье с низким вырезом — все это даже на таком расстоянии создавало впечатление некой бронзовой статуи, словно она велела отлить свое тело в металле, чтобы защитить его от возраста. Голос ее звучал повелительно, с металлическими нотками:

— Томми! Где ты пропадал?

Если он и ответил, услышать его я не мог. Он остановился перед ней как вкопанный, сделал ложный выпад влево и попытался проскользнуть мимо нее справа. У него получилась грустная пародия на бег по пересеченной местности, в котором он некогда был весьма силен. Женщина загородила вход своим сверкающим телом и обняла его за шею круглой рукой золотистого оттенка. Он слабо сопротивлялся. Она поцеловала Тома в губы, затем выглянула через его плечо на стоянку.

— Ты брал мою машину, проказник. А теперь вот фары не выключил. Иди-ка в дом, пока тебя никто не увидел.

Она наградила Тома полушутливым шлепком и опустила руку. Он торопливо шмыгнул в освещенное фойе. Женщина направилась к стоянке — неправдоподобная в своем облике: высокий безмятежный лоб, глубокие глаза, неприятно искривленный голодный рот, слегка одутловатый подбородок. Она шествовала так, словно владела миром, или когда-то владела им, а потом потеряла, но вспомнила прежнее ощущение.

Выключив фары, она вынула ключ зажигания и, подняв подол, спрятала ключ за край чулка. Я увидел ее ноги,— полные, красивой формы, с изящными лодыжками. Она захлопнула дверь «кадиллака» и громким голосом, в котором слышались одновременно гнев и снисходительность, произнесла: — Дурачок глупенький.

Она завздыхала и на середине вздоха заметила меня. Не меняя ритма дыхания, она улыбнулась и спросила: — Привет. Что вам угодно?

— Глядя на вас, многое.

— Шутник.— Но улыбка ее стала шире, обнажив блестящие золотые коронки в глубине рта.

— Никто больше не интересуется Мод. Только сама Мод. Я очень интересуюсь Мод.

— Потому что Мод — это вы.

— Какой догадливый. А вы кто?

Я вылез из машины, представился и добавил: — Я разыскиваю друга.

— Нового друга?

— Нет, старого.

— Кого-нибудь из моих девочек?

— Возможно.

— Если желаете, пройдемте в дом.

Я вошел следом за ней, надеясь застать Тома Рику в фойе, но он, очевидно, отправился в жилую часть здания.

Вестибюль оказался на удивление прилично обставлен. Кожаные кресла пастельных тонов, пальмы в кадках. На одной стене висел сильно увеличенный фотоснимок ночного Голливуда, создавая впечатление нарисованного окна с видом на город. На противоположной стене было натуральное окно, выходящее на море.

Мод прошла в дверь, обогнув полукруглую стойку из тикового дерева, и оказалась за стойкой. Внутренняя дверь за спиной Мод была приоткрыта. Она притворила ее. Отперев ящик стола, она вынула лист бумаги с машинописным текстом, в котором виднелись многочисленные исправления.

— Может случиться, что в списке ее уже нет. Текучесть кадров ужасная. Девочки выскакивают замуж.

— Рад за них.

— А я не очень. У меня вечная проблема с пополнением, начиная с самой войны. Можно подумать, что здесь служба знакомств или нечто подобное. Ладно, если окажется, что она больше не работает, я подыщу вам другую. Еще рано. Как вы сказали ее фамилия?

— Я не говорил. И это особа вовсе не женского пола.

Она посмотрела на меня чуть разочарованно.

— Тогда вы не по адресу. У меня чистое заведение, не для гомосексуалистов.

Глава 21

Дверь за ее спиной открылась. На пороге стоял Том Рика, подпирая худым плечом дверной косяк. Твидовый пиджак висел на нем мешком.

— Что-нибудь случилось, Моди? — спросил он неестественно тонким сухим голосом. Глаза его сделались, словно лужи дегтя.

Мод нацепила на лицо улыбающуюся маску и лишь

затем повернулась к нему.— Ничего не случилось. Иди к себе.

Она положила руки ему на плечи. Он улыбался, но глядел мимо нее, на меня. Улыбка его была отстраненной, вымученной, словно между нами стояла толстая стеклянная стена. Она затрясла его: — Ты что, кололся? Значит вот за чем ты уезжал?

— Какие мы любопытные,— сказал он с унылым кокетством, стараясь придать своему тощему лицу по-юношески обольстительное выражение.

— Где ты его раздобыл? Откуда у тебя деньги?

— Кому они нужны, эти деньги, золотце?

— Отвечай.— Она надвинулась на Тома всем телом и затрясла его так, что у того заклацали зубы.— Я хочу знать, кто дал тебе эту гадость, сколько ты получил и где остатки.

Он отшатнулся к косяку.— Отстань, шлюха.

— Это неплохая мысль,— сказал я, заходя за стойку.

Она круто повернулась, словно я вонзил ей в спину нож.— А вы не вмешивайтесь, парень. Я вас предупреждаю. Я и без того долго терпела вас, а мне нужно позаботиться о моем мальчике.

— Он что, ваша собственность?

Она завопила басистым голосом: — Убирайтесь из моего дома!

Том вклинился между нами, словно третье лицо из водевиля.— Не надо так разговаривать с моим старым другом.— Он поглядывал на меня сквозь стеклянную стену. Выражение его глаз и речь стали более осмысленными, словно первоначальное воздействие наркотика уже начало ослабевать.— Все еще ходишь в героях, приятель? А я вот скатился. Каждый день скатываюсь «все нижее и нижее», как говаривала дорогая старушка-мать.

— Ты слишком много говоришь,— сказала Мод, кладя тяжелую руку на его плечо.— Иди в комнату и приляг.

Он обрушился на нее в неожиданном порыве озлобленности: — Оставь меня в покое. Я в хорошей форме, вот встретился со старым дружком. Хочешь отшить моих друзей?

— Твой единственный друг — это я.

— Разве? Вот что я тебе скажу. Ты будешь валяться в грязи, а я взлечу высоко, буду жить, как Райли. Кому ты нужна?

— Я нужна тебе, Том,— сказала она неуверенно.— Ты дошел до ручки, когда я тебя приютила. Если бы не я, быть

тебе за решеткой. С моей помощью удалось скостить срок, и ты знаешь, как дорого это мне обошлось. А ты опять за старое. Неужели никак нельзя поумнеть?

— Не волнуйся, поумнел. Видишь ли, все эти годы я, как подмастерье, изучал тонкости ремесла. Свое дело я знаю, как свои пять пальцев. Я понял, где вы, глупые жучки, совершаете свои глупые ошибки. И я их не совершу. У меня теперь свой бизнес и совершенно безопасный.— Настроение его резко изменилось, держался он агрессивно-приподнято.

— Безопасный, как за решеткой,— сказала блондинка.— Еще раз высунешься, и я не смогу вызволить тебя.

— Никто и не просит. Отныне я сам по себе. А меня забудь.

Он повернулся к ней спиной и ушел во внутреннюю дверь. Тело его двигалось легко и свободно, поддерживаемое и подергиваемое невидимыми ниточками. Я двинулся следом за ним. Мод обрушила беспомощную ярость на меня:

— Туда нельзя. Не имеете права.

Я заколебался. Она была женщиной. Я находился в ее доме. Носком туфли Мод нажала на чуть потертый пятачок ковра за стойкой.

— Лучше убирайтесь подобру-поздорову, предупреждаю вас.

— Думаю, останусь еще ненадолго.

Она сложила руки на груди и посмотрела на меня, словно львица. Открылась входная дверь, и в нее тихо вошел приземистый человек плотного телосложения, одетый в клетчатую рубашку. На его лице с перебитым носом играла широкая бессмысленная улыбка. В руке покачивалась резиновая дубинка, поблескивающая, словно сувенир на память.

— Датч, выпроводи-ка его,— сказала Мод, отходя в сторону.

Я вышел из-за конторки и сам выпроводил Датча. Вероятно, он был выпивохой, что сказалось на его реакции. Во всяком случае, мои удары попадали в цель. Улучив момент, когда он позабыл уклониться, я ударил его левой в голову, правой — вперехлест в челюсть и длинным хуком в солнечное сплетение, от чего он согнулся пополам, напоровшись при этом на мой апперкот. Он рухнул на пол. Подобрав его дубинку, я прошел мимо Мод во внутреннюю дверь. Она не сказала ни слова.

Я прошел через гостиную, забитую мебелью, чей бело-

зеленый рисунок напомнил мне джунгли и даже показалось, что за мной следят чьи-то глаза. Из гостиной я попал в короткий коридор, миновал спальню, обитую розовым сатином и напоминавшую внутреннюю сторону еще не приведенного в порядок гроба, и оказался у открытой двери ванной комнаты. Пиджак Тома лежал на освещенном пороге, словно обезглавленное туловище, расплющенное колесами могучего паровоза.

Том сидел на унитазе. Левый рукав рубашки был закатан, а в правой руке он держал шприц. Он с таким усердием отыскивал вену, что не заметил меня. Вены, которые он уже использовал и погубил, тянулись черными жгутами от запястий к утраченным бицепсам. Синяя татуировка скрывала шрамы на запястьях.

Я отобрал у него шприц, примерно на четверть наполненный прозрачной жидкостью. Поднятое к яркому свету ванной лицо пробороздили глубокие морщины, словно на примитивной маске, которую использовали для изгнания злых духов; глазницы были наполнены темнотой.

— Отдайте. Этого мне мало.

— Немало, чтобы убить себя.

— Это дает мне жизнь. Там, в больнице, я без этого чуть не умер. Мозги так и трещали.

Неожиданным движением он попытался завладеть шприцем. Я убрал руку так, чтобы он его не достал.

— Возвращайся в больницу, Том.

Он медленно повел головой из стороны в сторону.— Ничего там для меня нет. Все, что я хочу, находится на воле.

— А что ты хочешь?

— Балдеть. Иметь деньги и балдеть. Что еще надо?

— Чертовски много.

— И вы это имеете? — Он почувствовал мое колебание и хитро посмотрел на меня снизу вверх.— У героя делишки идут не очень-то по-геройски, а? Только ради Бога не заводите старую пластинку, что нужно глядеть в будущее. Меня от нее тошнит. Всегда тошнило. Так что приберегите ее для простачков. *Это* мое будущее, *сейчас*.

— И оно тебе нравится?

— Если отдадите иглу. Больше от вас мне ничего не надо.

— Почему ты не завяжешь, Том? Прояви характер. Ты еще слишком молод, чтобы ставить на себе крест.

— Приберегите это для своих бойскаутов, воспитатель. Хотите знать, почему я на игле? Потому что мне осточертели лицемерные ублюдки вроде вас. Вы разглагольствуете

о возвышенном, но я ни разу не встречал среди вас ни одного, кто сам бы в это верил. Вы поучаете других, как им жить, а сами в то же время изменяете своей жене направо и налево, пьете, как сапожник, и гоняетесь за любым грязным центом, который попадется на глаза.

В его словах оказалось достаточно правды, чтобы я на минуту онемел. На меня нахлынула смутная боль воспоминаний. Она пришла вместе с образом женщины, которую я потерял. Я отогнал видение, говоря себе, что это было много лет назад. Все самое важное произошло давно, в прошлом.

Том заметил смятение, которое, должно быть, проявилось на моем лице, и сказал:

— Верните иглу. Что вы теряете?

— Ровным счетом ничего.

— Ну же,— упрашивал он.— Эта штука слабенькая. От первого укола даже не поплыл.

— Тогда не стоит налегать.

Он ударил кулаками по своим острым коленям.— Отдай иглу, трепло вонючее, твою мать. Ты готов стырить монеты с глаз мертвеца, а тело его продать на мыловарню.

— Значит, вот кем ты себя ощущаешь? Мертвецом?

— Ни черта. Я вам покажу. У меня еще есть.

Он встал и попытался силой пройти мимо. Он был щуплый и легкий, как огородное пугало. Я толкнул его обратно на унитаз, старательно пряча шприц.

— Для начала, Том, где ты раздобыл эту дрянь?

— Сказать?

— Может, и не надо.

— Зачем тогда спросили?

— Что это за чудесный новый бизнес, о котором ты тут распевал?

— Так я вам и сказал.

— Толкаешь травку школьникам?

— Думаете, интересуюсь мелочевкой?

— Скупаешь и продаешь старую одежду?

Его самолюбие было уязвлено. Оскорбление раздуло его, словно воздушный шар.— Думаете, я шучу? Я вышел на самое крупное дело в мире. Не сегодня-завтра я буду покупать и продавать такую мелочь, как вы.

— Экономя на налогах, разумеется.

— Дурак, беря в оборот тех, у кого есть деньги. Получаешь компрометирующие факты о ком-нибудь и продаешь их назад владельцу по частицам. Похоже на ежегодную ренту.

— Или на смертный приговор.

Он посмотрел на меня непроницаемым взглядом. Мертвые люди никогда не умирают.

— Хороший доктор может явиться очень плохим лекарством.

Он ухмыльнулся.— У меня есть противоядие.

— Что ты имеешь против него, Том?

— Разве я сумасшедший, чтобы болтать об этом?

— Но Карлу Холлману ты рассказал.

— Неужели? Ему померещилось. Я высказывал любую мысль, приходившую в мою маленькую башковитую голову.

— Чего ты добивался от Карла?

— Встряхнуть его чуть-чуть. Я должен был вырваться из лечебницы. А один я не смог бы.

— Почему ты послал Холлмана ко мне?

— Чтобы избавиться от него. Он мешал.

— У тебя, наверное, была более веская причина, чем эта.

— Конечно. Я делаю людям добро.— Его самодовольная усмешка стала злобной.— Я подумал, что вам это дело сгодится.

— Карл Холлман обвиняется в убийстве, ты это знал?

— Знаю.

— Если окажется, что ты его спровоцировал...

— То что вы сделаете? Шлепнете пониже спины, герой?

Он взглянул на меня с ленивым любопытством сквозь стеклянную стену и небрежно добавил: — Только он не стрелял в брата. Он мне сам об этом рассказал.

— Он был здесь?

— Конечно. Хотел, чтобы Мод его спрятала. А она шарахнулась от него, как от прокаженного.

— Давно это было?

— Ну, пару часов назад, кажется. Мод и Датч вытолкали его за дверь, и он подался в город.

— Он сказал, куда пойдет в городе?

— Нет.

— Говоришь, он не убивал брата?

— Верно, так он мне сказал.

— И ты поверил?

— Я не мог не поверить, потому что сделал это сам.— Том посмотрел на меня с невозмутимым видом.— Я полетел туда на вертолете. На своем новом сверхзвуковом вертолете с синхронизированным лазерным оружием, бьющим наповал.

— Кончай трепаться, Том. Расскажи-ка лучше, что произошло на самом деле.

— Может, и расскажу, если отдадите иглу.

В глазах его удивительным образом смешались мольба и угроза. Они вожделенно смотрели на мою руку, в которой сверкал шприц. Я боролся с искушением вернуть Тому шприц в обмен на полезные для меня сведения. Уколом больше, уколом меньше,— какая разница. Но только не для меня.

Вся эта история мне порядком надоела. Я бросил шприц в квадратную розовую ванну. Тот разбился вдребезги.

Том изумленно уставился на меня.— Зачем вы это сделали?

Он затрясся от ярости, и его нервы не выдержали. Не в силах скрыть отчаяние, он бросился ничком на розовый кафель пола, и его рыдания походили на звук разрываемой ткани.

В промежутках между всхлипываниями я слышал за своей спиной какие-то звуки. Через гостиную цвета джунглей к нам шла Мод. В ее белой руке тускло поблескивал револьвер. Человек по имени Датч шел на шаг сзади. Он ухмылялся, показывая выбитые зубы. Теперь я догадался, отчего костяшки моих пальцев болят.

— Что происходит? — вскричала Мод.— Что вы с ним сделали?

— Отобрал шприц. Можете убедиться сами.

Казалось, она не слышала меня.— Выходите оттуда. Оставьте его в покое.

— Посторонись, Мод. Я измочалю этого ублюдка,— воинственно прошепелявил человек за ее спиной.

С его руки свисал, покачиваясь на веревке, тяжелый мешочек с песком. Глядя на него, я вспомнил, что у меня в кармане лежит дубинка. Пятясь, я вышел за порог ванной, чтобы получить пространство для движения, и, размахнувшись, ударил Мод по запястью резиновой дубинкой.

От боли она зашипела. Револьвер со стуком упал к ее ногам. Датч в броске накрыл его своим телом. Я ударил Датча дубинкой по затылку, не слишком сильно, но достаточно, чтобы он уткнулся лицом в пол. Тяжелый мешочек выпал из его безвольной руки, и часть песка просыпалась.

Мод попыталась пробиться к револьверу. Я толкнул ее в ванную, поднял оружие и положил в карман. Это был револьвер среднего калибра, сильно оттянувший карман

своим весом. Дубинку я положил в другой карман, чтобы сохранять равновесие при ходьбе.

Вышедшая из ванной Мод прислонилась к стене у двери, потирая правое запястье.— Вы еще пожалеете об этом.

— Это я уже слышал.

— Но не от меня, иначе вы бы поостереглись причинять людям неприятности. Не думайте, и на вас найдется управа. Все высшие представители закона в округе у меня в руках.

— Говорите, говорите,— сказал я.— У вас чудесный мелодичный голос. Может, мне повезет, и вы устроите для меня личную встречу с большим жюри присяжных.

Ее уродливый рот скривился, процедив: — Да, уж.— Она выставила левую руку, целясь кроваво-красными когтями мне в глаза. Это была скорее психологическая атака, чем реальная угроза, однако она заставила меня разочароваться в нашем знакомстве.

Я оставил Мод и пошел разыскивать выход. В расположенных на террасах коттеджах горел мягкий свет и слышались громкие голоса, музыка, женский смех. Там были деньги, удовольствие, веселье.

Глава 22

Я поехал назад в Пуриссиму со слабой надеждой повстречать Карла Холлмана. Не доезжая городской черты, там, где шоссе круто спускалось к морю, на обочине я увидел скопление автомобилей. На двух машинах мигали красные огни. Остальные огни двигались по берегу.

Я остановился на другой стороне шоссе и достал фонарь из ящичка в приборной доске. Не закрывая его, извлек из карманов револьвер с дубинкой и запер их на ключ. После чего сошел вниз по бетонным ступенькам, которые спускались к берегу. Возле лестницы догорали угли маленького костра. Рядом на песке лежало разложенное одеяло, придавленное сверху для веса корзиной для пикника.

Большинство автомобильных огней виднелись теперь далеко впереди, покачиваясь и кружа, словно светлячки. Между мной и темной полосой шумных волн бесцельно слонялось человек десять-пятнадцать. От смутно различимой группы людей отделился человек, поспешивший ко мне, неслышно ступая по песку.

— Эй! Это мои вещи. Это все мое.

Я направил на него фонарь. Это был очень молодой человек, одетый в серый спортивный свитер с названием колледжа на груди.

— Что за волнение? — спросил я.

— Я не волнуюсь. Просто не люблю, когда чужие копаются в моих вещах.

— Никто и не копается в ваших вещах. Я имею в виду волнение там, на берегу.

— Полиция гонится за парнем.

— Что за парень?

— Маньяк, тот, что застрелил своего брата.

— Вы его видели?

— Как вас сейчас. Я и поднял тревогу. Он подошел к Мари, когда она сидела вот здесь. Бог знает, что могло бы случиться, не окажись я поблизости.— Юноша расправил плечи и выпятил грудь.

— А что случилось на самом деле?

— В общем, я пошел к машине за сигаретами, а этот парень вышел из темноты и попросил Мари дать ему сэндвич. Но хотел он вовсе не сэндвич, она сразу смекнула. Сэндвич был всего лишь предлогом. Мари завопила, я бегом спустился к берегу и бросился на него. Я бы мог его задержать, только было слишком темно, и я плохо видел. Он ударил меня разок в лицо и смылся.

Я осветил его лицо фонариком. Нижняя губа припухла.

— В какую сторону он побежал?

Он указал пальцем на многоцветные огни портового района Пуриссимы.— Я бы догнал его, но у него могли оказаться сообщники, поэтому не рискнул оставить Мари одну. Мы поехали к ближайшей заправочной станции и позвонили в полицию.

Любопытствующие стали покидать пляж и подниматься по бетонным ступенькам. К нам подходил патрульный полицейский, вонзая луч своего фонарика в истоптанный песок. Юноша в спортивном свитере с готовностью окликнул его:

— Я вам еще нужен?

— Да нет вроде. Похоже, он ушел.

— А может, он вплавь добрался до какой-нибудь яхты, и его высадят в Мексике. Я слышал, что у них в семье денег куры не клюют.

— Возможно,— сухо ответил полицейский.— Вы уверены, что видели этого человека? Или слишком часто в последнее время бывали в кино?

Юноша оскорбленно возразил: — Что же, по-вашему, я сам себе заехал в лицо?

— Точно ли это был человек, которого мы разыскиваем?

— Конечно. Такой верзила со светлыми волосами и одет в рабочие брюки. Спросите у Мари. Уж она-то его хорошо разглядела.

— А где сейчас ваша подруга?

— Кто-то вызвался подбросить ее домой, очень уж она расстроилась.

— Думаю, нам следует расспросить ее. Покажете, где она живет?

— С удовольствием.

Пока юноша забрасывал костер песком и складывал свои пожитки, над нашими головами на шоссе остановился автомобиль. Старая черная машина с откидным верхом, знакомая на вид. Из нее вышла Милдред и стала спускаться вниз по ступенькам. Она шла, не глядя под ноги, и так стремительно, что я испугался, что она упадет и разобьет себе голову. Я подхватил ее рукой за талию, когда она ступила на песок.

— Пустите!

Я отпустил. Когда она узнала меня, то вернулась на заезженную колею своих мыслей: — Карл здесь? Вы его видели?

— Нет...

Она обратилась к полицейскому: — Мой муж был здесь?

— Вы — миссис Холлман?

— Да. По радио передавали, что мужа видели на Пеликан Бич.

— Был и ушел, мэм.

— Ушел куда?

— Именно это мы и хотели бы узнать. У вас есть какие-нибудь догадки на этот счет?

— Увы нет.

— У него в Пуриссиме есть близкие друзья, кто-нибудь, к кому он мог пойти?

Милдред заколебалась. Из темноты на нее надвигались лица любопытных зевак. Парень в спортивном свитере дышал ей сзади в затылок. Он сказал, словно Милдред была глухой или мертвой:

— Это — *жена* того парня.

Лицо полицейского передернулось от неприязни.— Не-

чего толпиться, расходитесь.— Он вновь повернулся к Милдред: — Ну так как, мэм?

— Простите, никак не могу сосредоточиться. В школе у Карла была масса друзей, но в последнее время он ни с кем не встречался.— Голос ее осекся. Казалось, что множество людей и огней привели ее в замешательство.

Я сказал по возможности более весомо: — Миссис Холлман пришла сюда, разыскивая мужа. Она не обязана отвечать на вопросы.

Полицейский посветил мне в лицо фонарем.— А вы кто такой?

— Друг семьи. Я отвезу ее домой.

— Ладно. Отвезите. Ей не следует расхаживать одной.

Я взял Милдред под руку и потащил ее вверх по лестнице и затем через шоссе. В темной кабине моей машины лицо ее выглядело овальным расплывчатым пятном, таким бледным, что, казалось, излучало свет.

— Куда вы меня везете?

— Как и сказал,— домой. Это далеко отсюда?

— Несколько миль. Я на своей машине и вполне могу доехать сама. В конце концов, сюда я на ней приехала.

— Вы не находите, что вам пора отдохнуть?

— Когда за Карлом охотятся? Разве можно? А потом я весь день просидела дома. Вы сказали, что он может прийти домой, но он так и не пришел.

Ею овладела усталость или разочарование. Она сидела, выпрямив спину, напоминая куклу. Мимо нас по шоссе проносились автомобильные огни, словно яркие несбывшиеся надежды — они появлялись из темноты и в темноте исчезали.

— Может, он сейчас как раз на пути домой,— сказал я.— Он голоден и наверняка валится с ног от усталости. Он провел в бегах целую ночь и целый день.— Начиналась вторая ночь.

Она отняла руку ото рта и коснулась моей руки.— Откуда вы знаете, что он голоден?

— Он попросил сэндвич у девушки на берегу. До этого он побывал у друга, ища убежища. «Друг» — может, не слишком удачное слово. Карл когда-нибудь говорил вам о Томе Рике?

— Рика? Это тот парень, с которым он бежал? Его имя было в газете.

— Точно. А вы что-нибудь еще о нем знаете?

— Только со слов Карла.

— Когда это было?

— Во время моего последнего посещения, в больнице. Он рассказал, как этот самый Рика мучился в палате. Карл пытался облегчить его страдания. Он сказал, что Рика — наркоман, на героине.

— А что-нибудь еще он рассказывал о Томе?

— Нет, пожалуй, все. Почему вы спросили?

— Рика видел Карла всего пару часов назад. Если Рике можно верить. Его приютила у себя женщина по имени Мод в местечке, которое называется «Гостиница Буэнависта», это в нескольких милях отсюда по шоссе. Карл отправился туда, ища место, где можно укрыться.

— Не понимаю,— сказала Милдред.— Что побудило Карла пойти за помощью к женщине такого пошиба?

— Вы знакомы с Мод?

— Разумеется, нет. Но всем в городе известно, чем занимаются в этой так называемой гостинице.— Милдред взглянула на меня с ужасом.— Карл спутался с этими людьми?

— Вовсе не обязательно. Человек, который скрывается от преследования, не брезгует ничем.

Мои слова прозвучали несколько иначе, чем то, что я хотел сказать. Ее голова поникла под тяжестью мыслей, вызванных моими словами. Она снова вздохнула.

Я не мог слушать ее вздохи. Я обнял ее за плечо. Она напряглась и замерла.

— Не волнуйтесь. Я не пристаю.

Так я думал. Милдред же, как видно, была другого мнения. Она резко отстранилась и выскочила из машины одним быстрым движением.

Пока мы беседовали в машине, большинство автомобилей на другой стороне шоссе уехали. Дорога была пуста, если не считать тяжелого грузовика, на полной скорости спускавшегося с холма с юга.

Картина распалась на фрагменты и вновь склеилась в неподвижной отчетливости запечатленного взрыва. Милдред шла, опустив голову, по проезжей части в ярком свете фар приближавшегося сзади грузовика. Грузовик надвигался на Милдред всей своей громадой, отчаянно гудя. Мимо меня на большой высоте от дороги промелькнул профиль водителя. Гигантские колеса настигали Милдред.

Грузовик остановился в нескольких футах от нее. Во внезапном вакууме тишины я услышал, как ворчит и шипит море, словно зверь под берегом. Водитель грузовика высунулся из кабины и заорал на Милдред, испытывая облегчение и возмущение.

— Чертова дура! Разуй глаза. Чуть не угодила под колеса.

Милдред не обращала на него внимания. Она забралась в «бьюик», дождалась, пока грузовик отъедет, и резко развернула машину перед моим носом. Меня встревожило ее поведение на дороге и за рулем. Она двигалась и вела машину в забытьи, будто человек, находившийся в одиночестве в черном пространстве.

Глава 23

Повинуясь почти отеческому инстинкту, я решил сопровождать ее на расстоянии. Она доехала благополучно и оставила черный «бьюик» на обочине. Я припарковался сзади, и Милдред, увидев меня, остановилась на середине тротуара.

— Что вы здесь делаете?

— Провожаю Милли домой.

Ее ответ прозвучал недружелюбно.— Ну так я уже дома.

Старый дом выглядывал из ночи, словно могильный камень. Однако внутри, сквозь потрескавшиеся ставни, виднелись огни и раздавались прерывистые звуки сопрано. Я выбрался из машины и нагнал Милдред, шедшую по дорожке.

— Вы едва не попали под колеса.

— Разве? — Она обернулась, поднявшись по ступенькам на веранду.— Я не нуждаюсь в попечителе, благодарю. Мне хочется только, чтобы меня оставили одну.

— «Глубокие заросли дикого леса»,— выводил в доме потерянный скрипучий голос,— «и песни, любимые с раннего детства».

— С матерью все в порядке, Милдред?

— Да, превосходно. Мама пьет весь день.— Она оглядела темную улицу и сказала изменившимся голосом: — Даже эти мерзкие людишки, которые живут на этой улице, смотрят на нас свысока. Я больше не в силах держаться как ни в чем не бывало. Мне бы заползти в нору и умереть — вот и все, что мне хочется.

— Вам нужно отдохнуть.

— Разве я могу отдохнуть? Когда на плечи свалились все эти беды? А потом еще это.

Тень Милдред в свете ближнего окна зигзагом лежала на ступенях. Она кивнула в сторону окна, за которым,

закончив пение, ее мать выводила завершающие аккорды на расстроенном пианино.

— В любом случае,— сказала Милдред,— мне завтра утром выходить на работу. Не могу пропустить еще одну половину дня.

— У кого вы работаете — у Саймона Легри?

— Я имела в виду другое. М-р Хейнз очень добр. Просто, если я выбьюсь из ритма, то, боюсь, уже не смогу начать снова.

Она стала рыться в черной пластиковой сумке в поисках ключа. Дверная ручка повернулась раньше, чем Милдред успела за нее взяться. Над нашими головами зажегся верхний свет. Миссис Глей открыла дверь, встречая нас пьяной улыбкой.

— Пригласи своего друга в дом, дорогая. Я всегда так говорила и буду говорить впредь. Твоя мама всегда рада и горда развлекать твоих друзей.

Миссис Глей, казалось, не узнала меня; я был частью смутного прошлого, затуманенного возлияниями, которые начались с самого утра. И тем не менее, она мне обрадовалась.

— Пригласи своего друга в дом, Милдред. Я налью ему стаканчик. Молодым людям нравится, когда их обхаживают; этому тебе еще предстоит научиться. Ты потратила большую часть своей молодости на своего никчемного муженька...

— Не строй из себя дуру,— холодно произнесла Милдред.

— А я и не строю. Я говорю то, что чувствует мое женское сердце. Разве не так? — обратилась она ко мне.— Заходите, выпьете со мной, а?

— С радостью.

— И я буду рада побыть с вами.

Миссис Глей распростерла руки в приветствии и пошатнулась в мою сторону. Я подхватил ее под мышки. Она захихикала у меня на груди. С помощью Милдред я провел ее в гостиную. Из-за обилия складок на ее наряде, напоминавшем мне саван мертвеца, манипулировать ею было трудно.

Однако она сумела усесться на диван и произнести благовоспитанным тоном:

— Прошу прощения. У меня на секунду закружилась голова. Это, видите ли, от свежего ночного воздуха.

Словно пораженная невидимой и неслышной пулей, она мягко завалилась на бок. Через минуту она захрапела.

Милдред подняла ее ноги на диван, поправила огненно-рыжие волосы и подложила под голову подушку. Сняв с себя пальто, она укрыла ноги миссис Глей. Всё это она проделала с нейтральной ловкостью, без нежности и без злобы, словно делала это много раз и собиралась делать много раз и впредь.

Таким же нейтральным тоном, словно разговаривала с младшей по возрасту, она сказала: — Бедная мама, пусть тебе приснятся сладкие сны. Или лучше ничего не приснится. Желаю тебе спать вообще без сновидений.

— Может, мне отнести ее наверх? — предложил я.

— Пусть спит здесь. Не в первый раз. Это бывает два-три раза в неделю. Мы привыкли.

Милдред села в ногах у матери и оглядела комнату, словно стараясь запомнить ее убогий вид. Она уставилась в пустой глаз телевизора. Пустой глаз, в свою очередь, уставился на нее. Она посмотрела на лицо спящей матери. Когда Милдред вновь заговорила, мне еще больше показалось, что она поменялась со своей матерью возрастом:

— Бедная моя рыжая. А знаете, у нее были натуральные рыжие волосы. Я даю ей деньги, чтобы она подкрашивала их в парикмахерской. Но она предпочитает красить сама, а на сэкономленные деньги покупает выпивку. Я не могу осуждать ее. Она устала. Четырнадцать лет она содержала пансион, а потом устала.

— Ваша мать — вдова?

— Не знаю.— Она подняла на меня глаза.— Не имеет особого значения. Отец ушел от нас, когда мне было семь лет. У него появился замечательный шанс купить ранчо в Неваде по очень дешевой цене. У отца всегда возникали замечательные шансы, но на этот раз дело обещало быть верным. Он договорился с мамой, что через три недели или месяц, когда все устроится, он приедет за нами. Но так и не приехал. Только один раз дал о себе знать — прислал подарок к моему дню рождения, золотую десятидолларовую монету из Рено. С монетой была записка, что мне не разрешается ее истратить. Я должна сохранить монету как знак отцовской любви. Я и не потратила. Потратила мама.

Если Милдред и испытывала возмущение, то ничем его не проявила. Некоторое время она просидела молча, не двигаясь. Затем дернула хрупким плечом, словно сбрасывая мертвую руку прошлого.

— Не понимаю, с чего это я заговорила об отце. Ну да ладно, все равно.— Она резко изменила тему.— Тот самый Рика из «Гостиницы Буэнависта», что он за человек?

— Развалина. Ничего не осталось, кроме голода. Долгие годы прожил на наркотиках. Как свидетель он не годится.

— Как свидетель?

— Он сказал, будто Карл признался ему, что не убивал Джерри.

Ее лицо покрылось легким румянцем, и глаза оживились.— Почему вы *мне* об этом не сказали?

— Как-то не довелось. Вы там на шоссе, похоже, устроили рандеву с грузовиком.

Румянец усилился.— Сознаюсь, вы вывели меня из себя. Не следовало обнимать меня.

— Я сделал это по-дружески.

— Знаю. Просто это мне кое-что напомнило. Мы говорили о тех людях из гостиницы.

— У меня создалось впечатление, что вы с ними не знакомы.

— Не знакома и не хочу знакомиться.— Она заколебалась.— А вы не находите, что вам следует сообщить в полицию о том, что сказал тот человек?

— Я должен подумать.

— Но вы ему поверили?

— С оговорками. Я никогда и не верил, что Карл застрелил брата. Но мое мнение основывается не на показаниях Рики. Он фантазер.

— На чем же тогда оно основывается? У меня возникает странное чувство, когда я вспоминаю о сегодняшних событиях на ранчо. В них есть нечто нереальное. Это каким-нибудь образом согласуется с тем, что заметили вы?

— Думаю, что да, хотя четко сформулировать не могу. Что именно вы имеете в виду?

— Если бы я знала точно, то мне было бы ясно, что там произошло. Но я не знаю, что произошло, пока еще нет. Кое-что из того, что я видела собственными глазами, показалось мне словно бы разыгранным специально для меня.

— Поступки вашего мужа, по-моему, лишены смысла, а также кое-какие поступки остальных. Включая шерифа.

— Это еще не значит, что Карл виновен.

— Вот именно. Шериф изо всех сил пытался доказать обратное, но не убедил меня. Вы знакомы с ситуацией, с теми, кто оказался вовлеченным. И если Джерри застрелил не Карл, то убийца — кто-то другой. У кого мог быть мотив для убийства?

— У Зинни, конечно. Только это невозможно. Женщины, подобные Зинни, не убивают людей.

— Иногда убивают. Если этим человеком является собственный муж. Любовь и деньги — сильное сочетание.

— Вам известно о ней и д-ре Грантленде? Хотя, конечно, известно. Зинни и не пытается скрывать их отношений.

— Как давно у них продолжается роман.

— Не долго, в этом я уверена. Что бы между ними ни было, началось все после того, как я съехала с ранчо. В городе до меня дошли слухи. Одна из моих лучших подруг работает секретаршей у юриста. Два или три месяца назад она сказала, что Зинни хочет развестись с Джерри. Но он не собирался давать ей развода. Пригрозил, что станет бороться за Марту, и Зинни, очевидно, оставила эту затею. Зинни никогда не согласится отдать Марту.

— Смерть Джерри не лишает ее Марты,— сказал я,— если только Зинни не осудят.

— Не намекаете ли вы на то, что Зинни застрелила Джерри? Не могу в это поверить.

Я тоже не мог. Но и в невиновность Зинни я не верил. Я вертел в голове это дело так и этак, пытаясь представить, как оно выглядит. Выглядело оно отвратительно.

— А где сейчас Зинни, знаете?

— Я не видела ее с того момента, как уехала с ранчо.

— А Марта где?

— Полагаю, она с миссис Хатчинсон. Она проводит большую часть своей жизни с миссис Хатчинсон.— Понизив голос, Милдред добавила: — Будь у меня дочь, я бы сама ее воспитывала. Только у меня нет.

Глаза ее заблестели от слез. Я впервые осознал, что означал для нее неудавшийся бесплодный брак.

В коридоре громко, словно будильник, зазвонил телефон. Милдред пошла взять трубку.

— Это Милдред Холлман.— Ее голос звучал пронзительно.— Нет! Я не хочу видеть вас. Вы не имеете права тревожить меня... Нет, конечно, не приходил. Мне не нужна ничья защита.

Я услышал звук брошенной трубки, но Милдред в гостиную не вернулась, а прошла в переднюю часть дома. Нашел я ее в комнате за прихожей, где она стояла в темноте у окна.

— Что-нибудь случилось?

Она не ответила. Я отыскал возле двери выключатель и зажег свет. В старой медной люстре замигала одинокая лампочка. Возле противоположной стены на меня глядело,

усмехаясь желтыми клавишами, старое пианино. На его крышке стояла пустая бутылка из-под джина.

— Кто звонил — шериф Остервельт?

— Как вы догадались?

— По вашей реакции. Реакция на Остервельта.

— Ненавижу его,— сказала Милдред.— И ее тоже не выношу. С того момента, когда Карла поместили в больницу, она все больше и больше ведет себя так, словно он принадлежит ей.

— Я что-то не улавливаю. О ком идет речь?

— О женщине по имени Роуз Париш. Она работает в клинике. Она сейчас вместе с шерифом, и они оба хотят прийти сюда. Не хочу их видеть. Они людоеды.

— То есть?

— Люди, которые живут за счет чужих бед. Надеюсь, после моих слов они не заявятся. Я уже достаточно покусана.

— Насчет мисс Париш вы, думаю, ошибаетесь.

— Вы ее знаете?

— Я познакомился с ней сегодня утром в больнице. Мне показалось, что она с большим сочувствием относится к случаю вашего мужа.

— Тогда что она делает с шерифом Остервельтом?

— Вероятно, перевоспитывает его, насколько я знаю мисс Париш.

— Перевоспитание ему не помешает. Если он появится здесь, то я его не впущу.

— Боитесь его?

— Наверное. Хотя нет. Я слишком сильно ненавижу его, чтобы бояться. Он поступил со мной ужасно.

— Это в тот день, когда вы отвозили Карла в больницу?

Милдред кивнула. Бледная, с потускневшими глазами, она выглядела так, словно молодость ее вытекла из открытой раны того дня.

— Пожалуй, мне следует рассказать вам, что произошло на самом деле. Он попытался сделать меня своей... своей шлюхой. Попытался отвезти в «Гостиницу Буэнависта».

— В тот самый день?

— Да, когда мы возвращались из больницы. По пути он раза три или четыре останавливался и всякий раз возвращался в машину все более пьяным и несносным. Наконец я попросила его высадить меня на ближайшей автобусной остановке. К тому времени мы уже были в Буэна Виста, недалеко от дома, но я уже не могла терпеть его присутствия.

Однако, пришлось. Вместо того, чтобы подвезти меня к автобусной остановке, он поехал по шоссе к гостинице и остановился выше, на холме. Хозяйка гостиницы была его другом, как он сказал — чудесная женщина с очень широкими взглядами. Если я захочу остаться там у нее, то она предоставит мне личные апартаменты, и это не будет стоить мне ни цента. Я могла бы взять отпуск на неделю или на месяц — сколько мне нравится — и он бы навещал меня по вечерам и составлял мне компанию.

Он сказал, что уже давно подумывает об этом, с того времени, как умерла его жена, и даже раньше. Теперь, когда Карл не являлся препятствием, он и я могли бы наконец сойтись. Слышали бы вы только, как он старался быть романтичным. Великий ловелас. Припал ко мне своей лысой головой, потея и тяжело дыша и обдавая запахом алкоголя.

Во мне вспыхнул гнев, но я сдержался.— Он пытался применить силу?

— Он попытался поцеловать меня. Правда, увидев мое отношение, несколько образумился. Он не воспользовался своей силой, физической, если вы намекаете на это. Но он вел себя по отношению ко мне, как к... Словно женщина, у которой болен муж, легкая добыча для любого.

— А как насчет признания Карла, которое он якобы сделал? Шериф шантажировал вас, чтобы добиться своего?

— Да, только, пожалуйста, не предпринимайте ничего по этому поводу. Ситуация и так уже достаточно плохая.

— Для него может оказаться еще хуже. Злоупотребление служебным положением — палка о двух концах.

— Не надо так говорить. Карлу легче не будет.

Где-то заурчал невидимый глазу автомобиль. Вскоре на улице показались его фары.

— Выключите свет,— прошептала Милдред.— У меня такое предчувствие, что это они.

Я нажал на выключатель и подошел к Милдред, стоявшей у окна. Подъехал «Меркури Спешл» черного цвета, остановившись за моей машиной. Из задней двери вышли Остервельт и мисс Париш. Милдред опустила шторы и повернулась ко мне:

— Поговорите с ними? Я не хочу их видеть.

— Я понимаю, что вы не хотите встречаться с Остервельтом. Но с мисс Париш вам следовало бы поговорить. Она определенно на вашей стороне.

— Ладно, поговорю, если надо. Но сперва я должна переодеться.

На крыльце послышались шаги. Я пошел открывать дверь, а Милдред побежала вверх по лестнице.

Глава 24

Мисс Париш и шериф стояли с таким видом, будто они незнакомы друг с другом. Очевидно, повздорили. Она выглядела официально и весьма впечатляюще в простом синем пальто и шляпке. На лицо Остервельта падала тень его широкополой шляпы, но у меня создалось впечатление, что он похож на человека, смирившегося с мнением оппонента. Если между ними и состоялась дискуссия, то проиграл он.

— А вы что здесь делаете? — Говорил он вяло, будто старый актер, повторявший заученную роль.

— Зашел подержать миссис Холлман за руку. Здравствуйте, мисс Париш.

— Здравствуйте.— Ее улыбка была теплой.— Как миссис Холлман?

— Да,— сказал Остервельт.— Что с ней? По телефону она показалась немного расстроенной. Что-нибудь случилось?

— Миссис Холлман не желает вас видеть, если в этом нет необходимости.

— Черт, я ведь беспокоюсь только за ее личную безопасность. Он покосился в сторону мисс Париш и добавил обиженно-невинным тоном: — Что Милдред имеет против меня?

Я вышел на крыльцо, закрывая за собой дверь.— Вы уверены, что хотите услышать ответ?

Я не мог сдержать гнева в голосе. Остервельт рефлекторно положил руку на рукоятку револьвера.

— О Господи! — произнесла мисс Париш с деланным смешком.— У вас мало неприятностей, джентльмены?

— Я хочу знать, что он имеет в виду. Он целый день меня подкалывает. Я не обязан сносить издевательства от всякого «фараона», подглядывающего в замочные скважины.— В его голосе послышались чуть ли не жалобные нотки.— Во всяком случае, не в собственном округе.

— Как вам не стыдно, м-р Арчер.— Мисс Париш встала между нами, обратив ко мне спину и направив на шерифа все свое материнское обаяние.— Подождите меня

в машине, шериф. Я поговорю с миссис Холлман, если она согласится. Очевидно, ее муж сюда не приходил. Ведь вы это и хотели узнать, не так ли?

— Да, но...— Он кинул на меня свирепый взгляд поверх ее плеча.— Мне не нравятся подобные шутки.

— Что и следовало ожидать. Поразмыслите-ка об этом на досуге.

Ситуация вновь накалилась. Мисс Париш охладила ее своими словами: — Я не слышала никакой шутки. Вы оба устали. Но не следует вести себя, как подросткам, ищущим повода для ссоры.— Она коснулась плеча Остервельта и задержала руку.— Подождите меня в машине, пожалуйста. Через несколько минут я вернусь.

Ласково, но твердо она развернула Остервельта и слегка подтолкнула его в сторону улицы. Он подчинился и ушел. Она посмотрела на меня веселым добрым взглядом.

— Как вам удалось его приручить?

— О, это моя маленькая тайна. В общем, возникло некое обстоятельство.

— Какое обстоятельство?

Она улыбнулась.— Считайте, что обстоятельство — это я. Доктор Брокли не смог приехать, у него важное совещание. Он послал меня. По моей просьбе.

— Чтобы проверить действия Остервельта?

— Официально я не имею никакого права на это.— С улицы донесся стук захлопнувшейся двери «Меркури».— Вы не находите, что лучше зайти в дом? Иначе он поймет, о ком идет разговор.

— Ну и пусть.

— Эх вы, мужчины. Иногда мне кажется, что весь мир — это больница для душевнобольных. И тогда все встает на свои места.

После изнурительного дня я не был склонен спорить.

Я открыл дверь, придерживая ее для гостьи. Мы оказались лицом к лицу в освещенном коридоре.

— Не ожидала встретить вас здесь.

— Так сложились обстоятельства.

— Я слышала, вы получили свою машину обратно.

— Да.— Но ее интересовала не машина.— Если вы хотите спросить меня кое о чем, но не договариваете, сразу отвечу, я работаю на вашего друга, Карла. Я не верю, что он убил брата или кого-нибудь еще.

— Правда? — Ее грудь под пальто поднялась. Мисс Париш расстегнулась, чтобы вздохнуть посвободнее.—

Я только что пыталась доказать шерифу Остервельту то же самое.

— Ну и как, доказали?

— Боюсь, что нет. Обстоятельства складываются против Карла, ведь так? Хотя мне удалось-таки чуточку охладить старика.

— Каким образом?

— Это служебная тайна.

— Имеющая отношения к Карлу?

— Косвенное. Дело касается человека, который с ним бежал — Тома Рики. Пока все, больше я не могу ничего рассказывать, м-р Арчер.

— Позвольте высказать свои догадки. Если я окажусь прав, значит, это мне и без вас известно. Если ошибусь, то вреда не будет. Остервельт устроил так, что Рику в судебном порядке определили на принудительное лечение, в то время как по закону его следовало отправить за решетку.

Мисс Париш не стала возражать. Она вообще ничего не сказала.

Я пригласил ее зайти в комнату. Обежав ее глазами, мисс Париш остановила понимающий взгляд на пустой бутылке, стоявшей на крышке пианино. Рядом с бутылкой находилась семейная фотография в потускневшей серебряной рамке и сломанная розовая раковина.

Мисс Париш взяла бутылку, понюхала ее и со стуком поставила на место. Она с подозрением посмотрела на дверь. Ее целеустремленный профиль и похожая на мужскую шляпа придавала ей вид женщины-агента в шпионском фильме.

— Где маленькая жена? — прошептала она.

— Наверху, переодевается.

— Она пьет?

— Не притрагивается. Зато ее мать пьет за двоих.

Мисс Париш подалась вперед, разглядывая фотографию. Я заглянул через ее плечо. Под пальмой рядом с поразительно красивой женщиной стоял улыбающийся мужчина в нарукавниках и в широких подтяжках. Женщина держала на руках ребенка, одетого в длинное платье. Снимок по-любительски раскрасили вручную. Дерево было зеленым, коротко стриженные волосы женщины — рыжими, цветы на ее платье — красными. Все краски выцвели и поблекли.

— Это его теща?

— Наверное.

— Где она сейчас?

— В мире снов. Притомилась.

— Алкоголичка?

— Миссис Глей усердно над этим работает.

— А отец ребенка, что с ним?

— Он давно их бросил. Может, умер.

— Удивительно,— вполголоса произнесла мисс Париш.— А я считала, что Карл из весьма состоятельного, благопристойного рода.

— Из состоятельного, да. Но жена его — нет.

— Я так и поняла.— Мисс Париш оглядела похожую на морг комнату, в которой прошлое отказывалось жить или умереть.— Это помогает воссоздать картину.

— Какую картину? — Меня покоробил ее снисходительный тон.

— Мое понимание Карла и его проблем. Тип семьи, в которую входит нездоровый человек после брака, может иметь очень существенное значение. Человек, чувствующий себя социально ущербным, что свойственно больным людям, зачастую стремится понизить себя на общественной шкале, намеренно обрубая связи с тем кругом, к которому принадлежит.

— Не делайте скоропалительных выводов. Следует внимательно присмотреться к его собственной семье.

— Карл очень много рассказывал мне о ней. Видите ли, когда у человека случается нервное расстройство, в этом виноват не он один. Бывает, вся семья оказывается вовлеченной. И что самое страшное,— когда один из членов семьи заболевает, остальные, как правило, превращают его в козла отпущения. Они полагают, что смогут разрешить свои собственные проблемы, отвернувшись от больного — поместив его в надежное место и забыв напрочь.

— Скорее это относится к Холлманам,— сказал я,— чем к его жене. Думаю, ее матери хотелось бы, чтобы он исчез навсегда, но она не в счет.

— Я понимаю, что была несправедлива к его жене. Она производит впечатление порядочного маленького существа. Должна признать, она не отступилась от Карла в трудную минуту. Навещала каждую неделю, ни одного воскресенья не пропустила. Чего нельзя сказать о многих других женах.— Мисс Париш вскинула голову, словно услышала воспроизведение своих слов. Она медленно покраснела.— О Господи, послушать меня только. Так и норовлю идентифицировать себя с пациентами и обвинять во всем родственников. Это один из наихудших наших профессиональных недостатков.

Она села на прирояльный стул и достала сигарету, которую я зажег. В глубине ее глаз горели огоньки. Я чувствовал, как за профессиональным обликом мисс Париш пылали эмоции, словно замурованные атомные реакторы. Впрочем, они пылали не из-за меня.

Чтобы все же иметь хоть что-то, что пылало бы ради меня, я закурил сигарету. От щелчка зажигалки мисс Париш вздрогнула; она тоже нервничала. Она повернулась на стуле и посмотрела на меня снизу вверх.— Я знаю, что идентифицирую себя со своими пациентами. Особенно с Карлом. Ничего не могу с собой поделать.

— Неужели вас это не выматывает? Если бы меня пропускали через машину для выжимания белья всякий раз, когда один из моих клиентов...— Я утратил интерес к предложению и не закончил его. Я также, но по-другому отождествлял себя с беглецом.

— Я пекусь не о себе.— Мисс Париш беспощадно раздавила окурок и двинулась к двери.— Карл в серьезной опасности, не так ли?

— Могло бы быть и хуже.

— Может быть хуже, чем вы думаете. Я разговаривала с несколькими людьми из местных органов управления. Уже начали ворошить другие случаи со смертельным исходом, произошедшие в его семье. Видите ли, он много болтал, когда рассматривалось его дело. Совершенно неразумно. Мы-то знаем, что слова психически больного не нужно воспринимать всерьез. Но многие блюстители закона не понимают этого.

— Шериф говорил вам о том, что Карл сделал признание?

— Он постоянно на это намекал. Боюсь, он придает этому слишком большое значение. Разве это что-нибудь доказывает?

— Вы говорите так, будто все это раньше уже слышали.

— Конечно, слышала. Когда Карл поступил к нам шесть месяцев назад, он успел внушить себе, что является преступником века. Он обвинял себя в убийстве обоих родителей.

— И в убийстве матери тоже?

— Мне кажется, комплекс вины возник у него после ее самоубийства. Она утопилась несколько лет назад.

— Знаю. Но не понимаю, с какой стати он винит себя.

— Типичная реакция пациентов в состоянии депрессии — винить себя за все плохое, что происходит. Особенно за смерть людей, которых они любят. Карл горячо

любил мать, она была для него авторитетом во всем. В то же время он пытался отвоевать независимость и жить самостоятельно. Должно быть, она покончила с собой по причинам, с Карлом не связанным. Но он расценил ее смерть как прямой результат своего предательства. Того, что он считал предательством. Ему показалось, будто его попытки перерезать пуповину убили ее. Отсюда один шаг до признания себя убийцей.

Теория, высказанная мисс Париш, была соблазнительна и основывалась на том, что комплекс вины Карла замешан лишь на словах и фантазиях, содержании детских кошмаров. С ее помощью разрешалось так много проблем, что я отнесся к ней недоверчиво.

— Будет ли подобная теория серьезным аргументом в суде?

— Это не теория, а факт. Примут ли ее как факт или нет — зависит от людей: от судьи, от присяжных, от свидетельств экспертов. Однако не вижу причин, чтобы она когда-либо прозвучала в суде.— Глаза ее глядели настороженно, готовые на меня рассердиться.

— И все же мне хотелось бы получить твердые доказательства того, что не он совершил эти преступления, а кто-то другой. Таким и только таким образом можно доказать, что он оговорил себя.

— Конечно, оговорил. Мы знаем, что его мать наложила на себя руки. Его отец умер естественной смертью или, возможно, в результате несчастного случая. А история, рассказанная Карлом — чистая фантазия, прямо из учебника по психиатрии.

— Учебника я не читал.

— Он заявил, что ворвался в ванную комнату, когда старик лежал в ванне, ударил его и, бесчувственного, держал под водой, пока тот не захлебнулся.

— Вы точно знаете, что все произошло иначе?

— Да,— сказала она,— знаю. У меня есть показания самого надежного свидетеля, который только может быть,— самого Карла. Теперь он знает, что не имел прямого отношения к смерти отца. Он сказал мне об этом несколько недель тому назад. Он научился прекрасно разбираться в сути своего комплекса вины и в причинах, по которым признался в том, чего не совершал. Теперь он знает, что хотел наказать себя за желание убить отца. Каждый мальчик испытывает эдипов комплекс, но он редко проявляется в такой бурной форме, разве что при психическом срыве.

С Карлом срыв произошел в то утро, когда они с братом обнаружили отца в ванне. Накануне вечером он серьезно повздорил с отцом. Карл был очень зол, убийственно зол. Когда отец на самом деле умер, он почувствовал себя убийцей. Из подсознания всплыла вина за смерть матери, усиливая новую вину. Его рассудок сочинил версию для обоснования этих ужасных ощущений вины и для того, чтобы хоть как-то справиться с ними.

— Вы говорите со слов Карла? — Услышанное было очень сложным и расплывчатым.

— Мы это отработали вместе с ним,— сказала она тихо и веско.— Я не собираюсь приписывать успех себе. Терапией руководил д-р Брокли. Просто получилось так, что Карл выговаривался мне.

Лицо ее снова потеплело и оживилось от гордости, которую женщина испытывает, когда ощущает себя женщиной. Оно излучало спокойную силу. Мне было трудно сохранять свой скептицизм, казавшийся оскорбительным для ее спокойной уверенности.

— Как вы определяете различие между истинными признаниями и фантазиями?

— Для этого требуется соответственное образование и опыт. Начинаешь распознавать вымысел. Отчасти это явствует из интонации, отчасти из содержания. Зачастую можно определить по размаху фантазии, по тому, с какой полнотой пациент ощущает степень своей вины и настаивает на ней. Вы не поверите, в каких только преступлениях мне ни признавались. Я разговаривала с Джеком Потрошителем, с человеком, утверждавшим, что застрелил Линкольна, с несколькими, распявшими самого Христа. Все эти люди чувствуют, что причинили зло — мы все в некоторой степени причиняем зло — и подсознательно хотят наказать себя по возможности за наиболее тяжкие преступления. Когда пациент начинает поправляться и в состоянии осознать собственные проблемы, тяга к наказанию и ощущение вины полностью исчезают. Карл пришел в норму именно этим путем.

— И вы никогда не ошибаетесь насчет этих фантазий?

— Этого я не говорю. Но с фантазиями Карла ошибки нет. Он их преодолел, и это само доказывает, что они были иллюзорными.

— Надеюсь, он их преодолел. Сегодня утром, когда я с ним разговаривал, он все еще был зациклен на смерти отца. В сущности, он хотел нанять меня, чтобы я доказал,

что отца убил кто-то другой. Думаю, это уже сдвиг в лучшую сторону: он перестал считать себя убийцей.

Мисс Париш покачала головой. Она прошла мимо меня к окну и встала там, покусывая ноготь большого пальца. Ее тень на шторах напоминала укрупненную фигуру расстроенного ребенка. Кажется, я понял те страхи и сомнения, из-за которых она осталась одинокой и обратила свою любовь на больных.

— У него произошел регресс,— сказала она с горечью.— Ему не следовало уходить из больницы так рано. Он оказался не готовым к встрече с этими жуткими вещами.

Я положил ладонь на ее поникшее плечо.— Пусть это *вас* не выбивает из колеи. Он рассчитывает, что ему помогут выкарабкаться люди, такие, как вы.— «Виновен он или не виновен»,— промелькнули у меня в голове невысказанные слова.

Я выглянул наружу, отодвинув край шторы. «Меркури» стоял на том же месте. Сквозь стекло из машины доносились слабые звуки радио.

— Я на все готова ради Карла,— произнесла мисс Париш мне в ухо.— Полагаю, для вас это не секрет.

Я не ответил. Я не хотел вызывать ее на откровенность. Мисс Париш иногда держалась слишком интимно, иногда слишком официально. И Милдред как назло задерживалась.

Я подошел к пианино и стал наигрывать мелодию одним пальцем. Когда я услышал, что у меня получается «Сентиментальное путешествие», то прекратил игру. Взяв раковину, я приставил ее к уху. Звук напоминал не шум моря, а скорее тяжелое дыхание запыхавшегося бегуна. Никаких фантазий, я слышал то, что хотел услышать.

Глава 25

Когда наконец спустилась Милдред, я понял, почему ее так долго не было. Она тщательно, до блеска причесала волосы, переоделась в черное платье джерси, которое облегало ее фигуру, надела туфли на высоких каблуках, прибавивших ей три дюйма росту. Она стояла в двери, протягивая вперед обе руки. Ее улыбка была натянутой и ослепительной.

— Я так рада видеть вас, мисс Париш. Простите, что

заставила вас ждать. Я знаю, что у вас как медсестры каждая минута на счету.

— Я не медсестра.— Мисс Париш обиделась. На секунду она стала очень некрасивой, с насупленными черными бровями и надутой нижней губой.

— Извините, я ошиблась? Мне показалось, что Карл говорил о вас как об дной из медсестер. Он говорил о вас, знаете ли.

Мисс Париш неловко попыталась остаться на высоте положения. Я понял, что эти молодые женщины и раньше скрещивали мечи или обменивались булавочными уколами.— Не имеет значения, дорогая. Я знаю, день у вас был тяжелый.

— Вы так отзывчивы, Роуз. Карл тоже так считает. Вы не против, если я стану называть вас Роуз? Я чувствую такую близость к вам, благодаря Карлу.

— Я *хочу*, чтобы вы звали меня Роуз. Мне ничего так не хочется, как если бы вы считали меня своей старшей сестрой, другом, на которого можно опереться.

Как и свойственно прямолинейным людям, мисс Париш фальшивила сильно, когда вообще начинала фальшивить. Я подумал, что она явилась с мыслью окружить Милдред материнской заботой за неимением Карла, которого она окружила бы заботой в первую очередь. Она неловко попыталась обнять маленькую, по сравнению с ней, Милдред. Милдред уклонилась.

— Присядьте, пожалуйста. Я принесу вам чаю.

— О нет, спасибо.

— Вам нужно подкрепиться. Вы после долгой дороги. Сейчас я принесу вам что-нибудь поесть.

— О нет.

— Почему же нет? — Милдред окинула фигуру гостьи откровенным взглядом.— Разве вы на диете?

— Нет. Хотя, наверное, следовало бы.— Мисс Париш опустилась на стул — крупная женщина, не сумевшая достойно парировать выпады и дать отпор. Пружины язвительно заскрипели под ее весом. Она старалась казаться маленькой.— Может, найдется выпить что-нибудь?

— Мне очень жаль.— Милдред посмотрела на бутылку, стоявшую на пианино, но не сконфузилась.— В доме ничего нет. Дело в том, что мама слишком много пьет. И я стараюсь, чтобы выпивки в доме не было. Не всегда это удается, как вам, несомненно, известно. Вы, сотрудники больницы, имеете полную информацию о родственниках пациентов, разве нет?

— Ну что вы,— сказала мисс Париш.— При нашей нехватке кадров...

— Сочувствую. Но я не могу жаловаться. Для меня вы сделали исключение. Это замечательно с вашей стороны. Я чувствую себя окруженной вниманием и заботой.

— Простите, если у вас создалось такое впечатление. Я пришла сюда предложить свою помощь.

— Вы так внимательны. Однако придется вас разочаровать. Мужа нет дома.

Мисс Париш приходилось туго. Хотя она и сама напрашивалась на это, мне стало ее жаль.

— Кстати, о выпивке,— сказал я с деланной веселостью.— Я бы тоже не отказался. А что если мы с вами, Роуз, рванем отсюда и выпьем где-нибудь?

Она перестала изучать свои коротко обкусанные ногти и благодарно посмотрела на меня. Милдред сказала:

— Пожалуйста, не убегайте. Я бы заказала бутылку из винного магазина. Может, мама тоже к нам присоединится. Устроим вечеринку.

— Перестаньте,— тихо сказал я ей.

Ослепительно улыбаясь, она ответила: — Не хочу, чтобы меня сочли негостеприимной.

Ситуация заходила в тупик, действуя мне на нервы. Неожиданно ее прервало шарканье ног на крыльце и стук в дверь. Женщины подошли следом за мной к входу. На пороге стоял Кармайкл, помощник шерифа. За его спиной от края тротуара отъезжала машина шерифа.

— В чем дело? — спросила Милдред.

— Мы только что получили сообщение по радио от патруля на шоссе. Возле кинотеатра на открытом воздухе «Ред Барн» замечен человек, похожий по описанию на вашего мужа. Шериф Остервельт решил, что вас следует предупредить. Человек, предположительно, движется в вашем направлении.

— Я рада, если это так,— сказала Милдред.

Кармайкл окинул ее недоумевающим взглядом.— В любом случае, я стану охранять здание. Внутри, если желаете.

— В этом нет необходимости. Своего мужа я не боюсь.

— И я тоже,— сказала за ее спиной мисс Париш.— Я досконально знаю этого человека. Он не опасен.

— Многие люди думают иначе, мэм.

— Я знаю, что шериф Остервельт думает иначе. Какие инструкции вы получили от него относительно применения оружия?

— Мне велено действовать по собственному усмотрению, если Холлман появится. Естественно, я не собираюсь стрелять в него без необходимости.

— Вы мудро поступите в таком случае.— Голос мисс Париш вновь приобрел авторитетный тон.— М-р Холлман — подозреваемый, а не осужденный. Надеюсь, вы не станете делать ничего, о чем бы жалели до конца дней.

— Она права,— сказал я.— Задержите его без стрельбы, если удастся. Не забывайте, он нездоров.

Кармайкл упрямо сжал рот. Подобное выражение я уже видел раньше — в оранжерее Холлманов.— Его брат Джерри еще более нездоров. Мы не допустим новых убийств.

— Именно это я и имел в виду.

Кармайкл повернулся спиной, отказываясь продолжать спор.— В общем, знайте, я слежу за домом. Даже если вы меня не увидите, я буду поблизости, можете меня окликнуть.

Вдалеке послышалась сирена, становясь все более пронзительной. Милдред захлопнула дверь, чтобы не слышать этих звуков — голоса предательской ночи. Несмотря на щедрую свежую косметику, ее лицо выглядело измученным.

— Они хотят убить его, верно?

— Ерунда,— произнесла мисс Париш самым сердечным тоном.

— Мне кажется, мы должны попытаться выйти на него раньше остальных,— сказал я.

Милдред прислонилась к двери.— Я подумала... правда, это почти нереально, но что если он пробирается к дому миссис Хатчинсон? Она живет прямо через шоссе от «Ред Барна».

— Кто такая миссис Хатчинсон? — спросила мисс Париш.

— Домоправительница моей свояченицы. Она привезла к себе дочь Зинни.

— Почему бы вам не позвонить миссис Хатчинсон?

— У нее нет телефона, иначе я давно бы связалась с ней. Я волнуюсь за Марту. Миссис Хатчинсон добра с ней, но она старая женщина.

Мисс Париш посмотрела на нее быстрым взглядом черных глаз.— Вы серьезно считаете, что ребенок в опасности?

— Не знаю.

Никто из нас не знал. В глубине души, в чем я никогда

не признался бы до сих пор, я ощутил страх. Страх из-за предательской темноты, окружавшей нас снаружи и проникшей внутрь, страх из-за слепой сокрушительной силы, которая уничтожила большую часть семьи и угрожала уцелевшим.

— Нам не составит труда справиться о Марте,— сказал я,— или попросить это сделать полицию.

— Давайте пока обойдемся без них,— сказала мисс Париш.— Какой у миссис Хатчинсон адрес?

— Чеснат-стрит, дом № 14. Маленький белый коттедж между Элмвуд и шоссе.— Милдред открыла дверь и махнула рукой вдоль улицы.— Сейчас я вам покажу.

— Нет. Вам лучше оставаться здесь, дорогая.

Лицо мисс Париш посуровело. Она тоже боялась.

Глава 26

Коттедж миссис Хатчинсон оказался последним из трех одинаковых домов, построенных на узких участках между Элмвуд и магистралью. Только одна сторона короткого квартала была застроена. Другая представляла собой незанятый участок, густо поросший молодью дуба. По пустырю проходил пересохший ручей, наполненный мглой. За непрерывной гирляндой огней магистрали я разглядел неоновые контуры кинотеатра «Ред Барн» и скопившиеся вокруг него автомобили.

В окне миссис Хатчинсон за кружевными занавесками горел неяркий свет. Когда я постучал в дверь, окно пересекла грузная тень. Миссис Хатчинсон спросила через закрытую дверь:

— Кто там?

— Арчер. Мы с вами разговаривали сегодня утром на ранчо Холлмана.

Она с осторожностью приоткрыла дверь и высунула голову.— Что вам угодно?

— Марта у вас?

— Разумеется. Я уложила ее спать в своей комнате. Похоже, ей придется ночевать у меня.

— К вам кто-нибудь приходил?

— Заглядывала мать ребенка. Много времени на нас не потратила, могу вам сказать. У миссис Холлман на уме дела поважнее, чем ее маленькая дочь-сирота. Да вы не слушайте меня, а то как заведусь — всю ночь простоите на ступеньках.— Она вопросительно посмотрела на Роуз Па-

риш. Чтобы ее не дай Бог не сочли навязчивой, миссис Хатчинсон до последней секунды избегала глядеть на Роуз.

— Это мисс Париш из психиатрической клиники.

— Приятно с вами познакомиться. Да вы заходите, если не торопитесь. Только попрошу вести себя по возможности тихо. Марта еще не заснула. Бедный ребенок весь взвинчен.

Дверь вела прямо в переднюю комнату. Помещение оказалось маленьким и опрятным. Лоскутные коврики на полу и вязаный шерстяной платок на диване придавали ей уют. Висящие на оштукатуренных стенах девизы, выполненные вышивкой, гармонировали с характером пожилой женщины. На ручке кресла лежало незавершенное вязание с воткнутыми в него спицами. Она сняла рукоделие и убрала в ящик шкафа, словно пряча следы преступной оплошности в своем домашнем хозяйстве.

— Присаживайтесь, если найдете место. Вы сказали, что работаете в больнице? Когда-то мне предлагали там место, но я всегда предпочитала работать частным образом.

Роуз Париш села рядом со мной на диван.— Вы медсестра, миссис Хатчинсон?

— Медсестра? Я поступила на курсы, где готовили медсестер, но так и не закончила. Хатчинсон не хотел ждать. А вы, наверное, медсестра, мисс?

— Я — общественный психиатр. Поэтому, думаю, вроде медсестры. Карл Холлман был моим пациентом.

— Вы хотели расспросить меня о нем? Я угадала? Говорю вам, стыд и срам, что произошло с мальчиком. Он был просто идеальным ребенком. Но там, в том доме, он стал меняться прямо на глазах. Я видела, как в нем начинает проявляться беда его матери, но никто из них пальцем не пошевелил, пока не оказалось слишком поздно.

— Вы знали его мать? — спросил я.

— Знала ли я ее? Я ухаживала за ней более года. Исполняла все ее прихоти, днем и ночью. Так что могу сказать, что знала. Она была самая грустная женщина, какую я встречала, особенно под конец. Вбила себе в голову, что никто ее не любит и *никогда* не любил. Муж не любил, дети не любили, даже ее бедные умершие родители не любили. А когда Карл уехал учиться, стало еще хуже. Он всегда был для нее любимым дитя, и без него она жизни не мыслила. Когда же он уехал, она стала вести себя так, словно у нее ничего в жизни не осталось, кроме тех таблеток, которые она принимала.

— Каких таблеток? — спросила Роуз.— Барбитураты?

— Эти или любые другие, которые ей удавалось раздобыть. Многие годы она держалась на таблетках. Думаю, она перебывала у всех врачей города, старых и новых, пока не остановилась на д-ре Грантленде. Не мне судить врача, но в то время я считала, что таблетки, прописанные д-ром Грантлендом, главная причина ее беды. Однажды, ближе к концу, я набралась храбрости и сказала ему об этом. Он ответил, что старается ограничить ее дозу, однако без них миссис Холлман будет хуже.

— Сомневаюсь,— сказала Роуз Париш.— Ему следовало бы определить ее в лечебницу; он мог спасти ей жизнь.

— Этот вопрос возникал когда-нибудь, миссис Хатчинсон?

— Между нею и мной возникал, когда доктор впервые направил меня присматривать за ней. Я была вынуждена как-то ее приструнить. Она была несчастной, избалованной женщиной, которая сама себе испортила жизнь. Она вечно прятала от меня таблетки и превышала дозу. Когда я ее отругала за это, она достала из-под подушки маленький револьвер. Я сказала, что ей надо прекратить эти проделки, в противном случае доктор будет вынужден определить ее на принудительное лечение. Она сказала, пусть только попробует. Она сказала, что если он попытается это сделать, она убьет себя и погубит его карьеру. А я не сумею найти никакой работы в городе. О, в ярости она могла быть сущим дьяволом.

Вспомнив перенесенную обиду, миссис Хатчинсон тяжело задышала и взглянула на стену над креслом. Там висел вышитый девиз, призывающий к христианскому милосердию, который заметно ее успокоил. Она продолжила:

— Не хочу сказать, что миссис Холлман все время была в таком настроении, на нее накатывало, когда кончалось снотворное. В остальное время она была вполне послушной пациенткой. У меня бывали больные похуже. Какая жалость, что с ней так все произошло. И не только с ней. Вы, молодежь, не читаете Библии, я знаю. В Писании есть одна строчка, которая звучит у меня в голове весь день после той утренней трагедии. «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина.»

— Прямо по Фрейду,— вполголоса сказала Роуз Париш знающим тоном.

Я подумал, что она поставила телегу перед лошадью, но не стал спорить. Слова из Ветхого Завета отдавались эхом в моем сознании. Я поспешил от них отделаться и вернул миссис Хатчинсон к прерванному разговору.

— Странно, что миссис Холлман разрешалось иметь оружие.

— На ранчо у всех женщин есть оружие, во всяком случае, раньше так было. Это наследие прошлого, когда в западных штатах шлялось множество бродяг и беглых преступников. Миссис Холлман когда-то рассказывала мне, что револьвер прислал ей отец с далекой родины — он любил путешествовать. Револьвер был для нее предметом гордости, как драгоценное украшение для других женщин. Он казался безделушкой — маленький, с коротким дулом, а рукоятка разукрашена перламутром филигранной работы. Она часто и подолгу чистила и натирала его до блеска. Помню, как она расстроилась, когда сенатор попытался отобрать револьвер.

— Удивляюсь, что он этого не сделал,— сказала Роуз Париш.— У нас в закрытых отделениях не позволяется держать даже пилки для ногтей или бутылки.

— Это мне известно, и я сказала сенатору, что револьвер в руках миссис Холлман — штука опасная. Иногда его трудно было понять. Он никак не мог признать, что у нее с головой не все в порядке. Позже он точно так же воспринял состояние сына. Он считал, что их недуги выдуманные, что они только и хотят привлечь к себе внимание. Он позволял ей держать в комнате этот револьвер и коробку с патронами вплоть до самой ее смерти. Впору подумать,— добавила она с внезапным озарением, свойственным старым людям,— впору подумать, что он хотел, чтобы она причинила себе вред. Или кто-нибудь другой.

— Кто-нибудь другой? — переспросил я.

Миссис Хатчинсон покраснела и опустила глаза.— Я ничего не имела в виду. Всего лишь болтаю с вами.

— Вы сказали, что револьвер находился у миссис Холлман вплоть до дня ее смерти. Вы в этом уверены?

— Я так сказала? Я вовсе не это хотела сказать.

Наступила тишина, в которой слышалось ее дыхание.

— А что тогда?

— Я не пыталась установить точное время. Я говорила вообще.

— Так *был* у нее револьвер в день смерти?

— Не помню. Это было давно — прошло более трех лет. Впрочем, это не имеет значения.— Утверждение прозвучало как вопрос. Ее седая голова повернулась ко мне, кожа на шее натянулась диагональными складками, словно неподатливый материал, который скручивают с большим усилием.

— Вам известно, что стало с револьвером миссис Холлман?

— Никто мне не говорил, не знаю. Все, что мне известно,— это то, что он надежно лежит на дне океана.

— Револьвер был у миссис Холлман в тот вечер, когда она утопилась?

— Этого я не говорила. Не знаю.

— Но она утопилась?

— Конечно. Но я не могла бы поклясться. Я не видела, как она прыгнула в воду.— Миссис Хатчинсон не сводила с меня тусклых глаз. Из-под набрякших морщинистых век они глядели холодно и настороженно.— Подумаешь, важность — револьвер. Вы знаете, где он?

— А разве вы не знаете?

От напряжения она начала раздражаться.— Стала бы я спрашивать, если бы знала, как вы думаете?

— Револьвер зафиксирован в канцелярии шерифа как вещественное доказательство. Им воспользовались сегодня, чтобы застрелить Джерри Холлмана. Странно, что вам это не известно, миссис Хатчинсон.

— Откуда *мне* знать, из чего застрелили Джерри? — От замешательства она покраснела еще больше. Сосуды на ее лице побагровели и набрякли от жаркого стыда за то, что ей впервые приходилось лгать, глядя в глаза.— Я даже выстрелов не слышала и тем более не видела, как это произошло.

— Было два выстрела.

— Это для меня новость. Я не слышала ни одного. Я находилась в передней комнате с Мартой, и она играла с серебряным колокольчиком своей матери. Звон заглушал все.

Старая женщина сидела в позе прислушивающегося человека, морща лицо, будто услышала выстрелы сейчас, с долгим опозданием. Я был уверен, что она лжет. Помимо красноречивого выражения лица, в ее рассказе имелось по меньшей мере одно противоречие. Я мысленно вернулся назад, пробегая по суете и сумбуру дня, пытаясь его определить, но безуспешно. Было сказано слишком много слов. Ощущение противоречия не покидало меня,— провал в известном, сквозь который угрожающе зияла темнота, словно море за дамбой.

Миссис Хатчинсон зашаркала ногами в тапочках, будто хотела убежать.— Вы хотите сказать, что я его застрелила?

— Ничего подобного. Но кое в чем вам придется сознаться. Вы что-то не договариваете?

— Не договариваю? С какой стати?

— Я задаюсь тем же вопросом. Возможно, вы защищаете друга или думаете, что защищаете.

— Мои друзья не попадают в подобные истории,— гневно сказала она.

— Кстати, о друзьях. Вы давно знакомы с д-ром Грантлендом?

— Достаточно давно. Это не означает, что мы — друзья.— Она поспешно поправилась: — Сиделка не станет мнить себя другом врача, конечно, если она знает свое место.

— Я понял так, что он устроил вам место у Холлманов.

— Он меня рекомендовал.

— И он подвез вас в город сегодня вскоре после убийства.

— Он сделал это не ради меня. Он сделал это ради *нее*.

— Я знаю. Не упоминал ли он про стрельбу?

— Кажется, да. Да, упомянул, сказал, что это было ужасно.

— Он не сказал, из какого оружия стреляли?

Перед тем, как ответить, она помолчала. Лицо ее побледнело и только. Она сидела совершенно неподвижно, обдумывая ответ и его возможный подтекст.

— Нет. С нами была Марта и все такое прочее. Про оружие он ничего не говорил.

— И все же это кажется странным. Грантленд видел револьвер. Он сам сказал, что узнал его, но не был в этом уверен. Ему должно было быть известно, что вы знакомы с револьвером.

— Я не эксперт по оружию.

— Только что вы прекрасно его описали. В действительности вы, наверное, знали его лучше, чем кто-либо. И Грантленд ни словом не обмолвился вам о нем, не задал ни единого вопроса? Или задал?

Возникла очередная пауза.— Нет. Он не сказал ни слова.

— Вы видели д-ра Грантленда сегодня днем или вечером?

— А если и видела? — ответила она вяло.

— Он приходил сюда?

— А если и приходил? Его приход не имел ко мне никакого отношения.

— А к кому имел? К Зинни?

Сидящая на диване рядом со мной Роуз Париш заерзала и толкнула меня коленом по ноге. Она осуждающе

кашлянула. Это приободрило миссис Хатчинсон, что, вероятно, и предполагалось. Я буквально увидел, как ее сопротивление укрепилось. Она восседала в своем цветастом шелковом платье, словно монумент.

— Вы добиваетесь, чтобы я из-за своей болтовни лишилась места. Я слишком стара, чтобы искать другое. У меня слишком много имущества, чтобы добиваться пенсии, но не хватает денег на жизнь.— Выдержав паузу, она сказала: — Нет! Я обманываю себя. Как-нибудь прожила бы. За нынешнее место я держусь из-за Марты. Если бы не она, я давно бы покинула этот дом.

— Почему?

— Он невезучий, вот почему. Приносит беду всем, кто там живет. Да, я была бы счастлива увидеть, как он сгорит дотла, словно Содом. Наверное, из уст христианки звучит ужасно. Но чтобы все остались живы; смерти я им не желаю, ее было уже достаточно. Я просто хочу, чтобы дома не стало, а семья разбрелась по сторонам.

Я подумал, что угрожающее пожелание миссис Хатчинсон начинает сбываться.

— К чему вы клоните? — спросил я.— Я знаю, что доктор и Зинни Холлман проявляют друг к другу интерес. Вы этот факт пытаетесь скрыть? Или еще что-нибудь?

Она взвесила меня на весах своих глаз.— Кто вы вообще такой, мистер?

— Я — частный детектив.

— Это-то я знаю. На кого вы работаете? И против кого?

— Карл Холлман попросил меня помочь ему.

— Карл? Каким образом?

Я вкратце объяснил ей, каким образом.

— Сегодня вечером его видели по соседству. Вот почему мы с мисс Париш пришли к вам домой — предотвратить любую возможную неприятность.

— Вы считаете, он попытается сделать что-нибудь с ребенком?

— Мы предположили, что такое возможно,— сказала Роуз Париш.— Я не стала бы беспокоиться на этот счет. Наверное, мы немножко рехнулись. Честное слово, я не верю, чтобы Карл смог причинить кому-нибудь вред.

— А как же брат?

— Не верю я, что брата застрелил он.— Она обменялась со мной взглядом.— Ни я, ни он не верим.

— А я подумала, почитав газеты и все такое, что ему это припаяли крепко.

— Так почти всегда кажется, когда подозреваемого преследуют,— сказал я.

— Вы хотите сказать, что это неправда?

— Не обязательно правда.

— Это сделал другой?

Вопрос повис в воздухе. В глубине комнаты медленно, тихо стала открываться внутренняя дверь. В узкую щель проскользнула Марта. В голубых тапочках, похожая на эльфа, она добежала до середины комнаты и остановилась, разглядывая нас огромными глазами.

Миссис Хатчинсон сказала: — Возвращайся в кровать, шалунишка ты этакая.

— Не пойду. Я не хочу спать.

— Пойдем-пойдем, я подоткну тебе одеяло.

Старая женщина тяжело поднялась и попыталась ухватить девочку, которая выскальзывала из рук.

— Хочу, чтобы мамочка подоткнула одеяло. Хочу к мамочке.

Продолжая хныкать, Марта остановилась перед Роуз Париш. Лицо девочки излучало трогательную невинность, которая поднималась вверх, словно невидимая антенна, пока не достигла лица Роуз, встреченная такой же трогательной невинностью. Роуз раскрыла объятия. Марта прильнула к ней и забралась на колени.

— Ты мешаешь леди,— сказала миссис Хатчинсон.

— Она не мешает, правда, солнышко?

Ребенок затих у нее на груди. Минуту-другую мы сидели в тишине. В моем сознании или чуть глубже продолжала пульсировать мысль, пытающаяся собрать воедино клочки и кровавые обрывки прошедшего дня. Мои мысли напугали невинного ребенка, возможно, единственного, кто был абсолютно невинным. Несправедливой казалась оскомина на ее молочных зубах.

Глава 27

Раздавшийся снаружи шум, беспорядочные голоса и топот сапог отвлекли меня от размышлений, и я подошел к двери. По улице шел отряд добровольцев, вооруженных винтовками и дробовиками. Вторая, меньшая группа рассредотачивалась по незанятым участкам, продвигаясь к пересохшему ручью и ощупывая густо заросшую деревьями темноту лучами фонарей.

Человек, руководивший второй группой, был одет в

форму. Когда я подошел к нему поближе, то увидел, что это сержант городской полиции.

— Что здесь происходит, сержант?

— Охотимся за человеком. Сбежал один сумасшедший, если вам еще не известно.

— Известно.

— Если вы с добровольцами, то должны искать дальше по ручью.

— Я — частный детектив, работающий по этому делу. Почему вы думаете, что Холлман находится по эту сторону магистрали?

— Работница разъездного буфета, что возле кинотеатра, говорит, что он пришел по подземному каналу. От берега он шел ручьем, и есть предположение, что он продолжает держаться ручья. Хотя, может статься, он давно скрылся. Официантка не поторопилась сообщить нам о встрече.

— Куда ведет ручей?

— Через весь город.— Он указал фонарем на восток.— И дальше к горам. Но туда ему не добраться, его выслеживают семьдесят вооруженных людей.

— Если он ушел в город, почему вы ищете здесь?

— Нам нельзя рисковать. Он мог затаиться. У нас нет обученных людей, чтобы прочесать все дома и дворы, поэтому мы сосредоточились на ручье.— Он на секунду осветил мое лицо фонарем.— Хотите присоединиться и помочь?

— Не сразу.— Семьдесят охотников на одну добычу — места не хватит.— Я забыл дома свою красную охотничью шапку.

— Тогда я даром трачу с вами время, приятель.

Сержант направился к деревьям. Я прошел до конца квартала и пересек шоссе, которое в этом месте имело шесть полос движения.

Кинотеатр «Ред Барн» оказался зданием со множеством окон, стоявшим посреди асфальтированной автостоянки. Его приземистая пятиугольная конструкция подчеркивалась неоновыми трубками вдоль карнизов и углов. Внутри этой сверкающей красной клетки располагался повар в цилиндре, готовящий на скорую руку, который задавал жару нескольким официанткам, мечущимся между его стойкой и машинами на стоянке. Официантки были одеты в красные форменные платья и маленькие красные шапочки, придававшие им сходство с мальчиками-посыльными в юбках. Сочетание паров бензина и запаха кипящего

жира, щекотавшего ноздри, вызвало в памяти бессмысленную тоску о старом, побитом, но быстром автомобиле, ностальгию по другим кинотеатрам на открытом воздухе вдоль дорог, куда я заезжал в других довоенных местах до того, как на меня посыпались смерти людей.

Казалось, что жизнь моя давно свелась к одиноким ночным вахтам в безлюдных местах. Берегись, сказал я, жалость к себе — последнее пристанище для мелких умишек и стареющих профессионалов. Я знал, что одиночество — во мне самом. Мое мироощущение было лишено оптимизма.

При виде юноши и девушки в «шевроле»-купе, выкрашенном вручную в сиреневый цвет, мне почему-то сделалось веселее. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, слившись в одно тело с двумя опущенными головами, и по очереди потягивали молочный коктейль из одной соломинки, которую любовь обеззаразила от микробов. Поблизости стоял ржавый «хадсон», в котором сидели мужчина в рабочей рубашке, его темноволосая дородная жена и трое или четверо детей с оживленными глазами, затуманенными воспоминаниями о просмотренном фильме. Они поглощали брызжущие горчицей бутерброды с горячими сосисками, делая это с сосредоточенной серьезностью сопричастных.

Среди полудюжины других машин меня особенно заинтересовала одна. Это был сравнительно новый двухдверный «плимут» с выведенной на двери надписью «Пуриссима «Рекорд»». Я подошел к автомобилю, чтобы получше его разглядеть.

В тот же миг с шоссе свернул, пронзительно визжа колесами, ветхий «форд» довоенного образца с помятым багажником и остановился за «плимутом». Двое юнцов на переднем сидении бросили на меня наглый рассеянный взгляд и тут же отвернулись. Для них я был пешеходом, передвигавшимся по земле ногами. Поджидая официантку, они занялись укладыванием своих искусно сделанных причесок. Этот процесс занял много времени и продолжался после того, как к двери их машины подошла одна из официанток — маленькая блондинка с дерзко выпиравшей из тесного платья грудью.

— Много гоняете? — сказала она ребятам.— Я видела, как вы приехали на стоянку. Вы разобьете ее раньше, чем она развалится.

— Лекция,— сказал парень за рулем.

Второй юноша перегнулся к официантке.— По радио сказали, что Гвен видела убийцу.

— Точно, она сейчас разговаривает с репортером.

— Он угрожал ей оружием?

— Ничего подобного. Она даже *не знала*, что это убийца.

— Что он *делал*? — спросил водитель. Голос его прозвучал очень требовательно, словно он имел некий замечательный пример для подражания.

— Да ничего. Копался в контейнерах с отбросами. Когда он ее увидел, то смылся. Послушайте, ребята, меня ждут клиенты. Что будете заказывать?

— Монета есть, Джордж? — спросил водитель у своего пассажира.

— Да, навалом. Нам что всегда,— зажаренную малютку и двойной мартини. Хотя нет, я передумал, принеси лучше кока-колу.

— Хорошо, ребятки, пируйте вволю.— Она обогнула «плимут» и подошла ко мне.— А вам что принести, сэр?

Я понял, что голоден.— Мне, пожалуйста, гамбургер.

— Делюкс, стакбургер или монарх? Монархбургер стоит 75 центов. Он больше и к нему положен бесплатный картофель.

— Бесплатный картофель звучит заманчиво.

— Если угодно, можете поесть в буфете.

— А Гвен там? Хочу поговорить с ней.

— Я так и подумала, что вы сыщик. Гвен вон там вместе с Джином Славкиным из газеты. Он хотел сфотографировать ее.

Она показала на открытую калитку в заборе, увитом виноградом и ограждавшем дальнюю часть стоянки. Рядом с калиткой стояло несколько бидонов галлонов по 40. Я заглянул в ближайший. Он был наполовину заполнен жирным месивом из остатков пищи и других отбросов. Карл Холлман был в отчаянном положении. По другую сторону калитки вдоль берега ручья шла тропинка. Высохшее русло ручья в этом месте было выложено бетоном. Сужаясь, ручей переходил в подземный канал, шедший под магистралью. Отверстие было достаточно высоким, чтобы человек мог идти в полный рост.

Славкин и официантка шли обратно по тропе навстречу мне. Официантке было лет 30. Она была полненькая, и ее тело в красной форменной одежде походило на спелый помидор. Славкин держал в руке фотоаппарат со вспышкой. Галстук на Славкине перекосился, и выглядел репортер усталым. Я поджидал их возле калитки.

— Привет, Славкин.

— Привет, Арчер. Ну и дельце, впору свихнуться.

Официантка повернулась к нему.— Если я вам больше не нужна, м-р Славкин, то я пошла работать. Управляющий урежет мне жалованье за простой, а у меня ребенок, в школу ходит.

— Я рассчитывал задать вам пару вопросов,— сказал я.

— Вот так так! Вряд ли я смогу — тороплюсь.

— Я вам выдам информацию,— сказал Славкин,— если это не займет слишком много времени. Спасибо, Гвен.

— Ну что вы, не за что. Не забудьте, вы обещали мне фотографию. Я не снималась сто лет.

Она прикоснулась к своей щеке изящно, доверительно и заторопилась к зданию, виляя бедрами. Славкин положил фотоаппарат на заднее сидение служебной машины. Мы забрались на переднее.

— Она видела, как Холлман зашел в подземный канал?

— Собственно нет,— сказал Славкин.— Она не пыталась следовать за ним. Она подумала, что это всего-навсего бродяга, вышедший из зарослей с той стороны шоссе. Гвен не сообразила, кто он такой, пока не прибыла полиция и не начала расспрашивать. Кстати, полицейские прошли вдоль ручья от самого берега моря, так что Холлман не мог уйти этим путем.

— В каком он был состоянии?

— Наблюдательность Гвен мало чего стоит. Она приятная девушка, но не очень толковая. Теперь, когда ей известно, кто это такой, он семи футов росту с рогами и горящими вращающимися глазами.— Славкин беспокойно заерзал, поворачивая ключ в зажигании.— Вот, пожалуй, и все. Вас подвезти? Мне поручено освещать действия ополченцев.— Интонация, с которой он произнес эту фразу, выдавала его ироническое отношение.

— Наденьте пуленепробиваемый жилет. Выпустить в город 70 охотников все равно что добровольно лезть на рожон.

— Согласен. Сполдинг, редактор, того же мнения. Но мы сообщаем новости, мы их не создаем. Кстати, у вас для меня нет ничего новенького?

— Могу я говорить не для печати?

— Я бы предпочел сообщение для газеты. Уже поздно, пора домой. У нас в Пуриссиме никогда не было линчеваний, однако оно может произойти здесь. В сумасшествии есть нечто такое, что пугает людей, тоже лишает и *их* рассудка. Они теряют контроль над собой, становятся чересчур агрессивными.

— Вы говорите, словно специалист по психологии толпы,— сказал я.

— В каком-то смысле так оно и есть. Это у нас в роду. Мой отец был австрийским евреем. Он выбрался из Вены на один парашютный прыжок раньше штурмовиков. Я унаследовал симпатию к проигравшим. Так что если вам известно что-нибудь, позволяющее Холлману избежать опасности, выкладывайте сразу. Я могу устроить так, что это передадут по радио через десять минут.

— Он не убивал.

— Вы знаете наверняка?

— Не совсем. Тем не менее, я готов поставить на кон собственную репутацию, однако этого недостаточно. Холлмана подставили. Здесь тщательно спланированный замысел.

— Кто за этим стоит?

— Вариантов несколько. Я не могу назвать вам имена.

— Даже не для печати?

— А какой смысл? У меня нет достаточных оснований для уверенности. Я не имею доступа к вещественным доказательствам и не могу полагаться на их официальную интерпретацию.

— Хотите сказать, что ими манипулируют?

— В психологическом смысле — да. Могла иметь место и действительная подтасовка. Я не уверен, что выстрелы в Джерри Холлмана были произведены из револьвера, найденного в оранжерее.

— Так считают люди шерифа.

— Они произвели баллистическую экспертизу?

— Очевидно. Тот факт, что револьвер принадлежал его матери, вызвал в городе большой шум. На свет извлекается прошлое. Ходят слухи, что Холлман убил свою мать и, возможно, отца, и что его откупили за деньги семьи, а дело замяли.— Он бросил на меня быстрый внимательный взгляд.— В этом что-нибудь есть?

— Вы говорите так, будто сами верите в это.

— Я бы не сказал, но я знаю некоторые факты, которые могли бы вписаться в эту версию. Прошлой весной, за несколько дней до смерти сенатора, я посещал его.— Славкин замолчал, собираясь с мыслями, и продолжал уже медленнее.— Я раскопал кое-какие факты об одном официальном лице округа, чьи перевыборы должны были состояться в мае. Сполдинг посчитал, что сенатора следует ознакомить с этими фактами, так как он многие годы поддерживал этого человека. Как, кстати, и газета.

Газета в основном соглашалась с оценками сенатора Холлмана насчет управления округом. Сполдингу не хотелось менять эту политику, не выяснив позиции сенатора Холлмана. Он был крупным держателем акций газеты и, можно сказать, местным политическим боссом.

— Если вы хотите сказать, что он являлся влиятельнейшей фигурой в округе и Остервельт был одним из его парней, к чему ходить вокруг да около?

— Все не так просто, но общая картина верная. Ладно, это вам известно.— Славкин был молод, полон желаний, и в его голосе зазвучали нотки соперничества: — Но вот чего вы не знаете, так это сути моих фактов. Не буду вдаваться в подробности, но я в состоянии доказать, что Остервельт взымал регулярную денежную дань с домов терпимости. Я предоставил сенатору Холлману неопровержимые доказательства. Старый человек, он был потрясен. Я даже испугался, что его тут же на месте хватит удар. Когда он успокоился, то сказал, что ему потребуется время обдумать эту проблему, возможно, переговорить с самим Остервельтом. Он попросил меня вернуться через неделю. К сожалению, недели не прошло, как он умер.

— Все это очень интересно. Только я что-то не понимаю, какая здесь связь с версией, что его убил Карл?

— Зависит от того, как посмотреть. Положим, Карл сделал это, и Остервельт его уличил, но улики приберег. Таким образом Остервельт получал необходимое средство держать семью Холлманов в узде. Это объясняет и последующие события. Джерри Холлману пришлось порядком потрудиться, чтобы наше расследование закрыли. Он использовал все свое влияние для оказания поддержки Остервельту на повторных выборах.

— Он мог это сделать совершенно по другим причинам.

— Назовите хоть одну.

— К примеру, Джерри убил отца, и Остервельт знал об этом.

— Вы сами в это не верите,— сказал Славкин.

Он нервно огляделся по сторонам. К машине подошла маленькая блондинка с моим монархбургером. Когда она отошла на достаточное расстояние, я сказал:

— Предполагается, что округ прогрессивный. Каким образом Остервельт держит его в своих руках?

— Он занимает пост долгое время, и, как вы знаете, у него хорошая политическая поддержка, во всяком случае, до сегодняшнего дня. Он знает, где зарыты тела. Можно сказать, что он сам закопал парочку.

— Сам закопал?

— Я выражался более-менее фигурально.— Славкин понизил голос до взволнованного шепота.— Он застрелил одного или двух заключенных при попытке к бегству. Масса горожан считала, что в этом не было крайней необходимости. А заговорил я об этом потому, что мне не хочется стать свидетелем того, как пулей в спину оборвется *ваша* жизнь.

— Вам непременно нужно испортить мне аппетит, когда я еще не закончил сэндвич.

— Поймите, Арчер, я не шучу. Мне не понравилась сцена, произошедшая сегодня между вами.

— И мне тоже.

Славкин наклонился.— Те имена, что вам известны, но которые вы мне не называете — Остервельт один из них?

— Теперь да. Можете так и записать в свой черный блокнотик.

— Уже записал, давно уже.

Глава 28

Я дождался зеленого света и, перейдя шоссе, пошел назад. Как и раньше, Чеснат-стрит была пустынной, за исключением моей же машины на обочине и еще одной, стоящей по диагонали к ней, возле угла Элмвуд. Раньше ее там не было, иначе я бы заметил ее.

Это был новый красный лимузин, очень похожий на тот, что я видел на ранчо Холлманов при подъезде к дому. Я подошел к нему и заглянул в открытое окно со стороны водителя. Ключ торчал в зажигании. На регистрационной карточке на стойке руля значилось имя Джерри Холлмана.

Очевидно, Зинни вернулась, чтобы уложить спать свою девочку. Я посмотрел в сторону коттеджа миссис Хатчинсон. За кружевными занавесками окон горел ровный свет. Все казалось спокойным, словно так и должно было быть. Тем не менее, я испытывал ощущение опасности, как будто меня поджидала хитроумная мина-сюрприз.

Ощущение это, вероятно, возникло оттого, что в задней части автомобиля я мельком заметил одеяло на полу, наброшенное на некий предмет, и по характерным контурам догадался, что оно скрывает. Открыв заднюю дверь, я приподнял одеяло. В тени лежало тело женщины, такое белое, что казалось фосфоресцирующим.

Я включил верхний свет и увидел, что это Зинни. Ее

голова была повернута в мою сторону, открытые глаза пристально смотрели на меня. Ее рот застыл в мертвенном оскале страха и боли. На одной из грудей и на животе были кровавые порезы. Я дотронулся до невредимой груди, ожидая почувствовать холод мрамора. Тело было еще теплым, однако несомненно мертвым. Я снова прикрыл его одеялом, как будто от этого была какая-то польза.

На мгновение мои мысли потонули в темноте, кружась, словно черная вода, в которой переворачивались три непогребенных тела. Четыре.

Пришлось отправить съеденный монархбургер в канаву. На углу незастроенной площадки начинался бетонный мост, переносящий Элмвуд-стрит над ручьем. Далее вдоль ручья, возле излучины, я увидел движущиеся огни сержанта и его людей.

Я мог рассказать им о своей находке или промолчать. Слова Славкина о линчевании были свежи в моей памяти. Во мне шевельнулось желание присоединиться к погоне, настичь Холлмана и убить его. Не доверяя этому желанию, я принял решение, которое, возможно, стоило кому-то жизни. А, вероятно, спасло другую жизнь.

Закрыв дверь, я оставил автомобиль на месте и вернулся в дом миссис Хатчинсон. При виде меня она помрачнела, однако пригласила зайти. Перед тем, как переступить порог, я показал на красный автомобиль.

— Это машина миссис Холлман?

— Наверное. Поклясться не могу. Она ездит на похожей.

— Она была за рулем сегодня вечером?

Старая женщина заколебалась.— Она была в машине.

— То есть, машину вел кто-то другой?

Она снова заколебалась, однако было видно, что она почувствовала мою настойчивость.

Когда она наконец заговорила, то слова ее полились, словно прорвало внутреннюю дамбу, высвобождая волны справедливого негодования:

— Я работала в солидных домах у разных людей и давно научилась держать язык за зубами. Я помалкивала о Холлманах и делала бы это дальше, но всему есть предел. Когда свеженькая вдова выезжает в город поразвлечься вечером того же дня, когда убили ее мужа...

— Машину вел д-р Грантленд? Это важно, миссис Хатчинсон.

— Мне не нужно этого говорить. Стыд и срам. Уехали

от меня развеселые, к черту печаль. Я всегда ее недолюбливала, но его я считала порядочным молодым врачом.

— В котором часу они приезжали?

— Марта должна была ужинать, четверть седьмого или половина седьмого. Примчалась и умчалась, ребенок даже толком не поужинал.

— Грантленд заходил в дом вместе с ней?

— Да, заходил.

— Он что-нибудь говорил? Что-нибудь делал?

Лицо ее замкнулось. Она сказала: — На улице прохладно. Заходите, если хотите поговорить.

В гостиной никого не было. Пальто Роуз Париш лежало на диване. Я услышал, как за стеной она поет ребенку колыбельную.

— Я рада любой маленькой передышке. Устаю от ребенка,— сказала старая женщина.— Ваша знакомая, как я погляжу, умеет хорошо ладить с детьми. А свои дети у нее есть?

— Мисс Париш не замужем, насколько мне известно.

— Это плохо. Сама я пробыла замужем почти сорок лет, но у меня тоже не было детей. Не посчастливилось. Жизнь прошла впустую.— В ней вновь всколыхнулась волна негодования.— А те, у которых они есть, могли бы лучше заботиться о своей кровиночке.

Я сел на стул возле окна, откуда мог наблюдать за автомобилем. Миссис Хатчинсон расположилась напротив.

— *Она* там?

— Я хочу понаблюдать за ее машиной.

— Что вы имели в виду, когда спросили, говорил ли что-нибудь д-р Грантленд?

— Как он вел себя по отношению к Зинни?

— Как всегда. Играл свою обычную роль, будто не интересуется ею, а лишь выполняет свой врачебный долг. Как будто я ни о чем не догадываюсь, а я давно все знаю про них. Мне кажется, он думает, что я старая и плохо соображаю, но у меня есть глаза и хорошие уши. Стоило умереть сенатору, как она стала приманивать его, словно большую глупую рыбу, я-то все видела. И она его поймает, а он ведет себя, будто благодарен ей за острогу, которая в него вонзится. Я считала его умнее, не думала, что он позарится на женщину только из-за того, что ей досталась куча денег.

Глядя на красный автомобиль, в котором лежало тело Зинни, я ощутил смутную потребность заступиться за нее.

— Она не производила на меня впечатления дурной женщины.

— Вы говорите о ней так, словно она умерла,— сказала миссис Хатчинсон.— Естественно, вам не дано видеть ее насквозь, вы — мужчина. А я часто наблюдала за ней, как за мухами на стене. Она родом из ниоткуда, вы это знали? М-р Джерри подцепил ее в ночном клубе в Лос-Анджелесе, так он сказал однажды во время ссоры. Они часто ссорились. У нее были большие амбиции, подавай ей то и это. А когда получала, всегда оставалась недовольной. Недовольная жена — ужасная вещь в жизни. После рождения ребенка она стала враждебной к мужу и потом поступила на работу, чтобы настроить против него ребенка. У нее даже хватило наглости просить меня стать ее свидетелем на бракоразводном процессе, чтобы Марту оставили с ней. Она хотела, чтобы я сказала, что муж жестоко с ней обращается. Но это ложь, я так ей и заявила. Действительно, они не ладили, но он никогда не поднимал на нее руку. Он страдал молча. И молча пошел на смерть.

— Когда она просила вас стать свидетелем?

— Три-четыре месяца назад, когда решила, что ей необходимо развестись.

— Чтобы выйти замуж за Грантленда?

— Прямо она не говорила, но смысл был такой. К моему удивлению, удивлению и стыду, он на нее клюнул, клюнул на ее потасканные прелести. Зря я только переживала. Они одного поля ягода. Он ничуть не лучше ее. А, может, гораздо хуже.

— Почему вы так решили?

— Мне бы не хотелось об этом. Я помню его с тех пор, как он приехал в город. Подающий надежды молодой врач. Ради своих пациентов он был готов отдать все. Однажды он сказал мне, что стать врачом было для него великой мечтой. Его семья разорилась во время экономической депрессии, и он пошел работать механиком в гараж, чтобы получить медицинское образование. Он прошел тяжелую школу жизни, закончил медицинский колледж, и это научило его кое-чему. В то время, лет шесть-восемь тому назад, когда родители не могли его содержать, он не прекращал заботиться о них. Это было до того, как у него возникли большие замыслы.

— Что же произошло,— он почувствовал вкус к деньгам?

— Не только. Оглядываясь назад, я думаю, что перелом наступил года три тому назад. Было заметно, что он теряет

интерес к врачебной практике. Я видела, как то же самое происходит и с некоторыми другими врачами, что-то в них иссякает, появляются новые интересы, и они начинают гоняться за деньгами. В один прекрасный день им уже нет дела до пациентов, прописывают им таблетки и — «кто следующий?», а некоторые из врачей сами живут на своих же таблетках.

— Что произошло с д-ром Грантлендом три года назад?

— Точно не знаю. Но могу сказать, что это случилось не с ним одним. Со мной тоже что-то случилось, если хотите знать правду.

— Именно правду я и хочу знать. Мне думается, что вы солгали.

Ее голова дернулась, словно я натянул петлю. Она сузила глаза. Они наблюдали за мной с потаенной хитрецой. Я сказал:

— Если вы знаете нечто важное о смерти Алисии Холлман, то ваш долг рассказать об этом.

— У меня также долг перед самой собой. То, что я хранила на замке в своей душе, меня не красит.

— Будете смотреться еще хуже, если допустите, чтобы невиновный человек принял вину за убийство. Те люди, что проходили мимо по улице, охотятся за ним. Если вы собираетесь молчать, пока они не найдут его и не застрелят, то будет слишком поздно. Слишком поздно для Карла Холлмана и слишком поздно для вас.

Ее взгляд последовал за моим и выглянул на улицу. За исключением моей машины и автомобиля Зинни там было по-прежнему пустынно. В потемневших глазах миссис Хатчинсон появились далекие огоньки, словно отражая улицу. Она открыла рот и сжала его в упрямую полоску.

— Как вы можете рассиживать и скрывать правду в то время, как целая семья умирает или погибает от руки убийцы. Вы считаете себя добропорядочной женщиной...

— Уже нет, не считаю.

Миссис Хатчинсон опустила голову и уставилась на руки, лежащие на коленях. Под кожей проступала сеть синих вен. Когда она стиснула руки в кулаки, вены набухли. Миссис Хатчинсон заговорила задыхающимся голосом, словно угрызения совести сдавили ей горло петлей:

— Я гадкая женщина. Я и вправду солгала насчет этого револьвера. Д-р Грантленд говорил о нем со мной по пути в город. И вечером опять говорил, когда она была с ребенком.

— И что он вам сказал?

— Сказал, что если меня кто-нибудь спросит о револьвере, то я должна придерживаться первоначальной версии. Иначе у меня будет масса неприятностей. Так оно и оказалось.

— Теперь у вас меньше неприятностей, чем минуту назад. Какая первоначальная версия?

— Та, которую он велел мне рассказывать. Что у нее не было оружия в тот вечер, когда она умерла. Что я его не видела по крайней мере неделю, как и коробку с патронами.

— А с патронами что стало?

— Он их взял. Мне было велено говорить, что револьвер и патроны он отобрал у нее для ее же безопасности.

— Когда он выдал эту версию?

— В ту же ночь, когда приехал на ранчо.

— Версию выдумал он. Почему же вы с ней согласились?

— Я испугалась,— сказала она.— В тот вечер, когда она все не возвращалась и не возвращалась домой, я испугалась, что она сотворила с собой что-нибудь, и меня станут винить.

— Кто стал бы вас винить?

— Да все. Сказали бы, что я слишком стара, чтобы годиться в сиделки.— Ладони с синими венами разжались и вновь сжались.— Я сама себя винила. Не доглядела. Мне не следовало оставлять ее одну ни на минуту, не следовало отпускать ее из дома. Накануне вечером ей позвонили из Беркли, что-то насчет сына, и она весь день проходила расстроенная. Твердила, что убьет себя, потому что семья бросила ее, и никто ее не любит. Во всем этом она винила Обрекающих.

— Кого?

— Обрекающих. Рок. Она вечно говорила об этих своих Обрекающих. Она верила, что ее жизнью управляют некие злые духи, и в тот день, когда она родилась, они уничтожили всю любовь в мире. Мне кажется, в каком-то смысле это была правда. Ее действительно никто не любил. Она и мне порядком надоела. Иногда я думала, что если бы она и впрямь умерла, это принесло бы облегчение ей самой, да и все бы вздохнули свободнее. Я взяла на свою душу грех, допустив подобные мысли.

Глаза миссис Хатчинсон казались обращенными внутрь, на образ, вызванный памятью. Она заморгала, словно этот образ излучал ослепительный свет.

— Я хорошо помню минуту, когда меня посетили эти мысли, и я поставила на ней крест. Я вошла к ней в комнату с обедом на подносе, а она стояла перед большим зеркалом, одетая в норковое манто. Она заряжала револьвер и разговаривала сама с собой о том, как ее бросил отец — но он не бросал, он просто умер, но она воспринимала это болезненно — и о том, как ее покинули дети. Она наставила на зеркало оружие, и я помню, как подумала, что ей бы повернуть его и распрощаться с жизнью, вместо того чтобы болтать об этом. Я не винила ее сына за бегство. Она была тяжким бременем для него и для всей семьи.

— Я знаю, что мне нет оправдания,— добавила она каменным голосом.— Дурная мысль — это дурной поступок, и она ведет к дурным поступкам. Через несколько минут я услышала, как она прокралась на улицу, я как раз была на кухне, варила для нее кофе. Я слышала, как подъехала машина, и слышала, как она отъехала. Я и пальцем не пошевелила, чтобы остановить миссис Холлман. Я просто дала ей уйти и осталась на кухне пить кофе, затаив в сердце дурное желание.

— Кто вел машину?

— Сэм Йоган. Я не видела, как он отлучился, но не прошло и часа, как он вернулся. Он сказал, что высадил ее возле причала, куда она попросила подвезти. Но даже и тогда я не позвонила в полицию.

— Йоган часто возил ее в город?

— Она не очень часто выезжала, но всегда с Сэмом. Он хороший шофер, и он ей нравился. Чуть ли не единственный человек, который когда-либо ей нравился. Так или иначе, а в тот вечер он был единственным, кто оказался под рукой.

— А где находились другие члены семьи?

— Разъехались. Сенатор и Джерри уехали в Беркли, чтобы попытаться разузнать, где Карл. Зинни отправилась сюда в город погостить у друзей. Марте в то время было всего несколько месяцев...

— А где был Карл?

— Никто не знал. Он вроде исчез на некоторое время. Позже оказалось, что он все это время пробыл в пустыне, в Долине Смерти. Во всяком случае, по его словам.

— А, может, не в пустыне, а здесь, в городе?

— Может быть, откуда я знаю. Он мне не докладывал, как, впрочем, никому другому. Карл не показывался до тех пор, пока не нашли тело матери, потом только объявился.

— И когда ее нашли?

— На следующий день.

— Грантленд приходил к вам до того, как нашли ее тело?

— Задолго до того. Он приехал на ранчо приблизительно в полночь. Я еще не спала, мне не спалось.

— А миссис Холлман ушла из дома примерно в обеденное время?

— Да, около семи. Она всегда обедала в семь часов. Но в тот вечер ушла без обеда.

— Встречался ли с ней Грантленд между семью и полуночью?

— Насколько мне известно, нет. Я считала само собой разумеющимся, что он разыскивает ее. Я была поглощена собственными переживаниями и чувством вины. Вот я и выболтала все о ней, о револьвере, о том, как позволила ей без разрешения уйти, и о своих дурных мыслях. Д-р Грантленд сказал, что я переутомилась и слишком сильно виню себя. Она, дескать, рано или поздно объявится. Но если не объявится, то я должна говорить, что ни о каком револьвере ничего не знаю. Что она просто незаметно выскользнула из дома, и я, естественно, решила, что она отправилась в город по какому-нибудь делу, может навестить внучку, не знаю. Он также велел мне не говорить никому, что приезжал на ранчо. Тогда более вероятно, что мне поверят. В общем, я сделала, как велел д-р Грантленд. Он — врач. Я же всего-навсего сиделка по вызову. Не мне умничать.

Выговорившись, миссис Хатчинсон расслабилась, и ее лицо ушло в мешковатые глупые складки, словно она пыталась снять с себя ответственность. Она была старой женщиной, измученной угрызениями совести, и к тому же час был уже поздний.

Глава 29

В комнату неслышно вошла Роуз Париш. Она выглядела сияющей и чуть помятой.

— Наконец-то она у меня заснула. О Господи, уже двенадцатый час. Простите, что заставила вас так долго ждать.

— Ничего. Вы не заставили ждать.

Большую часть своего рабочего времени я проводил в ожидании, в разговорах и ожидании. В разговорах с

обычными людьми из обычных районов об обычных вещах, ожидая, когда на поверхность всплывет правда. Только что я увидел правду краешком глаза, и, должно быть, она отразилась на моем лице.

Роуз перевела взгляд на миссис Хатчинсон.— Что-нибудь случилось?

— Я его окончательно заговорила, вот что случилось.— Лицо старой женщины вновь приобрело характерное замкнутое выражение.— Спасибо, что помогли мне с ребенком. Вам бы своих завести и заботиться о них, у вас хорошо получается.

От удовольствия Роуз вспыхнула, затем резко покачала головой, будто наказывая себя за столь крамольную мысль.— Если бы пришлось выбирать, я бы не задумываясь выбрала Марту. Она — маленький ангелочек.

— Иногда,— сказала миссис Хатчинсон.

С улицы послышался шум, вновь приковавший мое внимание к окну. Съехавший с магистрали старый «пикап» серого цвета затормозил, проезжая мимо дома, и остановился на одной прямой с автомобилем Зинни. Из правой дверцы машины выбралась худенькая гибкая фигура и, обойдя «пикап» сзади, подошла к автомобилю. По быстрым неторопливым движениям я узнал в человеке Сэма Йогана.

К тому моменту, как я подоспел к автомобилю Зинни, «пикап» уже с грохотом мчался по Элмвуд. Сэм Йоган сидел за рулем хозяйского автомобиля, безуспешно пытаясь его завести.

— Вы куда собрались, Сэм?

Он поднял глаза и, увидев меня, улыбнулся.— Назад, на ранчо. Здравствуйте.

Он вновь повернул ключ зажигания, но искры не было. Судя по звуку, кончился бензин.

— Бросьте, Сэм. Бросьте это и вылезайте.

Улыбка его стала широкой и упрямой.— Нет, сэр. Миссис Холлман велела пригнать автомобиль на ранчо.

— Она сама вам велела?

— Нет, сэр. Механик из гаража позвонил Джуану, а Джуан передал мне.

— Механик?

— Да, сэр. Он сказал, что миссис Холлман приказала приехать за машиной на Чеснат-стрит.

— Как давно он звонил?

— Не так давно. Механик сказал, что нужно спешить. Джуан сразу же и привез меня сюда.

Он вновь попытался включить двигатель, но безуспешно. Я перегнулся и вынул из зажигания ключ.

— Вылезайте, зря стараетесь. Видимо, бензопровод перерезан.

Он вышел из автомобиля и направился к капоту.— Сейчас исправлю, а?

— Нет, Идите сюда.

Я открыл заднюю дверь и показал ему Зинни Холлман, внимательно наблюдая за его лицом. В нем не было ничего, кроме невозмутимой скорби. Если он что и знал, то это было вне пределов моей досягаемости. Впрочем, я не думал, чтобы он что-либо знал.

— Вам известно, кто ее убил?

Черные глаза взглянули на меня из-под гофрированного лба.— Нет, сэр.

— Выглядит так, что тот, кто это сделал, попытался навлечь подозрение на вас. Разве вас это не злит?

— Нет, сэр.

— И у вас нет никакого представления о том, кто это может быть?

— Нет, сэр.

— Вы хорошо помните ту ночь, когда умерла старая миссис Холлман?

Он кивнул.

— Вы, как я понял, высадили ее возле пристани.

— На улице перед пристанью.

— Что она там делала?

— Сказала, что должна с кем-то встретиться.

— А с кем — сказала?

— Нет, сэр. Сказала, чтобы я уезжал, не дожидаясь ее. Может, не хотела, чтобы я что-нибудь увидел.

— У нее был с собой револьвер?

— Не знаю.

— Она что-нибудь говорила о д-ре Грантленде?

— Вроде нет.

— А сам д-р Грантленд, он когда-нибудь расспрашивал вас о той ночи?

— Нет, сэр.

— Или подучивал, что вам следует говорить?

— Нет, сэр.— Он неловким жестом показал в сторону тела.— Мы должны сообщить в полицию.

— Вы правы. Идите и сообщите им, Сэм.

Он серьезно кивнул. Я вручил ему ключ от автомобиля Зинни и показал, где найти людей сержанта. Когда я стал заводить свою машину, из дома вышла Роуз и забралась

в кабину рядом со мной. Я вывернул на Элмвуд, проскочил через мост и нажал на акселератор. Смыкающиеся в вышине деревья проносились над нами со свистом, словно гигантские темные птицы.

— Вы ужасно торопитесь,— сказала она.— Или вы всегда так водите?

— Только когда огорчен.

— Боюсь, что здесь я вам не могу помочь. Вы не в духе, потому что я что-то не так сделала?

— Нет.

— Но ведь *случилось* же что-то, не правда ли?

— Пока нет, но в скором времени случится. Где вы хотите, чтобы я вас высадил?

— Вообще не хочу.

— Могут быть неприятности. Это я обещаю.

— Я приехала в Пуриссиму не для того, чтобы прятаться от неприятностей. Но и не для того, чтобы погибнуть в автомобильной катастрофе.

На перекрестке в светофоре зажегся красный цвет. Я резко затормозил. Роуз Париш не вписывалась в то настроение, в котором я находился.— Выходите.

— Не выйду.

— Тогда перестаньте задавать вопросы.— Я свернул на восток, по направлению к холмам.

— Не перестану. Что-нибудь, связанное с Карлом?

— Да. И больше об этом ни слова.

В городе рано ложились спать. Автомобильного движения практически не было. На мостовой перед барами слонялись и ссорились несколько пьяных. Две ночные красотки не первой молодости целеустремленно семенили в сторону им одним известной цели. Забравшийся на стремянку молодой человек снимал вывеску над входом в убогий мексиканский кинотеатр. Оставалось лишь слово «Amor». Очередь дошла и до него.

Впереди на главной улице вообще не было ни души. Единственный, кто попался на глаза, был работник круглосуточной бензоколонки. Я подогнал машину к обочине прямо у приемной д-ра Грантленда. Внутри, сквозь стеклянные кирпичи виднелся тусклый свет. Я начал выбираться из машины. Из кустов появилось какое-то существо и поползло по тротуару в мою сторону.

Это было существо человеческого рода,— мужчина, двигавшийся на четвереньках. Его руки оставляли за собой кровавые следы черного цвета, как потеки бензина под фарами моей машины. Его руки подкосились, и он упал

набок. Лицо его выглядело грязно-серым, как тротуар. Снова Рика.

Роуз опустилась рядом с ним на колени, обхватила его голову и плечи и притянула к себе.

— Вызовите скорую. Мне кажется, он вскрыл себе вены.

Рика слабо отбивался.— Черта с два вскрыл. Думаете, я один из ваших шизиков?

Отбиваясь, он ударил ее красными руками. Лицо мисс Париш и пальто на груди перепачкались кровью. Не выпуская его из рук, она заговорила мягким голосом, которым разговаривала с Мартой.

— Бедняга, вам больно. Как вы поранились?

— В оконном стекле была проволока. Не стоило разбивать его руками.

— Почему вы хотели разбить окно?

— Я не хотел. Он вынудил меня. Сделал мне укол и сказал, что вернется через минуту. Но так и не вернулся. Он запер меня на ключ.

Я подсел к нему на корточки.— Грантленд запер?

— Ага, и этот подонок еще поплатится.— Его вращающиеся глаза, тяжелые и темные, словно посыпанные графитом шарики в подшипниках, двинулись в мою сторону.— Я его засажу в камеру смертников в Сан Квентине.

— И как ты собираешься это сделать?

— Он убил старую леди, и я свидетель. Я на любом суде готов показать это под присягой. Видели бы вы его кабинет после того, что случилось. Настоящая бойня, бедная старая леди лежала вся в крови. И он грязный мясник.

— Ш-ш-ш. Тихо-тихо,— сказала Роуз.— Не волнуйтесь.

— Не надо так с ним разговаривать. Тебе известно, кто была эта женщина, Том?

— Я разузнал. То была старая леди Холлман. Он избил ее до смерти, возил ее в ее же крови. И уж я позабочусь, чтобы его за это отправили в газовую камеру.

— Что ты там делал?

Лицо его застыло.— Не помню.

Роуз бросила на меня взгляд, полный неприязни.— Я запрещаю вам допрашивать его. Он не в себе. Одному Богу известно, какую дозу наркотиков он получил или сколько крови потерял.

— Мне нужны его показания сейчас.

— Потерпите до завтра.

— Завтра он уже не станет говорить. Том, что ты делал в тот вечер в кабинете д-ра Грантленда?

— Ничего. В тот день я слонялся, прикидывая как бы разжиться на укол, поэтому заскочил к нему. Думал уломать его. Я услышал выстрел, и потом вышла эта дамочка. Она была вся в крови.

Том посмотрел на свои руки. Глаза его закатились и подернулись пеленой. Голова безвольно свесилась набок.

Я закричал ему в ухо: — Какая дама? Ты можешь описать ее?

Роуз стала баюкать голову Тома.— Мы должны доставить его в больницу. Я полагаю, он получил чрезмерно большую дозу. Хотите, чтобы он умер?

Этого мне как раз и не хотелось. Я сел за руль, вернулся к круглосуточной заправочной станции и попросил работника вызвать скорую помощь.

Это был смышленого вида паренек, одетый в кожаную куртку.— Где произошел несчастный случай?

— Недалеко отсюда. Там раненый на тротуаре перед кабинетом д-ра Грантленда.

— Не сам ли д-р Грантленд?

— Нет.

— На всякий случай спросил. Он недавно заезжал сюда. Заправляется у нас.

Юноша пошел звонить и вскоре вернулся.— Сейчас приедут. Могу я еще чем-нибудь помочь?

— Вы сказали, что д-р Грантленд был здесь сегодня вечером?

— Так точно.— Он взглянул на часы.— Не более тридцати минут назад. Похоже, он торопился.

— Что ему было нужно?

— Бензина, но не обычного, а очищенного. Он что-то пролил на ковер. Кажется, он сказал, что соус. Наверное, здорово испачкал. Он по-настоящему расстроился. Док только что выстроил себе красивый новый дом с ковровым покрытием от стены до стены.

— Если не ошибаюсь, это на Сивью.

— Ага.— Он указал рукой вдоль улицы в направлении горной гряды.— Сворачивает влево от бульвара. Вы увидите его фамилию на почтовом ящике, если хотите поговорить с ним. Он как-то связан с несчастным случаем?

— Возможно.

Роуз Париш все еще была на тротуаре, обхватив Тома Рику руками. Она взглянула на меня, но я, не останавливаясь, прошел мимо. Роуз вызывала во мне нечто такое, чего

мне не хотелось тревожить по крайней мере еще некоторое время. До тех пор, пока я не заставлю Грантленда расплатиться всем, что у него было.

Глава 30

Дом Грантленда стоял на террасной площадке. Это было чересчур громоздкое сооружение для холостяка — в современном стиле, построенное из красного дерева и стекла, со множеством огней внутри, словно демонстрировавших, что владельцу нечего скрывать. Его «ягуар» стоял на наклонной подъездной дорожке.

Я свернул и остановился в узорчатой тени дерева. Перед тем как выйти из машины, я достал из ящичка на приборной доске пистолет Мод. Это был автоматический пистолет 32-го калибра с полной обоймой и еще одним патроном в патроннике. Я двинулся по подъездной дорожке к дому Грантленда, стараясь ступать очень тихо и держа руку в отяжелевшем кармане.

Входная дверь оказалась слегка приоткрытой. Где-то внутри дома раздавался скрипучий звук радио. Я узнал монотонно-ритмическую ясность полицейских сигналов. Грантленд настроил свой радиоприемник на волну местной полиции.

Звуки радио заглушали мои шаги, и я двинулся вдоль края узкой полоски света, падавшей через порог. Сквозь приоткрытую дверь были видны мужские ноги. Мое сердце при виде их пропустило один удар, и еще один, когда одна нога зашевелилась. Пинком распахнув дверь настежь, я вошел.

Грантленд стоял на коленях, держа в руках тряпку в красных потеках. На ковре, который он усердно тер, пятна были более густого оттенка. Он вскинулся, словно зверь, на которого нападают сзади, но тут же замер, увидев в моей руке пистолет.

Он широко открыл рот, будто собирался закричать в полный голос, но не издал ни звука. Он закрыл рот. На его скулах заходили желваки. Он сказал сквозь стиснутые зубы:

— Убирайтесь отсюда.

Я закрыл за собой дверь. Коридор был полон запаха бензина. У противоположной стены рядом с телефонным столиком стояла галлоновая канистра с открытой крышкой. Вдоль всего коридора тянулись невысохшие пятна бензина.

— Она много крови потеряла? — спросил я.

Грантленд медленно поднялся на ноги, не сводя глаз с пистолета. Я похлопал его по карманам. Он был невооружен. Он прислонился к стене, опустив голову и скрестив на груди руки, подобно человеку, вышедшему холодной ночью на улицу.

— Почему вы ее убили?

— Я не понимаю, о чем вы говорите?

— Вы чуть запоздали с этим гамбитом. Ваша подруга мертва. Да вы и сами мертвец. Впрочем, услуги хорошего уборщика в тюрьме им всегда пригодятся. Может, вам сделать скидку, если будете говорить.

— Кто вы, по-вашему, такой? Бог?

— По-моему, Грантленд, это вы о себе так думали. Теперь большая мечта растаяла. Самое большее, на что вы можете рассчитывать,— на некоторое снисхождение со стороны присяжных.

Он уставился себе под ноги на испачканный ковер.— К чему мне убивать Зинни? Я любил ее.

— Разумеется, любили. Влюбились в нее, как только между ней и искомыми пятью миллионами долларов осталась одна-единственная смерть. Только сейчас Зинни опоздала на одну смерть. Ни вам никакой пользы, ни кому другому.

— Вам обязательно надо тыкать меня носом в это? — Голос Грантленда звучал тускло от послешоковой усталости.

Во мне зародилась искра сочувствия, которую я погасил.— Кончайте прикидываться. Если вы не сами ее зарезали, то покрываете убийцу.

— Нет, Клянусь, я никого не покрываю. Я не знаю, кто убийца. Меня здесь не было, когда это случилось.

— Но Зинни была?

— Да. Она устала и плохо себя чувствовала, поэтому я уложил ее в постель в своей комнате. Меня срочно вызвали к больному, и я должен был уйти.— По мере того, как он говорил, лицо его оживлялось, словно он увидел щель, в которую надеялся проскочить.— Когда я вернулся, ее уже не было в живых. Я обезумел. Единственное, что пришло мне в голову,— избавиться от крови.

— Покажите спальню.

Он неохотно оторвался от стены, служившей ему опорой. Я последовал за ним через дверь в конце коридора и оказался в освещенной спальне. С постели все было снято. Окровавленное постельное белье, простыни и элек-

трическое одеяло лежали на полу в центре комнаты, а на них — охапка женской одежды.

— Что вы собирались с ними сделать? Сжечь?

— Скорее всего,— сказал он, скосив на меня затравленный взгляд.— Поймите, я ни в чем не виноват. Моя роль во всей этой истории была совершенно невинной. Но я понимал, что произойдет, если не избавлюсь от следов. Меня сочтут виновным.

— И вы, как всегда, захотели, чтобы виновным сочли кого-нибудь другого. Поэтому вы впихнули тело в автомобиль и оставили на окраине города, вблизи того места, где видели Карла Холлмана. Вы следили за его маршрутом, настроив приемник на полицейскую волну. А на тот случай, если он не попадется в ловушку, вы позвонили на ранчо и впутали слуг Зинни для собственного прикрытия.

Лицо Грантленда приняло свойственное ему желчное выражение.— Вы следили за каждым моим шагом, верно?

— Пора кому-нибудь этим заняться. Что за пациент, к которому вас срочно вызвали сегодня вечером?

— Не имеет значения. Вы его все равно не знаете.

— И опять вы не правы. Имеет значение, и Тома Рику я знаю не год и не два. Вы дали ему чрезмерную дозу героина и оставили умирать.

Грантленд ответил не сразу.— Я дал ему то, что он просил.

— Конечно. Вы очень щедры. Он хотел немножко отключиться. Вы же ему дали на полную катушку.

Грантленд стал говорить быстро, отгораживаясь защитной ширмой слов:

— Должно быть, я ошибся дозой. Я не знал, какова его обычная норма. Он находился в плохом состоянии, и я должен был дать ему что-нибудь для временного облегчения. Я собирался договориться с клиникой, чтобы его забрали. Теперь я вижу, что не стоило оставлять его без присмотра. Очевидно, ему стало хуже, чем я предполагал. Эти наркоманы непредсказуемы.

— На вашу удачу так оно и есть.

— Удачу?

— Рика не умер. Он был даже в состоянии разговаривать до того, как потерял сознание.

— Не верьте ему. Он патологический лгун, и у него зуб на меня. Я бы не стал снабжать его наркотиками...

— Ах не стали бы? А я думал, что вы как раз это и делаете, и все ломал голову, почему. Я также пытался

представить, что произошло в вашем кабинете три года тому назад.

— Когда? — Он тянул время, чтобы выдать историю с лазейками, потайными ходами, укромными местечками — лишь бы спрятаться.

— Вы знаете, когда. Как умерла Алисия Холлман?

Он сделал глубокий вздох.— Для вас это будет неожиданностью. Алисия умерла в результате несчастного случая. Если кто и был виноват, так это ее сын Джерри. Он попросил меня принять миссис Холлман в виде исключения поздно вечером и сам привез ее ко мне. Она была страшно расстроена из-за чего-то и хотела получить таблетки, чтобы успокоить нервы. Я отказался выписать ей рецепт. Она выхватила из сумочки револьвер и попыталась застрелить меня. Джерри услышал выстрел. Он ворвался в кабинет и сцепился с ней. Она упала, ударившись головой о радиатор. Удар оказался смертельным. Джерри умолял меня не разглашать случившегося, защитить его и доброе имя матери и спасти семью от скандала. Я сделал, что мог, чтобы оградить их от неприятностей. Они были для меня не только пациентами, но и друзьями.

Грантленд опустил голову — услужливый мученик.

— Неплохой рассказ, впечатляет. Вы уверены, что он неотрепетирован?

Грантленд резко вскинул голову. На мгновение его глаза встретились с моими. В его зрачках вспыхнули красные огненные точки. Они скользнули мимо меня к окну, и я оглянулся через плечо. За окном виднелось лишь небо с отблесками городских огней.

— Это тот рассказ, что вы поведали Карлу сегодня утром?

— В общем, да. Карл требовал правды. Я почувствовал, что не имею права от него больше скрывать. Три года я носил в душе этот груз.

— Мне известно, какой вы совестливый доктор. Вы подцепили на крючок больного человека, рассказали ему лживую историю о смерти матери, всучили револьвер, науськали на брата и отпустили на все четыре стороны.

— Это было не так. Он попросил меня показать револьвер. Револьвер подтверждал правдивость моих слов. Мне кажется, я хранил его именно с этой целью. Я вынул револьвер из сейфа и показал.

— Вы хранили револьвер с мыслью об убийстве. Зарядили, держали наготове. Для Карла, не правда ли?

— Нет и еще раз нет. Но даже если и так, вы никогда

не сможете доказать этого. Никогда. Он выхватил у меня револьвер и убежал. Я не сумел остановить его.

— Почему вы солгали о смерти матери?

— Это не ложь.

— Не отпирайтесь.— Я помахал пистолетом, напоминая Грантленду о его существовании.— Джерри не отвозил мать в город. Это сделал Сэм Йоган. Джерри не избивал ее до смерти. Он находился вместе с отцом в Беркли. И потом вы бы не стали рисковать ради Джерри. Мне на ум приходят только два человека, из-за которых вы стали бы рисковать — вы сами и Зинни. Зинни приезжала к вам вместе с Алисией?

Он посмотрел на меня ярко пылающими глазами, словно в его черепной коробке загорелся мозг.— Продолжайте. Это очень интересно.

— Том Рика видел, как из кабинета вышла женщина, вся в крови. Выстрел Алисии ранил Зинни?

— Это ваша версия,— сказал он.

— Ладно. Я думаю, что это была Зинни. Она запаниковала и убежала. Вы остались, чтобы избавиться от тела ее свекрови. Вашим единственным мотивом была самозащита, но Зинни, испытывавшая в душе страх и вину, не думала об этом. Она даже не задумалась о том, что когда вы бросили тело в океан, вы тем самым превратили оправданное непредумышленное убийство в настоящее убийство, а свою возлюбленную — в убийцу. Без сомнения, она была вам благодарна.

Конечно, в то время она еще не была вашей возлюбленной. Она не была еще достаточно богата. Без денег вы бы на нее не позарились, как и на любую другую женщину. Впрочем, рано или поздно, после смерти сенатора Зинни и ее мужу досталось бы много денег. Но шли годы, а сердце старика продолжало биться, и тогда вы потеряли терпение, устав трудиться в поте лица, устав жить на скромные доходы от лекарств, в то время как иные владели миллионами.

Сенатора нужно было лишь чуточку подтолкнуть. Вы лечили его и легко могли справиться с этим сами, но вы действуете иначе. Пусть лучше на риск пойдет кто-нибудь другой. Не на слишком большой риск, конечно — капитал ведь достался бы вам только через Зинни. Вы помогли ей подготовить психологическую почву таким образом, чтобы подозрение сразу пало бы на Карла. Сваливая вину на Карла, вы добивались двойной цели — замять любое серь-

езное расследование и вывести из игры Карла и Милдред. Вы хотели завладеть всем состоянием Холлманов.

Когда сенатора не стало, между вами и деньгами оставалось всего лишь одно препятствие. Зинни хотела пойти простым путем — получить развод, но разводу мешал ребенок. И вы тоже, как мне кажется. Оставалась еще одна смерть, и вы получали целых пять миллионов и жену, которой пришлось бы подчиняться вам до конца ее дней. Эта смерть случилась сегодня, и вы практически сознались, что подстроили ее.

— Ни в чем я не признавался. Я предоставил вам практическое доказательство того, что Карл Холлман убил брата. Вероятно, он убил и Зинни. Он мог проехать через весь город на украденной машине.

— Как давно Зинни убита?

— Думаю, около четырех часов.

— Вы лгун. Когда я обнаружил ее тело меньше часа тому назад, оно было теплым.

— Вы, наверное, ошиблись. Можете не ставить меня ни во что, но я — квалифицированный врач. Я покинул ее, когда еще не было восьми, и вскоре она умерла. Сейчас уже полночь.

— Что вы делали, когда вернулись?

Грантленд заколебался.— Когда я ее нашел, я долгое время не мог двигаться. Я просто лежал рядом с ней на кровати.

— Вы говорите, что нашли ее в постели?

— Так оно и было.

— А каким образом кровь оказалась в коридоре?

— Когда я выносил ее из дома.— Он содрогнулся.— Неужели вы не видите, что я говорю правду? Должно быть, Карл явился сюда и обнаружил ее спящей. Возможно, он разыскивал меня. В конце концов, я — тот врач, который определил его в клинику. Возможно, он убил ее, чтобы отомстить мне. Я оставил дверь незапертой, как идиот.

— А вы случаем не подстроили так, чтобы Карл на нее наткнулся? Или как?

— За кого вы меня принимаете?

Вопрос был сложный. Грантленд уставился на одежду Зинни с искаженным от горя лицом. Мне приходилось встречаться с убийцами, которые, убив своих возлюбленных, скорбели по ним. Большинство из них были нерешительные, убитые горем люди. Они убивали и плакали, и разрывали свои тюремные одеяла, и сплетали из них

веревки, и завязывали в петлю. Сомневаюсь, чтобы Грантленд вписывался в эту категорию, но все могло быть.

— Я думаю, в сущности вы — дурак,— сказал я,— как и все те, кто пытается отыграться на обычных посредственных людях. Я думаю, вы — опасный дурак, потому что вы испуганы. Вы доказали это, когда попытались заставить Рику замолчать. А Зинни вы тоже пытались заставить замолчать с помощью ножа?

— Я отказываюсь отвечать на подобные вопросы.

Он рывком поднялся и подошел к окну. Я встал рядом. Пистолет был между нами. Секунду-другую мы стояли, разглядывая лежащий внизу на длинном склоне город. Его полночные огни были разбросаны по холмам, словно последние искры фейерверка.

— Зинни я любил по-настоящему. Я не смог бы причинить ей вреда,— сказал он.

— Согласен, что это маловероятно. Не станете же вы убивать золотую гусыню как раз тогда, когда она готова нести для вас яйца. Месяцев через шесть или через год, после того, как она вышла бы за вас замуж и написала бы завещание в вашу пользу, вы бы, пожалуй, пересмотрели свое отношение к ней.

Он гневно повернулся.— Я не обязан выслушивать ваши инсинуации.

— Верно. Не обязаны. Мне все это осточертело, как и вам. Пошли, Грантленд.

— Никуда я не пойду.

— Тогда мы сообщим куда следует и вас заберут. Вам несладко придется, но долго это не протянется. К утру вы подпишете признание.

Грантленд уперся. Подталкивая его сзади, я повел его по коридору к телефону.

— Звонить будете вы, доктор.

Он вновь заартачился.— Послушайте. Звонить совсем не обязательно. Даже если ваша гипотеза верна, а это не так, то против меня нет никаких реальных доказательств. Мои руки чисты.

Его глаза продолжали гореть яростным неукротимым огнем. За его сменяющимися масками я уловил лик неизвестного, бесприютного — голодного оператора, который сидел в глубине грантлендского мрака и манипулировал игрой теней, каковой являлась его жизнь. Я нанес удар по фигуре в темноте.

— Ваши руки грязные. Они не могут быть чистыми, когда предают собственных пациентов и подстрекают их

к убийству. Вы — грязный доктор, грязнее любой из ваших жертв. Ваши руки стали бы чище, если бы вы взяли этот револьвер и сами прикончили бы Джерри Холлмана. Но у вас кишка тонка, чтобы жить собственной жизнью. Вы хотите, чтобы за вас все делали другие — жили бы вместо вас, убивали бы вместо вас, умирали бы вместо вас.

Он повернулся ко мне всем телом. Лицо его изменилось, как дым, и спряталось за новой улыбчивой маской.— Вы проницательный человек. Ваша гипотеза насчет смерти Алисии... дело обстояло иначе, но в двух-трех местах вы почти попали в точку.

— Ну так поправьте меня.

— Если я это сделаю, вы меня отпустите? Все, что мне надо — несколько часов, чтобы добраться до Мексики. Я не совершил ничего преступного и не подлежу выдаче. У меня есть несколько тысяч...

— Приберегите их. Вам они понадобятся для адвокатов. Разговор окончен, Грантленд.— Я сделал жест рукой с пистолетом.— Снимите трубку и позвоните в полицию.

Его плечи обмякли. Он взял трубку и стал набирать номер. Мне следовало бы усомниться в его виноватом виде.

Неожиданно он ударил ногой по канистре с бензином, и та опрокинулась. Ее содержимое хлынуло струей по ковру и по моим ногам.

— На вашем месте я бы не стал стрелять,— сказал он.— Это все равно, что взорвать бомбу.

Я ударил его по голове рукояткой пистолета. Он опередил меня на миллисекунду. Он ухватился за шнур у основания телефона и обрушил аппарат на мое темя.

Смысл сообщения до меня дошел. Я рухнул на пол.

Глава 31

Придя в сознание, я обнаружил, что ползу по полу незнакомой комнаты. Это было длинное темное помещение, в котором пахло, как на автозаправочной станции. Я полз к окну в дальнем конце со всей скоростью, которую позволяли развить онемевшие, непослушные ноги.

За моей спиной голос скороговоркой сообщал, что Карл Холлман все еще находится на свободе и разыскивается для допроса по поводу второго убийства. Я оглянулся через плечо. Время и пространство соединились, сшитые ниткой голоса из радиоприемника Грантленда. Я увидел

дверной проем и за ним освещенный коридор, из которого меня вытащил инстинкт самосохранения.

По ту сторону двери раздался треск, показалась вспышка света. Подобно танцовщицам, в комнату вбежали языки пламени, оранжевые порхающие. Я с усилием поднялся на ноги, схватил стул, подтащил его к окну и выбил раму.

Меня обдало струей воздуха. Танцующие языки пламени в глубине комнаты стали гудеть. Оглянувшись, я увидел, что они принимают разные позы и подзывают меня к себе, подбираются к моим озябшим мокрым ногам, суля им тепло. Мой затуманенный мозг сложил воедино несколько фактов, подобно мальчику, играющему в кубики на горящей палубе, и понял, что ноги мои промокли от бензина.

Я перевалился через выщербленный подоконник, шлепнулся на землю в полный рост и затих, жадно хватая воздух ртом. Огонь кусал мои ноги, словно бешеная лисица.

Я продолжал повиноваться инстинкту. Инстинкт говорил одно: беги. Огонь побежал вместе со мной, впиваясь в тело. Провидение, которое благоволит к дуракам, подкладывает подушку пьяным и укрощает ветер, спасло меня, не дав зажариться живьем. Я вслепую добежал до края пруда с золотыми рыбками и упал в воду. Ноги мои зашипели, пламя погасло.

Полулежа в мелкой зловонной благословенной воде, я глядел назад, на дом Грантленда. Из выбитого мною окна вырвалось пламя, взметнулось к крыше, словно мгновенно выросшая штокроза. Оранжевые и желтые отблески появились и в других окнах. Сквозь щели в крыше робко высунулись усики дыма.

Не прошло и минуты, как дом превратился в коробку, полную ослепительных скачущих огней. Послышался отчетливый звон лопающихся стёкол. По стенам поползли огненные лозы. Маленькие саламандры огня побежали по крыше, оставляя за собой яркие зигзагообразные следы.

Сквозь гудящий, словно в печке, огонь я услышал звуки заводимой машины. Увязая в донном иле, я поднялся на ноги и побежал к дому. В городе вновь завыли сирены. Это была ночь сирен.

Раскалившийся от пожара воздух не подпускал меня к дому. Я пошел по клумбам с цветами и перелез через выложенную из кирпича стену. Я успел увидеть, как «ягуар» Грантленда пулей промчался по дорожке, оставляя за собой параллельные струи дыма из выхлопных труб.

Я бросился к своей машине. «Ягуар» летел вниз по холму, словно птица. Я мог видеть его фары на поворотах,

а еще ниже по склону разглядел красные истерические огни пожарной машины. Грантленд остановился, пропуская пожарных, иначе я навсегда потерял бы его из виду.

Он свернул на бульвар, шедший параллельно магистрали, и пересек по нему город. Я полагал, что он хочет добраться до главной дороги и оттуда в Мексику, но он свернул влево на Элмвуд и потом снова влево. Когда я сделал второй поворот на Грант-стрит, «ягуар» стоял в середине квартала, и дверь его была открыта. Сам Грантленд находился на крыльце перед домом миссис Глей.

Все последующее заняло десять или двенадцать секунд, но каждая из секунд делилась на множество мелких отрезков. Грантленд выстрелил, выбивая замок из двери. На это понадобилось три выстрела. Он ринулся в прихожую. К тому времени я затормозил перед домом и мог видеть весь коридор до лестницы на второй этаж. По ней спускался Карл Холлман.

Грантленд сделал два выстрела. Пули замедлили движения Карла. Он продолжал спускаться, пошатываясь, словно ему не давал упасть нож в поднятой руке. Грантленд выстрелил снова. Карл замер, как вкопанный, его руки повисли, как плети, но он продолжал идти, широко расставляя ноги.

Я бросился к дому. Теперь у основания лестницы появилась Милдред, ухватившаяся за стойку перил. Ее рот был открыт, и она что-то кричала. Ее крик прошил последний выстрел Грантленда.

Карл упал в два приема — сначала на колени, затем лицом в пол. Грантленд прицелился в сторону лестницы. Пистолет щелкнул дважды. Обойма вмещала только семь патронов. Милдред содрогнулась от воображаемых пуль.

Карл приподнялся с пола с усмешкой Лазаря на лице. На его груди расплылись яркие пятна крови. Нож он выронил. Карл походил на слепого. С голыми руками он бросился на Грантленда, но, не рассчитав сил, упал плашмя и застыл в бессильном отчаянии.

Мои шаги громко звучали по доскам веранды. Я подскочил к Грантленду раньше, чем он успел обернуться, зажал шею удушающим приемом и стал заваливать его назад. Он оказался увертливым и сильным. Он вскинулся, вывернулся и освободился от захвата, орудуя рукояткой пистолета, будто молотком.

Грантленд попятился к выходу вдоль стены. Его лицо выглядело, словно кость — мокрый желтый череп, с кото-

рого сошла плоть. Глаза были темны и пусты, как дуло незаряженного пистолета, который он продолжал сжимать в руке.

За моей спиной открылась дверь. Прихожую сотрясло от грохота новых залпов. Пуля оцарапала штукатурку над головой Грантленда и осыпала ее пылью. Это был Остервельт, крикнувший из полумрака под лестницей:

— Прочь с дороги, Арчер. Вы, доктор, стойте смирно, оружие на пол. На сей раз я вас застрелю.

Может, Грантленд во мраке своей души жаждал смерти. Он швырнул безполезный пистолет в Остервельта, перепрыгнул через тело Карла, спрыгнул с веранды и, казалось, стал убегать по воздуху.

Остервельт переместился к входной двери и одну за другой послал ему вслед три пули быстрым огнем, быстрее, чем может убежать любой человек. Очевидно, пули были очень тяжелые. От их ударов Грантленда подстегивало и волокло вперед, пока он не свалился. Думаю, он умер раньше, чем упал на дорогу.

— Зря он бежал,— сказал Остервельт.— Я меткий стрелок. Но все же не люблю убивать людей. Чертовски просто укокошить человека и чертовски трудно его вырастить.— Он посмотрел на свой кольт 45-го калибра с выражением смущенного почтения и вложил его в кобуру.

Шериф стал мне немного нравиться из-за того, что он сказал, однако я не позволил себе обманываться на его счет. Он выглянул на улицу, где лежало тело Грантленда. Вокруг уже начали собираться люди из соседних домов. Откуда-то появился Кармайкл и стал их разгонять.

Остервельт обратился ко мне: — А вы как сюда попали, черт возьми? У вас такой вид, будто вы искупались в болоте.

— Я последовал за Грантлендом из его дома. Он как раз закончил поджигать его.

— Он что, тоже спятил? — Судя по интонации, шериф был готов поверить всему.

— Возможно, в некотором роде. Убили его подругу.

— Я знаю. А что произошло потом? Холлман прикончил его подругу, поэтому Грантленд прикончил Холлмана?

— Что-то вроде этого.

— У вас другая версия?

— Разрабатываю тут одну. Как долго вы здесь пробыли?

— Пару часов с перерывами.

— В доме?

— В основном за домом. Когда услышал стрельбу, прибежал через кухню. Я сменил Кармайкла на посту. Тот охранял дом более четырех часов. По его словам, никто не входил и не выходил.

— Значит Холлман все это время находился в доме?

— Похоже на то, где же еще. Почему вы спрашиваете?

— Когда я обнаружил тело Зинни, оно было еще теплым.

— В котором часу?

— Незадолго до одиннадцати. Вечер для сентября холодный. Если ее убили до восьми, то можно предположить, что тело несколько остынет.

— Не очень убедительный аргумент. К тому же, сейчас она в морозильной камере. Какого черта вы не сообщили о том, что нашли, сразу как нашли?

Я не ответил. Время было неподходящим для споров. Самому себе я был вынужден признаться, что все еще нахожусь на стороне Холлмана. Психический он больной или нет, но я не мог представить, чтобы человек с таким мужеством, как у него, застрелил своего брата в спину или зарезал беззащитную женщину.

Карл был еще жив. Было слышно, как он дышит. Рядом с ним на коленях стояла Милдред в белой комбинации. Она повернула голову Карла и пристроила ее на его безвольно вытянутой руке. Карл захрипел и вздохнул.

— Его лучше не трогать. Я вызову по рации скорую помощь.— Остервельт вышел.

Милдред, казалось, не слышала. Мне пришлось дважды заговаривать с ней, прежде чем она обратила на меня внимание. Она взглянула снизу вверх сквозь завесу волос, упавших на глаза.

— Не смотрите на меня.

Она откинула волосы со лба и прикрыла верхнюю часть груди руками. Ее руки и плечи покрылись гусиной кожей.

— Как долго Карл находился в доме?

— Не знаю. Несколько часов. Он спал в моей комнате.

— Вы знали, что он здесь?

— Конечно. Я была вместе с ним.— Она дотронулась до плеча Карла — очень осторожно, подобно ребенку, трогающему запретный предмет.— Он пришел домой, когда вы с мисс Париш находились здесь. Я как раз переодевалась. Он бросил в окно веточку и поднялся по задней лестнице. Вот почему мне нужно было избавиться от вас.

— Вам следовало бы довериться нам.

— Только не *ей*. Эта Париш ненавидит меня. Она пытается отнять у меня Карла.

— Ерунда,— хотя я подозревал, что это была не совсем ерунда.— Вам бы следовало поставить нас в известность. Вы могли бы спасти ему жизнь.

— Он не умрет. Они не дадут ему умереть.

Милдред спрятала свое лицо, прильнув к его неподвижному плечу. Ее мать наблюдала за нами, стоя возле заштореннного дверного проема. Миссис Глей выглядела так, словно ее мечты потерпели крах. Она отвернулась и исчезла в глубине дома.

Я вышел наружу в поисках Кармайкла. Улица наполнялась людьми. В людской массе поблескивали ружья, однако настоящей угрозы толпа не представляла. Кармайклу без труда удавалось не подпускать их к дому.

Я переговорил с ним в течение минуты. Он подтвердил, что следил за домом с разных точек с восьми часов. Он не был абсолютно уверен, но все же достаточно уверен, что за это время в дом никто не входил, и никто оттуда не выходил. Наш разговор прервала подъехавшая машина скорой помощи.

Я глядел, как два санитара перекладывают Карла Холлмана на носилки. У него была рана на ноге, по крайней мере одна в груди и одна — в брюшной полости. Дело выглядело скверно, но и не так скверно, как могло бы быть в те дни, когда еще не знали антибиотиков. Карл был живучий парень; когда его выносили, он все еще дышал.

Я огляделся, отыскивая оброненный им нож. Ножа нигде не оказалось. Вероятно, его подобрал шериф. Насколько я сумел разглядеть, это был кухонный нож средних размеров, каким пользуются женщины для чистки овощей и резки продуктов. Возможно также, что им могли воспользоваться, чтобы убить Зинни, но я не представлял, каким образом.

Глава 32

Миссис Глей я нашел в темной, пропахшей плесенью кухне. Она забаррикадировалась за столом с эмалированным верхом, предпринимая последнюю атаку против трезвости. Приблизившись к ней, я уловил запах экстракта ванили. Она прижимала к груди маленькую коричневую бутылочку, словно своего единственного ребенка, которого я собирался похитить.

— От ванили вам будет дурно.

— До сих пор не было. По-вашему, женщине, на которую свалилось столько переживаний, уже нельзя и выпить?

— Между прочим, и я не отказался бы от стаканчика.

— Мне самой мало! — Она спохватилась, вспомнив о правилах приличия: — Простите, но у меня нет ни капли, все давно уже выпито. Судя по вашему *виду*, вам действительно надо подкрепиться.

— Ладно, нет так нет.— На мойке за ее спиной я увидел вазу с яблоками.— Вы не против, если я очищу себе яблоко?

— Конечно, угощайтесь, пожалуйста,— сказала она очень вежливо.— Сейчас я дам вам нож для очистки.

Она встала и принялась рыться в ящичке рядом с мойкой.— Куда же он запропастился? — пробормотала она и повернулась ко мне, держа в руке нож для разделки мяса.— Этот подойдет?

— Съем неочищенным.

— Говорят, в неочищенных больше витаминов.

Она вернулась к своему месту за столом. Я уселся напротив на стул с прямой спинкой и надкусил яблоко.— Карл приходил на кухню нынче вечером?

— Думаю, что да. Раньше он всегда проходил через кухню и поднимался на второй этаж по задней лестнице.— Она махнула рукой в сторону полуоткрытой двери в углу помещения. За порогом виднелись крутые деревянные ступени.

— Он и раньше заходил в дом этим маршрутом?

— Могу сказать, что да. Этот парень охотился за моей маленькой девочкой столько лет, что и не сосчитать. Он околдовал ее своей внешностью и разговором. Я рада, что в конце концов он получил по заслугам. Представляете, она была еще совсем крошкой, училась в школе, а он уже тайком пробирался в дом через кухню — и к ней на второй этаж.

— Откуда вам это известно?

— У меня же есть глаза, верно? В то время я сдавала комнаты с пансионом и боялась, что жильцы пронюхают о творящихся у нее в комнате делишках. Сколько раз я пыталась образумить ее, но он ее словно околдовал. Что было делать, когда моя девочка сбилась с пути и в семье не было мужчины, который поддержал бы меня? Я заперла ее на ключ, но она убежала из дома, и мне пришлось обращаться к шерифу, чтобы ее вернуть. Наконец она

убежала насовсем, уехала в Беркли и бросила меня на произвол судьбы. Собственную мать!

Собственная мать приложилась к коричневой бутылочке и отхлебнула ванильного экстракта, после чего приблизила ко мне свое изможденное лицо:

— И вот что я скажу, это послужило ей уроком. Когда молодая женщина попадает в беду, она осознает, что без матери не обойтись. Хотелось бы знать, что бы с ней стало после того, как она лишилась своего ребенка, если бы я за ней не ухаживала. Я выхаживала ее, словно святую.

— Это произошло после замужества?

— Нет, раньше. Он ее соблазнил, и у него не хватило мужества покрыть свой грех. Не смог выступить против семьи и взять на себя ответственность. Моя девочка оказалась недостаточно хороша для него и его паршивой родни. А теперь только посмотрите, что с *ним* стало.

Я вновь принялся за яблоко. Вкусом оно напоминало пепел. Я встал и выбросил яблоко в мусорное ведро под раковиной.

Миссис Глей действовала на меня удручающе. Ее мысли порхали туда-сюда, подобно бабочке, мечущейся между движущимися огнями, над волокнистой поверхностью прошлого, не в состоянии его толком осмыслить.

На кухню донеслись голоса из передней части дома, слишком далекие, чтобы разобрать слова. Я вышел в коридор, который, стоило мне закрыть за собой дверь, погрузился в темноту. Я не стал выходить в свет.

Милдред разговаривала с Остервельтом и двумя пожилыми мужчинами, одетыми в деловые костюмы. Они имели не поддающийся описанию, но безошибочно угадываемый вид рядовых полицейских, переодевшихся в штатское и чувствующих себя несколько неуютно. Один из них говорил:

— Не возьму в толк, что этот доктор имел против него. У вас на этот счет есть какие-нибудь соображения?

— Боюсь, что нет.— Лица Милдред я не видел, но она переоделась в то платье, в котором вышла встречать Роуз Париш.

— Значит Карл убил свою свояченицу сегодня вечером?

— Он не мог этого сделать. С пляжа Карл пришел прямо сюда. Он пробыл здесь со мной весь вечер. Я понимаю, что поступила неправильно, спрятав его. И готова нести ответственность.

— Это противоречит закону,— сказал второй детек-

тив,— но я надеюсь, моя жена, если бы дело касалось меня, поступила бы точно так же. Он не говорил об убийстве его брата Джерри?

— Нет. До того ли было. Я даже не стала затрагивать эту тему. Он устал, как собака, насилу волочил ноги. Должно быть, бежал всю дорогу от Пеликан Бич. Я накормила его, напоила, и он тут же пошел спать. По правде говоря, джентльмены, я тоже устала. Нельзя ли отложить нашу беседу до утра?

Детективы и шериф обменялись взглядами и пришли к молчаливому согласию.— Так и быть, дело терпит,— сказал первый полицейский.— Учитывая обстоятельства. Спасибо за сотрудничество, миссис Холлман. Сочувствуем вам.

Детективы откланялись, но Остервельт не торопился уходить, желая выразить Милдред сочувствие несколько иного рода. Его сочувствие выразилось в грубом флирте. Обхватив Милдред за талию, он другой рукой стал гладить ее тело от груди до бедра. Она не сопротивлялась.

От злости у меня потемнело в глазах, и сжались кулаки. Такой злости я не испытывал с того дня, когда отобрал у отца ремень, которым меня пороли. Но что-то меня удержало, и я не тронулся с места. Злость служила мне чем-то вроде шор — позволяя испытывать ее другим, я и сам испытывал ее в собственных неосознанных целях. Но теперь я осознал, что злость к шерифу была выражением более глубокой злости к самому себе. Попросту говоря, он делал то, что мне давно хотелось сделать самому.

— Не будь такой букой,— говорил он.— С д-ром Грантлендом ты была поласковей. Почему же нельзя быть ласковой со мной?

— Я не понимаю, о чем вы.

— Еще как понимаешь. Не такая уж ты неприступная, как прикидываешься. К чему придуриваться с дядей Ости? Я давно тебя хочу, детка. Еще с того времени, когда ты девчушкой ходила в школу и причиняла своей мамаше беспокойство. Помнишь?

Ее тело напряглось.— Как я могу забыть?

Она говорила неприятно-резким голосом, однако застарелая похоть Остервельта услышала в ее словах музыку. Он воспринял ответ Милдред как поощрение.

— И я тоже не забыл, детка,— хрипло произнес он.— Теперь, когда я больше не женат, многое изменилось. Я могу сделать тебе предложение по всем правилам.

— Но *я-то* еще замужем.

— Возможно, если он выживет. Даже если он выживет,

ты сможешь аннулировать ваш брак. Карлу до конца дней не бывать на свободе. В первый раз он легко отделался, благодаря мне. Но на сей раз он попадет в клинику для уголовных больных.

— Нет!

— Да. Ты делала все, что могла, покрывая его, но тебе, так же, как и мне, известно, что он прикончил своего брата и свояченицу. Пора тебе выходить из игры, детка, подумай о будущем.

— Нет у меня будущего.

— А я говорю, есть. Я в силах тебе помочь. Рука руку моет. То, что он убил отца, не имеет юридических доказательств и никогда не будет иметь без меня. Дело закрыто. Это значит, что ты можешь получить свою долю наследства. Твоя жизнь только начинается, бэби, и я — ее часть, никуда не денешься.

Его руки зашарили по телу Милдред. Она стояла неподвижно, отворачивая от шерифа лицо.— Вы всегда хотели меня, не правда ли?

В голосе Милдред звучало отчаяние, но он услышал только слова.— Сейчас больше, чем когда-либо. Денег у меня навалом. В следующем году думаю выйти на пенсию, но сначала нам надо довести до конца это дело и уладить вопрос об имуществе. Ты и я, мы можем уехать куда только пожелаем, делать все, что нам захочется.

— Поэтому вы и застрелили Грантленда?

— Это была одна из причин. Он все равно получил бы по заслугам. Я совершенно уверен, что именно он продумал и осуществил убийство Джерри, если тебе от этого легче,— подбил Карла на преступление. Но для дела будет лучше обойтись без Грантленда. Тогда можно не опасаться, что всплывет смерть сенатора. Или твои отношения с Грантлендом.

Милдред подняла лицо.— Это было давно, до моего замужества. Откуда вы узнали?

— Сегодня днем мне рассказала Зинни. А ей он сам рассказал.

— Он всегда был треплом. Я рада, что вы его застрелили.

— Конечно, рада. Дядя Ости знает, что делает.

Он впился в губы Милдред долгим, страстным поцелуем. Милдред безвольно повисла в его объятиях. Отпустив ее, Остервельт сказал:

— Я понимаю, ты устала за сегодняшний день, милая. Оставим пока все, как есть. Смотри ни с кем не разговари-

вай, только со мной. Помни, на карту поставлено несколько миллионов. Ты со мной?

— Ты же знаешь, что да, Ости.— Голос ее омертвел.

Шериф поднял руку в знак прощания и вышел. Милдред засунула газету между расщепленной пулями дверью и косяком. Возвращаясь к лестнице, она шла неуверенно и механически, словно тело принадлежало не ей, а ходячей кукле, двигавшейся при помощи дистанционного управления. Ее глаза напоминали голубой фарфор, лишенные зрения, и, слушая стук каблуков по лестнице, я представил себе слепого человека в разрушенном доме, который поднимается вверх по лестнице, ведущей в никуда.

На кухне я обнаружил миссис Глей, оседавшую все ниже и ниже на стуле. Ее подбородок упирался в лежащие на столе руки. Возле локтя лежала пустая коричневая бутылочка.

— А я уже подумала, что вы меня бросили,— произнесла она, тщательно следя за своей дикцией.— Другие все бросили.

Под потолком послышался звук слепых шагов. Миссис Глей вскинула голову, напоминая вылинявшего красного попугая.— Кто это — Милдред?

— Да.

— Ей бы поспать. Набраться сил. С тех пор, как она потеряла несчастного ребенка, она стала совсем другой.

— Как давно она его потеряла?

— Года три тому назад.

— К ней домой приходил врач?

— Ну конечно. Тот самый Грантленд, бедняга. Какая несправедливость, что с ним произошло. Он так душевно к ей относился, даже счета не прислал. Это было, конечно, до того, как она вышла замуж. Задолго. Тогда я ей сказала — вот он, твой шанс порвать с этим Карлом и завязать знакомство с приличным человеком. Молодой врач с перспективой и тому подобное. Но она не послушалась. Подавайте ей Карла Холлмана или никого. Получила теперь — никого. Нет ни того, ни другого.

— Карл еще не умер.

— Считайте, что умер. Я тоже, можно сказать, умерла. В моей жизни ничего нет, одно разочарование и беды. Воспитывала свою девочку, чтобы она общалась с приличными людьми, вышла замуж за достойного молодого человека. Но нет же, ей нужен был только он. Вышла за него замуж и что увидела — невзгоды, болезни, смерть.— Пьяная жалость к самой себе подступила к ее горлу, словно

тошнота.— Она это сделала назло мне, вот так. Она хочет убить меня всеми теми бедами, что принесла в мой дом. В моем доме было так хорошо, красиво, но Милдред исковеркала мою душу. Она не дала мне никакой любви, на которую мать вправе рассчитывать. Все время печалилась о своем никудышном отце — можно подумать, это *она* вышла за него замуж и потеряла его.

Несмотря на все ее ухищрения, злость все не приходила. Она в страхе посмотрела на потолок, мигая от прямого света голой электрической лампочки. В ее сухих, как у попугая, глазах сгущался страх, перерастающий в ужас.

— Впрочем, я и сама не хорошая мать,— сказала она.— Никакой пользы ей от меня не было. Все эти годы я для нее живая обуза, да простит меня Бог.

Она плюхнулась лицом вниз на стол, словно придавленная тяжестью пережитой ночи. Неухоженные рыжие волосы рассыпались по белой поверхности стола. Я поднялся, глядя на нее, но не видя. Перед моим мысленным взором открылась подземная шахта или тоннель глубиной или длиной в три года. Там, в самом конце, я с отчетливой ясностью, словно в озарении, увидел освещенное ярким светом красное пятно, где умерла жизнь и родилось убийство.

Нервы мои находились в том натянутом состоянии, когда проясняются скрытые вещи, а обычные прячутся. Я вспомнил об электрическом одеяле, лежавшем на полу в спальне Грантленда.

Я услышал тихие шаги Милдред, спускавшейся по задней лестнице, не раньше, чем она преодолела половину ступенек. Я встретил ее у основания лестницы.

Увидев меня, она вздрогнула всем телом, но, овладев собой, попыталась изобразить улыбку.

— Я не знала, что вы еще здесь.

— Я беседовал с вашей мамой. Похоже, она снова отключилась.

— Бедная мама. Бедные все мы.— Она закрыла глаза, чтобы не видеть кухни и спящей там пьяной женщины. Милдред кончиками пальцев потерла свои веки с голубыми прожилками. Вторая ее рука была спрятана в складках юбки.— Кажется, мне следует уложить ее в постель.

— Сначала я должен поговорить с вами.

— Господи, о чем? Уже страшно поздно.

— О всех нас бедных. Каким образом Грантленду стало известно, что Карл здесь?

— Он и не знал. Откуда ему знать?

— Думаю, сейчас вы впервые сказали правду. Он не знал, что Карл здесь. Он пришел, чтобы убить вас, но ему помешал Карл. Когда Грантленд наконец сумел до вас добраться, его пистолет оказался пуст.

Милдред стояла и молчала.

— Почему Грантленд хотел убить вас, Милдред?

Она смочила сухие губы кончиком языка.— Не знаю.

— А я, как мне кажется, догадываюсь. Причины, которые у него имелись, не привели бы обычного человека к убийству. Но Грантленд был напуган и в то же время обозлен. Он находился в отчаянии. Ему нужно было заставить вас замолчать, и он хотел отомстить вам. Зинни значила для него больше, чем деньги.

— Какое отношение Зинни имеет ко мне?

— Вы закололи ее маминым ножом для очистки фруктов. Вначале я не сообразил, как это могло случиться. Тело Зинни, когда я обнаружил его, было теплым. Вы же находились здесь под присмотром полиции. Время не совпадало. Наконец, я понял, что ее тело обогревалось электрическим одеялом в постели Грантленда. Вы убили Зинни перед тем, как отправились на Пеликан Бич. По радиоприемнику Грантленда вы услышали, что Карла видели на пляже. Скажете неправда?

— С какой стати мне нужно было ее убивать?

Вопрос не казался риторическим. Милдред выглядела так, будто в самом деле желала получить ответ. Ответ пришел вместе с движением ее руки, прятавшейся в складках юбки. Сжатая в кулак рука выпрыгнула из скрывавших ее складок, словно независимое существо. В пальцах сверкнул нож, направленный острием вниз. Она замахнулась, целясь себе в грудь.

Даже это решение не удалось реализовать полностью. Нож в руке дрогнул и только порвал блузку. Я отобрал его, не дав ей повредить себя более серьезно.

— Отдайте нож. Пожалуйста.

— Я не могу этого сделать.— Я взглянул на нож. На нем застыли сухие коричневые пятна.

— Тогда убейте меня. Ну же, быстрей. Я все равно должна умереть. Уже несколько лет я живу с этой мыслью.

— Вы должны жить. Нынче женщин уже не отправляют в газовую камеру.

— Даже таких, как я? Но я не в силах жить. Пожалуйста, убейте меня. Я знаю, что вы ненавидите меня.

Она рванула на себе блузку и обнажила грудь жестом

отчаявшейся обольстительницы. Грудь, как у девственницы,— белая, нежная, цвета жемчуга.

— Мне жаль вас, Милдред.

Я не узнал собственного голоса, он приобрел новое звучание, глубокое, как испытываемая мною грусть. И дело было вовсе не в сексуальном влечении или всепоглощающей жалости, переходящей в сексуальное влечение. Она была человеческим существом, и ее юная душа вмещала в себя столько горя, что была не в силах его вынести.

Глава 33

Миссис Глей застонала во сне. Милдред бегом поднялась по лестнице, скрываясь от нас обоих. Я последовал за ней, затем пересек безликий коричневый коридор и вошел в комнату, где она боролась с окном, пытаясь его поднять.

В облике комнаты не было ничего, говорящего о том, что здесь живет женщина или вообще кто-нибудь живет. Она скорее походила на запасную комнату для гостей, где хранятся ненужные вещи: старые книги и картины, старая железная кровать на двоих, потертый ковер. Я ощутил странную неловкость, подобную той, какую испытывает ростовщик, ссужающий деньги под залог, который сам не видел.

Окно сопротивлялось усилиям Милдред. Я заметил, что она наблюдает за мной в его темном зеркале. Отражение ее собственного лица на стекле походило на лик привидения, глядящего из наружного мрака.

— Уходите, оставьте меня одну.

— Многие так и делали. Может, вся беда в этом. Отойдите от окна, а?

Она прошла в глубину комнаты и остановилась возле кровати. На дешевеньком покрывале виднелась вмятина с частицами грязи, где, как я догадался, лежал Карл. Она присела на край постели.

— Я не нуждаюсь в вашем фальшивом сочувствии. Люди всегда за него требуют чего-нибудь взамен. Что вам от меня надо? Секс? Деньги? Или всего-навсего наблюдать мои страдания?

Я не знал, что ей ответить.

— Или же просто хотите послушать мои признания? Тогда слушайте. Я — убийца — Я убила четверых.

Она сидела, глядя на поблекшие цветы на обоях. Я подумал, что это было место, где давалась воля буйным

мечтам, не встречавшим в дальнейшем никаких препятствий.

— Чего вы хотели, Милдред?

Она назвала одну из своих грез.— Денег. Этим он сразу же выделился для меня среди остальных, стал таким неотразимым, таким... сверкающим.

— Вы имеете в виду Карла?

— Да. Карла.— Она протянула руку к вмятине на покрывале и облокотилась на нее.— Даже сегодня ночью, когда он лежал здесь, такой грязный и вонючий, я ощущала себя счастливой. Богатой. Мама ругала меня, что я, дескать, рассуждаю, словно потаскуха, но я никогда не была потаскухой. Я никогда не брала у него денег. Я отдавалась ему, потому что была ему нужна. В книгах пишут, что мужчине требуется секс. Поэтому я позволяла ему приходить ко мне в эту комнату.

— О каких книгах вы говорите?

— О тех, которые он читал. Мы их вместе читали. Карл боялся, что может сделаться гомосексуалистом. Поэтому я притворялась, что получаю от него наслаждение. Хотя и не получала ни от него, ни от кого-либо другого.

— Сколько их было?

— Только трое,— сказала она,— и с одним из них только один раз.

— Остервельт?

Она скорчила гримасу отвращения.— Не хочу говорить о нем. С Карлом все было иначе. Я радовалась ему, но затем радость словно отделялась от моего тела. Я как бы состояла из двух частей — теплой и холодной, и холодная часть поднималась надо мной в воздух, словно душа. Потом я начинала воображать, будто со мной в постели человек из золота. Он опускает в мой кошелек золото, я вкладываю в дело, получаю прибыль и снова вкладываю. Тогда я чувствовала себя богатой и настоящей, и душа переставала наблюдать за мной. Это была всего лишь игра, в которую я играла сама с собой. Карлу я о ней не рассказывала; Карл по-настоящему меня не знал. Никто меня по-настоящему не знал.

Она говорила с отчаявшейся гордостью одиночества и потерянности. Затем заторопилась, словно вот-вот случится непоправимое несчастье, и я — ее единственный шанс быть услышанной.

— Я думала, что если мы поженимся и я стану миссис Карл Холлман, то буду чувствовать себя все время богатой и защищенной. Когда он уехал на учебу в университет,

я последовала за ним. Никто не должен был отбить его у меня. Я поступила в колледж обучаться делопроизводству и нашла работу в Окленде. Я сняла квартиру, где он мог посещать меня. Готовила ему ужин и помогала с учебой. Это было почти как замужество.

Карл хотел, чтобы мы оформили наши отношения официально, но его родители воспротивились, особенно мама. Она не выносила *меня*. Меня бесило то, как она разговаривает обо мне с Карлом. Можно подумать, что я не человек, а отбросы. Именно тогда я решила больше не предохраняться.

Прошло больше года, прежде чем я смогла забеременеть. Здоровье у меня было неважное. Я мало что помню о том времени. Помню, что продолжала работать в конторе. Меня даже повысили в должности. Но я жила ради ночей, не столько ради часов, проведенных с Карлом, сколько ради того времени, когда он уходил, а я оставалась одна, лежала без сна и думала о будущем ребенке. Я знала, что у меня должен быть мальчик. Мы назовем его Карлом и воспитаем как полагается. Я все буду делать для него сама — одевать, пичкать витаминами и оберегать от дурного влияния, в частности, от бабушки. От обеих бабушек.

После того, как у Зинни родилась Марта, я все время думала о ребенке, и наконец забеременела. Прождала два месяца, чтобы быть уверенной и затем сообщила Карлу. Он испугался, не сумел этого скрыть. Он не хотел нашего ребенка. Главным образом, боялся реакции со стороны его матери. К тому времени она уже закусила удила, готовая на все, лишь бы настоять на своем. Когда Карл впервые рассказал ей обо мне, еще давно, она сказала, что скорее убьет себя, чем позволит ему жениться.

Он все еще находился под ее гипнозом. У меня злой язык, и я ему это высказала. Сказала, что он бесстрашный молодой человек, которого держат на пуповине, в действительности же это не пуповина, а петля висельника. Разразился скандал. Карл разбил мой новый сервиз, грохнул его о раковину. Я боялась, что он и меня побьет. Наверное, поэтому он и убежал. Я не виделась с ним много дней и не получала от него никаких вестей.

Его квартирная хозяйка сказала, что он уехал домой. Я ждала долго, но потом не вытерпела и позвонила на ранчо. Его мать заявила, что Карл не приезжал. Я решила, что она лжет, пытаясь от меня отделаться. Тогда я объявила ей, что беременна и что Карлу придется на мне женить-

ся. Она обозвала меня лгуньей и еще другими словами и бросила трубку.

Это было вечером в пятницу, в восьмом часу. Я дожидалась часа, когда тариф на телефонный разговор будет льготный. Я сидела и смотрела, как наступает ночь. Она никогда не позволит Карлу вернуться ко мне. Из моего окна была видна часть залива и длинный подъем, по которому к мосту двигались автомобили. Под мостом темнела грязная жижа, похожая на мое отчаяние. Я подумала, что мое место там. И я бы так и сделала. Зря она меня остановила...

В течение ее монолога я стоял над ней. Она взглянула вверх и оттолкнула меня руками, не касаясь меня. Ее движения были медленными и осторожными, будто любой неожиданный жест разрушил бы хрупкое равновесие в комнате или в ней самой, и все рухнуло бы.

Я придвинул к кровати стул и оседлал его, облокотившись на спинку руками. Возникло странное ощущение, будто я доктор-шарлатан, находящийся у постели больного и ведущий себя не на докторский манер.

— Кто вас остановил, Милдред?

— Мать Карла. Ей не следовало мешать мне покончить с собой и прекратить все разом. Я понимаю, что это не умаляет моей вины, но Алисия сама накликала на себя беду. Она позвонила мне, когда я все еще сидела там, и сказала, что сожалеет о своих словах. Не могу ли я простить ее? Она все обдумала и хотела бы побеседовать со мной, помочь мне, чтобы я была окружена заботой. Мне показалось, что она образумилась, что мой ребенок сплотит нас всех и мы заживем счастливой семьей.

Она назначила мне свидание на пристани в Пуриссиме вечером следующего дня. Она сказала, что хочет поближе со мной познакомиться и мы будем одни — только она и я. В субботу я отправилась туда на своей машине, и, когда приехала, она уже ждала меня на автомобильной стоянке. Я никогда раньше не встречалась с ней лицом к лицу. Она была крупная женщина, одетая в норковое манто, очень высокая и импозантная. Ее глаза блестели, как у кошки, и говорила она невнятным голосом. Наверное, наглоталась каких-нибудь таблеток. Тогда я этого не знала. Я была тронута тем, что между нами началось сближение. Я гордилась, что она, в норковом манто, сидит в моей развалюхе.

Однако явилась она отнюдь не за тем, чтобы оказать мне помощь. Впрочем, начала она очень даже благосклонно. Карл поступил со мной подло, бросив меня подобным

образом. И, что самое ужасное, она сомневается в том, что он вообще ко мне вернется. Даже если это произойдет, из него не получится ни хорошего мужа, ни отца. Карл страшно неуравновешенный. Она его мать и знает своего сына. Это у них наследственное. Ее отец умер в клинике для душевнобольных, и Карл пошел в него.

Даже если отвлечься от проклятия предков — она это назвала так — мир такой отвратительный, что производить на свет детей — преступление. Она процитировала строчки из стихотворения:

«Спи долгим, вечным сном;
Здесь муки адские кругом
Сонм Обрекающих на нас обрушил...»

Я не знаю, кто автор, но эти слова навсегда засели в моей голове.

Она сказала, что стихотворение посвящено неродившемуся ребенку. Что любого ребенка в этой жизни ожидают лишь сердечные муки и беды. Об этом позаботятся Обрекающие. Она говорила об этих Обрекающих, словно они на самом деле существуют. Мы сидели и глядели на залив, и мне показалось, будто я вижу, как они поднимаются из черной воды и заслоняют собой звезды. Чудовища с человеческими лицами.

Алисия Холлман сама была чудовищем, и я это знала. Тем не менее, во всем, что она говорила, была доля правды. С ней невозможно было спорить о моем ребенке, хотя она и не сумела меня убедить. Я изо всех сил пыталась сохранить к ней теплое чувство, а она все говорила и говорила. У меня не хватило ума уйти или заткнуть уши. Я даже поймала себя на том, что киваю и соглашаюсь с ней,— частично. К чему все эти мучения, связанные с рождением ребенка, если ему суждено жить в несчастье, отрезанным от звезд. Или если его папочка никогда не вернется.

Она едва не загипнотизировала меня своим невнятным голосом, звучавшим, как расстроенная скрипка. Я отправилась с ней к доктору Грантленду. Та часть меня, которая соглашалась с ней, знала, что там мне предстоит лишиться ребенка. В последнюю минуту, когда я лежала на столе и было уже слишком поздно, я попыталась остановить это. Я закричала и стала от него отбиваться. Она вошла в кабинет, держа в руке пистолет, и приказала лежать тихо, иначе она пристрелит меня на месте. Д-р Грантленд не хотел приниматься за операцию. Она пригрозила ему, что

лишит его врачебной практики. И тогда он сделал мне укол.

Когда я очнулась, первое, что увидела — ее кошачьи глаза, наблюдающие за мной. У меня была одна-единственная мысль — она убила моего ребенка. Кажется, я схватила какую-то бутыль. Помню, как я разбила бутыль об ее голову. До этого она вроде пыталась застрелить меня. Я услышала выстрел, но ничего не увидела.

Как бы то ни было, я убила ее. Не помню, как я довела машину до дому, но то что довела, это точно. Я все еще находилась под действием пентотала; почти не соображала, что делаю. Мама уложила меня в постель и постаралась как-то помочь, но от нее было мало проку. Я не могла заснуть. Не могла понять, почему не приходит полиция и не арестовывает меня. На следующий день, в воскресенье, я снова пошла к доктору. Я его боялась, но еще страшнее было не пойти.

Он держался ласково. Я даже удивилась, насколько ласково. И я едва не полюбила его, когда он рассказал, что ради меня сделал, придав происшедшему вид самоубийства. Они уже извлекли тело из воды, и никто не задал мне ни одного вопроса. В понедельник вернулся Карл. Мы вместе пошли на похороны. Гроб не открывали, и я начала верить, что официальная версия о самоубийстве — правда, а все остальное — лишь дурной сон.

Карл думал, что она утопилась. Он воспринял случившееся лучше, чем я ожидала, но оно оказало на него странное воздействие. Он рассказал, что пробыл в пустыне почти целую неделю, размышляя и молясь о том, чтобы всевышний направил его на истинный путь. Когда он возвращался из Долины Смерти, на дороге его остановил патрульный полицейский и сказал, что его разыскивают и объяснил почему. Это было в воскресенье, перед заходом солнца.

Карл сказал, что, созерцая вершину горы Сьерра, он увидел за ней неземное свечение на западе в направлении Пуриссимы. Оно струилось словно молоко с небес, и тогда он осознал, что жизнь — драгоценный подарок, который нужно оправдать. Он увидел на склоне холма индейца, пасшего стадо овец, и воспринял это как знак. В ту же минуту, не сходя с места, он решил изучать медицину и посвятить свою жизнь исцелению больных, возможно, в индейских резервациях или же в Африке, как Швейцер.

Его порыв и меня захватил. Этот чудесный свет, увиденный Карлом, казался ответом на тот мрак, в котором

я пребывала с субботнего вечера. Я сказала Карлу, что буду рядом с ним, если он еще во мне нуждается. Карл ответил, что ему будет нужен надежный помощник, но жениться пока он не может. Ему еще не исполнился 21 год. Со смерти матери прошло слишком мало времени. К тому же отец против ранних браков, и нам не следует давать ни малейшего повода, чтобы не волновать старого человека с больным сердцем. Между тем мы останемся друзьями, будем жить, как брат и сестра, готовясь к таинству брака.

Карл все больше и больше склонялся к идеализму. Той осенью он занялся теологией вдобавок к программным курсам. Мой собственный маленький ручеек идеализма, называйте его как хотите, скоро иссяк. Однажды летом меня навестил д-р Грантленд. Он заявил, что считает себя деловым человеком и надеется, что и я — деловая женщина. Он очень на это надеялся. Потому что, если я пойду с правильной карты, а он будет наблюдать за карточной игрой, то я без малейшего труда получу кучу денег.

Д-р Грантленд сильно изменился. Он был очень улыбчив, держался по-деловому, но уже не походил на врача. Он говорил не как врач, скорее, как кукла чревовещателя, которая шевелит губами, в такт чужим словам. Он сказал, что сердце и кровеносные сосуды сенатора ни к черту не годятся, и он в скором времени умрет. Когда это случится, Карл и Джерри поделят между собой состояние. Если я стану женой Карла, то смогу расплатиться со своими друзьями за оказанную помощь.

Он считал, что мы хорошие друзья, и если мы станем любовниками, то это укрепит нашу дружбу. Ему говорили, что в постели он превосходен. Я позволила. Для меня это ничего не меняло. В каком-то отношении мне даже нравилось быть с ним. Он был единственным, кто знал обо мне правду. После этого разговора, приезжая в Пуриссиму, я приходила к нему в кабинет. То есть, пока не вышла за Карла. Тогда я перестала видеться с Грантлендом. Это было бы неприлично.

Четырнадцатого марта Карлу исполнился 21 год, и спустя три дня мы поженились в Окленде. Он переехал ко мне, но, по его мнению, мы должны были искупить свои прежние грехи и прожить в целомудрии один год. Карл говорил об этом с таким пылом, что я побоялась спорить. Он стал бледным, глаза блестели. Иногда он по несколько дней со мной не разговаривал, но затем его словно прорывало, и он говорил ночь напролет.

Карл запустил занятия, но его обуревали идеи. Мы

подолгу обсуждали реальность, видимость и реальность. Я всегда думала, что видимость — это маска, которую ты надеваешь перед людьми, а реальность — то, что чувствуешь на самом деле. Реальность — это смерть, кровь, обреченность. Реальность — это ад. Карл заявил, что я все напутала, что мучения и зло не более чем видимость. Реальность же — есть добро, и он докажет мне это своей жизнью. Открыв для себя христианский экзистенциализм, он ясно увидел, что страдание — всего лишь испытание, очищающий огонь. Поэтому мы не могли спать вместе. Ради чистоты наших душ.

Карл стал быстро терять в весе. Той весной он превратился в комок нервов, не мог спокойно усидеть за книгами. Иной раз я всю ночь слышала его шаги в гостиной. Я думала, что если сумею уговорить его лечь со мной, то это поможет ему соснуть хоть ненадолго, успокоит его. Меня осаждали всякие шальные мысли. Я расхаживала по квартире в развратно-обольстительных ночных рубашках и беспрестанно душилась духами и старалась изо всех сил соблазнить его. Собственного мужа. Однажды в мае поздним вечером я устроила ужин при свечах, подала вино, и он захмелел...

Однако это не принесло облегчения никому из нас. Моя душа поднялась надо мной и стала парить над кроватью. Я глядела вниз и видела, как Карл использует мое тело. И я возненавидела его. Он не любил *меня*. Он не хотел понять *меня*. Я подумала, что мы оба мертвы, и в постели лежат наши трупы. Зомби. Наши души не соприкасались.

Когда я вечером следующего дня вернулась домой, Карл продолжал лежать в постели. Он не пошел на лекции, за весь день ни разу не вставал. Сперва я подумала, что он болен, физически болен, и вызвала врача. Карл сказал ему, что небесный огонь погас. Он сделал это сам, потушив огонь в своем сознании. Теперь в его голове не осталось ничего, одна темнота.

Д-р Левин отозвал меня в соседнюю комнату и сказал, что у Карла нарушена психика. Вероятно, его следует поместить в клинику. Я позвонила отцу Карла, и д-р Левин повторил ему то, что сказал мне. Сенатор заявил, что идея с клиникой абсурдна. Карл просто-напросто перезанимался и единственное, что ему нужно — хороший физический труд.

Назавтра приехал отец Карла и забрал его домой. Я расплатилась с квартирной хозяйкой, бросила работу и через несколько дней последовала за ними. Мне не

стоило ехать, но я хотела быть рядом. Я не доверяла его семье. И у меня было тайное желание даже при сложившихся обстоятельствах жить на ранчо и утвердиться как миссис Карл Холлман в Пуриссиме. Я своего добилась, однако все складывалось хуже, чем я предполагала. Его семья невзлюбила меня. Они винили меня в нездоровье Карла. У *хорошей* жены муж должен быть здоровым и счастливым.

Единственный, кто по-настоящему привязался ко мне,— ребенок Зинни. Я придумала игру, в которой воображала, что Марта — *мое* дитя. Так я сумела пережить эти два года. Я воображала, будто живу с ней вдвоем в этом большом доме. Остальные все уехали или же умерли, и я — мама Марты — все делаю для нее сама, воспитываю так, как полагается, безо всякого дурного влияния со стороны. Случалось, мы от души с ней веселились. Иногда я по-настоящему верила, что того кошмара в кабинете доктора никогда не было. И Марта тому доказательство, моя родная деточка, которой скоро исполнится два годика.

Но частые визиты д-ра Грантленда на ранчо напоминали мне, что все было. Он приезжал как врач к Карлу и его отцу, к обоим. Сенатору он нравился, поскольку не брал дорого за визиты и не предлагал дорогостоящих методов лечения, вроде помещения в клинику или курса процедур. Отец Карла был весьма прижимист. На столе у нас вместо масла стоял маргарин, и ничего кроме бракованных апельсинов. С меня даже брали плату за питание, пока мои деньги не кончились. Около двух лет я не имела нового платья. Может, если бы оно у меня было, я не убила бы сенатора.

Милдред произнесла это тихо, не меняя тона, без видимых эмоций. На ее лице отсутствовало всякое выражение. И лишь указательный палец двигался по закрытому юбкой колену, рисуя маленький узор: кружок, а в нем крест, словно она пыталась отогнать дурные мысли.

— Разумеется, я не убила бы его, если бы он умер в положенный срок. Д-р Грантленд дал ему год, но год прошел, заканчивался второй. Не одна я томилась в ожидании. Джерри и Зинни ждали не меньше. Они вовсю старались стравить Карла с отцом, и это было не трудно сделать. Карлу стало немного лучше, однако он все еще был подавлен и угрюм. Отношения с отцом у него окончательно испортились, и старик постоянно грозился изменить свое завещание.

Как-то вечером Джерри спровоцировал Карла на ужас-

ный скандал по поводу японцев, которые некогда владели частью долины. Сенатор, естественно, не остался в стороне, как и было задумано. Карл заявил ему, что не претендует ни на малейшую часть ранчо. Даже если он унаследует какую-либо долю поместья, он вернет ее людям, владения которых были проданы с молотка. Я никогда не видела старика таким взбешенным. Он сказал,что Карлу не грозит опасность унаследовать что-либо. И на сей раз это была не пустая угроза. Он попросил Джерри, чтобы тот связался с адвокатом и договорился о встрече на следующее утро.

Я позвонила д-ру Грантленду, и он приехал под предлогом осмотра сенатора. Позже я переговорила с ним во дворе. Он был настроен пессимистически. Не то чтобы он был жадным, но деньги утекали из его кармана. Тогда он впервые рассказал мне о том человеке, Рики или Рике, который начал шантажировать его сразу после смерти Алисии и выудил не одну тысячу долларов. Тот самый человек, который вчера бежал вместе с Карлом.

— Грантленд никогда раньше не заговаривал с вами о нем?

— Нет, он сказал, что старался оберегать меня. Но теперь, когда из него выкачали все до последней капли, требовалось что-то предпринять. Прямо не сказал, что я должна убить сенатора. Мне не нужно было об этом говорить. Я даже не раздумывала. Я просто заставила себя позабыть, кто я такая, и проделать все, как заводной механизм.

Ее указательный палец без устали вычерчивал на колене эмблему креста в круге. Она произнесла, словно отвечая на вопрос:

— Если вдуматься, я вынашивала эти планы долгие годы, всю свою жизнь, с того самого времени, когда...

Она замолчала и прикрыла ладонью невидимую эмблему на колене. Она встала, будто сомнамбула, и подошла к окну. Во дворе на фоне светлеющего неба виднелся резко очерченный силуэт дуба, словно его вырезали из черной бумаги.

— С того самого времени, когда что? — спросил я, адресуясь к ее застывшей спине.

— Я пытаюсь вспомнить. Когда ушел мой отец, после этого. Я лежала в постели, и перед тем как заснуть, думала о разных нехороших вещах. Я хотела разузнать, где он, найти его и...

— Убить?

— О нет! — вскричала она.— Я хотела сказать ему, что

нам так его не хватает, и привести обратно к маме и снова зажить счастливой семьей. Но если бы он не вернулся...

— Что тогда?

— Не хочу об этом говорить. Я не помню.— Она ударила рукой по собственному отражению в окне, но недостаточно сильно, и стекло уцелело.

Глава 34

Заря осветила верхушки деревьев, словно флуоресцентные лампы в операционной. Милдред отвернулась от резкого белого света. Вспышка эмоций миновала, лицо ее стало спокойным, голос — ровным. Изменились только глаза. Они были напряженными, цвета спелой сливы.

— Когда это произошло впервые, все было иначе. В тот же раз я ничего не испытывала. Странно, когда убиваешь человека и ничего при этом не ощущаешь. Я даже не чувствовала страха, когда поджидала его в ванной, спрятавшись в стенном шкафу. По вечерам он всегда принимал горячую ванну, чтобы лучше спалось. У меня был с собой молоток с полукруглой головкой для обработки металла, который я нашла на рабочем столе Джерри в оранжерее. Когда старик лег в ванну, я выскользнула из шкафа и ударила его молотком по затылку. Я держала его голову под водой, пока не перестали идти пузыри.

Это заняло несколько секунд. Я отперла дверь ванной и вновь закрыла ее на ключ снаружи, вытерла ключ и протолкнула под дверь. Затем вернула молоток на прежнее место, где лежали инструменты Джерри. Я надеялась, что смерть сенатора воспримется как несчастный случай, а если нет, то я хотела, чтобы заподозрили Джерри. Ведь это с его подачи Карл ввязывался в ссоры с отцом.

Но, как вам известно, подозрение пало на Карла. Казалось, он сам этого *хотел*. Думаю, какое-то время он действительно был уверен, что это его рук дело, и все решили, что так оно и есть. Шериф даже не назначил расследования.

— Он вас защищал?

— Нет. Может, только подсознательно. Джерри заключил с ним некую сделку, чтобы сэкономить полицейский бюджет и спасти репутацию семьи. Он не хотел судебного разбирательства по делу об убийстве в его именитой семье. Как, впрочем, и я. Я старалась не вмешиваться, когда

Джерри договаривался о помещении Карла в клинику, и подписала бумаги без единого слова.

Джерри знал, что делает. Адвокат по образованию, он устроил так, что стал официальным опекуном Карла. Это означало, что он контролировал все. У меня не было никаких прав на собственность семьи. На следующий день после отправки Карла в клинику Джерри вежливо намекнул, что мне пора убираться вон. Полагаю, Джерри подозревал меня, но он был хитрой лисой. Ему больше подходило свалить всю вину на Карла и никому не показывать собственных карт.

Д-р Грантленд также от меня отвернулся. Он сказал, что порывает со мной, так как я испортила все дело. Он сказал, что больше не станет меня покрывать. Даже если шантажист пойдет в полицию и заявит на меня, ему все равно. И мне не следует думать, что удастся ему отомстить, впутав его в неприятности. Мне никто не поверит на слово, а уж он-то докажет, что я законченная шизофреничка. Он ударил меня и выставил за дверь. Сказал, что если мне это не по душе, он немедленно вызовет полицию.

Последние шесть месяцев я только и делаю, что жду, когда за мной придут,— сказала она.— Жду, когда в дверь постучат. Иной ночью я хотела, чтобы они пришли, *мечтала* о том, чтобы они пришли и положили всему конец. Иной ночью мне было безразлично, придут или нет. Иной ночью — это было самое худшее время — я лежала в холодном ознобе, смотрела на тикающие часы и вела счет секундам — всю ночь. Часы начинали тикать, словно рок, громче и громче, будто Обрекающие, стукнувшие в дверь и затопавшие вверх по лестнице.

Я извелась настолько, что ночью боялась заснуть. Последние четыре ночи и не сомкнула глаз, с того времени, как узнала о товарище Карла по клинике. Он, этот Рика, знал обо мне все. Я представляла, как он рассказывает Карлу. Карл от меня отворачивается. Во всем мире не останется никого, кому бы я просто нравилась. Когда вчера утром мне позвонили и сказали, что Карл бежал на пару с ним, я поняла, что мне конец.— Она посмотрела на меня ясным, спокойным взглядом.— Остальное вам известно. Ведь вы находились здесь.

— Я видел это с внешней стороны.

— А больше и не было ничего, только внешняя сторона. Никакой внутренней стороны, по крайней мере, для меня. Все происходило словно по ритуалу, который я придумала. Всякий предпринимаемый мною шаг имел зна-

чение в данный момент, но сейчас я не могу вспомнить ни одно из этих значений.

— Расскажите, что вы делали с того времени, как решились на убийство Джерри.

— Это решилось само собой,— ответила она.— Решения я не принимала, у меня не осталось выбора. Незадолго до того, как вы приехали в город, мне на работу позвонил д-р Грантленд. Это был его первый звонок за 6 месяцев. Он сказал, что Карл раздобыл заряженный револьвер. Если бы Карл застрелил Джерри, многие проблемы разрешились бы. Появились бы деньги на случай, если Рика станет представлять для нас большую опасность. Кроме того, Грантленд сможет оказать влияние на Зинни, чтобы не допустить расследования других смертей. У меня даже появится шанс получить свою долю наследства. Если Карл не застрелит Джерри, то все сорвется.

Между тем Карл и не собирался убивать кого-либо. Я выяснила это, когда поговорила с ним в апельсиновой роще. Бывшее при нем оружие оказалось пистолетом его матери, которым Карла снабдил сам Грантленд. Карл хотел задать Джерри несколько вопросов об этом... о ее смерти. Очевидно, Грантленд сказал ему, что Джерри убил ее.

Я не была абсолютно уверена в том, что Джерри подозревает меня, но боялась, что он расскажет Карлу. Я должна была убить его по этой, а также многим другим причинам, за все его издевки и придирки, которые мне пришлось вытерпеть. Я сказала Карлу, что сама поговорю с Джерри, и убедила его отдать мне револьвер. Если обнаружится, что Карл вооружен, его могут пристрелить безо всяких вопросов. Я посоветовала ему схорониться от чужих глаз и, если удастся, прийти домой, когда стемнеет. Обещала, что укрою его.

Я спрятала пистолет — засунула его во влагалище — было так больно, что я упала в обморок на лужайке. Когда я осталась одна, я переложила револьвер в сумочку. Позже, когда Джерри отправился в оранжерею, я пошла следом и выстрелила ему дважды в спину. Я вытерла пистолет и оставила его рядом с телом. Больше он не был мне нужен.

Она вздохнула с такой безмерной усталостью, которая накапливается в человеке годами. Даже мотор ее вины сбавил обороты. Однако в круге убийств оставалась еще одна смерть.

У меня на языке продолжали вертеться вопросы, одни только вопросы, с привкусом ответов на них, соленым, как

море или слезы, горьким, как железо или страх, кисло-сладким, каким становится запах денежных купюр, прошедших через множество рук.

— Почему вы убили Зинни? Неужели действительно верили, что вам удастся выпутаться, получить деньги и зажить счастливой жизнью?

— Я не думала о деньгах,— сказала она,— или о Зинни, коли на то пошло. Я отправилась туда, чтобы встретиться с д-ром Грантлендом.

— Но вы взяли с собой нож.

— Нож предназначался для него,— сказала она.— Когда я доставала из кухонного ящика нож, я думала о нем. Доктора я не застала, но там оказалась Зинни. Я убила ее, сама не знаю, почему. Мне стало стыдно за нее, лежащую голой в его постели. Это было почти то же самое, как если бы я убила себя. Затем в передней комнате заговорило радио. Передавали сообщение, что Карла видели на Пеликан Бич.

Мне показалось, что сообщение адресовано специально для меня. Я подумала, что для нас остается хоть какая-то надежда, если только удастся найти Карла. Мы могли бы вместе уехать, начать новую жизнь — в Африке или в индейских резервациях. Сейчас это звучит смешно, но я действительно так думала, добираясь до Пеликан Бич. Думала, что как-нибудь все можно еще исправить.

— Поэтому вы не уклонились от грузовика?

— Да. Внезапно я поняла, что наделала. Особенно с Карлом. Это из-за меня за ним охотились, как за убийцей. А убийца-то я. Я увидела себя в настоящем свете, и мне захотелось покончить с собой, пока я не убила еще кого-нибудь.

— Кого вы имеете в виду?

Отвернувшись, она пристально взглянула на мятую подушку и изголовье кровати.

— Вы намеревались убить Карла? Из-за этого вы и спровадили нас к миссис Хатчинсон, когда он уже был здесь?

— Нет. Я подумала о Марте. Мне не хотелось, чтобы с ней что-нибудь случилось.

— Что могло ей грозить, кроме вас самой?

— Вот именно,— произнесла она несчастным голосом.— Мне в голову стала приходить мысль, что Марту надо убить. Иначе все теряло смысл.

— И Карла тоже? Его тоже нужно было убить?

— Я думала, что смогу это сделать,— сказала она.—

Я долго стояла над спящим Карлом с ножом в руке. Я могла бы заявить, что убила его в целях самозащиты и что перед смертью он сознался во всех совершенных убийствах. Я могла бы завладеть домом и деньгами и сполна расплатиться с д-ром Грантлендом. Никто бы меня не заподозрил.

Но я не смогла. Это оказалось выше моих сил,— сказала она.— Я выронила нож на пол. Я не могла поднять руку на Карла или Марту. Я хотела, чтобы они жили. Тем самым вся затея лишилась смысла, не так ли?

— Вы ошибаетесь. В том, что вы не убили их, и заключается единственный оставшийся смысл.

— Какая разница? С того дня, как я убила Алисию и своего ребенка, каждый прожитый мною день — преступление против природы. Нет на свете человека, который не возненавидел бы меня, узнай он о содеянном мною.

Лицо ее исказилось. Я подумал, что она сдерживает рыдания. Затем решил, что она пытается заплакать.

— Я не испытываю к вам ненависти, Милдред. Наоборот.

Я был бывшим полицейским, и слова давались мне с трудом. Но я чувствовал, что обязан их произнести, если не хотел, чтобы на меня до конца моих дней налепили знакомую черно-белую картинку, смысл которой заключается в том, что люди делятся только на хороших и плохих, и будет расчудесно, если хорошие запрячут за решетку плохих или сотрут их с лица земли с помощью миниатюрного ядерного оружия индивидуального пользования.

Это была весьма утешительная мысль, взбодрившая мое «я». Долгие годы я прибегал к ней для оправдания собственных действий, когда приходилось огнем отвечать на огонь, насилием на насилие, выполнять глупые поручения, в то время как умирали люди: слегка заземленный Тарзан в слегка параноидальных джунглях. Пейзаж с фигурой безволосой обезьяны.

Настала пора сравнить черно-белую картинку с той, которая имела более богатую цветовую гамму. Милдред, без сомнения, была виновата, но не она одна. Переменный ток вины протекал между нею и всеми нами, связанными с ней. Грантленд и Рика, Остервельт и я. Рыжеволосая женщина, не просыхающая от пьянства. Отец, бросивший семью, и символически умерший за это сенатор. Даже семья Холлманов, четверо жертв, тоже способствовала в известной степени преступлению. Ток вины протекал по замкнутой цепи, если вглядеться попристальнее.

Размышляя об Алисии Холлман и выпавшей на ее долю смерти, я был почти готов поверить в существование Обрекающих. И если они не существовали в реальном мире, то поднимались из глубин внутреннего моря каждого человека, невесомые, словно ночные сны, сокрушающие насмерть силой огромных волн. Возможно, они существовали в том смысле, что мужчины и женщины являлись собственными Обрекающими, тайными творцами собственного разрушения. Следует с большой осторожностью выбирать, какие видеть сны.

Волна ночи прошла сквозь Милдред, оставив ее трясущейся в ознобе. Некоторое время я держал ее в объятиях. За окном стало светло, наступило утро. Зеленые ветки деревьев пришли в движение. Ветер перебирал листья.

Глава 35

Завтрак я провел за беседой с Роуз Париш. Мы сидели в кафетерии местной больницы. Милдред находилась в другой части того же здания, под охраной городской полиции и под воздействием снотворного. Роуз и я настояли на этих мерах и добились своего. Еще будет время для допросов, показаний обвинения и защиты, для устрашающего ритуала судопроизводства под стать устрашающему ритуалу убийств, совершенных Милдред.

Карлу сделали операцию, длившуюся два часа. Он остался жить, но еще не очнулся от наркоза. Врач сказал, что он выкарабкается. Том Рика был вне опасности. Он отдыхал в охраняемом мужском отделении после прогулки, продолжавшейся всю ночь.

Роуз слушала меня молча, отщипывая от тоста маленькие кусочки и пренебрегая яичницей. От бессонной ночи у нее под глазами появились темные круги, от чего, как ни странно, она выглядела лучше.

— Бедная девочка,— сказала она, когда я закончил.— Что с ней будет?

— Вопрос в равной степени психологический и юридический. Вы психолог, так что отвечать вам.

— Боюсь, психолог из меня некудышный.

— Не надо себя недооценивать. Ведь вчерашние выстрелы подтверждают ваше наблюдение. Когда я беседовал с Милдред, то вспомнил ваши слова о том, что, когда целиком рушится семья, вину сваливают на самого безза-

щитного. На козла отпущения. Вы имели в виду Карла. Однако в каком-то смысле то же относится и к Милдред.

— Я знаю. Я наблюдала за ней в клинике и потом вчера ночью. Я не могла не заметить ее маску, ее холодность, ее отстраненность. Но у меня не хватило смелости признаться себе в том, что она больна, не говоря уже о том, чтобы заявить об этом в открытую.— Она наклонила голову над несъеденным завтраком, разминая пальцами кусочек тоста.— Я трусиха и обманщица.

— О чем вы?

— Я ревновала к ней, вот о чем. Я боялась, что проецирую на нее мое собственное желание, а желала я одного — чтобы она не стояла на моем пути.

— Потому что вы влюблены в Карла?

— Это так заметно?

— В любом случае, вы очень честны.

Она нашла в себе силы покраснеть совсем по-девически, чем удивила меня.

— Я такая нехорошая. И, что хуже всего, не собираюсь ничего в себе менять. Меня не волнует, что он — мой пациент и впридачу женатый. Меня не волнует, болен ли он, инвалид или еще что. Меня не волнует, если мне придется ждать его десять лет.

Ее голос зазвенел по всему кафетерию. Уныло-функциональное помещение заполнялось белыми халатами врачей, санитаров, медсестер. Кое-кто из них оглянулся, удивленный прозвучавшей в голосе Роуз страстью.

Роуз понизила голос.

— Надеюсь, вы поймете меня правильно. Я стану ждать Карла, не забывая при этом о его жене. Я сделаю для нее все, что смогу.

— Вы полагаете, суду можно представить как смягчающее обстоятельство ссылку на психическое расстройство?

— Сомневаюсь. Все зависит от того, насколько она больна. Судя по моим наблюдениям и по вашему рассказу, у нее пограничный случай шизофрении. Вероятно, в последние годы у нее чередовалось нормальное состояние с периодами нездоровья. Нынешний кризис может полностью вывести ее из этого состояния. С моими пациентами такое бывало, я сама наблюдала, и у нее, скорее всего, незаурядная сила воли, если она сумела так долго продержаться. Однако кризис может привести ее к очень резкому ухудшению. В том и в другом случае у нее нет выхода. Самое большое, что мы можем сделать,— это позаботиться о хорошем лечении. Что я и собираюсь устроить.

— Вы хорошая женщина.

Она поморщилась от моего комплимента.

— Хотелось бы так думать. По крайней мере, раньше хотелось. С тех пор, как я поступила на работу в клинику, я почти перестала рассуждать в терминах добра и зла. Эти категории часто приносят больше вреда, чем пользы. Мы прибегаем к ним, чтобы мучить самих себя, и ненавидим себя, поскольку не удается жить согласно этим принципам. Мы еще не успеваем это осознать, как начинаем обращать свою ненависть против окружающих, особенно против неудачников, слабых людей, которые не в состоянии дать нам отпор. Мы думаем, что должны кого-нибудь наказать за ту неразбериху в человеческих отношениях, в которой мы оказались, и тогда мы находим козлов отпущения и называем их исчадием зла. И христианской любви и добродетели как не бывало.— Она ковырнула ложкой остывшую кофейную гущу в чашке.— Я понятно говорю или выражаюсь, как слабоумная?

— И то и другое. Вы выражаетесь, как слабоумная, но мне понятно, что вы говорите. Я и сам начал думать о некоторых вопросах так же, как вы.

В частности, я думал о Томе Рике. Подающий надежды юноша и тот, кем он стал, безнадежно состарившийся в свои двадцать с небольшим. Я смутно вспомнил промежуточное время, когда за него боролись надежда и отчаяние, и он пришел ко мне за помощью. Остальное в его истории было затянуто старой алкогольной пеленой, но я знал, что это было гадко.

— Пройдет много времени,— заговорила Роуз,— прежде чем люди осознают, что мы — члены одной семьи. Боюсь, что они будут очень суровы к Милдред. Если бы только у нее нашлись смягчающие обстоятельства или убийств было не так много. Она убила стольких людей.

— Смягчающие обстоятельства имелись в первом убийстве, том, которое открыло дорогу к другим. Судья, рассмотрев его в одиночку, вероятно, назвал бы его оправданным убийством. Фактически я даже не уверен, что она его совершила.

— Неужели?

— Вы слышали, что сказал Том Рика. В этой смерти он обвинил Грантленда. Он что-нибудь добавил к этому в течение ночи?

— Нет. Я на него не давила.

— Он вообще что-нибудь говорил?

— Кое-что.— Роуз избегала встречаться с моим взглядом.

— Что он сказал?

— Все это так туманно. И потом я же не записывала.

— Послушайте, Роуз. Не имеет смысла выгораживать Тома, с этим вы явно запоздали. Он не один год шантажировал д-ра Грантленда. И бежал из клиники с мыслью поставить эту операцию на широкую ногу. Возможно, Карл убедил его в том, что Грантленд был каким-то образом замешан в смерти его отца, а также в смерти матери, и что речь идет об очень крупной сумме. Том уговорил Карла на совместный побег. Он задумал усилить давление на Грантленда. На тот случай, если Карлу в одиночку не удастся вызвать достаточный переполох, Том послал его ко мне.

— Я знаю.

— Это Том вам сказал?

— Если вы действительно хотите знать, то он мне много о чем рассказал. А вы не хотите узнать, почему он выбрал вас?

— Когда-то мы были знакомы. Наверное, ему запомнилось мое имя.

— Не только имя. Когда он учился в школе, вы были для него кумиром. А потом перестали им быть.— Она потянулась через грязный стол и коснулась моей руки.— Не хочу обижать вас, Арчер. Остановите меня, если я произнесу обидные для вас вещи.

— Валяйте дальше. Я и не знал, что так много значил для Тома.— Но я говорил неправду. Я знал. Всегда знал. В тире, в гимнастическом зале, он даже подражал моим ошибкам.

— Похоже, он относился к вам как к приемному отцу. Потом с вами развелась жена, газеты кое о чем заговорили, но он не сказал, о чем.

— Обычные вещи. Или чуть похуже обычных.

— Я говорю о неприятных для вас вещах,— сказала она.— Как будто обвиняю вас, но это не так. Том не забыл, что вы для него сделали до тех пор, пока не вмешались ваши личные неприятности. Может, он действовал подсознательно, но мне кажется, что Карла он направил к вам в надежде, что вы сможете ему помочь.

— Кому именно? Тому или Карлу?

— Им обоим.

— Если он так думал, то глубоко заблуждался.

— Я не согласна. Вы сделали, что могли. От человека большего и не требуется. Вы помогли спасти жизнь Карла.

И я знаю, что Тома вы тоже не бросите на произвол судьбы. Вот почему я хочу, чтобы вы знали, о чем он говорил, перед тем как станете с ним беседовать.

Ее благоприятное мнение смутило меня. Я знал, насколько я не оправдываю этих ожиданий.— Я хотел бы поговорить с ним сейчас.

Отделение, охраняемое полицейскими, занимало крыло на третьем этаже. Полицейский, загородивший собой дверь со стальной обшивкой, поприветствовал Роуз как старого друга и пропустил нас внутрь. В палате Тома единственное окно было забрано тяжелым ячеистым щитом из проволоки, через который, как через фильтр, проникал утренний свет.

Том лежал под простыней, словно раздвоенная палка, выпростав безвольные руки из-под простыни. Его ладони и запястья были заклеены пластырем телесного цвета. Лицо, кроме того участка, где темнела щетина, было гораздо бледнее пластыря. Он обнажил зубы в усмешке, оттянувшей уголки рта вниз.

— Я слышал, вы провели трудную ночь, Арчер. Так вам и надо.

— Я слышал, вам пришлось потруднее.

— А теперь скажите, что так мне и надо. Подбодрите меня.

— Как вы себя чувствуете, лучше? — спросила его Роуз.

Он ответил с горьким удовлетворением: — Я чувствую себя хуже. И буду чувствовать еще хуже.

— Для вас худшее уже позади,— сказал я.— Почему бы вам не завязать?

— Легко сказать.

— Вы почти уже вылечились, когда были в клинике,— сказала Роуз.— Если бы я смогла устроить вас на пару месяцев в федеральную больницу...

— Можете не стараться. Я бы все равно принялся за старое. В этом для меня смысл жизни. Если я брошу, то мне ничего не останется, теперь-то я знаю.

— Как долго вы употребляете героин?

— Пятьсот или шестьсот лет.— Он добавил другим, помолодевшим голосом: — Сразу после средней школы. Эта девка, которую я повстречал в Вегасе...— Голос его стал неслышным, словно застрял в горле. Он беспокойно зашевелился и лег щекой на подушку, отвернувшись от Роуз, от меня и от воспоминаний.— Не будем об этом.

Роуз подошла к двери.— Пойду посмотрю, как там Карл.

Когда дверь за ней закрылась, я сказал: — Случаем не Мод помогла тебе сесть на иглу, Том?

— Вот уж нет. Она ненавидит это дело. Именно она устроила меня в клинику. Она могла бы вообще вывести меня из-под следствия.

— Это тебе так кажется.

— Я правду говорю. Она добилась того, что мне смягчили меру пресечения и определили в клинику.

— И как это ей удалось?

— У нее много друзей. Она оказывает услуги им, они оказывают услуги ей.

— Шериф тоже из числа ее друзей?

Он переменил тему разговора.— Я собирался рассказать вам об этой девчонке в Вегасе. Она была совсем молоденькая, моего возраста, но уже кололась регулярно. Я встретил ее на вечере выпускников, на котором меня попросили играть в футбол за команду их колледжа. Ребята постарше сильно выпили да и нам, молодым, кое-что перепало, а потом им захотелось, чтобы я устроил шоу с этой девчонкой. Они бросали в нас серебряные доллары, пока мы этим занимались. Мы подобрали столько серебряных долларов, что я едва дотащил их по лестнице в ее комнату. А в те дни силенок у меня хватало.

— Я помню.

— Будь они прокляты! — сказал Том в слабой ярости.— Они забавлялись со мной, как с обезьянкой, и я позволял им проделывать это со мной ради пары сотен вшивых серебряных долларов. Я сказал им, что они могут сделать со своей футбольной стипендией. К тому же, я все равно не стал бы учиться в колледже. Учебы слишком похожа на работу.

— Чем же плоха работа?

— Работают только простаки. И можете зарубить себе на носу, что Том Рика не простак. Хотите скажу, кто в итоге вылечил меня от дурацких юношеских представлений о том, что труд облагораживает человека, и прочей ерунды? Вы, и я благодарен вам за это.

— Когда же это произошло?

— Не надо меня разыгрывать, вы отлично помните тот день, когда я пришел к вам на работу. Я подумал, что если меня выслушают... но ни к чему об этом. Вы не захотели вникать в мои проблемы, да и мне расхотелось делиться

ими с вами. И тогда я навсегда решил для себя, на чьей я стороне.

Он сел на кровать и, закатав рукав, продемонстрировал руку, словно следы уколов были боевыми ранами, которые я же ему и нанес.— В тот день, когда вы меня отфутболили, я решил, что лучше быть честным наркоманом, чем лицемерным двурушником. Когда меня задержали в последний раз, я кололся два-три раза в день. И мне это нравилось,— сказал он с потухшим вызовом.— Если бы я мог прожить свою жизнь с начала, я ничего бы не изменил.

Мне стало неспокойно, подступила легкая тошнота. Стала приподниматься алкогольная пелена, окутывавшая тот полузабытый день, когда Том пришел ко мне на службу за помощью и ушел, не получив ее.

— О чем ты тогда хотел со мной поговорить, Том?

Он надолго замолчал.— Вы действительно хотите знать?

— Даже очень.

— Ладно, у меня была проблема, вернее, несколько проблем. Одна из них заключалась в героине. Я еще не окончательно пристрастился к нему, но находился на грани. Вот я и подумал, что вы посоветуете что-нибудь, скажете, куда обратиться для лечения. В общем, вы ясно сказали, куда я должен идти.

То, что я услышал, явилось для меня неожиданностью. Мне стало не по себе. Глаза Тома сверлили мое лицо. Наконец я обрел дар речи и сказал:

— А другие проблемы? Их у тебя было несколько.

— Все они были так или иначе связаны с той, главной. Героин я получал от Грантленда сколько душе угодно. Кстати, говорят, он получил свое вчера ночью.— Том постарался сказать это небрежно, однако глаза его вопросительно расширились.

Тело Грантленда находится в подвале, в холодильной камере.

— Поделом. Он убил старую леди, свою же пациентку. Вчера я говорил вам об этом, не так ли? Или мне это только привиделось?

— Да, говорил, но тебе это только привиделось. Ту старую леди убила молодая женщина по имени Милдред Холлман. Грантленд же был только косвенным соучастником.

— Если вам это сказал он, то он лжец.

— Не он один говорил мне об этом.

— Они все лжецы! Старая леди была ранена, это точно, но она была еще жива, когда Грантленд сбросил ее с пристани. Она даже пыталась...— Том зажал рот рукой. Его глаза блуждали по стенам и углам, подобно глазам загнанного в ловушку зверя. Он откинулся на спину и натянул простыню до подбородка.

— Так что она пыталась сделать, Том? Вырваться?

В его глазах промелькнула тень, словно тень от птичьего крыла.— Об этом мы не будем говорить.

— А мне показалось, что тебе хочется.

— Уже нет. Я пытался рассказать вам о ней тогда, три года назад. Сейчас слишком поздно. Не вижу смысла ввязываться в новые неприятности. *Ей*-то уже не поможешь. Ее нет, она умерла.

— Твой рассказ мог бы помочь женщине, которая считает себя убийцей. Ей приходится хуже, чем тебе. Гораздо хуже. И на ее совести гораздо больше вины. Ты мог бы снять с нее часть вины.

— Стать героем, э? Чтобы домашние гордились мной? Старик всегда хотел, чтобы из меня получился герой.— Том не мог сдержать язвительной горечи.— Если я сознаюсь, что находился на пристани, значит ли это, что я являюсь, по вашей терминологии соучастником?

— Зависит от того, что ты там делал. Если ты явишься для дачи добровольных показаний, они вряд ли станут докапываться до мельчайших подробностей. Ты помог Грантленду сбросить ее в воду?

— Да нет же, черт возьми. Я вмешался, когда увидел, что она еще жива. Признаюсь, я не очень сильно вмешивался. Мне нужен был укол, и он обещал мне его сделать, если я помогу.

— И каким образом ты ему помог?

— Помог вынести ее из кабинета и положить в машину. И потом сел за руль. Он слишком нервничал, чтобы самому вести машину. И все-таки я пытался его образумить.

— Ты знаешь, почему он утопил ее?

— Он сказал, что не может позволить себе дать ей выжить. Что если случившееся в тот вечер выйдет наружу, он лишится работы. Я и прикинул, если дело приняло такой серьезный оборот, то почему бы мне не начать собственный маленький бизнес.

— Шантажировать Грантленда в обмен на наркотики?

— Вы никогда не сможете это доказать. Он мертв. И я говорю не для протокола.

— Но ты-то жив. И ты будешь говорить.

— Жив? Буду говорить?

— Ты лучше, чем сам о себе думаешь. Ты думаешь, что тебя убивает та обезьянка. А я утверждаю, что ты можешь выдрессировать эту обезьянку, посадить ее на цепь и поместить в чертов зоопарк, где ей и место. Я утверждаю, что тебя доконала та старая леди.

Его худая грудь стала вздыматься и опадать от бурного дыхания. Он ощупал грудь под простыней пальцами, словно ощущал там осязаемую тяжесть.

— О Боже,— сказал он.— Какое-то время она держалась на поверхности. Ее удерживала одежда. Она пыталась *плыть*. Это было самое ужасное, до сих пор не могу забыть.

— И поэтому ты пришел повидаться со мной?

— Ага, но все это ушло в канализационную трубу вместе с мыльной водой. Вы отказались меня выслушать. В полицию я боялся обратиться. И потом во мне проснулась жадность к деньгам, честно говоря. Когда я столкнулся с Карлом в клинике, и он рассказал мне всю подноготную о своей семье, в меня словно бес вселился, такая обуяла жадность. Он сказал, что семья располагает состоянием в пять миллионов долларов, и что Грантленд пришил уже несколько членов семьи, подбираясь к деньгам. И я подумал: вот он, мой настоящий большой шанс.

— Ты ошибся. Твой настоящий шанс появился только сейчас. И ты обязан воспользоваться им.

— Приходите в другой раз. Меня здесь не было.

Но он понял, что я хотел сказать. Он лежал, глядя на потолок, словно пытаясь убедиться, что там, за потолком, раскинулось небо. И ночные звезды. Как и любой человек, в котором теплилась жизнь, он хотел найти себе какое-нибудь применение.

— О'кей, Арчер. Я готов сделать заявление. Что мне терять? — Он выпростал из-под простыни руки, презрительно усмехаясь, и замахал ими, будто маленький мальчик, играющий в летчика.— Приводите окружного прокурора. Сделайте так, чтобы Остервельт сюда не совался, если можете. То, что я скажу, ему не понравится.

— Не беспокойся о нем. Он уже сходит на нет.

— Я из-за Мод беспокоюсь.— Его настроение резко упало, как это свойственно наркоманам, однако до недавнего отчаяния ему было далеко.— Господи, я никчемный сын. Как подумаю о настоящих шансах, которые я упустил, и страшных неприятностях, в которые я впутал людей,

хорошо ко мне относившихся... Не хочу, чтобы Мод пострадала.

— Мне кажется, она умеет постоять за себя.

— Лучше, чем я, да? Если увидите Карла, пожалуйста, передайте ему мои извинения. Он отнесся ко мне, как брат, когда я корчился в судорогах и из каждой дырки в голове били струи, как у кита. А дырок у меня побольше, чем у большинства, не думайте, что мне это не известно. Встретите Арчера, передайте ему мой приказ.

— Какой приказ?

— Пусть простит.— Прямота, с которой это было сказано, стоила ему усилий.

— Он передает тебе то же самое, Том.

— Ладно.— Он вновь пустился в откровения.— Раз уж дело дошло до показаний, можете также передать этой бабенке Париш мои извинения за грубость. Она неплохая бабенка, вы знаете?

— Отличная женщина.

— Не подумываете снова жениться?

— Не на ней. Место занято.

— Вам не повезло.

Том зевнул и закрыл глаза. Через минуту он уже спал. Охранник выпустил меня и рассказал, как пройти в послеоперационное отделение. По пути туда я мысленно, шаг за шагом, восстановил тот день, когда началась эта история, но началась не для меня.

Это был жаркий день раннего лета три с половиной года тому назад. Улица вибрировала, словно фольга, от тепловых волн, поднимавшихся с асфальта. За ленчем я выпил пять или шесть коктейлей с мартини, меня бросило в пот, и вообще я ощущал себя циником. Очередная попытка добиться примирения со Сью только что провалилась. Чтобы как-то компенсировать поражение, я назначил свидание молодой блондинке, имевшей связи в весьма состоятельных кругах, и договорился пойти с ней на пляж. Если удастся ей понравиться, то она устроит меня в хороший пляжный клуб на правах гостя.

Когда пришел Том, моей первой и последней мыслью было спровадить его. Я не хотел, чтобы блондинка застала меня на работе в обществе Тома с его вызывающей стрижкой, нелепой курткой, жалкой улыбочкой, шмыгающим носом и влажным страданием в отверстиях, служивших ему глазами. Я отделался от него парой ничего не значащих слов и, подтолкнув к выходу, небрежно пожал ему руку.

На то были и другие причины. Они находятся всегда. Том подвел меня, когда бросил посещать клуб мальчиков, в который я его устроил. Он не хотел, чтобы ему помогали так, как хотел ему помочь я, как некогда помогли мне. Мое самолюбие не простило ему и его первой автомобильной кражи.

На то были и другие причины. В свое время я был уличным мальчишкой, драчуном, вором, докой в азартных играх. Я не любил вспоминать это прошлое. Оно не вписывалось в гладкую цветную картинку, на которой я представлял себя преуспевающим молодым человеком, в меру загадочным, который часто посещает пляжные клубы в обществе старлеток.

Когда Том явился ко мне на службу с потерянным видом, то прожитые годы развеялись, словно клочки газеты. Я увидел себя в юности — испуганным хулиганом-школьником в Лонг Бич, вечно лезшим на рожон, потому что мир отказывался мне покориться. Я отмахнулся от него.

Но от людей невозможно отмахнуться, не говоря уже о себе. Они поджидают тебя во времени, которое также является замкнутой цепью. Спустя годы, находясь в психиатрической клинике, Тому приснился широкоформатный цветной сон, в котором одна из ролей отводилась мне, и я продолжал ее играть и поныне. Я почувствовал себя, словно собака в собственной блевотине.

Я остановился, прислонился к белой стене и зажег сигарету. Если посмотреть на всю картину целиком, то в ней можно обнаружить определенную красоту или закономерность. Но мне не хотелось долго ее рассматривать. Цепь времени-вины слишком напоминала змею, заглотившую собственный хвост и поедающую себя же. Если смотреть слишком долго, то от нее ничего не останется, или от тебя. Мы все были виноваты. Нам следовало научиться жить с этим чувством.

Возле двери, ведущей в отдельную палату Карла, меня с улыбкой встретила Роуз. Она подняла правую руку, сведя большой и указательный пальцы в колечко. Я улыбнулся и кивнул в ответ на ее хорошую новость, однако не сразу зафиксировал ее в своем сознании, где чирикали призраки с пепельно-белокурыми волосами и где фантазия наркомана стучала с нестихающей силой, подобно цветомузыке, пытаясь их заглушить.

Настала пора распрощаться с былым и начать жить ради новой мечты, своей собственной. У Роуз Париш есть

такая мечта. Лицо Роуз светилось ею, тело Роуз стремилось к ней. И что бы ни стало с ее мечтой, они с Карлом будут рядом в радости и в горести. Для меня в ней места не было, и мне этого и не хотелось. «Посетителям вход запрещен» — гласила табличка на двери.

Впервые за всю жизнь я не имел ничего и ничего не хотел. Внезапно я подумал о Сью. Эта мысль прошла сквозь меня, словно перышко в вакууме. Мое сознание подхватило это перышко, разбежалось и полетело. Я стал спрашивать себя, где она, что делает, сильно ли постарела, просидев в засаде времени, и переменила ли она цвет своих светлых волос.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛОСАТЫЙ КАТАФАЛК 3

ОБРЕКАЮ НА СМЕРТЬ 223

Росс Макдональд

Том 5

Сдано в набор 20.05.92. Подписано к печати 19.09.92. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,47. Усл. кр.-отт. 23,94. Зак. 1208. Тир. 50 000 экз.

Концерн «Олимп». 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Диапозитивы текста изготовлены на Головном предприятии РПО «Полиграфкнига».

Отпечатано с готовых диапозитивов
в издательстве „Самарский Дом печати".
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Уважаемый читатель!

Часть средств от реализации книг концерн «Олимп» перечисляет в фонд помощи беженцам из Армении и Нагорного Карабаха, которых за четыре года необъявленной войны на территории Азербайджана уже насчитывается более 400 тыс. человек.

Концерн «Олимп» взял на свое обеспечение все детские дома и интернаты г. Баку.

Заранее Вам благодарны, если в наше тяжелое время, когда сострадание и милосердие забыто, Вы сочтете нужным оказать посильную помощь этим людям.

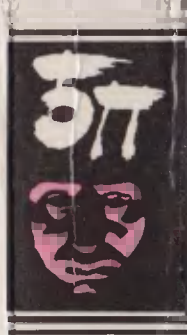
Просим Ваши пожертвования перечислять на р/с 161404 в банке «Азжелдорбанк» г. Баку МФО 501736.

BAR
POLICE

COSY
PALACE
0969 S
RD

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.



Р. МАКДОНАЛЬД

5